

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ
Выпуск 42



*Алекса́ндр*у Христиановичу Элерту
посвящается

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ
Серия основана в 1975 г.

И АМЯТЬ О ПРОШЛОМ
В ПИСЬМЕННЫХ
ИСТОЧНИКАХ
XVII–XX вв.

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *С. Г. Петров*

НОВОСИБИРСК
2023

УДК 94(930)(093)“15/19”

ББК 63.3(2)+63.1

П 157

Рецензенты:

доктор исторических наук *Г. М. Запорожченко*,
кандидат филологических наук *И. А. Лобакова*

Редколлегия:

канд. ист. наук *С. Г. Петров* (отв. редактор), канд. филол. наук *Л. В. Титова* (отв. секретарь), канд. ист. наук *И. А. Шипилов* (секретарь), д-р ист. наук *Н. С. Гурьянова*, канд. ист. наук *И. Л. Манькова*, д-р ист. наук *Н. П. Матханова*, академик РАН *С. И. Николаев*, д-р филол. наук *Т. В. Панич*, канд. филол. наук *В. А. Ромодановская*, член-корреспондент РАН *И. В. Силантьев*, д-р филол. наук *Е. М. Юхименко*

Выполнено в рамках госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: Актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005)

Утверждено к печати Ученым советом Института истории СО РАН

П 157 **Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв.** / Отв. ред. С. Г. Петров; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. — Новосибирск, 2023. — 450 с. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 42).

42-й выпуск серии «Археография и источниковедение Сибири» посвящен памяти доктора исторических наук А. Х. Элерта. Сборник содержит библиографию ученого, ряд статей, освещающих его творческий путь и развивающих его идеи, а также воспоминания. Кроме того, в сборник традиционно вошли статьи, представляющие анализ и публикацию памятников письменности XVII–XX вв.

ISBN 978-5-93889-417-4

© Институт истории СО РАН, 2023

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В конце прошлого года новосибирская научная школа археологии и источниковедения понесла еще одну невосполнимую потерю — не стало нашего замечательного коллеги и друга, доктора исторических наук Александра Христиановича Элерта (3 декабря 1954 г. — 26 ноября 2022 г.), ведущего специалиста в области истории Сибири XVII–XVIII вв., истории изучения Сибири академическими экспедициями XVIII в., этнографии и лингвистики сибирских коренных народов, археологии, источниковедения, палеографии, дешифровки и переводов немецкой готической скорописи.

А. Х. Элерт в 1980 г. окончил исторический факультет Томского университета. После завершения обучения под руководством академика Н. Н. Покровского в аспирантуре он был принят на работу в 1989 г. в сектор археологии и источниковедения Института истории, филологии и философии СО АН СССР, в котором прошел путь от младшего до главного научного сотрудника. С 2008 по 2016 г. Александр Христианович был заместителем директора по науке Института истории СО РАН, а с 2013 по 2021 г. — заведующим сектором археологии и источниковедения. В 1987 г. он успешно защитил кандидатскую и в 2000 г. — докторскую диссертации.

Главным направлением научной деятельности А. Х. Элерта было изучение истории академических экспедиций XVIII в. в Сибирь и научного наследия академика Г. Ф. Миллера. На основе впервые введенных в научный оборот источников он исследовал процессы заселения и освоения Сибири русскими, региональные, сословные и этнические особенности во взаимоотношениях русских с сибирскими аборигенами, различные аспекты мировоззрения языческих народов Сибири и шаманизма. Им опубликовано более 160 научных работ на русском, немецком и английском языках, в том числе девять монографий и монографических изданий исторических источников. Один из важнейших итогов его научно-исследовательской деятельности — подготовка к изданию в соавторстве с немецким ученым В. Хинтцше этнографических трудов Г. Ф. Миллера, появившихся на свет в рамках международной серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов». Введение в научный оборот фундаментальных трудов одного из первых российских академиков не только обогатило современную науку огромным массивом уникальных сведений о материальной и духовной культуре сибирских аборигенов, но и убедительно доказало приоритет российских ученых в формировании этнографии как особой науки. Издания эти, как и многие другие научные работы А. Х. Элерта, получили высокую оценку отечественных и зарубежных исследователей, стали событиями в научной жизни.

А. Х. Элерт был членом Объединенного ученого совета СО РАН по гуманитарным наукам, Ученого совета Института истории, диссертационных советов, входил в состав редакционных советов и редакций многих российских научных журналов, а также членом редакций и куратором русскоязычной версии международной серии «История Сибири и Аляски из российских архивов».

Имя его неотрывно связано и с серией «Археография и источниковедение Сибири». Он был автором статей в сборниках научных трудов этой серии в течение нескольких десятилетий, начиная с 1986 г. Результаты его научных исследований, публиковавшиеся в серийных выпусках, задавали высокую планку научной добросовестности и научной честности для других авторов, существенно расширяли круг читателей, равнодушных к историческим сюжетам, освещаемым в его работах. После ухода в 2013 г. из жизни ответственных редакторов академика РАН Н. Н. Покровского и члена-корреспондента РАН Е. К. Ромодановской, стоявших у истоков серии, А. Х. Элерт взял на себя всю тяжесть ведения этой работы, став ответственным редактором. Под его началом были подготовлены и вышли в свет восемь серийных выпусков (с 2015 по 2021 г., вып. 33–40).

Отличительными чертами А. Х. Элерта были интеллигентность, доброжелательность и порядочность. Он щедро был наделен талантом и выдающимися способностями, помноженными на природное трудолюбие. Этот выпуск серии мы посвящаем светлой памяти нашего ответственного редактора.

В статьях настоящего сборника отражен не только широкий спектр научных интересов А. Х. Элерта, впервые здесь представлены исследования, в которых изучается его научное творчество, приводятся воспоминания о нем родных, близких, друзей и коллег. Всем авторам статей, вошедших в сборник, выражаем нашу искреннюю признательность. Сердечно благодарим Ларису Дмитриевну Бондарь, Дмитрия Алексеевича Редина, Варвару Андреевну Ромодановскую, Константина Андреевича Сагалаева, Фриду Христиановну Сагалаеву, Ирину Владимировну Тункину, Илью Александровича Шипилова и Нину Алексеевну Элерт за предоставленные фотографии, которые никогда ранее не публиковались.

АЛЕКСАНДР ХРИСТИАНОВИЧ ЭЛЕРТ 1954–2022

Александр Христианович Элерт — выдающийся российский ученый-историк, специалист по истории России и Сибири XVII–XVIII вв., российских академических экспедиций в Сибирь.

Александр Христианович Элерт родился 3 декабря 1954 г. в с. Новоникольское Александровского района Томской области в многодетной рабочей семье Христиана Христиановича (1923–1993) и Марии Александровны (урожд. Фельзинг; 1925–2013) Элерт.

Родители Александра Христиановича из семей поволжских немцев. В начале Великой Отечественной войны, в августе 1941 г., они были депортированы на север Томской области в с. Новоникольское.

У них было незаконченное среднее образование (семилетка), Христиан Христианович работал в Новоникольском совхозе, а Мария Александровна — в детском доме и в сфере торговли. Они целиком и полностью посвятили себя заботам о детях, их воспитанию, приложили все силы, чтобы дать им образование. Старшие дочери получили специальное медицинское образование: Лидия Христиановна Коршунова (урожд. Элерт; 1947 г. рожд.) окончила Томское фармацев-



На крыльце родного дома. 1979 г.

Выполнено в рамках госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: Актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005).



Выпускник Новоникольской
восьмилетней школы. 1970 г.



Александр Элерт — студент второго
курса Томского университета. 1978 г.



Родители А. Х. ЭлERTA
Мария Александровна и Христиан Хри-
стианович. 1950 г. (?)

тическое училище; Эля Христиановна Макарова (урожд. Элерт; 1949 г. рожд.) — Колпашевское медицинское училище. Последующие четверо детей окончили Томский государственный университет: Лилия Христиановна Свидерская (урожд. Элерт; 1951 г. рожд.) — историко-филологический факультет (филологическое отделение); Фрида Христиановна Сагалаева (урожд. Элерт; 1952 г. рожд.), Александр Христианович Элерт (1954–2022), Людмила Христиановна Саблина (урожд. Элерт; 1958 г. рожд.) — исторический факультет.

Александр Христианович Элерт в 1972 г. окончил среднюю школу в с. Александровское Томской обл. и сразу поступил в

Томский политехнический институт, который в декабре того же года оставил, поняв, что техническое образование — не его призвание. С той поры он начал поиск своего жизненного пути: работал плотником, кочегаром, разнорабочим в с. Новоникольское и в Томске. Он очень много читал, занимаясь самообразованием, и окончательно утвердился в выборе своей профессии, поступив в 1975 г. в Томский государственный университет на исторический факультет. Научным руководителем А. Х. Элерта была известный этнограф Элеонора Львовна Львова, впоследствии многие работы Элерта были посвящены истории этнографии или находились на стыке истории и этнографии. В 1980 г. он окончил университет, но, вопреки собственным ожиданиям и желанию руководителя, не был оставлен на кафедре, а получил распределение в Алтайский политехнический институт. В феврале 1984 г. по рекомендации доктора исторических наук, профессора Томского университета Зои Яковлевны Бояршиновой, которая была признанным лидером томских специалистов по истории феодальной России и пользовалась огромным уважением Н. Н. Покровского, поступил в аспирантуру по специальности «История СССР» в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР,



Сектор археографии и источниковедения Института истории СО РАН.
Сидят (слева направо): Елена Константиновна Ромодановская, Людмила Ивановна Журова, Николай Николаевич Покровский, Наталья Дмитриевна Зольникова, Любовь Васильевна Титова, Александр Христианович Элерт; стоят (слева направо): Наталья Сергеевна Гурьянова, Наталья Анатольевна Мухортова, Ольга Дмитриевна Журавель, Тамара Васильевна Панич, Наталья Петровна Матханова, Екатерина Николаевна Туманик. 10 апреля 2000 г.

которую окончил в феврале 1987 г. с представлением к защите кандидатской диссертации «Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири». Диссертация была успешно защищена под руководством Н. Н. Покровского в Томском государственном университете в ноябре 1987 г.

После защиты диссертации А. Х. Элерт вновь возвратился в Алтайский политехнический институт в качестве ассистента кафедры истории КПСС, откуда вскоре был переведен в ИИФиФ АН СССР, в связи с открывшейся вакансией на должность младшего научного сотрудника сектора археографии и источниковедения, возглавляемого Н. Н. Покровским. С того времени и до конца жизни Александр Христианович был связан крепкими узами с коллективом этого сектора и Института в целом, в котором он, проработав 34 года, прошел путь от младшего до главного научного сотрудника. С 2013 по 2021 г. Александр Христианович был заведующим сектором археографии и источниковедения, с 2008 по 2016 г. — заместителем директора по науке Института истории СО РАН.

Здесь же в 2000 г. им была защищена докторская диссертация на тему «Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера».



Кеану Митчелл, внук А. Х. Элерта.
2023 г.



Выпускница школы Лиза Элерт,
внучка А. Х. Элерта. 2021 г.

Свою личную жизнь еще в студенчестве (в 1977 г.) Александр Христианович связал с Ниной Алексеевной (в девичестве Посысаевой), которая с тех пор была верной спутницей и помощницей во всех его делах и начинаниях. Получив университетское историческое образование, она, в силу семейных обстоятельств, практически не работала по специальности. При переводе Александра Христиановича из Алтайского политехнического института в академический Институт истории, в Новосибирск, семья поселилась близ Новосибирского Академгородка в г. Бердске, и в 1990 г. Нина Алексеевна начала свою трудовую деятельность в Общем отделе Бердского городского суда, где проработала 32 года, последние 20 лет успешно возглавляла Общий отдел и ее безупречная работа неоднократно отмечалась почетными наградами.



Первокурсник исторического факультета ТГУ Александр Элерт с сестрой Фридой, студенткой 5 курса. Томск, 1975 г.

Александр Христианович гордился ее успехами, но особо он ценил ее безграничную преданность, талант хранительницы семейного очага. Их дочь Мария (1977 г. рожд.) подарила им внучку Елизавету (2003 г.) и внука Кeanу (2011 г.).

Александр Христианович очень внимательно и бережно относился к своей большой семье Элерт, он заботился о сестрах, всегда приходил на помощь в трудные минуты их жизни, с огромным уважением относился к родителям.

Широкую известность и признание научного сообщества как в России, так и за рубежом Александр Христианович Элерт получил благодаря введению в оборот и системному анализу разнородных материалов из богатейшего научного наследия академика Г. Ф. Миллера, имеющих фундаментальное значение для истории российской науки и ее отдельных направлений — этнографии, географии, археологии и других.

Начиная с кандидатской диссертации, миллероведение и научное наследие немецкоязычных участников российских академических экспедиций в Сибирь становятся основным научным направлением исследованием А. Х. Элрета. В своей первой монографии «Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири» (1990 г.) А. Х. Элрет впервые осуществил атрибуцию и перевод на русский язык анкеты, описания уездов и других материалов «отца сибирской истории». Автором книги по результатам анализа экспедиционных работ Г. Ф. Миллера были получены ответы на актуальные вопросы по истории российского освоения Сибири, охарактеризованы направления и динамика миграционных процессов в регионе, уточнены даты основания населенных пунктов, численность и география расселения коренных народов, аспекты взаимоотношений аборигенов с русскими.

А. Х. Элрет является одним из основных авторов двухтомного издания «Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: Описи копийных книг», вышедшего в свет в 1993 и 1995 гг., в котором впервые введены в научный оборот многие результаты копиистской деятельности участников Второй Камчатской экспедиции. Эта работа была организована Г. Ф. Миллером в экспедиции с целью сохранения и изучения огромного массива ценных источников по истории России и Сибири. Научная публикация «Актовых источников по истории России и Сибири XVI–XVIII веков» продемонстрировала новые грани таланта Г. Ф. Миллера как историка.

«Отцом сибирской истории» в ходе экспедиции была инициирована работа и апробирована научная технология по составлению путевых описаний. Дешифровка, транскрибирование и первая научная публикация большинства из этих научных трудов, отражающих географию сибирских областей, а также содержащих сведения о местных населении, флоре и фауне, минеральных и иных ресурсах территорий, осуществлена А. Х. Элретом в 1996 и 2006 гг.

Монография А. Х. Элрета «Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера» (1999 г.) посвящена скрупулезному анализу этнографических и иных работ академика, содержащих сведения о внешнем виде, хозяйстве, материальной и духовной культуре, языке индигенного населения Сибири. Особое место в данном исследовании занимает репрезентация вклада историографа в постулирование этнографии как самостоятельной научной дисциплины, чему способствовала первая научная публикация на русском языке «Этнографической программы Г. Ф. Миллера». Эта проблематика получила развитие в вышедшем в свет в 2009 г. фундаментальном «Описании сибирских



В первом ряду справа — А. Х. Элерт, за ним — В. Хинтцше. В первом ряду слева — Л. М. Панфилова, заместитель главного редактора журнала «Наука из первых рук», за нею — Л. Е. Овчинникова, корреспондент того же журнала. Сентябрь 2005 г.

народов» Г. Ф. Миллера, подготовленном А. Х. Элертом в соавторстве с немецким ученым В. Хинтцше. Это издание стало результатом многолетней работы по дешифровке, переводу на русский язык, комментированию и публикации этнографической монографии одного из первых российских академиков. Дополненное издание этой книги на немецком языке осуществлено в Германии в 2010 г. (Bd. 1). В 2018 г. в Галле А. Х. Элертом совместно с В. Хинтцше издана вторая часть «Этнографических трудов» Г. Ф. Миллера (Bd. 2). В этой книге осуществлена научная публикация на языке оригинала (немецком) важнейших работ академика по сибирской этнографии XVIII в. — «Известия о якутах и их шаманах, о юкагирах, остяках, тунгусах, самоедах, камасинцах, качинцах, татарах и об обычаях разных сих народов» и фундаментальной программы комплексного изучения Сибири, состоящей из более чем 1223 статей. Введение в научный оборот не использовавшихся ранее специалистами (из-за трудности дешифровки готической скорописи Миллера) указанных фунда-

ментальных трудов не только обогатило науку огромным массивом уникальных сведений о материальной и духовной культуре сибирских аборигенов, но и убедительно продемонстрировало приоритет российских ученых в формировании этнографии как особой науки. Обе части «Этнографических трудов» Г. Ф. Миллера вышли в рамках международной серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» и выполнены на высочайшем научном уровне, снабжены обширным введением, археографическими примечаниями и комментариями, именными, географическими и предметными указателями, а также глоссариями. Эти издания получили высокую оценку в мировой науке.

В сентябре 2021 г. под научным руководством А. Х. Элрета была защищена кандидатская диссертация его ученика И. А. Шипилова «Академические экспедиции XVIII века: Роль вспомогательного персонала в изучении Сибири», которая послужила основой для одноименной книги, вышедшей в свет в мае 2023 г. А. Х. Элрт стал ответственным редактором этой монографии и 3-го тома «История Сибири» в четырех томах, посвященного истории региона в новое время, который в данное время готовится к изданию.

А. Х. Элрт вел большую научно-организационную работу. На протяжении многих лет он был членом Объединенного ученого совета СО РАН по гуманитарным наукам, диссертационных советов при Институте истории СО РАН и Алтайском государственном университете, входил в состав редакционных советов и редколлегий российских журналов «Известия Уральского федерального университета», «Наука из первых рук», «Гуманитарные науки в Сибири», «Вестник Новосибирского государственного университета. История», «Известия Иркутского государственного университета. История». Он являлся членом редколлегии и куратором русскоязычной версии международной серии «История Сибири и Аляски из российских архивов», ответственным редактором сборников научных трудов серии «Археография и источниковедение Сибири», состоял членом Президиума Международного научного общества Георга Вильгельма Стеллера (Галле, Германия).

Награды: региональные медали «За труд на благо города», «За вклад в развитие Новосибирской области».

Л. В. Титова, И. А. Шипилов

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ АЛЕКСАНДРА ХРИСТИАНОВИЧА ЭЛЕРТА*

1986

- Городской ландшафт Сибири в путевых описаниях уездов Г. Ф. Миллера // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск, 1986. С. 253–264 (в соавт. с И. П. Каменецким).
- Материалы по освоению Сибири в работах Г. Ф. Миллера экспедиционного периода // Исторический опыт изучения и освоения Сибири: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Вып. 1. Новосибирск, 1986. С. 70–72.
- Описание уездов Сибири Г. Ф. Миллера как исторический источник // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 97–104. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 10).

1987

- Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Автореферат дисс. ... канд. исторических наук. Томск, 1987. 19 с.
- Г. Ф. Миллер о коренном населении Томского уезда // Традиционные верования и быт народов Сибири: XIX – начало XX в. Новосибирск, 1987. С. 171–178.
- Материалы Г. Ф. Миллера по заселению Сибири в первой половине XVIII в. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 128–141. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 11).

1988

- Анкеты Г. Ф. Миллера 1734–1742 гг. как источник по истории освоения Сибири // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 78–91. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 12).
- Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 59–101.

* Список составлен Л. В. Титовой и И. А. Шипиловым. Выполнено в рамках задания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: Актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005).

1989

Сибирские экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера и проблема точности ревизской статистики // История СССР. 1989. № 6. С. 22–35.

1990

Город Тобольск в материалах Г. Ф. Миллера // Общественное сознание, книжность, литература феодального периода. Новосибирск, 1991. С. 346–351. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 14).

Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. 246 с.

1991

Новые материалы по истории чукчей в первой половине XVIII в. // Известия СО РАН. Серия: История, философия и филология. 1991. № 3. С. 27–30.

Сибирские города как памятники истории и культуры XVIII в.: По материалам Второй Камчатской экспедиции) // Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири. Новосибирск, 1991. С. 5–25 (в соавт. с Д. Я. Резуном).

1992

Источники по этнографии народов Северо-Востока Сибири из собрания Г. Ф. Миллера // Роль науки в освоении восточных районов страны. Всероссийская научная конференция 17–19 ноября 1992 г.: Тезисы докладов. Новосибирск, 1992. С. 7–9.

Новое в сибирской историографии и источниковедении // Известия СО РАН. Серия: История, философия и филология. 1992. № 3. С. 67–68 (в соавт. с Д. Я. Резуном).

Экспедиционные черновые записки Г. Ф. Миллера: 1733–1743 гг. // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 88–101. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 16).

1993

Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера = Acts and documents relating to Russian and Siberian history of 16th–18th centuries in G. F. Muller's archives: Описи копийных книг. Т. 1 / Изд. подгот. Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун. Новосибирск, 1993. 250 с. (История Сибири: Первоисточники).

1994

Сургутский уезд первой половины XVIII в. в экспедиционных материалах Г. Ф. Миллера // Сургут, Сибирь, Россия: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции, посвященной 400-летию Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 231–233.

1995

Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера = Acts and documents relating to Russian and Siberian history of 16th–18th centuries in G. F. Muller's archives: Описи копийных книг. Т. 2 / Изд. подгот. Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун. Новосибирск, 1995. 303 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 5).

Сургутский уезд первой половины XVIII в. в экспедиционных материалах Г. Ф. Миллера // Сургут, Сибирь, Россия: Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию Сургута. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 1995. С. 281–290.

1996

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / Изд. подгот. А. Х. Элерт. Новосибирск, 1996. 310 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 6).

Новые материалы по истории русско-корякских отношений в первой четверти XVIII в. // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск. 1996. С. 247–264. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 17).

Beschreibung des Ostens des Russischen Reiches durch deutsche Wissenschaftler und Forschungreisende in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Der Beitrag der Deutschbalten und der städtischen Rußlanddeutschen zur Modernisierung und Europäisierung des Russischen Reiches im 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Köln, 1996. S. 241–255.

Die Völker Sibiriens in der Sicht Gerhard Friedrich Müllers // Berliner Jahrbuch für Osteuropäische Geschichte 1996. № 2. Special iss.: Sibirien: Kolonie – Region. S. 37–54.

1997

Г. Ф. Миллер о судопроизводстве у коренных народов Сибири // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XVIII веков: Региональная научная конференция. Тезисы докладов. Новосибирск, 1997. С. 10–13.

1998

- Г. Ф. Миллер о взаимоотношениях между русским и аборигенными народами Сибири // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории: Всероссийская научная конференция 3–4 марта 1998 г. Тезисы докладов. Новосибирск, 1998. С. 33–36.
- Проблемы вхождения коренных народов Сибири в состав России в неопубликованных трудах Г. Ф. Миллера // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 121–133. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 18).

1999

- Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. 240 с.
- Александровское Приобье первой половины XVIII в. глазами академика Г. Ф. Миллера // Земля Александровская: Сборник научно-популярных очерков к 75-летию образования Александровского района. Томск, 1999. С. 263–282.
- Г. Ф. Миллер как исследователь сибирского шаманизма // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Вып. 1. Новосибирск, 1999. С. 44–52.
- Г. Ф. Миллер о Сибири и сибирских народах: Прошлое, будущее и настоящее // Россия — Германия: История, культура, наука. Международная симпозиум 22–25 мая 1999 г.: Тезисы докладов. Иркутск, 1999. С. 13–14.
- Г. Ф. Миллер — этнограф сибирских народов // Немцы в России: Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 484–490.
- Фольклор сибирских народов в неопубликованных трудах Г. Ф. Миллера // Роль традиции в литературном процессе. Новосибирск, 1999. С. 478–485.

2000

- Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Автореферат дисс. ... д-ра исторических наук. Новосибирск, 2000. 46 с.
- Новые материалы к биографии тунгусского князя Гантимура // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 416–422. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 20).
- Сибирские шаманы в экспедиционных записях академика Г. Ф. Миллера // Родина. 2000. № 9. С. 32–44.
- Сибирь и сибирские народы в геополитических проектах академика Г. Ф. Миллера // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск, 2000. С. 77–84.

Якутский праздник Ысыах в описаниях участников Второй Камчатской экспедиции // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и новое время. Новосибирск, 2000. С. 255–271. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 19).

2002

Аборигенные культуры Севера Сибири в экспедиционных материалах Г. Ф. Миллера // Северный археологический конгресс: Доклады. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 274–285. (На рус. и англ. языках).

Болезни, смерть и погребальные обряды у тюрков Сибири XVIII в.: По экспедиционным материалам Г. Ф. Миллера // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2002. С. 67–80.

Великое северное путешествие: Народы Сибири в экспедиционных описаниях Г. Миллера // Родина. 2002. Спец. выпуск: Тропой стран полуночных. С. 52–56.

Ловкость рук или игра чертей? Сибирские шаманы в экспедиционных записях академика Миллера // Родина. 2002. Спец. выпуск: Тропой стран полуночных. С. 44–46.

Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII в.: Статья первая // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2002. С. 107–124. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 21).

Религиозная ситуация в Сибири в оценках участников Второй Камчатской экспедиции // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 28–31.

2003

К вопросу о судопроизводстве у коренных народов Сибири в XVII–XVIII вв. // Екатерининские вечера: Журнал Национального института им. Екатерины Великой. 2003. № 3. С. 41–45.

К истории изучения этнического состава «остяков» в XVIII в. // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 258–265.

Материалы Г. Ф. Миллера о региональных особенностях во взаимоотношениях между русскими и аборигенами Сибири в XVII – первой половине XVIII в. // Under Vitus Bering's Command: New Perspectives on the Russian Kamchatka Expeditions = Под командованием Витуса Беринга: Новые перспективы в изучении Камчатских экспедиций. Århus, 2003. С. 145–158.

Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII в.: Статья вторая // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 94–119. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 22).

2004

Взаимоотношения между русскими и коренными народами Сибири по материалам и оценкам иностранных ученых — участников Второй Камчатской экспедиции // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: Развитие традиций. Новосибирск, 2004. С. 124–145. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 23).

Г. В. Стеллер. Описание города Иркутска и окрестных местностей = G. W. Steller. Description of the City of Irkutsk and its Suburbs // Наука из первых рук. 2004. № 2. С. 114–117.

Гмелин И. Г. Тюрки Красноярского уезда и их шаманы = Gmelin J. G. Turks of the Krasnoyarsk Uyesd and Their Shamans / Пер. и публ. А. Х. Элерта // Наука из первых рук. 2004. № 0. С. 124–129.

Курдюмка, Пилигримка, Княжева... Сибирская столица 1741 года в описании академика Г. Ф. Миллера // Родина. 2004. Спец. выпуск: Тобольск — живая былина. С. 17–21.

Путешествие по Сибири Иоганна Георга Гмелина = A Journey across Siberia Johann Georg Gmelin // Наука из первых рук. 2004. № 0. С. 118–123.

Стеллер Г. В. Иркутские нравы и образ жизни = Steller G. W. Irkutsk Customs and Life-Style / Пер. и публ. А. Х. Элерта // Наука из первых рук. 2004. № 2. С. 118–123.

2005

В попутчиках у Герарда Фридриха Миллера = Following the Route of Gerhard Friedrich Mueller // Наука из первых рук. 2005. № 3. С. 66–95 (в соавт. с Л. Е. Овчинниковой и Л. М. Панфиловой).

Великий трудолюбец: Ханты Нижнего Приобья в описаниях Миллера // Родина. 2005. № 9. С. 44–49.

Вооружение и военное дело у тунгусов по экспедиционным материалам Г. Ф. Миллера // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 124–133. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 24).

Миллер Г. Ф. Проблемы брака и семьи у коренных народов Сибири: Фрагмент из «Описания сибирских народов» / Пер. и публ. А. Х. Элерта // Наука из первых рук. 2005. № 2. С. 130–141.

- Миллер Г. Ф. Рыцари тайги: Фрагмент из «Описания сибирских народов» = *Mueller G. F. The Knights of the Taiga: Fragments from a Description of Siberian Peoples* / Пер. и публ. А. Х. Элерта // Наука из первых рук. 2005. № 1. С. 130–137.
- Описание сибирских народов Герарда Фридриха Миллера = *A Description of Siberian Peoples by Gerhard Friedrich Mueller* // Наука из первых рук. 2005. № 1. С. 126–129.
- Описание сибирских народов Герарда Фридриха Миллера (продолжение) // Наука из первых рук. 2005. № 2. С. 124–129.
- Проблемы этнографии народов Сибири в неопубликованных трудах и материалах Г. Ф. Миллера // Международная научная конференция «Россия и Германия: Историко-культурные контакты. К 300-летию первого историка Сибири Г. Ф. Миллера». Тезисы докладов и сообщений. Якутск, 2005. С. 3–5.
- Сибирь в экспедиционных материалах Г. Ф. Миллера: К 300-летию ученого и просветителя // Новосибирский архивный вестник. 2005. № 17. С. 204–208.
- A Description of Siberian Peoples by Gerhard Friedrich Mueller* // *Science First Hand*. 2005. № 2. P. 100–105.
- Mueller G. F. Indigenous Peoples of Siberia: Marriage and Family* / Transl. and publ. by A. Ch. Elert // *Science First Hand*. 2005. № 2. P. 106–117.

2006

- Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / Изд. подгот. А. Х. Элерт. Екатеринбург, 2006. 416 с.
- Герард Фридрих Миллер и научное открытие Сибири // Материалы международного симпозиума «Три столетия академических исследований Югры: От Миллера до Штейница». Ч. 1. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 15–28.
- Русские сибиряки XVIII века и алкоголь: По материалам Второй Камчатской экспедиции // Наука из первых рук. 2006. № 6. С. 64–83.
- Татары Туринского уезда в описании Г. Ф. Миллера // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 219–242. (Археология и источниковедение Сибири. Вып. 25).
- Russian Siberians of the 18th century and Alcoholism: Based on the papers of Second Kamchatka expedition* // *Science First Hand*. 2006. № 6. P. 58–75.

- Алкоголь и галлюциногены в жизни аборигенов Сибири: По материалам Второй Камчатской экспедиции = Alcohol and Hallucinogens in the Life of Siberian Aborigines // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 119–131.
- Г. В. Стеллер. Описание города Иркутска и окрестных местностей = G. W. Steller. Description of the City of Irkutsk and its Suburbs // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 32–35.
- Гмелин И. Г. Тюрки красноярского уезда и их шаманы = Gmelin J. G. Turks of the Krasnoyarsk Uyesd and Their Shamans / Пер. и публ. А. Х. Элерта // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 18–23.
- Миллер Г. Ф. Описание якутского обряда жертвоприношения = Mueller G. F. Description of the Yakut Custom of Sacrifice / Пер. и публ. А. Х. Элерта // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 94–101.
- Миллер Г. Ф. Проблемы брака и семьи у коренных народов Сибири: Фрагмент из «Описания сибирских народов» = Mueller G. F. Indigenous Peoples of Siberia: Marriage and Family / Пер. и публ. А. Х. Элерта // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 80–91.
- Миллер Г. Ф. Рыцари тайги: Фрагмент из «Описания сибирских народов» = Mueller G. F. The Knights of the Taiga: Fragments from a Description of Siberian Peoples / Пер. и публ. А. Х. Элерта // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 58–65.
- Описание сибирских народов Герарда Фридриха Миллера = A Description of Siberian Peoples by Gerhard Friedrich Mueller // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 54–57.
- Описание сибирских народов Герарда Фридриха Миллера = A Description of Siberian Peoples by Gerhard Friedrich Mueller (продолжение) // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 74–79.
- По следам академического отряда Великой Северной экспедиции = Great Northern Expedition: In the Wake of the Academic Detachment // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 6–11.
- Путешествие по Сибири Иоганна Георга Гмелина = A Journey across Siberia Johann Georg Gmelin // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 12–17.
- Русские сибиряки XVIII века и алкоголь = Russian Siberians of the 18th century and Alcoholism // Наука из первых рук. 2007. № 7. С. 102–117.
- Стеллер Г. В. Иркутские нравы и образ жизни = Steller G. W. Irkutsk Customs and Life-Style / Пер. и публ. А. Х. Элерта // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 36–41.
- Языческие верования и обряды: Из путевых дневников Герарда Фридриха Миллера = Pagan Beliefs and Customs: From the travel notes

by Gerhard Friedrich Mueller // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 92–93.

Рец.: Традиционные верования, православие и атеизм в истории хантов [Рец. на кн.: *Главацкая Е. М.* Религиозные традиции хантов: XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард, 2005. 360 с.] // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2007. Т. 49. № 13. С. 338–340.

2008

Взаимовлияние русской и аборигенных культур Сибири: По материалам Второй Камчатской экспедиции // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах: Опыт освоения Азиатской России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, 2008. С. 38–39.

2009

Амурская экспедиция // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 105–106.

Анучин Дмитрий Николаевич // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 121.

Арсеньев Владимир Клавдиевич // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 129 (в соавт. с Л. П. Якимовой).

Байков Федор Исакович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 157.

Берингоморская суша // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 197.

Бунге Александр Александрович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 259.

Вторая Камчатская (Великая Северная) экспедиция // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 349–353.

Геденштром Матиас // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 371.

Геологическое изучение Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 375–377.

Георги Иоганн Готлиб // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 377 (в соавт. с Д. А. Рединым).

Гмелин Иоганн Георг // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 393.

Зайсан // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 573.

Зуев Василий Федорович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 607.

- Идес Эбергард Избрант // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 615.
- Крашенинников Степан Петрович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 184–185.
- Крузенштерн Иван Федорович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 212–213.
- Лаперуз Жан-Франсуа // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 262.
- Лаптев Дмитрий Яковлевич // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 262–263.
- Лаптев Харитон Прокофьевич // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 263.
- Линденау Яков Иванович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 281.
- Литке Федор Петрович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 289.
- Майдель Гергард Людвигович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 308–309.
- Мессершмидт Даниэль Готлиб // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 350.
- Мессершмидта Д. Г. экспедиция // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 350–351.
- Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов / Публ. А. Х. Элерта, В. Хинтцше; пер. с нем. А. Х. Элерта. М., 2009. 456 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 8. Ч. 1).
- Миллер Герард Фридрих // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 364–365.
- Миллера Г. Ф. коллекция // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 365.
- Невельской Геннадий Иванович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 460.
- Немецкие ученые-путешественники и научное открытие Сибири // История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009. С. 13–28.
- Первая Камчатская экспедиция // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 597.
- Полярные экспедиции (арктические) // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 630–632 (в соавт. с Д. А. Шириной).
- Прончищев Василий Васильевич // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 715.
- Стеллер Георг Вильгельм // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 184.

- Спафарий Милеску // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 163 (в соавт. с С. А. Белобородовым).
- Страленберг Филипп Иоганн // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 191–192.
- Тайша // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 222.
- Тойон // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 263.
- Фишер Иоганн Эбергард // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 403.
- Хабаров Ерофей Павлович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 410.
- Челюскин Семен Иванович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 476.
- Чириков Алексей Ильич // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 487–488.
- Шпанберг Мартин // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 547.
- Шуленга // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 549.
- Языческие обряды аборигенов Сибири в описаниях участников Второй Камчатской экспедиции // Археографические исследования отечественной истории: Текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. С. 209–226. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 28).

2010

- Müller G. F. Ethnographische Schriften I / Bearb. von W. Hintzsche und A. Ch. Elert; unter Mitarbeit von H. Heklau. Halle, 2010. 817 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 8).*
- Миллер Г. Ф. О духовных свойствах народов / Пер. и публ. А. Х. Элрета // Наука из первых рук. 2010. № 2. С. 110–115.*

2011

- Север Западной Сибири в материалах анкет начала 1760-х гг. // Изучение и освоение Арктической зоны России в XVIII – начале XXI в. Новосибирск, 2011. С. 16–44 (в соавт. с Д. Я. Резуном).
- Рец.: *Куперштох Н. А. «Очерки о лидерах академической науки в Сибири» (Новосибирск, Гео, 2011.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 108–109.*

2012

Кольвано-Воскресенские горные заводы на Алтае: Этапы становления и развития // Немецкое культурное наследие в Сибири: Немецкие издания XVIII–XIX вв. из коллекции Кольвано-Воскресенских заводов. Вып. 1. Новосибирск, 2012. С. 5–11.

Путешествие по северо-востоку Сибири как переломный этап в экспедиционной деятельности Г. Ф. Миллера // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 44–47.

Рец.: Новая книга об Арктике — «Траектории проектов в высоких широтах» // Арктика и Север. 2012. № 9. С. 180–183.

2013

Население Мангазейского уезда по анкетным данным 1739 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 44–47.

2014

К истории изучения «самоедов» Северо-Западной Сибири в XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 15–19.

Объединенный исследовательский проект «История Сибири» // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 1 (74). С. 12–28 (в соавт. с А. П. Деревянко, В. А. Ламиным, Д. Г. Симоновым).

Языческие обряды аборигенов Сибири в трудах и материалах участников Второй Камчатской экспедиции: Статья вторая // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция. Новосибирск, 2014. С. 173–195.

2015

К истории становления этнографии как науки: Г. Ф. Миллер и его экспедиционные труды и материалы о народах Сибири // XI Конгресс антропологов и этнологов России: Сборник материалов. М.: Екатеринбург, 2015. С. 400.

Материальная и духовная культура юкагиров по свидетельствам информаторов Г. Ф. Миллера // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 369–381. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 33).

Ред.: Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. 503, [2] с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 33).

2016

- Россия в Арктике: Проблема изучения исторического опыта освоения региона // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 5–12 (в соавт. с А. И. Тимошенко).
- Тема алкоголя в материалах участников Второй Камчатской экспедиции // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2016. С. 93–119. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 35).
- Ред.: Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. 323, [2] с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 34).
- Ред.: Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2016. 285, [3] с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 35).

2017

- О научной серии «Археография и источниковедение Сибири» // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 23. № 3. С. 33–38 (в соавт. с Л. В. Титовой).
- Образ промышленного человека в исследованиях и источниках XVII – первой половины XVIII в. // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 282–290. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36).
- Способы рыбной ловли населения Сибири: XVII–XVIII вв. // Азиатская Россия: Проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.). Материалы Международной научной конференции. Новосибирск, 2017. С. 33–39.
- Ред.: Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. 378, [6] с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36).

2018

- Müller G. F. Ethnographische Schriften II / Bearb. von W. Hintzsche, A. Ch. Elert. Halle, 2018. 808 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 11).*
- Ведомости Нерчинской воеводской канцелярии о родовом составе, численности, расселении и ясачных платежах коренного населения уезда (1735 г.) // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 271–289. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 37).

Источники по истории формирования этнографической коллекции Кунсткамеры участниками Второй Камчатской экспедиции // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 23. С. 97–111.

Ред.: Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. 445, [5] с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 37).

Рец.: Азиатская Россия в имперских устремлениях правительства XVIII – начала XX в. Рец. на кн.: *Дамешек Л. М.* Избранное. Серия «Азиатская Россия». Т. I: Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2018. 455 с.; Т. II: Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск: Оттиск, 2018. 415 с.; Т. III: Сибирские окраины Российской империи. (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2018. 255 с. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 3. С. 113–114.

2019

Никишкин чвор // Зеркала культур: Памяти А. М. Сагалаева. Новосибирск, 2019. С. 329–339.

«Огненным боем с ними, коряками, управливаться трудно». К истории русско-корякских отношений: Разгром Большого посада в 1714 г. // Наука из первых рук. 2019. Т. 2. № 2 (82). С. 80–95.

Описание Мангазейского уезда Г. Ф. Миллера (1735 г.) // Источники по истории России: Проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 248–262. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 38).

It is hard to handle the Koryaks using firing arms // Science First Hand. 2019. Vol. 52. №. 2. P. 52–67.

Ред.: Источники по истории России: Проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. 376 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 38).

Рец.: *Вершинин Е. В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII в. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с. 45 п. л.; ил. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 4. С. 119–120.

2020

Академик Н. Н. Покровский: «Древняя книга в Сибири есть!» // Наука из первых рук: <https://scfh.ru/news/akademik-n-n-pokrovskiy-drevnyaya-kniga-v-sibiri-est/> (в соавт. с Л. М. Панфиловой).

- Волшебная бумага // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 731–737. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39).
- Ясачные оклады в Сибири во второй четверти XVIII в.: Региональные и этнические особенности (по материалам Второй Камчатской экспедиции) // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27. № 4. С. 43–49.
- Ред.: Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. 778, [10] с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39).
- Рец.: Имперская политика по отношению к бурятскому этносу: от патернализма к унификации управления. Рец. на: Бурятский этнос в имперской системе власти XIX – начало XX вв. [монография] / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. 740 с. // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27. № 3. С. 118–119.

2021

- Мангазейский уезд в ответах на анкету Академии наук 1760 г. // Представления о прошлом в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2021. С. 116–128. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 40).
- Письмо Ф. И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему о народах и древностях Сибири // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь: 1719–1727. СПб., 2021. С. 119–144 (в соавт. с В. Лефельдтом, М. Кнюппель, И. В. Тункиной). (Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Вып. 19).
- Ред.: Представления о прошлом в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2021. 312, [3] с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 40).

СТАТЬИ

УДК 94(=1.571-81)+001.8

В. И. Молодин, А. Ю. БОРИСЕНКО

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ИЗУЧЕНИЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА Г. Ф. МИЛЛЕРА В ТРУДАХ А. Х. ЭЛЕРТА*

Представленная статья посвящается памяти выдающегося российского исследователя истории Сибири, истории науки, истории научных российских экспедиций Александра Христиановича Элерта. Его вклад в изучение научного наследия одного из ведущих участников Великой Северной экспедиции академика Г. Ф. Миллера в российскую историю и историографию трудно переоценить. Изучение экспедиционных материалов ученого стало определяющим в научном творчестве А. Х. Элерта, а его работы всегда были востребованы и высоко ценились коллегами. Все это нашло отражение в данной работе.

Ключевые слова: история Сибири, история академических экспедиций, Г. Ф. Миллер.

В ноябре 2022 г. отечественная историческая наука понесла невосполнимую утрату — от нас ушел выдающийся ученый, доктор исторических наук Александр Христианович Элерт, внесший неоценимый вклад в изучение истории Сибири.

Весь жизненный и творческий путь Александра Христиановича был связан с Сибирью. Александр родился в 1954 году в Томской области, в 1980 году закончил исторический факультет Томского государственного университета, а затем прошел блестящую школу академика Н. Н. Покровского и был принят на работу в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, где и трудился под руководством своего учителя. Здесь он прошел путь от младшего до главного научного сотрудника, заведующего сектором археографии и источниковедения, а в преобразованном Институте истории СО РАН на протяжении семи лет исполнял обязанности заместителя директора.

Имя доктора исторических наук Александра Христиановича Элерта прочно ассоциируется у специалистов с изучением начального периода отечественной исторической науки, истории академических экспедиций и трудов «отца» сибирской истории Герарда Фридриха Миллера. В 1987 году А. Х. Элерт успешно защитил кандидатскую

* Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

диссертацию на тему «Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири»,¹ а в 2000 году — докторскую диссертацию «Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера».²

Целенаправленная исследовательская работа по выявлению и изучению источников по истории Сибири развернулась в начале 1970-х гг. после создания Сибирского отделения Археографической комиссии. Благодаря усилиям Н. Н. Покровского и при поддержке академика А. П. Окладникова удалось добиться ежегодной публикации археографических материалов.³ Работы А. Х. Элерта, в которых он вводил в научный оборот обширный пласт неизвестных ранее специалистам сведений из материалов Г. Ф. Миллера, стали неотъемлемой частью серии.⁴ Разумеется, подготовкой А. Х. Элертом работ для данной серии его деятельность не ограничивалась. Он исследовал чрезвычайно широкий спектр проблем, связанных с научным наследием Г. Ф. Миллера. Это и процессы заселения и освоения Сибири русскими, и проблемы взаимодействия русских с сибирскими

¹ Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. 19 с.

² Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. 46 с.

³ См. об этом: *Титова Л. В., Элерт А. Х.* О научной серии «Археография и источниковедение Сибири» // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. №. 3. С. 34.

⁴ См.: Элерт А. Х. Описание уездов Сибири Г. Ф. Миллера как исторический источник // Источники по истории русского общественного создания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 97–104. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 10); Элерт А. Х. Анкеты Г. Ф. Миллера 1734–1742 как источник по истории освоения Сибири // Источники по истории русского общественного создания периода феодализма. Новосибирск, 1988. С. 78–91. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 12); Элерт А. Х. Город Тобольск в материалах Г. Ф. Миллера (1740–1741) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 346–351. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 14); Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990; Элерт А. Х. Экспедиционные черновые записки Г. Ф. Миллера (1733–1743) // Источники по истории литературы и общественного создания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 88–101. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 16); Элерт А. Х. Проблемы вхождения коренных народов Сибири в состав России в неопубликованных трудах Г. Ф. Миллера // Проблемы русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 121–133. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 18); Элерт А. Х. Якутский праздник Ысыах в описаниях участников Второй Камчатской экспедиции // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и новое время. Новосибирск, 2000. С. 255–271. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 19); Элерт А. Х. Путешествие по Северо-Востоку Сибири как переломный этап в экспедиционной деятельности Г. Ф. Миллера // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 44–47; Элерт А. Х. Описание Мангазейского уезда Г. Ф. Миллера (1735 г.) // Источники по истории России: Проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 248–262. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 38).



А. Х. Элерт в Галле. 19 ноября 2006 г. Фото И. В. Тункиной

аборигенами, и разнообразные вопросы духовной культуры народов Сибири и многое другое. Ученый является автором 180 научных работ, опубликованных на русском, немецком и английском языках, в том числе девяти монографий и монографических изданий уникальных источников. Кроме того, он являлся ответственным редактором сборников научных трудов серии «Археография и источниковедение Сибири».

В контексте настоящей статьи нам представляется уместным напомнить читателю о той выдающейся роли, которую сыграл академик Г. Ф. Миллер в отечественной историографии, что стало, в конечном итоге, и определяющим в научном творчестве Александра Христиановича, посвятившего изучению его творческого наследия фактически всю свою жизнь.

Личность выдающегося немецкого ученого Г. Ф. Миллера, результаты его самоотверженного труда многократно привлекали к себе внимание исследователей. Достаточно посмотреть библиографию работ об этом ученом, чтобы представить себе масштабы его деятельности и разносторонность его интересов. Мнения о его роли в становлении российских исторических наук у специалистов порой расходились кардинально — от «неисчерпаемого до дна рудника ценнейших документов» до «блистательного отсутствия» в научной литературе.⁵

⁵ Белковец Л. П. Герард Фридрих Миллер: Долгий путь в историю. М., 2023. С. 14–28.

В дореволюционной историографии из всех известных на сегодня направлений его деятельности наиболее обсуждаемой была разработка им «норманского» вопроса и его полемика с М. В. Ломоносовым. Специалистам прекрасно известно, что диспут закончился понижением Г. Ф. Миллера в должности сроком на один год. Однако спустя век В. О. Ключевский писал, что тема, поднятая им и Г. З. Байером способствовала целому ряду «исследований по этому вопросу... и послужила краеугольным камнем целой норманнской теории».⁶ На рубеже XIX–XX вв. многие русские историки с уважением отзывались о деятельности немцев-академиков, в том числе Г. Ф. Миллера, и даже считали себя их учениками, стараясь объективно оценивать их вклад в российскую историческую науку.⁷

В последующие годы каждый раз, когда поднимался «норманнский вопрос», имя Г. Ф. Миллера обязательно звучало в диспутах — в 1920–1930-е гг. скорее с одобрением, в послевоенные годы — с критикой. С конца 1950-х в отечественной историографии точка зрения Г. Ф. Миллера о норманнах очередной раз подверглась переоценке, а ученому стали возвращать право на его заслуги перед русской исторической наукой.⁸ И хотя «норманнская теория» по-прежнему вызывает интерес, исследователи отдают должное своим предшественникам, воздерживаясь от категоричных оценок.⁹ Сегодня исследователи отмечают серьезное влияние, которое Г. Ф. Миллер оказал на русских историков конца XVIII — XIX в., даже на таких столпов русской исторической науки, как Н. М. Карамзин.¹⁰

Но, пожалуй, магистральным направлением в исследованиях Г. Ф. Миллера является Сибирь и ее история. Еще до участия в Академической экспедиции ученый обращался к истории калмыков, китайским, тибетским, монгольским материалам. Результаты его работы в экспедиции составили без малого 40 томов «портфелей»,¹¹ представляющих богатейшую коллекцию материалов для изучения Сибири и прилегающих территорий. Придерживаясь рационалистического

⁶ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 7: Специальные курсы. М., 1989. С. 186.

⁷ Ерохина Т. В. Немецкие историки-академики XVIII века в русской науке: Оценки с позиций дореволюционной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 9 (224) История. Вып. 44. С. 135; Голицын Н. В. Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899. С. 3–4.

⁸ См., в частности: Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. М., 1957. С. 213–217.

⁹ См.: Чернобаев А. А. Г. Ф. Миллер в новейшей историографии // Г. Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 167.

¹⁰ См.: Афиани В. Ю. Перекличка во времени: Н. М. Карамзин и Г. Ф. Миллер // АЕ за 2006 год. М., 2011. С. 236–243.

¹¹ Историография истории России. М., 2014. С. 125.

подхода к источнику, Г. Ф. Миллер считал первостепенным возможность сохранения документа в его первоначальной редакции с сохранением всех особенностей текста, что стало началом критического отношения к письменному источнику.¹² Так как многие оригинальные документы были утрачены, сведения, содержащиеся в собрании Г. Ф. Миллера, спустя почти 300 лет оказались востребованными в качестве источника представителями самых разных научных направлений — историками, археографами, лингвистами, археологами, этнографами, географами и многими другими. Важным событием в осмыслении и признании роли этого ученого в становлении российских исторических наук было издание капитального труда Г. Ф. Миллера «История Сибири».¹³

Однако долгое время изучение архивного наследия, в частности, его экспедиционных материалов, носило скорее спорадический характер. Несмотря на то, что исследователи время от времени обращались к сибирским материалам Г. Ф. Миллера, тем ни менее, по мнению А. Х. Элерта, после предвосхищающей первый том «Истории Сибири» 1937 г. статьи А. И. Андреева, в которой он отмечал значение анкетных данных для составления описаний уездов, а также подчеркивал значение этих материалов в силу их дальнейшего неиспользования, наиболее ценной по обращению к материалам Г. Ф. Миллера являются работы Л. П. Потапова, в которых используются сведения о расселении коренного населения Южной Сибири и русского населения в Красноярском уезде.¹⁴ Отдавая должное предшественникам и современникам, обращавшимся к неисчерпаемому по сей день источнику архивов Г. Ф. Миллера, и признавая достигнутые ими результаты, А. Х. Элерт считал, что они (архивы) изучены далеко не достаточно, не решены основные источниковедческие задачи, не оценены путевые описания и описания уездов, составленные Г. Ф. Миллером.¹⁵ Так что не удивительно, что в течение многих лет научное наследие Г. Ф. Миллера являлось краеугольным камнем исследова-

¹² Историография истории России. С. 127.

¹³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937; Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд, доп. Т. 1. М., 1999; Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд, доп. Т. 2. М., 2000.

¹⁴ Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 57–145; Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957; Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969; Потапов Л. П. К истории освоения русскими Красноярского края в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 433–441; Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера... Автореферат; Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера.

¹⁵ Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера... Новосибирск, 1990. С. 13.

тельской деятельности Александра Христиановича. Он был одним из немногих ученых, которому по силам было решение поставленной задачи. Совершенное владение немецким языком позволяло читать написанные готической скорописью тексты Миллера. Кроме того, и сам А. Х. Элерт был энциклопедически образованным ученым, с великолепным знанием не только исторического прошлого Сибири, но и этнографии, филологии, археологии. Ограниченная источниковая база и ее недостаточная изученность всегда затрудняет работу ученого независимо от области исследования. А. Х. Элерт видел своей задачей расширение круга исторических источников и развитие источниковедческих методических подходов,¹⁶ и материалы Г. Ф. Миллера с лихвой предоставили исследователю такую возможность. Им был изучен и введен в научный оборот комплекс рукописных материалов Г. Ф. Миллера по истории и этнографии сибирских народов, проведен источниковедческий анализ его трудов, установлены обстоятельства их создания и достоверности приводимых сведений. Наиболее значимыми, по его мнению, являются архивные материалы, летописные известия, результаты опросов местного населения, с 1734 г. — анкетный метод сбора данных и, конечно, личный опыт.¹⁷ Они, по мнению, А. Х. Элерта, позволяют уточнять целый ряд вопросов, связанных с заселением сибирских территорий, «роли отдельных сословий в этом процессе, соотношении государственной и народной инициативы, источниках прироста русского населения Сибири».¹⁸ В этой связи сведения Г. Ф. Миллера, содержащие материалы ревизий и другие статистические данные, дают возможность установить степень расхождения между различными источниками в количестве и составе национальных поселений и реальным расселением представителей этнических групп, в том числе русских; позволяют уточнить масштаб вольнонародной колонизации, социальной подвижности и др. Труды А. Х. Элерта эти и подобные сведения стали достоянием современной российской историографии, что позволяет по-новому взглянуть на процесс освоения Сибири и ее историю.

Значимым результатом в работе с экспедиционным наследием Г. Ф. Миллера стала публикация «Актовых источников по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера» в серии «История Сибири: Первоисточники». А. Х. Элертом было подго-

¹⁶ Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера... Новосибирск, 1990. С. 3.

¹⁷ Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера... Новосибирск, 1990. С. 4.

¹⁸ Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера... Новосибирск, 1990. С. 6.

товлено три выпуска (некоторые в соавторстве с Н. С. Гурьяновой и Д. Я. Резуном). В первый и второй тома были собраны документы из ряда сибирских архивов, в частности, Главной канцелярии рудокопных заводов, сибирских острогов — Тарского, Тобольского, Тюменского и др., а также выдержки из копийных книг. В последний выпуск вошли переводы на русский язык путевых описаний, сделанных Г. Ф. Миллером во время путешествия в Сибирь, и описаний Кузнецкого, Енисейского и Красноярского уездов.¹⁹ Некоторые из них, в частности, по аборигенной топонимике являются исключительными по сравнению с другими источниками. Они существенно дополняют корпус материалов, позволяющих проследить этногенез населения описываемых территорий и происходящие на них миграционные процессы.

А. Х. Элерт убедительно показал самостоятельность анкет, составленных Г. Ф. Миллером, в качестве источника на фоне имеющегося мнения об их зависимости от подобных вопросников В. Н. Татищева.²⁰ Он указывает на то, что, хотя Г. Ф. Миллер и использовал ответы сибирских административных органов, составленных по запросу В. Н. Татищева, тем не менее первые анкетные списки были составлены им на несколько месяцев раньше, чем появилась первая анкета В. Н. Татищева.²¹ Он установил, что содержание анкет зависело от времени и места ее составления, а также изменения круга интересов самого ученого, например, со временем прослеживается большее внимание к социально-экономическим аспектам.²²

А. Х. Элертом впервые при работе с материалами Г. Ф. Миллера было выделено несколько отдельных тематических блоков. Помимо собственно анализа содержания архива ученого, создания и структуры анкет, описаний уездов и путевых описаний он выделяет и отдельно анализирует ряд вопросов по истории Сибири, а именно освоение территорий, история русского населения и история коренного населения.²³ В своей работе А. Х. Элерт пришел к заключению, что на

¹⁹ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 6).

²⁰ Мирзоев В. Г. Историография Сибири (XVIII век). Кемерово, 1963. С. 112.

²¹ Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера... Новосибирск, 1990. С. 17.

²² Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера... Новосибирск, 1990. С. 127.

²³ См., например: Элерт А. Х. Ведомости Нерчинской воеводской канцелярии о родовом составе, численности, расселении и ясачных платежах коренного населения уезда (1735 г.) // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв.: Памяти Натальи Дмитриевны Зольниковой. Новосибирск, 2018. С. 271–289. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 37); Элерт А. Х. Описание Мангазейского уезда...

начальном этапе обращения Г. Ф. Миллера к вопросам освоения сибирских территорий ученый опирался главным образом на сведения, составленные в канцеляриях сибирских городов. Выясняя со временем несоответствия данных документальных источников, он более критически относился к современным ему ведомостям и наряду со сбором сведений путем анкетирования стал чаще обращаться непосредственно к архивным документам.²⁴ Касаясь вопросов этнической истории в материалах Г. Ф. Миллера, А. Х. Элерт пришел к заключению, что наиболее ценными можно считать путевые описания за период 1739–1740 гг. В них сведения об этническом составе, расселении, древних памятниках сибирских народов приведены наиболее подробно. В этот период ученым тщательно фиксируются сведения о поселениях, как зимних, так и летних, их расположению и составу, размерам, миграциям населения, хозяйственной деятельности, вероисповеданию. В виду скудости источниковой базы по некоторым аспектам истории коренного населения рассматриваемых территорий, например, по демографии, материалы Г. Ф. Миллера представляют несомненный интерес для специалистов в этой области.²⁵

Одним из важнейших итогов деятельности А. Х. Элерта является подготовка и издание этнографических трудов академика Г. Ф. Миллера, осуществленное благодаря сотрудничеству с немецким ученым профессором В. Хинтцше. Была проделана значительная работа по дешифровке текстов, их переводу, разработке системы комментариев. В результате в международной серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» опубликовано фундаментальное исследование Миллера «Описание сибирских народов».²⁶ Дополненное издание осуществлено в Германии, на немецком языке,²⁷ в виде двухтомника. Это издание получило блестящие отзывы специалистов и, несомненно, явилось событием для мировой научной общечественности.

Александр Христианович внес огромный вклад в подготовку третьего тома последней версии «Истории Сибири» — «Сибирь в новое время (конец XVI — начало XX века)», в котором он, вместе с профессором М. В. Шиловским, является ответственным редактором.

²⁴ Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера... Новосибирск, 1990. С. 84.

²⁵ Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера... Новосибирск, 1990. С. 119.

²⁶ Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М., 2009.

²⁷ Müller G. F. Ethnographische Schriften I / Bearb. von W. Hintzsche und A. Ch. Elert; unter Mitarbeit von H. Heklau. Halle, 2010. 817 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 8); Müller G. F. Ethnographische Schriften II / Bearb. von W. Hintzsche, A. Ch. Elert. Halle, 2018. 808 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 11).

В течение многих лет работы Александра Христиановича Элerta были ожидаемы и востребованы специалистами в области истории, этнографии, филологии и археологии. Его вклад в научную разработку наследия Г. Ф. Миллера трудно переоценить, он признан и отечественными, и зарубежными коллегами. В его лице мировая наука потеряла выдающегося специалиста. Уверены, что его работы всегда будут востребованы учеными как актуальный и содержательный источник по истории Сибири и населяющих ее народов.

Список литературы

- Андреев А. И.* Труды Г. Ф. Миллера о Сибири // *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 57–145.
- Афиани В. Ю.* Перекличка во времени: Н. М. Карамзин и Г. Ф. Миллер // АЕ за 2006 год. М., 2011. С. 236–243.
- Белковец Л. П.* Герард Фридрих Миллер: Долгий путь в историю. М., 2023. 232 с.
- Голицын Н. В.* Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899. 150 с.
- Ерохина Т. В.* Немецкие историки-академики XVIII века в русской науке: Оценки с позиций дореволюционной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 9 (224) История. Вып. 44. С. 129–136.
- Историография истории России. М., 2014. 552 с.
- Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 7: Специальные курсы. М., 1989. 508 с.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. 607 с.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1999. 630 с.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. М., 2000. 796 с.
- Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов. М., 2009. 456 с.
- Мирзоев В. Г.* Историография Сибири (XVIII век). Кемерово, 1963. 263 с.
- Потапов Л. П.* К истории освоения русскими Красноярского края в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 433–441.
- Потапов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. 308 с.
- Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. 196 с.
- Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. 310 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 6).
- Титова Л. В., Элерт А. Х.* О научной серии «Археография и источниковедение Сибири» // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 3. С. 34–38.

- Черепнин Л. В.* Русская историография до XIX века. М., 1957. 304 с.
- Чернобаев А. А. Г. Ф. Миллер в новейшей историографии // Г. Ф. Миллер и русская культура.* СПб., 2007. С. 164–171.
- Элерт А. Х.* Анкеты Г. Ф. Миллера 1734–1742 как источник по истории освоения Сибири // Источники по истории русского общественного создания периода феодализма. Новосибирск, 1988. С. 78–91. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 12).
- Элерт А. Х.* Город Тобольск в материалах Г. Ф. Миллера (1740–1741) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 346–351. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 14).
- Элерт А. Х.* Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. 46 с.
- Элерт А. Х.* Описание Мангазейского уезда Г. Ф. Миллера (1735 г.) // Источники по истории России: Проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 248–262. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 38).
- Элерт А. Х.* Описание уездов Сибири Г. Ф. Миллера как исторический источник // Источники по истории русского общественного создания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 97–104. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 10).
- Элерт А. Х.* Проблемы вхождения коренных народов Сибири в состав России в неопубликованных трудах Г. Ф. Миллера // Проблемы русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 121–133. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 18).
- Элерт А. Х.* Путешествие по Северо-Востоку Сибири как переломный этап в экспедиционной деятельности Г. Ф. Миллера // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 44–47.
- Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. 19 с.
- Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. 247 с.
- Элерт А. Х.* Экспедиционные черновые записки Г. Ф. Миллера (1733–1743) // Источники по истории литературы и общественного создания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 88–101. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 16).
- Элерт А. Х.* Якутский праздник Ысыах в описаниях участников Второй Камчатской экспедиции // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и новое время. Новосибирск, 2000. С. 255–271. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 19).

- Müller G. F.* Ethnographische Schriften I / Bearb. von W. Hintzsche und A. Ch. Elert; unter Mitarbeit von H. Heklau. Halle, 2010. 817 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 8).
- Müller G. F.* Ethnographische Schriften II / Bearb. von W. Hintzsche, A. Ch. Elert. Halle, 2018. 808 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 11).

И. В. ТУНКИНА, Л. Д. БОНДАРЬ
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ СЕРИЯ «ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
СИБИРИ И АЛЯСКИ ИЗ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ»
(«QUELLEN ZUR GESCHICHTE SIBIRIENS UND ALASKAS
AUS RUSSISCHEN ARCHIVEN»):**

**А. Х. ЭЛЕРТ КАК УЧАСТНИК РОССИЙСКО-НЕМЕЦКОГО
НАУЧНОГО ПРОЕКТА**

Статья освещает содержание российско-немецкой издательской серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» («Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven»), выходящей с 1998 г. на русском и немецком языках и посвященной, главным образом, вопросам введения в научный оборот документов Второй Камчатской экспедиции. Предметное поле публикаций было разделено между двумя рабочими группами: материалы академического отряда готовит В. Хинтцше (Галле), работу по подготовке материалов морских отрядов возглавил П. У. Мёллер (Копенгаген), после ухода из жизни которого его сменила Н. Охотина-Линд (Копенгаген). Своего рода рабочим органом издательской серии долгие годы являлись организуемые Международным обществом Г. В. Стеллера в Галле «Немецко-русские встречи». Деятельным и в ряде вопросов незаменимым сотрудником серии и участником «Немецко-русских встреч» все эти годы был А. Х. Элерт.

Ключевые слова: русско-немецкая издательская серия, Фонд Франке, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, П. У. Мёллер, В. Хинтцше, А. Х. Элерт, Международное общество Г. В. Стеллера (Галле).

В 2023 г. отмечается 290-летие начала одной из наиболее масштабных экспедиций в мировой истории – Второй Камчатской или Великой Северной экспедиции (1733–1743), во главе которой (до своей смерти в 1741 г.) стоял датский капитан на русской службе Витус Беринг (Vitus Jonassen Bering; 1681–1741). Основная цель экспедиции была сформулирована В. Берингом сразу после завершения снаряженной Петром I Первой Камчатской экспедиции (1725–1731), отправленной с задачей установить, есть ли пролив между Северо-Восточной Азией и Северной Америкой. Вторая экспедиция основной целью ставила картографирование северного и восточного побережья России с целью определения возможности налаживания северо-восточного морского пути для торговли с Китаем и Индией, а также морского пути к Северной Америке и Японии. В ходе подготовки и проведения задачи экспедиции были расширены: отдельные отряды картографировали границы империи, участвовали в уста-

новлении правопорядка и защите местного населения от произвола русской администрации, исследовали природные богатства, материальную и духовную культуру древних и современных аборигенных народов, изучали языки и историю Сибири, способствовали основанию новых городов и созданию их инфраструктур, налаживанию почтовых служб, развитию сельского хозяйства на Дальнем Востоке и Камчатке, открывали коммерческие морские пути, участвовали в христианизации местного населения и создании институтов образования и культуры.¹

В результате грандиозной по масштабу деятельности нескольких экспедиционных отрядов отложился колоссальный документальный материал, сконцентрированный в основном в российских архивохранилищах. Документы Второй Камчатской экспедиции осели прежде всего в центральных архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Это Архив внешней политики Российской империи, Российский государственный архив древних актов, Российский государственный военно-исторический архив, Центральный государственный архив города Москвы, Российский государственный архив Военно-Морского Флота, Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН; Отдел рукописей Библиотеки Академии наук, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Предпринятые А. И. Андреевым попытки найти материалы экспедиции в сибирских архивах не увенчались успехом,² однако сегодня выявлены материалы в Тобольском музее-заповеднике и Государственном архиве Тюменской области, в составе фондов РГАДА хранится часть архива Якутской воеводской канцелярии за 1741 г.³ Вместе с тем часть документов отложилась и в некоторых европейских архивах: Государственном архиве Северной Ютландии, Виборг, Дания (Landsarkivet for Nørrejylland, Viborg; здесь хранится фонд В. Беринга), Публичном государственном архиве, Гаага, Голландия (Algemeen Rijksarchief Den Haag), Государственной библиотеке Берлина (Staatsbibliothek Berlin).

Несмотря на то, что экспедиционные описания стали печататься со времени возвращения членов экспедиции в Санкт-Петербург, до

¹ *Ochotina-Lind N.* Die Bedeutung der Kamtschatkaexpedition für das Leben im Fernen Osten, in Sibirien und im Russischen Reich // *Collegae, amico, magistro: Сборник научных трудов к 70-летию д-ра Виланда Хинтцше.* Харьков, 2019. С. 201–214.

² *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2: XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965. С. 55–56.

³ Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1734–1736. Морские отряды / Сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Мёллер. СПб., 2009. С. 12. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 6).

сих пор издаются все новые и новые научные и научно-популярные работы. Подавляющая часть документов до недавнего времени не была введена в научный оборот: опубликована лишь незначительная их часть, в основном освещающая наиболее яркие события плавания к берегам Америки, крушение пакетбота В. Беринга «Св. Петр» и т. д. Работа с таким грандиозным массивом архивного материала, охватывающего самые разные тематические области, требует консолидации усилий ученых не только разных специальностей, но и разных стран. Так, в 1990-е гг. начал складываться международный исследовательский коллектив, поставившей своей целью ввести эти документы в научный оборот и сделать их доступными не только специалистам, но и широким кругам общественности. Возникла идея российско-немецкой научной издательской серии, получившей название «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» («Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven»), учредителями которой стали Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (с российской стороны) и Фонд Франке (Franckesche Stiftungen), Галле, Германия — учреждение культуры и просвещения, основанное в 1695 г. как центр немецкого пиетизма.

Предметное поле исследования было разделено между двумя основными рабочими группами, одну из которых возглавил немецкий исследователь истории изучения Сибири в XVIII в. из Галле д-р Виланд Хинтцше (Wieland Hintzsche), другую — профессор Орхусского университета д-р Петер Ульф Мёллер (Peter Ulf Møller). Началась обработка документального материала в тесном сотрудничестве с российскими учеными. В результате сформировалась международная редколлегия серии, в которую вошли Дитмар Дальман (Бонн), Петер Ульф Мёллер (Копенгаген), Томас Мюллер-Бальке (Галле), Томас Николь (Галле), Ольга Владимировна Новохатко (Москва), Николай Николаевич Покровский (Новосибирск), Пауль Раабе (Вольфенбюттель), Отрун Риа (Лейпциг), Владимир Семенович Соболев (Санкт-Петербург), Ирина Владимировна Тункина (Санкт-Петербург), Александр Христианович Элерт (Новосибирск). Ответственным редактором серии является В. Хинтцше, со времени своего первого посещения Петербурга в 1992 г. обративший свои научные интересы к изучению наследия сибирских экспедиций XVIII в.⁴ Составителем нескольких томов стала исследовательница из Копенгагена Наталья Охотина-Линд. Помощь в сборе и подготовке материала, транскрибировании, переводе, сверке с оригиналом оказывали рос-

⁴ *Колчинский Э. И.* Проект Виланда Хинтцше и его значение в моей жизни // *Collegae, amico, magistro: Сборник научных трудов к 70-летию д-ра Виланда Хинтцше.* Харьков, 2019. С. 40–42.

сийские и зарубежные коллеги: Антонина Николаевна Анфертьева (Санкт-Петербург), Кристина Кюнтцель-Витт (Гамбург), Джон Линд (Копенгаген), Евгений Евгеньевич Рычаловский (Москва), Татьяна Сергеевна Федорова (Москва), Хан Фермойлен (Галле), Кристоф Франк (Лугано, Швейцария), Михаил Фундаминский (Вюртемберг), Дмитрий Анатольевич Функ (Москва), Хайке Хеклау (Галле) и др.

Международный характер серии выражается также в участии (организационном и финансовом) в проведении исследований и подготовке изданий научных учреждений и фондов разных стран. Кроме архивов задействован потенциал других научных учреждений, в числе которых Институт истории Сибирского отделения РАН, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН им. С. И. Вавилова, Восточноевропейское отделение Института межкультурных и региональных исследований Копенгагенского университета (*Østeuropæisk afdeling, Institut for Tværkulturelle og Regionale Studier, Københavns Universitet*; в его стенах долгое время реализовывалась подготовка к печати документов морских отрядов, так что институт считал «Беринговский проект» одной из своих визитных карточек). К реализации проекта привлекались средства Российского гуманитарного научного фонда, Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории», гранта Президента РФ, издательской программы Санкт-Петербургского научного центра РАН, Фонда Карлсберга (Дания), Фонда семьи Хеде Нильсен (Дания), Фонда Роберта Боша (Германия), Фонда Герды Хенкель (Германия).

К прискорбию, некоторых из создателей и первых сотрудников серии сегодня уже нет с нами: в 2006 г. ушел из жизни М. Фундаминский, в 2013 г. — П. Раабе, Н. Н. Покровский, А. Н. Анфертьева, в 2016 г. — Т. С. Федорова, в 2020 г. — П. У. Мёллер; в 2022 г. мы проводили Александра Христиановича Элерта, участие которого в редколлегии серии было далеко от формального — оно было деятельным и в ряде случаев незаменимым.

Первая книга из этой серии увидела свет в 1998 г. и была посвящена участнику академического отряда Второй Камчатской экспедиции немецкому естествоиспытателю Георгу Вильгельму Стеллеру (*Georg Wilhelm Steller; 1709–1746*).⁵ Между тем, хронологически первым в ряду публикуемых документов является том, вышедший в 2001 г. и посвященный центральной составляющей экспедиции — морским

⁵ Георг Вильгельм Штеллер. Письма и документы: 1740. М., 1998. (Источники по истории Сибири и Аляски в русских архивах. Т. 1). Немецкое издание этого тома: *Georg Wilhelm Steller. Briefe und Dokumente: 1740. Halle, 2000. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 1).*

отрядам, находившимся под непосредственным командованием В. Беринга.

Первый том, содержащий материалы морских отрядов, охватывает 215 документов по начальному этапу экспедиции⁶ — времени разработки планов между окончанием Первой и началом Второй Камчатской экспедиции и начало второй экспедиции до рубежа 1733/1734 г. Составители уделили особое внимание роли Сената, Адмиралтейств-коллегии, руководства экспедиции; показано значение в ее организации Синода, Сибирского приказа и местной сибирской администрации, планы и надежды, возлагавшиеся на экспедицию.

Второй том,⁷ где опубликовано 245 документов, обнимает три экспедиционных года и затрагивает широкий круг вопросов: строительство кораблей, поставку снаряжения, логистику, бытовые условия жизни в Сибири, работу центральной и местной администрации, взаимоотношения внутри экспедиционных коллективов, опасности путешествия. Документы этого периода, охарактеризованного составителями как «кризис на полпути», «отдают человеческим потом больше, чем морской соленостью. Возможно, что именно из-за этого они раньше не привлекали к себе такого большого внимания».⁸ Ранее было опубликовано лишь четыре документа за этот период; еще несколько были подготовлены А. И. Андреевым, но том, выпуск которого планировался в 1941 г., так и не вышел в свет из-за начала Великой Отечественной войны.⁹

Следующие два года, отраженные в третьей части «Морских отрядов»,¹⁰ — время первых побед после кризиса; недовольство столицы перемежалось с поощрениями участникам экспедиции. 165 публикуемых документов освещают не только героическую сторону экспедиционной жизни, но и будничную, не имеющую, казалось бы, непосредственного отношения к экспедиции. Это как обширная переписка по самым разным мелочным и бытовым вопросам, так и многочисленные доносы. «К сожалению, в жизни Камчатской экспедиции эти дела занимали непомерно большую долю, отнимая массу

⁶ Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1730–1733. Морские отряды / Сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Мёллер. М., 2001. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 4. Ч. 1).

⁷ Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1734–1736.

⁸ Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1734–1736. С. 9.

⁹ *Охотина-Линд Н. А. И. Андреев и несостоявшиеся «Берингианы» // Under Vitus Bering's Command: New Perspectives on the Russian Kamchatka Expeditions. Århus, 2003. P. 179–221.*

¹⁰ Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1737–1738. Морские отряды / Сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Мёллер. СПб., 2013. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 9).

драгоценного времени у самого Беринга и у других офицеров и тем самым тормозя работу экспедиции. Эти дела составляют большой процент от всех документов экспедиции в архивных фондах».¹¹ Среди изданных документов есть и такие, которые были опубликованы ранее, однако и они изданы вновь по архивным оригиналам.

Следующая часть «Морских отрядов»¹² в объеме 227 документов является своего рода бенефисом В. Беринга; многие документы посвящены капитан-командору: в июне — начале июля 1740 г. в Охотске были спущены на воду пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел», которые вместе с другими судами двинулись в сторону Камчатки (В. Беринг находился на флагманском «Св. Петре»). Кроме того, для 1740 г. в АВПРИ сохранились уникальные документы — частные письма самого В. Беринга, его жены Анны и девятилетнего сына Антона из Охотска, опубликованные в этом томе.¹³ Письма, так и не дошедшие до адресатов, неповторимым образом раскрывают экспедиционную ситуацию, частную жизнь и образ мыслей самого В. Беринга. В этом томе больше, чем в других, документов на немецком языке, они всегда публикуются на языке оригинала и в русском переводе.

Последний из вышедших на сегодня томов включает 162 документа,¹⁴ которые освещают период, лучше всего представленный в научной и научно-популярной литературе. Драматичные события этого времени были изложены еще в XVIII в. Г. В. Стеллером, С. Вакселем, П. С. Палласом и др. В предшествующей историографии основное внимание было приковано к американским плаваниям В. Беринга и Алексея Ильича Чирикова (1703–1748), крушению «Св. Петра» у современного острова Беринга, плаванию Мартына Петровича Шпанберга (1696–1761) к берегам Японии, в то время как опубликованные в пятой части «Морских отрядов» документы раскрыли много новых аспектов экспедиционной жизни. Отдельный интерес представляет судовой журнал мастера С. Хитрово. В это время, перед отплытием в Америку, в столицу было направлено несколько больших ведомостей, в которых подводились промежуточные итоги экспедиции. Заключительный том «Морских отрядов» сегодня находится в работе.

¹¹ Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1737–1738. С. 17–18.

¹² Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1739–1740. Морские отряды / Сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Мёллер. СПб., 2015. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 10).

¹³ Первую публикацию писем см.: Охотина-Линд Н. «Я и мой Беринг...» (Частные письма Витуса Беринга и его семьи из Охотска в феврале 1740 г.) // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М., 2004. С. 177–220.

¹⁴ Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1741–1742. Морские отряды / Сост. Н. Охотина-Линд. СПб., 2018. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 12).

В предисловиях к каждому тому можно найти общую характеристику соответствующего этапа экспедиции, главным образом — работы морских отрядов. При этом издатели старались представить также общий контекст экспедиции: имеющийся в каждой части раздел «Хронология событий» отражает общие вехи происходившего во всех отрядах Второй Камчатской экспедиции. В каждом томе читатель найдет описание принципов отбора документов и их археографической обработки, глоссарий архаизмов того времени, указатели; выпуски включают иллюстративный материал, факсимильно представляющий наиболее интересные, по мнению составителей, документы.

Начиная со второго тома «Морских отрядов» неизменным рецензентом выпусков выступал А. Х. Элерт (вторым рецензентом была А. Н. Анферьева, после 2013 г. ее сменила сотрудница СПбФ АРАН доктор исторических наук Екатерина Юрьевна Басаргина). При этом участие А. Х. ЭлERTA в подготовке изданий не ограничивалось лишь формальным рецензированием; на протяжении всей работы над выпусками он находился в постоянном контакте с составителями. Признание его вклада в эту трудоемкую работу осталось на страницах предисловия как дань коллеге, «постоянно консультировавшему нас и отвечавшему на наши многочисленные вопросы по малым народам Сибири и трудам Г. Ф. Миллера».¹⁵

По первоначальному замыслу предполагалось параллельное издание документов Академического отряда, решавшего задачи научного изучения природных богатств и населения Сибири, возглавляемого Герхардом Фридрихом Миллером (Gerhard Friedrich Müller; 1705–1783). В состав отряда входили профессора Иоганн Георг Гмелин (Johann Georg Gmelin; 1709–1755), Людовик Делиль де ла Кроер (Louis de l'Isle de la Croyère; 1685–1741), адъютанты Г. В. Стеллера и Иоганн Эберхард Фишер (Johann Eberhard Fischer; 1697–1771), студент Степан Петрович Крашенинников (1711–1755). Работу по подготовке документов академического отряда возглавляет В. Хинтцше; к сегодняшнему дню увидели свет тома с материалами 1732–1734 гг. Первый выпуск документов академического отряда вышел как вторая часть 4 тома,¹⁶ дополняя первый выпуск, посвященный Морским отрядам; следующий выпуск вышел отдельным томом серии.¹⁷ Пуб-

¹⁵ Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1734–1736. С. 18.

¹⁶ Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition: 1730–1733. Akademiegruppe / Bearb. von W. Hintzsche in Zusammenarbeit mit N. Ochotina-Lind und P. U. Møller; unter Mitarbeit von H. Heklau, K. Küntzel und B. Meister. Halle, 2004. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 4, Tl. 2).

¹⁷ Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition: Januar — Juni 1734. Akademiegruppe / Bearb. von W. Hintzsche; unter Mitarbeit von H. Heklau, K. Küntzel, B. Meister und O. V. Novochatko. Halle, 2006. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 5).



«Немецко-русские встречи – 2005».

Слева направо: А. Х. Элерт, Х. Фермойлен, А.-Э. Хинтцше. Фото И. В. Тункиной

ликация документов академического отряда доведена В. Хинтцше до июня 1734 г. Вместе с тем в серии увидели свет отдельные тома материалов двух участников Академического отряда.

Прежде всего это этнографическое наследие руководителя академического отряда Г. Ф. Миллера, которое прежде было известно широкому кругу специалистов в очень ограниченном объеме, главным образом по его «Истории Сибири»;¹⁸ архивные материалы в значительной степени не были введены в научный оборот. Одна из причин этого заключалась в том, что в науке имелось представление об утрате этнографических материалов, собранных Г. Ф. Миллером, своей актуальности и интереса для современной науки. А. Х. Элерт придерживался противоположной позиции, утверждая, что и путевые, и позднейшие кабинетные заметки Г. Ф. Миллера насыщены уникальными данными о коренных народах Сибири, их культуре, языке, топонимике и т. д.¹⁹ Центральное место среди таких материалов А. Х. Элерт отвел фундаментальному исследованию Г. Ф. Миллера, получившему название «Описание сибирских народов» («Beschreibung der sibirischen Völker»), привлечшему внимание еще А. И. Андреева, не сумевшего однако реализовать идею ее публика-

¹⁸ Первое посмертное издание: *Миллер Г. Ф. История Сибири*: В 2 т. М.; Л., 1937–1941. Полное издание в трех томах: *Миллер Г. Ф. История Сибири*. Изд. 2-е, доп. М., 1999–2005. Т. 1–3.

¹⁹ *Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера*. Новосибирск, 1999.

ции.²⁰ Работа над рукописью, по определению А. Х. Элрета, была начата Г. Ф. Миллером не ранее конца 1736 г., но затем остановлена по неясной причине. Именно этот материал стали готовить к публикации А. Х. Элерт и ответственный редактор серии В. Хинтцше. Работа велась параллельно: В. Хинтцше готовил материал на немецком языке, А. Х. Элерт сделал перевод на русский язык.

Русский том увидел свет в 2009 г.²¹ Во введении к изданию²² А. Х. Элерт дал не только развернутый анализ этнографического материала Г. Ф. Миллера, но и объяснил причину малой изученности его документального наследия: во-первых, колоссальный объем архива, во-вторых — палеографические сложности, возникающие при работе с документами. Публикуемые рукописи не имеют белых вариантов, содержат многочисленные пометы на полях, правки; известная сложность заключается также в особенностях немецкого научного языка XVIII в., изобилующего иноязычными вкраплениями.²³ А. Х. Элерт был подготовлен к публикации как перевод самой рукописи, так и три сохранившихся варианта русских предисловий. Значение опубликованного материала невозможно переоценить: ставший доступным для исследователей труд Г. Ф. Миллера не только подтверждает, расширяет и углубляет известные ранее этнографические сведения о населении Сибири, но и содержит данные о сибирских народах, полностью ассимилированных к концу XVIII в.; ряд упоминаемых Г. Ф. Миллером этнонимов сегодня уже не известны.

В следующем, 2010 году, вышел немецкий вариант издания, подготовленный теми же авторами,²⁴ в 2018 г. — его вторая часть,²⁵

²⁰ Функ Д. А. Уникальный источник по истории Сибири и Аляски: Рецензия на серию книг «Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven», Halle, 2000–2010 / «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов». М.; СПб., 1999–2013 // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 144.

²¹ Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Публ. А. Х. Элрета, В. Хинтцше; пер. с нем. А. Х. Элрета. М., 2009. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 8. Ч. 1).

²² Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. С. 7–24.

²³ См. об этом также: Бондарь Л. Д. Предисловие от переводчиков // Мессершмидт Д. Г. «В Иркутском на реке Ангаре» (Дневник: Декабрь 1723 — февраль 1724) / Пер. с нем. О. Д. Лазуткиной; сост. Ю. И. Чивтаев. Иркутск, 2021. С. 25–32.

²⁴ Müller G. F. Ethnographische Schriften I / Bearb. von W. Hintzsche und A. Ch. Elert; unter Mitarbeit von H. Heklau. Halle, 2010. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 8).

²⁵ Müller G. F. Ethnographische Schriften II / Bearb. von W. Hintzsche, A. Ch. Elert. Halle, 2018. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 11). Рецензия на русское издание (вместе с предыдущими выпусками серии) была подготовлена Д. А. Функом (Функ Д. А. Уникальный источник... С. 142–148); на немецкое — Михаэлем Кнюппелем: Knüppel M. Müller, Gerhard Friedrich: Ethnographische Schriften I. Bearbeitet von Wieland Hintzsche und Aleksandr Christianovic Elert unter Mitarbeit



«Немецко-русские встречи – 2005». Слева А. Х. Элерт. Фото И. В. Тункиной

включающая текст известной инструкции Г. Ф. Миллера адъютанту И. Э. Фишеру (1740), основного памятника методики русских исторических исследований XVIII в., который здесь впервые издан в полном виде по архивным оригиналам на немецком языке, но до сих пор не издан в русском переводе.²⁶

Другим участником академического отряда экспедиции, материалы которого увидели свет в серии, стал Г. В. Стеллер. Помимо упомянутого выше первого тома, ему были посвящены еще три выпуска. В 2000 г. В. Хинтцше издал путевые заметки участников академического отряда из области между верхним течением Енисея и Иркутском:²⁷ помимо путевого журнала Г. В. Стеллера за март–май

von Heike Heklau // *Orientalistische Literaturzeitung*. 2014. Bd. 109 (2). S. 168–171; Knüppel M. Müller, Gerhard Friedrich: *Ethnographische Schriften II*. Bearbeitet von Wieland Hintzsche und Aleksandr Christianovič Ėlert. Wiesbaden: Verlag der Franckeschen Stiftungen zu Halle, Harrassowitz in Kommission 2018 // *Orientalistische Literaturzeitung*. 2019. Bd. 114 (1). S. 79–81.

²⁶ Издание перевода готовил к печати Г. В. Вернадский в академической типографии, но события 1917 г. помешали изданию частично готового набора. См.: *Тункина И. В. Г. В. Вернадский и его научные исследования 1915–1917 гг. по истории России XVIII в.* // ВИД. Т. 31. СПб., 2020. С. 404–408.

²⁷ *Reisetagebücher 1735 bis 1743: George Wilhelm Steller; Stepan Krašeninnikov; Johann Eberhard Fischer* / Bearb. von W. Hintzsche; unter Mitarbeit von T. Nickol, O. V. Novochatko und D. Schulze. Halle, 2000. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 2).

1739 г., здесь же помещены географические описания Г. В. Стеллера, А. Горланова, И. Яхонтова, И. Г. Гмелина, И. Э. Фишера. Продолжением публикации путевых заметок стал том 7, в котором помещены материалы Г. В. Стеллера и И. Э. Фишера за 1738–1745 гг.²⁸ Отдельный том посвящен письмам и прочим документам Г. В. Стеллера за 1739 г.²⁹

Особое внимание к фигуре Г. В. Стеллера объясняется не только масштабностью и значением его естественно-научных исследований во время экспедиции. Своего рода рабочим органом издательской серии долгие годы являлись мероприятия, организуемые Международным обществом Г. В. Стеллера в Галле (Internationale Georg-Wilhelm-Steller-Gesellschaft). Это научное общество, возглавляемое д-ром Анной-Элизабет Хинтцше (Anna-Elisabeth Hintzsche), ставит перед собой цели изучения и обнародования наследия немецкого врача и натуралиста на российской службе Г. В. Стеллера в неразрывной связи с научным творчеством других немецких ученых — участников Второй Камчатской экспедиции, а также более поздних путешественников, как классик естествознания Петр Симон Паллас (Peter Simon Pallas; 1741–1811).³⁰ Выступая координатором работы ученых многих специальностей из разных стран, с 1995 г. общество совместно с Фондом Франке, Институтом этнологических исследований Макса Планка и Главным хранилищем естественно-научных коллекций Университета Мартина Лютера Галле–Виттенберг организовывало ежегодные Немецко-русские встречи (Deutsch-Russische Begegnungen),³¹ являвшиеся международной платформой для обсуждения вопросов научного изучения Сибири в XVIII в.

А. Х. Элерт был участником четырех DRB (так долго, как позволяло здоровье). В 2006 г. тематикой DRB были «Естественно-научные и этнологические коллекции из Сибири (XVIII–XX в.)»; в тот год А. Х. Элерт выступил с докладом «Материалы к этнографии народов Сибири в РГАДА (Москва)». В следующем, 2007 г., в своем докладе А. Х. Элерт осветил специфический сюжет — «Алкоголь и другие наркотические средства во Второй Камчатской экспедиции». Темой доклада 2009 г. стали «Языческие верования и обычаи коренного населения Сибири в работах и материалах Второй Камчатской экс-

²⁸ Reisetagebücher 1738 bis 1745: Georg Wilhelm Steller; Johann Eberhard Fischer / Bearb. von W. Hintzsche; unter Mitarbeit von H. Heklau. Halle, 2009. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 7).

²⁹ Georg Wilhelm Steller. Briefe und Dokumente 1739 / Bearb. von W. Hintzsche; unter Mitarbeit von T. Nickol, O. V. Novochatko, D. Schulze. Halle, 2001. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 3).

³⁰ Официальный сайт общества: <https://www.steller-gesellschaft.de/>.

³¹ С 2022 г. мероприятия носят название Стеллеровские встречи.



Александр Христианович Элерт на «Немецко-русских встречах – 2009» (второй справа). Фото В. А. Абашника

педиции». В 2010 г. на сессии, затрагивавшей тематику «учитель – ученик» («К 350-летию со дня рождения Фридриха Гофмана (1660–1742), члена Петербургской Академии наук. Ученик Георг Вильгельм Стеллер (1709–1746) чтит своего учителя»), А. Х. Элерт совместно с исследователем из Тюменского государственного университета Дмитрием Александровичем Гоголевым предложил доклад «Исследования по древней истории в университетах Южной Германии в начале XVIII в.».

Серия «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» («Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven»), получившая благосклонные отзывы читателей и рецензентов,³² в которой на сегодня увидели свет 12 томов, продолжает свое существование, хотя понесенные утраты в лице таких деятельных авторов и консультантов документальных сборников, как Александр Христианович Элерт, безусловно, усложняют работу издателей, ограничивая имевшуюся прежде компетентную и безотказную поддержку.

³² Кроме указанных рецензий, см. также: *Robel G.* Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Band 1, Band 2, Band 3, Band 4/2 by Wieland Hintzsche, Dittmar Dahlmann, Aleksandr Ch. Èiert, Peter U. Møller // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* 2008. Bd. 56. Hf. 2. S. 285–287.

Список литературы

- Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965. 366 с.
- Бондарь Л. Д. Предисловие от переводчиков // Мессеримидт Д. Г. «В Иркутском на реке Ангаре» (Дневник: Декабрь 1723 – февраль 1724) / Пер. с нем. О. Д. Лазуткиной; сост. Ю. И. Чивтаев. Иркутск, 2021. С. 25–32.
- Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1730–1733. Морские отряды / Сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Мёллер. М., 2001. 641 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 4. Ч. 1).
- Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1734–1736. Морские отряды / Сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Мёллер. СПб., 2009. 942 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 6).
- Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1737–1738. Морские отряды / Сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Мёллер. СПб., 2013. 942 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 9).
- Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1739–1740. Морские отряды / Сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Мёллертцше. СПб., 2015. 968 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 10).
- Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1741–1742. Морские отряды / Сост. Н. Охотина-Линд. СПб., 2018. 872 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 12).
- Георг Вильгельм Штеллер. Письма и документы: 1740. М., 1998. 428 с. (Источники по истории Сибири и Аляски в русских архивах. Т. 1).
- Колчинский Э. И. Проект Виланда Хинтцше и его значение в моей жизни // *Collegae, amico, magistro*: Сборник научных трудов к 70-летию д-ра Виланда Хинтцше. Харьков, 2019. С. 40–42.
- Миллер Г. Ф. История Сибири: В 2 т. М.; Л., 1937–1941. 684, 637 с.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 1999–2005. Т. 1–3. 630, 796, 598 с.
- Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Публ. А. Х. Элерта, В. Хинтцше; пер. с нем. А. Х. Элерта. М., 2009. 456 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 8. Ч. 1).
- Охотина-Линд Н. А. И. Андреев и несостоявшиеся «Берингианы» // *Under Vitus Bering's Command. New Perspectives on the Russian Kamchatka Expeditions*. Århus, 2003. P. 179–221.

- Охотина-Линд Н.* «Я и мой Беринг...» (Частные письма Витуса Беринага и его семьи из Охотска в феврале 1740 г.) // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М., 2004. С. 177–220.
- Тункина И. В. Г. В.* Вернадский и его научные исследования 1915–1917 гг. по истории России XVIII в. // ВИД. Т. 31. СПб., 2020. С. 404–408.
- Функ Д. А.* Уникальный источник по истории Сибири и Аляски: Рецензия на серию книг «Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven», Halle, 2000–2010 / «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов». М.; СПб., 1999–2013 // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 144.
- Элерт А. Х.* Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. 239 с.
- Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition: 1730–1733. Akademiegruppe / Bearb. von W. Hintzsche in Zusammenarbeit mit N. Ochotina-Lind und P. U. Møller; unter Mitarbeit von H. Heklau, K. Küntzel und B. Meister. Halle, 2004. 960 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 4. Tl. 2).
- Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition: Januar – Juni 1734. Akademiegruppe / Bearb. von W. Hintzsche; unter Mitarbeit von H. Heklau, K. Küntzel, B. Meister und O. V. Novochatko. Halle, 2006. 485 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 5).
- Georg Wilhelm Steller. Briefe und Dokumente: 1739 / Bearb. von W. Hintzsche; unter Mitarbeit von T. Nickol, O. V. Novochatko, D. Schulze. Halle, 2001. 535 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 3).
- Georg Wilhelm Steller. Briefe und Dokumente: 1740. Halle, 2000. 387 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 1).
- Knüppel M. Müller, Gerhard Friedrich:* Ethnographische Schriften I. Bearbeitet von Wieland Hintzsche und Aleksandr Christianovic Elert unter Mitarbeit von Heike Heklau // Orientalistische Literaturzeitung. 2014. Bd. 109 (2). S. 168–171.
- Knüppel M. Müller, Gerhard Friedrich:* Ethnographische Schriften II. Bearbeitet von Wieland Hintzsche und Aleksandr Christianovič Elert. Wiesbaden: Verlag der Franckeschen Stiftungen zu Halle, Harrassowitz in Kommission 2018 // Orientalistische Literaturzeitung. 2019. Bd. 114 (1). S. 79–81.
- Müller G. F.* Ethnographische Schriften I / Bearb. von W. Hintzsche und A. Ch. Elert; unter Mitarbeit von H. Heklau. Halle, 2010. 817 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 8).

- Müller G. F.* Ethnographische Schriften II / Bearb. von W. Hintzsche, A. Ch. Elert. Halle, 2018. 808 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 11).
- Ochotina-Lind N.* Die Bedeutung der Kamtschatkaexpedition für das Leben im Fernen Osten, in Sibirien und im Russischen Reich // Collegae, amico, magistro: Сборник научных трудов к 70-летию д-ра Виланда Хинтцше. Харьков, 2019. S. 201–214.
- Reisetagebücher 1735 bis 1743: George Wilhelm Steller; Stepan Krašennikov; Johann Eberhard Fischer / Bearb. von W. Hintzsche; unter Mitarbeit von T. Nickol, O. V. Novochatko und D. Schulze. Halle, 2000. 627 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 2).
- Reisetagebücher 1738 bis 1745: Georg Wilhelm Steller; Johann Eberhard Fischer / Bearb. von W. Hintzsche; unter Mitarbeit von H. Heklau. Halle, 2009. 601 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 7).
- Robel G.* Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Band 1, Band 2, Band 3, Band 4/2 by Wieland Hintzsche, Dittmar Dahlmann, Aleksandr Ch. Èiert, Peter U. Møller // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2008. Bd. 56. Hf. 2. S. 285–287.

В. ХИНТЦШЕ

Галле, Германия

ВСТРЕЧА ДАНИЭЛЯ ГОТЛИБА МЕССЕРШМИДТА С ХЕЛЕНОЙ БЁКЛЕР, ЕГО БУДУЩЕЙ СУПРУГОЙ, И ЕЕ ОТЦОМ ГЕОРГОМ ВИЛЬГЕЛЬМОМ БЁКЛЕРОМ*

В память о дружеской и плодотворной
многолетней совместной работе
с Александром Христиановичем Элертом

В статье, на основе анализа дневника естествоиспытателя, одного из первых исследователей Сибири Д. Г. Мессершмидта (1685–1735), уточняются факты его биографии: об экспедиции в Сибирь, знакомстве с капитаном инфантерии Г. В. Бёклером, вскоре ставшим его другом, и его дочерью Бригиттой Хеленой, вышедшей впоследствии за него замуж. В статье публикуются поэтические фрагменты дневника: переписка в стихах Мессершмидта и Бёклера, а также сонет, посвященный Бригитте Хелене.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, экспедиции в Сибирь в XVIII в., дневниковые записи, биографии, стихотворные посвящения.

В пятом томе путевого дневника немецкого исследователя Сибири на русской службе Даниэля Готлиба Мессершмидта (Daniel Gottlieb Messerschmidt; 1685–1735) сохранилось несколько известий о его первой встрече с будущей супругой Бригиттой Хеленой Бёклер (Brigitta Helena Böckler). Эти известия интересны еще и потому, что с этой дамой позднее в Петербурге познакомился Георг Вильгельм Стеллер (Georg Wilhelm Steller; 1709–1746) и женился на ней в 1737 г. — перед своей отправкой во Вторую Камчатскую экспедицию. Она сопровождала его до Москвы, но после отъезда Г. В. Стеллера из Москвы весной 1738 г. не последовала за ним дальше. Среди известных на сегодня документов Г. В. Стеллера сохранились лишь немногие упоминания о его жене.

Пятый том дневника Д. Г. Мессершмидта, который, как и другие четыре тома, хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, содержит сведения за 1726 г. В последнем томе изданных дневников Д. Г. Мессершмидта, подготовленных Э. Винтером и др.,¹ воспроизведены записи Д. Г. Мессершмидта с ноября 1725 г., однако для 1726 г. здесь содержатся только записи с 1 января до 12 апреля — менее чем на 80 печатных страницах, соответствующих примерно 190 стра-

* Перевод с немецкого Л. Д. Бондарь.

¹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien: 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Tl. 1–5. Berlin, 1962–1977.*



Первое пленарное заседание Международного симпозиума «Три столетия академических исследований Югры». Слева направо: Е. А. Хелимский (Гамбург), В. Хинтцше (Галле), Д. А. Редин (Екатеринбург), К. Кюнтцель-Витт (Гамбург), В. И. Байдин (Екатеринбург), А. Х. Элерт (Новосибирск). Сургут, 8 сентября 2005 г.

ницам рукописи, в то время как оригинал пятого тома рукописного дневника содержит почти 750 страниц. Особенно досадно, что тексты были сокращены, а основная часть рукописи с 13 апреля 1726 г. и до конца года отсутствует полностью.

На своем обратном пути в Петербург Д. Г. Мессершмидт разместился на зимней квартире в Самаровском Яме (сегодня — Ханты-Мансийск) при впадении Иртыша в Обь, где он оставался до середины февраля 1726 г. Оттуда в конце февраля он выехал в Тобольск, задержался там примерно на три недели и в конце марта продолжил свое путешествие дальше — через Урал в сторону Соликамска, одного из известных (благодаря добыче в нем соли) городов западного Урала, куда прибыл в середине апреля. Дальнейшее путешествие задерживалось, так что Д. Г. Мессершмидт вынужден был оставаться в Соликамске почти целый год: он смог продолжить свой путь лишь в середине декабря. Через Москву в конце марта 1727 г. он добрался до Петербурга — начального и конечного пункта его многолетнего научного путешествия.

По содержанию дневник за 1726 г. не отличается от прочих томов. Наряду с указанием мест, через которые проходил путь, помещены подробные описания животных (где особое внимание уделено птицам), растений и минералов. Д. Г. Мессершмидт фиксирует свои наблюдения над местными народами, анализирует их языки и историю. В конце каждого месяца он помещает своего рода резюме главных результатов. В этих резюме содержатся, сопровождаясь точными датировками, данные о том, каких животных или какие растения он наблюдал и описал, какие вещи и материалы он купил, израсходовал, потерял или отдал, какие письма он получил или отправил, кто его посетил и кого он посетил, что делали члены его группы и многое другое. Так, например, можно узнать, в какие дни его слуга Петер Кратц бывал пьян или «впадал в блуд». Для тех, кто занимается историей Второй Камчатской экспедиции, будет интересно получить некоторые сведения о тех, кто пребывал в Сибири уже в 1720-е гг. и затем сыграл свою известную роль в истории десять лет спустя. В качестве примера может быть назван Витус Беринг (Vitus Bering; 1681–1741) и некоторые его морские офицеры, будущий вице-губернатор Иркутска Лоренц Ланг (Lorenz Lange; 1684–1752), хирург Филипп Вильгельм Буцковский (Philipp Wilhelm Butzkowsky; 1705–1772), нотариус Фридрих Гейденрейх (Friedrich Heidenreich) и др.

Уже вскоре после прибытия в Соликамск 10 апреля 1726 г. Д. Г. Мессершмидт познакомился с уроженцем Ревеля, капитаном инфантерии Георгом Вильгельмом Бёклером (Georg Wilhelm Böckler). Жена Г. В. Бёклера, Доротея Юлиана, урожденная Линдеман, жила в то время в Петербурге. Из троих их детей, двух дочерей и одного сына, с отцом в Соликамске оставалась только старшая дочь Бригитта Хелена. Уже 17 апреля Г. В. Бёклер нанес Д. Г. Мессершмидту первый визит, во время которого каждый из них обрисовал другому свой жизненный путь. Г. В. Бёклер, который, по словам Д. Г. Мессершмидта, был примерно 40 лет от роду, то есть примерно того же возраста, что и Д. Г. Мессершмидт, в 1722 г. поступил на русскую службу и был направлен в Соликамск в качестве сборщика. По-видимому, между Д. Г. Мессершмидтом и Г. В. Бёклером с самого начала установилось взаимопонимание. В результате вплоть до отъезда Д. Г. Мессершмидта они наносят друг другу практически ежедневные визиты. Они общаются за чаем, пивом или вином до поздней ночи. Уже через неделю Г. В. Бёклер записывает дружеское стихотворение в записную книжку Д. Г. Мессершмидта.

У них нет недостатка в темах для разговора, их объединяет твердая христианская вера. Они вместе читают теософские сочинения и дискутируют о христианстве. Насколько вдохновляющими долж-

ны были бы эти беседы, можно, вероятно, судить и по тому, что Д. Г. Мессершмидт все чаще пишет стихи и эпиграммы на латинском и немецком языках и заносит их в свой дневник.

Первое упоминание о дочери Г. В. Бёклера, Бригитте Хелене, помещено в дневнике Д. Г. Мессершмидта 26 июля 1726 г. Во время одного из визитов Г. В. Бёклера Д. Г. Мессершмидт показывает ему несколько отрезков шелковых тканей и предлагает Г. В. Бёклеру выбрать что-нибудь для его дочери в знак дружбы. Однако Г. В. Бёклер отвергает это, как пишет Д. Г. Мессершмидт, «довольно решительно». Вероятно, к этому времени у Д. Г. Мессершмидта к дочери Г. В. Бёклера, которой в то время было чуть меньше 14 лет, уже оформилось чувство, выходящее за рамки простой симпатии, что, конечно, не могло остаться незамеченным. Через четыре недели, 20 августа, Д. Г. Мессершмидт пишет о двух примечательных снах, в которых Д. Г. Мессершмидта с Г. В. Бёклером встречают его супруга и Бригитта Хелена. 26 августа, в четырнадцатый день рождения Бригитты Хелены, Д. Г. Мессершмидт встречается с казначеем Шетневым (Schetnew), другом семьи Бёклеров. Они поднимают тост за день рождения Бригитты Хелены, и Шетнев рассказывает ему кое-что из ее жизни. Об этом Д. Г. Мессершмидт пишет:

Вместе с тем он дал мне следующие сведения об одном очень милом и славном ребенке, которому суждено было родиться 26 августа 1712 г., в 8 часов вечера в Стокгольме, родители же при этом, Г. В. Б. и Д. Ю. Л., оба были лифляндцами, и там же она была крещена графиней Бригиттой-Крусс фон Вреден, а потому названа именем Бригитта Хелена. Ее талия была очень тонкой и нежной, ее личико — смуглым, но еще более — волосы и глаза, по сравнению с кожей, которая, кроме нескольких, очень редких и маленьких опсненных ямочек, выглядела более розовой и белой с едва заметными прожилками; нос был совсем слегка орлиным, губы тонкие и алые; нрава приятно тихого, но весьма склонна пошутить; при этом вполне готова к хозяйственным занятиям, особенно к уходу за больными, и это благодаря своему терпению и спокойствию. На девятом году жизни она вместе с родителями вновь переехала в Лифляндию, к своей бабушке, благородной и богобоязненной матроне, весьма болезненной, для присмотра и заботы. В Ревеле же она была вверена некоему благородному и религиозному ближайшему их родственнику для наставления в христианстве, и с того времени не имела возможности видеть родителей. Кроме шведского, она владела также и немецким языком, могла на обоих читать и прекрасно писать. О придворных занятиях и разговорах ей до настоящего времени ничего не было известно, и только лишь сейчас ее стали вовлекать в беседы на гражданские темы. Для занятий музыкой, рисованием, танцами и подобными предметами у нее до сегодняшнего дня не было никакой возможности. Но при всем при этом она была так полна стремлением быть похожей на свою маму, что можно было легко себе представить одну, увидев другую. В тот день как раз у нее остался позади ее четырнадцатый год, и она вступила, таким образом, в этот пятнадцатый день рождения, в пятнадцатый год своей жизни.²

² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 262 об.–263. 26 августа 1726 г.

В тот же день Д. Г. Мессершмидт написал эпиграмму (эпиграмма № 85 в нумерации Д. Г. Мессершмидта) для Бригитты Хелены Бёклер «на ее пятнадцатый день рождения — считая с 26 августа 1712 г.» («Unter Brigittta Helena Boeclerin Nahmen, an ihrem fünfftzehenden Geburts=tage d[ie] 26. Aug[usti] 1712 seqq.»):

Wie leicht verblend't uns doch des Welt=Geists schnöde Pracht,
Wenn wir nicht unsern Geist in Gottes Wesen schwingen,
Noch in die Lieblichkeit des Holden Schöpfers dringen,
So überschwenklich: Ja! Brigitta Hat's Bedacht;
Du Martha magst dich wol dem Welt=Geist' anverschreiben;
Mariae theil ist mein! Ich wil bey dem Heylandt bleiben;
Er! Er ist weiß und roth! Ich räum' mein Hertz' ihm ein;
Sein Gottes=Will' sey Mein, Mein Will' soll Gottes seyn.³

Подпись под эпиграммой гласит: «Написал *Vulcanius Apollinaris*.⁴ Соликамский, 26 августа 1726 г.».⁵

Передал ли Д. Г. Мессершмидт кому-либо эту эпиграмму (или сонет), или увековечил лишь в дневнике, неизвестно. Также в дневнике нет сведений о том, встречался ли лично Д. Г. Мессершмидт с Бригиттой Хеленой, равно как и о том, отвечала ли она ему взаимностью с самого начала. Вместе с тем очевидно, что дружба с Г. В. Бёклером никак не была омрачена. 5 сентября, или 16 сентября по новому исчислению, в день рождения Д. Г. Мессершмидта, Г. В. Бёклер посылает ему короткое приветствие (эпиграмма 90) «Благородному и высокообразованному господину доктору Даниэлю Готлибу Мессершмидту по случаю счастливо отмечаемого им дня рождения 5/16 сентября 1726 г. в Соликамском в Пермской земле» («An den Wol Edlen und Hochgelahrten Herrn Doctor Daniel Gottlieb Messerschmidt, da Er d[ie] 5/16 Sept[embris] 1726. seinen Geburts=Tag in Ssolikamskoi in Permien glücklich erlebet»):

Ein Unstudirter Freundt, doch wol geübt in Leidt;
Wünscht Seinem Werthen Freund' auß Hertzens Redlichkeit:
Der Gott, so Ihn gefuhr't durch ein und viertzig Zeiten,
Woll' Seines Lebens=Läng' noch ein's so weit außbreiten;
Den Seinigen zur Freud', zu Gottes Preiß und Ruhm,
Biß einst die Seele ruh' in Gottes Heiligthum.⁶

³ Здесь и далее поэтические произведения сохраняем на языке оригинала, сопровождая краткой аннотацией. В этой эпиграмме, воспевая великолепие и красоту творения Божия, автор прославляет тот момент, когда Творцом была задумана Бригитта. Наполняя свое сердце Богом, автор предается его воле.

⁴ Таким псевдонимом Д. Г. Мессершмидт подписывал свои эпиграммы.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 263 об.

⁶ В этих строках не получивший образования, но окрепший в страданиях друг посылает пожелания дорогому другу, чтобы Господь, ведя по жизни 41 год, продлил и далее его годы и когда-то упокоил в своем царствии.



Александр Христианович с женой Ниной Алексеевной.
Новосибирск, Академгородок, 2003 г.

Подпись под стихотворением: «Сочинено добрым знакомым, капитаном».⁷

В качестве ответа Д. Г. Мессершмидт сочинил сонет к «доброму другу» («Gar Wohl Bekandten Freundt»)⁸

Главная тема бесед с Г. В. Бёклером лежала в русле теологических работ Иоганна Вольфганга Бёклера (Johann Wolfgang Böckler), отца Г. В. Бёклера, который служил священником в Эстляндии. Д. Г. Мессершмидт основательно изучает эти труды, занимается историей семьи Бёклеров и пишет по этому поводу несколько сонетов, как например, «Сонет о славном отголоске бёклерова имени в его покорном друге» («Sonnet oder Kling=gedicht über den Rühmlichen Nachklang des Boeclerischen Nahmens an s[einen] Geneigten Freund»):

Die Alten schätzten sich für Glücklich seyn entsproßen,
Wenn vieler Ahnen Glantz und Edle Tapfferkeit,
Die Ehren=staffeln hie den Kindern zu bereit't,
Und jener Tugend=Ruhm auch auff Sie kahn gefloßen.
Weit glücklicher mag ja wol dieser seyn gebohren,
Von deßen Ahnen her ein Gottergebner Sinn

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 274 об.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 275 об.-276.

Durch Kindeskindt sich streckt zu seiner Seelen hin,
Und der des Höchsten Will' zum Richt=Schnur ihm erkohren.
Der Ahnen Tugendt=Glantz, der Eltern frommes Wesen,
Mein Boecler! Beydes ist in deiner Brust zu lesen,
Drumb ist dir auch von Gott ein Gattin zugezehlet
So gleiche Tugendt=lieb und Gottes=furcht erwehlet;
Ja! selbst der Tochter Hertz läßt früh diß Feür schon kennen,
Waß wirdt sich neben Ihr der Sohn nicht glücklich nennen?⁹

Подпись: «Написал *Vulcanius Apollinaris*, путешественник. Соликамский, 29 сентября 1726 г.».

Символ: «*Vita Αλοδημία! Dirige Gressus Meos, Domine!*»¹⁰

Вновь и вновь в его стихах встречаются намеки на Бригитту Хелену. Сонет № 114 от 8 октября «К благородно рожденной фройляйн, фройляйн Б. Ф. Х. Т. Б.» («Sonnet 114. Kling=Gedichtliches Schreiben An das Wohlgebohren Fraülein, Fraülein B. F. H T. B») адресован непосредственно Бригитте Хелене, но и здесь по-прежнему не ясно, был ли он сочинен только для дневника или действительно был ей передан.

Mein Fraülein!
Wo ich nicht zu frey die Feder führe,
Die mich der führen heiß't, den Sie alß Vater her't,
Und seine Neigung auch zu meiner Neigung kehrt;
Schreib' ich: daß Gottes=furcht des Fraülein Schönheit ziere.
Mag man der Sonnen auch ihr Licht und Strahlen wehren?
Ich las' ein Schreiben kaum von Ihrer zarten Handt,
So wurd mir baldt darauß das reine Feür bekannt,
Wodurch Ihr Hertze such't den Schöpffer zu verehren.
Gewiß! Wo dieses Feür auff dem Altare brennet,
Verzehr't es alles dieß waß Sich sonst Eitel nennet;
Das Hertze wünschet nichts alß das waß Gott gefäll't,
Und sehn't sich nie nach dem waß scheinbahr auff der Welt:
Drumb kan, Mein Fraülein! auch Ihr Hertz nichts beßers wehlen,
Alß dieß waß Gott geliebt zu seinem Theil zu zehlen.¹¹

Подпись: «Благородной фройляйн! Верный в помыслах друг. Соликамский, 8 октября 1726 г.»¹²

⁹ Вспоминая о том, что древние видели свое счастье в славе своих предков, проливающей свой свет и на потомков; предки же Бёклера отличались добродетелями и благочестием; все это читается и в их потомке, которому Господом была дарована супруга. Этот свет узнается и в дочери, рядом с которой каждый сын может назвать себя счастливым.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 294.

¹¹ Воспевая божественную красоту фройлян и сравнивая ее с лучами солнца, автор упоминает некие написанные ею строки, в которых читается прославление Создателя. Сердце желает божественного и равнодушно к мирскому; и сердце фройляйн не может выбрать ничего лучше того, что определено Богом.

¹² Жизнь странственная! Направляй шаги мои, Господи!; СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 302.

Больше до конца дневника никаких упоминаний о Бригитте Хелене не встречается. Из Соликамска Д. Г. Мессершмидт отправился 14 декабря 1726 г. и прибыл в Петербург 27 марта 1727 г. Как произошла их новая встреча и каков был путь к созданию супружеской пары, неизвестно. Так же, как до сих пор ничего не известно о том, как Г. В. Стеллер познакомился с Бригиттой Хеленой Мессершмидт. После бракосочетания в 1737 г. их совместная жизнь была недолгой, так как Бригитта рассталась с Г. В. Стеллером после его отъезда из Москвы в марте 1738 г. Ее немногочисленные известные письма после 1738 г. содержат исключительно требования к Г. В. Стеллеру о присылке денег. Интересно краткое составленное Г. В. Стеллером на русском языке короткое завещание 1746 г., которым он передает свое имущество своей жене и дочери (т. е. дочери Д. Г. Мессершмидта). После смерти Г. В. Стеллера Бригитта Хелена вышла за муж за придворного по фамилии Альвенслебен (Alvensleben), после чего дальнейший ее след теряется.

Г. В. Бёклер переслал Д. Г. Мессершмидту 8 октября 1726 г. сведения о истории семьи Бёклеров:

Сведения о нашей семье (эстляндских Бёклеров)

Отец — Иоганн Вольфганг Бёклер (Joan. Wolfgang Boeclerus) (A). Умер.

Мать — Гертруда-Хелена Гёскен (Gertrudt-Helena Goesken) (B). Умерла.

Их дети	Внуки	Дети	Внуки
1) Иоганн Генрих (Joannes Henricus) (C)	5	5) Агнет-Гертруд (Agneta-Gertrudt) (G)	15
2) Кароль Якоб (Carolus Jacobus) (D). Умер	0	6) Иоанна-Кристина (Joanna-Christina) (H). Умерла	3
3) Георг Вильгельм (Georgius Wilhelmus) (E)	3	7) Катарина Элизабет (Catharina Elisabeth) (I). Умерла	0
4) Магдалена Вероника (Magdalena Veronica) (F). Умерла	2	Всего детей — 7. Внуков — 28	

Моя жена — Доротея Юлиана, урожденная Линдеман (Dorothea Juliana Lindemann) (K)

Ее мать — Анна Мария фон Лоден (Anna Maria von Loden) (L)

Наши дети:

1) Бригитта-Хелена (Brigitta-Helena), родилась в Стокгольме 26 августа 1712 г.¹³

2) Ульрика-Элеонора (Ulrica-Eleonora), родилась в Стокгольме <...> 17<...>¹⁴

3) Бенг-Вильгельм (Bengh-Wilhelm), родился в <...> <...> г. Умер.

¹³ На полях (позднейшая?) пометка: «NB».

¹⁴ Пропуски в тексте документа.

Объяснение литер:

- А) Священник в Кусале (Kūsal), в Эстляндии; ординарный ассессор в Оберконсистории в Ревеле (его труды см. выше — 24 сентября). Родом из Литвы.
 - В) Ее отец — препозит в Эстляндии, из иностранцев.
 - С) Полковник и комендант на Готланде, на службе его королевского величества Швеции. Его жена — Хедвиг фон Клодтен (Hedwig von Clodten), дочь ландрата Клода фон Юргенсбурга (Clodt von Jürgensburg).
 - Д) Ротмистр лейб-полка его королевского величества Швеции. Его нареченная невеста, баронесса фон Будбуш (von Budbusch), уехала в Шонию.
 - Е) Капитан инфантерии его императорского величества России.
 - Ф) Замужем за капитаном Беккером (Becker), лейб-драгуном его королевского величества Швеции.
 - Г) Замужем за капитаном Вейсеном (Weissen), капитаном инфантерии его королевского величества Швеции.
 - Н) Замужем за капитаном Лепсом (Leps), капитаном инфантерии его королевского величества Швеции.
 - И) Умерла незамужней.
 - К) Ее отец — ассессор ленного суда в Эстляндии; происходит из Магдебурга.
 - Л) Ее отец — ленный судья в Эстляндии, вице-президент шведской Королевской редуccionной комиссии.
- Написал в Соликамском 7 октября 1726 г. Георг Вильгельм Бёклер.¹⁵

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 302 об.

А. Е. АНИКИН

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

КОММЕНТАРИИ К ДВУМ ПУНКТАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ Г. Ф. МИЛЛЕРА

Элерт — это Миллер сегодня.

Е. А. Хелимский

В статье излагаются соображения относительно двух пунктов научной программы, разработанной Г. Ф. Миллером для изучения этнографии народов Сибири. Речь идет главным образом о происхождении упоминаемого в одном из этих пунктов слова *жупан* 'камчадал, считающий себя женщиной и пользующийся женским входом в юрту'. Высказываются аргументы в пользу его исконнорусской этимологии (поддержанной А. Х. Элертом): от названия части тела *жу́па* — *жопа*.

Ключевые слова: этнография народов Сибири, камчадалы (ительмены), жупан (человек измененного пола), происхождение слова.

С Александром Христиановичем Элертом меня заочно познакомил лет 25 назад известный лингвист Е. А. Хелимский (1950–2007), попросив передать Элерту небольшую книжную посылку. Оценку Элерта как Миллера сегодняшних дней, т. е. достойного современного продолжателя дела великого ученого XVIII в., он давал полушутя, по-приятельски, но теперь, после ухода обоих ученых из жизни, «полушутливость» исчезла, оценка звучит всерьез, и ей следует доверять. Е. А. Хелимский оценивал А. Х. Элерта со знанием дела.

Как и Элерт, Хелимский был постоянным исследователем разностороннего (важного для разных отраслей гуманитарного знания) наследия академика Г. Ф. Миллера и его современников-ученых. Оба ученых питали большую симпатию и уважение к личности Миллера, заботились о памяти о нем¹ и были весьма критически настроены по отношению к его оппонентам.² Е. А. Хелимский всегда говорил о Миллере с воодушевлением, — например, говоря как-то раз о том, какую подробную программу тот подготовил для изучения этнографии народов Сибири: «Она включала даже сбор сведений о позициях при половом сношении!».

¹ Е. А. Хелимский, будучи профессором Гамбургского университета, встречался с бургомистром города Херфорда (где родился Г. Ф. Миллер) в Вестфалии, заговорив с ним о возможности установки памятника ученому, что осталось, правда, без последствий. Г. Ф. Миллер не был вполне «своим» ни на своей родине, ни в России.

² «А какие доносы писал!..» — как-то раз сказал Хелимский об одном из этих оппонентов (имеются в виду доносы на Миллера), и это высказывание Элерт встретил одобрительной улыбкой.

А. Х. Элерт по этому поводу уточнил (устно), что речь идет о пункте этнографической программы Миллера (далее — ПМ), касающемся сексуальных «позитур». Он подарил мне свою книгу, в которой содержится его перевод этой программы,³ использовавшейся при работе на Камчатке С. П. Крашенинниковым и Г. В. Стеллером и способствовавшей достижениям обоих ученых. Сам Г. Ф. Миллер на Камчатке, как известно, не был, но собрал в Якутске обширные сведения о ней и ее обитателях.

Соответствующий пункт ПМ (№ 610) выглядит следующим образом:

О той позитуре, как муж с женою спит.⁴

Слово *спит* значит здесь, несомненно, ‘находится в половой связи’.

Слово *позитура* ‘положение тела и членов его’⁵ (по Далю) было хорошо известно в литературном русском языке XVIII–XIX вв. (встречается и позднее), оно используется, например, в одном из эпиграфов А. С. Пушкина к «Капитанской дочке» (из комедии Я. Б. Княжнина «Чудаки» 1790 года):

Ин изволь, и встань же в позитуру,⁶
Посмотришь, проколю как я твою фигуру.

Названный пункт ПМ, вероятно, мог бы стать предметом специальной публикации, но он привлекается здесь лишь в связи с другим, который и будет рассматриваться ниже. А именно, речь идет о пункте № 600, формулируемым на первый взгляд несколько загадочно:

О камчатских жупанах.⁷

Как будет видно из последующего изложения, «жупаны» и «позитуры» тематически отчасти связаны, при этом «жупаны» не являются только камчатскими.

Два названных пункта ПМ выбраны в данной заметке потому, что они стали одной из тем последних моих разговоров с А. Х. Элертом летом и осенью 2022 г. Причиной же моего интереса к «жупанам» стало то, что слово *жупан* в разных значениях вошло в словник 17-го выпуска «Русского этимологического словаря»,⁸ который мне как раз и довелось готовить в 2022 г. Как это бывало не раз, Элерт дал в ходе нашего общения некоторые существенные сведения и под-

³ Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999.

⁴ Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. С. 211.

⁵ Из среднелатинского *positura* ‘позиция’.

⁶ Здесь речь идет, естественно, о «позитуре» для фехтования.

⁷ Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. С. 210.

⁸ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 17. М., 2023. Книга посвящена памяти А. Х. Элерта.



Слева направо: А. Т. Шашков, А. Е. Аникин, А. Х. Элерт, В. Хинтцше. 2005 г.

сказки. Из его рук я получил также еще одну книгу, подготовленную им вместе с немецким ученым Виландом Хинтцше⁹ и используемую в данной публикации.¹⁰

* * *

Ниже речь пойдет о разных значениях слова *жупан* или слов-омонимов с таким обликом и их происхождении в русском языке.¹¹

Помимо слов *жупан* 'род властителя у славян' и *жупан* 'род верхней одежды' в источниках по русской лексике известны еще два диалектных омонима, оба являются редкими и давно вышедшими из употребления. Первый из них — камчатское *жупан* 'другой, не через

⁹ С благодарностью вспоминаю гостеприимный дом В. Хинтцше и Э. Хинтцше в городе Халле (Заале), где мне вместе с А. Х. Элертом и другими участниками научной конференции памяти Г. В. Стеллера посчастливилось побывать в ноябре 2008 г.

¹⁰ *Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов* / Публ. А. Х. ЭлERTA, В. Хинтцше; пер. с нем. А. Х. ЭлERTA. М., 2009. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 8. Ч. 1).

¹¹ Изложенные в данной статье соображения апробировались в докладе на конференции в Екатеринбурге. См.: *Аникин А. Е. Из истории русских омонимов: жупан* // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: V Международная научная конференция. Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г. Екатеринбург, 2022. С. 6–12.

дымоход, выход из юрты', 'труба для впуска воздуха во время топки',¹² объясняемое как заимствование из ительменского (камчадалского) источника типа *shoponach* 'входная дверь зимней хижины камчадалов'¹³ = *шопоначь* 'закрышка нижнего отверстия юрты' (Крашенинников 1949: 685, 696).¹⁴ Это слово, согласно О. М. Мудраку, происходит от ительм. *sop-es* и др. 'закрывать' [Мудрак 2008: 193].¹⁵

Как название части жилища слово *жупан* дошло до «русской Америки»: в начале XIX в. оно фиксируется в этом качестве морским офицером Г. И. Давыдовым при описании жилищ обитателей о-ва Кадьяк: «Из кухни в сторону есть не большое круглое отверстие, закрываемое доскою, куда с великим трудом только пролезть можно, дабы войти в теплый покой, называемый русскими *жупан*, занимаемый обыкновенно двумя или тремя семействами, а весьма редко одним. Таких *жупанов* у каждой кухни бывает по два и по три, смотря по числу семей живущих вместе».¹⁶ Значение в данном случае изменилось по метонимии: 'выход из жилища' > 'лаз в «теплый покой» > «теплый покой».

Ительменское *shoponach* расценено В. Г. Богоразом и как источник второго из рассматриваемых омонимов,¹⁷ который скорее всего имел в виду Г. Ф. Миллер в своей программе, называя «камчатских жупанов». А именно, речь идет о рус. *жупан* в качестве засвидетельствованного в XVIII–XIX вв. на Камчатке, а также на Колыме и в «русской Америке» названия мужчины, считающего себя женщиной и выполняющего женские работы и прочие обязанности. По данным Г. Ф. Миллера (в переводе А. Х. Элерта), «на Камчатке имеются... лица мужского пола, которые, вопреки природе, разрешают использовать себя для разврата с задней позиции. Их называют на языке этой страны *Tschirapami*. ...Они живут среди женщин, выполняют все женские работы и одеваются по-женски».¹⁸ «Заднюю позицию» («позитуру»), о которой говорится у Г. Ф. Миллера, Г. В. Стеллер в сво-

¹² Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр., доп. М.; Новосибирск, 2000. С. 207.

¹³ Богораз В. Г. Чукчи. Т. 2: Религия. Л., 1939. С. 134.

¹⁴ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. 4-е изд. М.; Л., 1949. С. 685, 696.

¹⁵ Мудрак О. А. Свод камчадалской лексики по памятникам XVIII века. М., 2008. С. 193.

¹⁶ Давыдов Г. И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. 2. СПб., 1812. С. 20. Курсив мой. — А. А.

¹⁷ Богораз В. Г. Чукчи. С. 134.

¹⁸ Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. С. 151.

ем описании Камчатки обозначает латинским *per anum* 'через анус'¹⁹ применительно к юнцам-*жупанам*,²⁰ тем же *Tschupan*'ам у Миллера.

Как можно заметить, в цитированном тексте Г. Ф. Миллера совмещаются сведения по рассматриваемым здесь пунктам его этнографической программы (№ 600 и 610) — о «позитурах» и о «жупанах», только в № 610 говорится о «муже с женой», что приобретает некоторую специфику в случае с «жупанами».

Нижний вход в жилище использовался женщинами и «превращенными» мужчинами-*жупанами*, для мужчин как таковых предназначался вход на крыше через дымоход.²¹ Если принять, что название человека измененного пола происходит от ительменского названия «женского» входа в юрту (как считал В. Г. Богораз), то рус. *жупан* в качестве подобного названия пришло на Колыму с Камчатки. Но направление диффузии слова не столь ясно.

Несколько более подробных сведений о *жупанах*. «Среди русских поселенцев на Нижней Колыме, которые ничем не отличаются от обрусевших юкагиров... я встретил старика, который имел бороду и мужские детородные органы. Несмотря на это, он всю жизнь прожил как женщина. Он носил женскую одежду, исполнял женские работы и даже в разговоре говорил о себе в женском роде. Соседи называли его *жупан*. Это имя представляет местное русское название человека измененного пола и применяется также и по отношению к превращенным туземцам».²² Данные В. Г. Богораза относятся к рубежу XIX–XX вв. За полтора века до этого С. П. Крашенинников писал о *жупанах*: «Мужики, женскую должность отправляющие, из которых иные собственных мужей имели, а иные переменных».²³ По описанию Г. В. Стеллера, ительменские юноши-*жупаны* «...должны были облекаться в женское платье, жить среди женщин, исполнять их обязанности и работы и вообще во всем вести себя как женщины. В былые времена этот обычай был настолько распространен, что почти каждый мужчина держал при себе юношу; женщины были

¹⁹ Представление о неестественности соития *per anum* = рус. *через задницу*, в грубом просторечии — *через (в) жопу*, могло стать в русском языке мотивировкой для очень частого функционирования этого выражения в значении 'не так, как следует; нелепым образом, по-дурачки': *делать (всё) через жопу и под*.

²⁰ *Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 284. (Камчатка в описаниях путешественников: Серия трудов ученых и исследователей. Вып. 3).

²¹ По описанию Г. В. Стеллера, при входе через дымовое отверстие мужчинам приходилось спускаться по лестнице или стволу с вырубленными приступками, рискуя задохнуться в дыму от очага. Но для ительменов это было привычным и нетрудным делом. См.: *Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки. С. 183.

²² *Богораз В. Г.* Чукчи. С. 134.

²³ *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. С. 695.

этим очень довольны, обходились с такими педерастами наилучшим образом и дружили с ними. Русские называют таких педерастов *жу-пананами*, ительмены же на Большой реке — *коях*, а в Нижнем острове — *кояхчич*. Такое мужеложство продолжалось до принятия этим народом христианства».²⁴ Аналогии *жупанов* были известны, например, у чукчей: чук. *ηάισγιῶ(η)* 'превращенный шаман (считающий себя женщиной и ведущий женский образ жизни)', букв. 'женоподобный' (также *jyrkā-laul*, букв. 'мягкий человек').²⁵

Границы ареала, где известно такое же «превращение» пола, как у ительменов и чукчей, чрезвычайно широки: подобных явлений, отмечавшихся еще испанскими конкистадорами, некогда было «сколько угодно в Америке и прежде всего у береговых племен запада».²⁶ Однако слово *жупан* было известно, видимо, лишь в пределах русских владений. По данным Г. И. Лангсдорфа (начало XIX в.), в «русской Америке» у алеутов «отдельные красивые мальчишки» воспитывались по-женски, носили женские украшения, имели женскую татуировку вокруг рта и занимали место наложниц; назывались они *шопанами*.²⁷ *Шопан* естественно понять как местную обработку русской формы с начальным *ж-*, вариант слова *жупан*. Обычай иметь *жупанов-шопанов* явно очень древний.

Оценивая приведенное объяснение *жупан* 'превращенный мужчина' у В. Г. Богораза, следует принять во внимание обоснованное А. А. Зализняком происхождение рус. *жопа* из более раннего *жуна*, сохранившегося в составленном во второй половине XVII в. словаре «Lexicon slavonicum» шведского ученого Ю. Г. Спарвенфельда и ряде русских диалектизмов. Форма *жуна* восходит к праслав. **djura* < и.-е. **dheup-ā*,²⁸ ср. близкородственные рус. диал. *ду́на*, блр., укр. *ду́на* 'задница', чеш. уст. *doupa* 'дупло, нора', словц. *dúra* 'нора, пещера, дупло', польск. *diura* 'задница' < праслав. **diura* 'яма, дупло', 'нора, пещера' < и.-е. **dhou-p-* 'глубокий, пустой'.²⁹

Если камчатско-колымское русское слово *жупа́н*, как писал В. Г. Богораз, происходит из ительм. *shoponach*, оно вполне могло подвергнуться влиянию *жуна* и его дериватов. Более вероятным представляется, однако, возникновение слова *жупа́н* как исконнорус-

²⁴ Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. С. 284.

²⁵ Богораз В. Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.; Л., 1937. С. 11.

²⁶ См. подробнее: Максимов А. Н. Этнографические труды. Избранное. М., 2019. С. 169. Не говоря здесь о других параллелях — в Древней Греции и т. п.

²⁷ См. подробнее: Максимов А. Н. Этнографические труды. С. 169.

²⁸ Зализняк А. А. К истории слов // Slavica Svetlanica: Язык и картина мира. К юбилею С. М. Толстой. М., 2013. С. 36–40.

²⁹ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 15. М., 2021. С. 127–128.

ского прозвища человека с большим или иначе «отмеченным» задом (= *жопán*, см. ниже),³⁰ поначалу, возможно, бранного, и лишь вторично ассоциированного на Камчатке с частью ительменского жилища. Именно исконнорусскую (от *жуна* / *жона* + суффикс *-ан*) этимологию рус. *жупан* как наиболее предпочтительную А. Х. Элерт поддержал во время упомянутых разговоров в 2022 г., когда обсуждалось (кроме прочего) происхождение этого слова.

Собственные соображения по данному поводу высказал Г. В. Стеллер: перечисляя названия дымохода в ительменских диалектах (но не упоминая об особом «женском» входе в жилище³¹), он писал, что у ительменов на реке Камчатке эта часть жилища называется словом *пван*, из которого русские «казацкие филологи» (так у Стеллера³²) в шутку образовали *жупан*, закрепившееся в качестве названия дымохода.³³ Таким образом, *жупан* в значении входа в жилище является, по Стеллеру, результатом народной этимологии. Но и в этом случае речь идет о слове, возникшим на почве русского языка, по его моделям. Такого понимания по существу придерживался переводчик книги Г. В. Стеллера на русский язык А. И. Андреев, усматривая в слове *жупан* «нецензурное искажение народного названия задней части тела».³⁴

«Женский» вход в жилище камчадалов-ительменов мог получить у русских свое название от пользовавшихся этим входом превращенных мужчин-*жупанов* (не наоборот, как считал В. Г. Богораз). Тогда рус. *жупан* как название части жилища попало в качестве заимствования в ительм. *shoponach* (что противоречило бы приведенному объяснению данного слова у О. А. Мудрака). Можно предположить, что источником ительм. слова стало рус. *шопан* (см. выше) = *жопан* как вариант *жупан*.

Нетрудно заметить сходство между рассматриваемым *жупан* и ст.-рус. *жуликъ* (*жюпикъ*) ‘человек, не достигший зрелого возраста’, ‘ругательство’: *Будуци онъ Иванъ... пьянъ и меня сироту...всякою скаредною неподобною бранию бранил и жюпикомъ называлъ и тайны*

³⁰ Уместно вспомнить эпиграмму (и связанные с ней обстоятельства) А. С. Пушкина на князя М. А. Дондукова-Корсакова: В Академии наук / Заседает князь Дундук. / Говорят, не подобает / Дундуку такая честь: / Почему ж он заседает? Потому что <ж.> есть.

³¹ Что можно расценить как упущение (?).

³² В своем описании Камчатки он называет «казацких филологов» также «лжефилологами».

³³ Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. С. 183.

³⁴ Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. С. 183. — Примечание переводчика.

уды *тряслъ* 1688 г.³⁵ В другом словаре для *жуликъ* дается толкование 'мужчина, имеющий половые отношения с женщиной'.³⁶

Бранное употребление слова (бранный оттенок могло иметь и слово *жупан* 'мужчина измененного пола')³⁷ и в целом цитированный контекст делают весьма вероятным образование *жуликъ* (*жюликъ*) от *жуна* = *жѡна* (+ суффикс *-ик*), с которым связаны также рус. диал. *жу́почка* 'гусиное перо в качестве украшения шляпы' наряду с *жѡпки* мн. 'утиные перышки, воткнутые в серьги около уха для красоты', *жу́пла* 'небольшого роста полная женщина' — наряду с *жѡпанья* 'толстая женщина',³⁸ *жѡпиха* 'прозвище',³⁹ ср. *жѡпѡн* 'толстый ребенок'.⁴⁰ Последнее обнаруживает тот же исход слова (суффикс *-ан*), что и *жупан-шопан*. Помимо *жу́пла* (производное с суффиксом *-ьла*) уместно привести мужской коррелят *жу́пел*, *-а* 'полненький, небольшого роста человек',⁴¹ исходно с суффиксом *-ьль* как в *козѡл* < **kozьль* 'самец козы' от **koza*.

Возможно также сравнение рассматриваемых слов с рус. диал. *жу́лик* 'крестьянское прозвище'⁴² и с фамилией *Жу́пиков*.⁴³ Эти слова лучше отделить от праславянского (в основном у западных и южных славян) **žirapъ* 'начальник округа',⁴⁴ с которым опосредованно связано и упомянутое рус. *жупѡн* 'род властителя у славян', у Даля *жупѡн* 'род губернатора, правитель жупанства или округа, в разных славянских землях'.⁴⁵

Исконнорусское происхождение слова *жупѡн* как названия мужчины, считающего себя женщиной и живущего по-женски, наиболее вероятно, хотя вопрос о месте его возникновения и диффузии не вполне ясен. Возможно его появление еще в Европейской части

³⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 125.

³⁶ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. 6. СПб., 2014. С. 277.

³⁷ Можно полагать, что ругательство *жюликъ* по смыслу примерно соответствует современному рус. *пидорас* (слову, которое прославил Н. С. Хрущев в своем отзыве о творчестве художников-абстракционистов) или *пидор*, *педик*.

³⁸ *Зализняк А. А.* К истории слов. С. 38.

³⁹ Архангельский областной словарь. Т. 14. М., 2012. С. 303.

⁴⁰ Словарь русских народных говоров. Вып. 9. М.; Л., 1972. С. 215.

⁴¹ Словарь русских народных говоров. С. 227.

⁴² Словарь русских народных говоров. С. 227.

⁴³ Архангельский областной словарь. С. 337.

⁴⁴ Иначе: *Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012. С. 291.

⁴⁵ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 1. М., 1955. С. 547. Об этимологии см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Под ред. и с предисловием Б. А. Ларина. 2-е изд. Т. 2. М., 1986. С. 66; *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 17. С. 90–93.

России (со значением типа ‘человек, ребенок с толстым задом’ или «жупик») и распространение (уже в специфическом значении «превращенного» мужчины) по крайнему северо-востоку Сибири и в «русской Америке».

* * *

На чествованиях А. Х. Элрета, а потом на его поминках я вспоминал слова Г. Ф. Миллера, которые посвящены С. П. Крашенинникову, но характеризуют и Элрета. Уместно повторить их еще раз:

Он был из числа тех, кто ни знатною природою, ни фортуны благодеянием не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою, произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков и сами достойны называться начальниками своего благополучия.

Некоторая обреченность возникает при мысли о том, что при обращении к историко-этнографической тематике по Сибири, да и по многим другим вопросам, в том числе касающимся современности, уже не приходится рассчитывать на дружескую помощь, пронизательный ум и эрудицию дорогого А. Х. Элрета. И горько сознавать, сколько научных свершений он мог бы еще сделать... В самом конце своего пути он собирался, например, издать и прокомментировать довольно значительные по объему новые материалы по енисейским языкам из наследия Г. Ф. Миллера.⁴⁶ Но осуществить это намерение, как, несомненно, и многие другие, ему не удалось. А как быть с тем, что дороже любых публикаций — живой облик Элрета, неторопливые и основательные звуки его голоса, его речения (вроде «жизнь налаживается»), рассказы о том, как ему приходилось выживать и защищаться, иной раз с кулаками, в молодые годы? Как не хватает его верности в дружбе, непоколебимой стойкости и справедливости в вопросах научной этики и в жизненных затруднениях...

Нам остается память об этом ученом-труженике и замечательном человеке, современниками которого нам посчастливилось быть, остаются его фундаментальные труды.

Сокращения

блр.	— белорусский язык
диал.	— диалектный
и.-е.	— индоевропейский язык
ительм.	— ительменский язык
мн.	— множественное число
ПМ	— программа Миллера

⁴⁶ Для сборника статей, куда А. Х. Элрет обещал, но не успел дать статью. Книга опубликована, увы, без его участия: *Studia Uralo-Altaica*. Vol. 56: *Siberica et Uralica: In memoriam Eugen Helimski*. Budapest, 2022.

польск.	— польский язык
праслав.	— праславянский язык
рус.	— русский язык
слвц.	— словацкий язык
укр.	— украинский язык
уст.	— устарелое
чеш.	— чешский язык

Список литературы

- Аникин А. Е.* Из истории русских омонимов: *жупан* // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: V Международная научная конференция. Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г. Екатеринбург, 2022. С. 6–12.
- Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 15. М., 2021. 384 с.
- Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 17. М., 2023. 392 с.
- Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр., доп. М.; Новосибирск, 2000. 768 с.
- Архангельский областной словарь. Т. 14. М., 2012. 354 с.
- Богораз В. Г.* Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.; Л., 1937. 165 с.
- Богораз В. Г.* Чукчи. Т. 2: Религия. Л., 1939. 196 с.
- Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012. 816 с.
- Давыдов Г. И.* Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. 2. СПб., 1812. 253 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 1. М., 1955. 669 с.
- Зализняк А. А.* К истории слов // *Slavica Svetlanica: Язык и картина мира.* К юбилею С. М. Толстой. М., 2013. С. 31–41.
- Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. 4-е изд. М.; Л., 1949. 842 с.
- Максимов А. Н.* Этнографические труды. Избранное. М., 2019. 333 с.
- Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов / Публ. А. Х. Элерта, В. Хинтцше; пер. с нем. А. Х. Элерта. М., 2009. 456 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 8. Ч. 1).
- Мудрак О. А.* Свод камчадальской лексики по памятникам XVIII века. М., 2008. 288 с.

- Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 6. СПб., 2014. 360 с.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 9. М.; Л., 1972. 362 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978. 392 с.
- Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2011. 571 с. (Камчатка в описаниях путешественников: Серия трудов ученых и исследователей. Вып. 3).
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Под ред. и с предисловием Б. А. Ларина. 2-е изд. Т. 2. М., 1986. 672 с.
- Элерт А. Х.* Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. 239 с.
- Studia Uralo-Altaica. Vol. 56: Siberica et Uralica: In memoriam Eugen Helinski.* Budapest, 2022. 495 p.

Н. С. Гурьянова
Институт истории СО РАН, Новосибирск

Описи копийных книг сибирских архивов, составленные под руководством Г. Ф. Миллера, как источник по истории России*

Статья посвящена анализу Описей копийных книг, в которых зафиксирован состав подлинных и скопированных документов из сибирских архивов. Особое внимание уделено текстам царских грамот, направленных в свое время от имени государя в Сибирь. Сделан вывод, что они могут служить источниками для решения научной проблемы управления в России регионом из центра, а также позволяют охарактеризовать подходы Г. Ф. Миллера к отбору документов для включения в копийные книги.

Ключевые слова: Сибирь, источники, Г. Ф. Миллер, экспедиционные материалы, Описи копийных книг, царские грамоты.

А. Х. Элерт внес большой вклад во введение в научный оборот и изучение творческого наследия Г. Ф. Миллера. Особенно это относится к экспедиционным материалам, многие из которых использовались учеными предшествующих эпох и было представление о ценности их в качестве исторических источников по истории Сибири и России. Некоторые материалы были опубликованы, но большинство их оставалось в архивах и они редко использовались исследователями не только из-за объема фондов, составленных из творческого наследия Г. Ф. Миллера, но и из-за того, что они дошли до нас в рукописных автографах, написанных ученым не очень разборчивым почерком на немецком языке.¹ А. Х. Элерт справедливо заметил по поводу недостаточной изученности экспедиционных материалов: «Подводя итоги сказанному, можно заключить: несмотря на то, что научное наследие Г. Ф. Миллера и источники, собранные им, неоднократно становились предметом специального исследования, его экспедиционные материалы изучены чрезвычайно слабо».² Его первая монография была посвящена их источниковедческому анализу и доказательству ценности содержания для историков.

* Статья написана в рамках госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: Актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005).

¹ Об этом см.: Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 3–15.

² Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера... С. 13.

Александр Христианович активно занимался научной публикацией архивных материалов, составляющих творческое наследие Г. Ф. Миллера, внес существенный вклад в мировую науку, сделав доступными для ученых и широкой общественности ценнейшие источники по истории Сибири и России.³ Не менее важными представляются его исследования творческого наследия Г. Ф. Миллера, в которых было охарактеризовано его место и роль в развитии российской науки, а также по достоинству оценен архивный подвиг ученого.

О богатстве источниковой базы, дошедшей до нас благодаря Г. Ф. Миллеру, свидетельствуют составленные под его руководством «Описи копийных книг сибирских архивов», которые были изданы в двух томах при участии А. Х. ЭлERTA.⁴ Это издание важно не только в качестве полезного для исследователей справочника по содержанию копийных книг, составленных Г. Ф. Миллером из подлинных и скопированных в сибирских архивах документов XVI–XVIII вв., многие из которых утрачены,⁵ но может служить и в качестве самостоятельного источника по истории Сибири и России в целом.

В Описях можно увидеть логику составления копийных книг, принципы отбора Г. Ф. Миллером документов и цели включения в их состав текстов. Разумеется, он стремился обеспечить себя источниками для работы над «Историей Сибири». Обследуя сибирские архивы, ученый отбирал документы, которые, по его мнению, отразили события жизни региона. Высокий профессиональный уровень составителя копийных книг позволил обеспечить себя и будущих исследователей ценнейшими историческими источниками — текстами документов о событиях прошлого. Каждый из них свидетельствовал о произошедшем. Аннотации их содержания в Описях позволяют получить представление о разнообразии проблем, нашедших отражение в документах.

³ См., например: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / Изд. подгот. А. Х. ЭлERT. Новосибирск, 1996. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 6; Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Публ. А. Х. ЭлERTA, В. Хинтцше; пер. с нем. А. Х. ЭлERTA. М., 2009. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 8. Ч. 1); Müller G. F. Ethnographische Schriften I / Bearb. von W. Hintzsche und A. Ch. Elert; unter Mitarbeit von H. Heklau. Halle, 2010. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 8), и др.

⁴ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг: В 2-х т. Т. 1 / Изд. подгот. Н. С. Гурьянова, А. Х. ЭлERT, Д. Я. Резун. Новосибирск, 1993. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 1); Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг: В 2-х т. Т. 2 / Изд. подгот. Н. С. Гурьянова, А. Х. ЭлERT, Д. Я. Резун. Новосибирск, 1995. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 5).

⁵ Об этом см.: Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 7–8.



1-й ряд: Л. И. Журова, Е. К. Ромодановская, Н. Н. Покровский, Е. М. Юхименко, Л. В. Титова, Т. В. Панич, Л. С. Соболева, Н. С. Гурьянова, Т. Г. Казанцева.
2-й ряд: Н. П. Матханова, В. А. Ромодановская, В. Ю. Афиани, А. Т. Шашков, С. М. Каштанов, Н. Д. Зольникова, А. Х. Элерт, В. И. Байдин, А. Г. Мосин. 2005 г.

Например, описание царской грамоты за 1627 г., отправленной в Верхотурье, указывает на то, что в Сибири были известны общероссийские события — политическая кампания XVII в., связанная с запретом распространения «литовских» книг в России: «7136 [1627] году декабря 1 дня от царя Михайла Федоровича на Верхотурье воеводе князю Семену Гагарину о собрании кириловых книг литовской печати и сколько оных найдется, то б все жжечь».⁶ Большинство включенных в копийные книги документов относились к событиям, произошедшим в Сибири. Описи позволяют охарактеризовать возможности их использования для решения актуальных научных задач современности. Ярким примером может служить обращение к ним с целью показать наличие документов, в которых нашел отражение процесс управления регионом из центра. Попытаемся показать это, обратив внимание на содержание Описей.

⁶ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 26. Об этой кампании см.: Булычев А. А. История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004.

Ценность материалов копийных книг по истории Сибири давно высоко оценена исследователями. Публикация Описей облегчила для ученых ориентацию в фондах знаменитых портфелей Г. Ф. Миллера. Как и задумывалось их составителем, они позволяют отыскать нужные для решения научных проблем по истории России документы или их копии, сохраненные им в результате «архивного подвига». Под каждым номером указаны дата, от кого и адресат. Содержание включенного в копийные книги текста источника представлено в краткой аннотации, в которой изложена суть документа. Часто в ней обозначен жанр, например, Грамота, Память, Наказ, Челобитная, Сказка, Отписка, Доношение, Роспись, Письмо и т. п.

Анализ аннотаций из Описей копийных книг позволяет убедиться в том, что они могут служить важными источниками для решения научной проблемы управления регионом. Достаточно обратить внимание на Грамоты, отправляемые в Сибирь от имени государя. В документах просматривается стремление центральной власти независимо от ее устойчивости и долговременности пребывания правителя на троне принимать активное участие в решении проблем даже далеко отстоящих от Москвы областей. Особенно наглядно это представлено в «Описи Верхотурской архивы», в которую включены описания текстов документов, относящиеся к концу XVI — началу XVII в. С номера 1 по 8 в Описи числятся Грамоты от царя Федора Ивановича за 1595–1598 гг. Они адресованы воеводам — сначала И. И. Троханиотову, а затем В. П. Головину.

Вот типичный пример изложения содержания Грамоты писцами: «2. 7103 [1595] году июля 15 дня грамота от царя Федора Ивановича к Троханиотову с товарищи о наборе стрельцов и казаков на Лозву, о определении в воротники из стрельцов и о освящении храма Живоначальная Троицы».⁷ От имени государя воеводе даны конкретные рекомендации действий местной власти, даже по поводу «освящения храма». Другому воеводе, как это следует из Описи, было направлено распоряжение «о строении города и острога».⁸ Борис Годунов после восшествия на престол продолжил уделять внимание Верхотурью. В подписанных им Грамотах решались хозяйственные вопросы, например, «об отправлении в разные сибирские города хлебных и других припасов», о сборе ясака, таможенных пошлин с торговых людей.⁹

⁷ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 19.

⁸ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 19.

⁹ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 19.

Монарх предстает в них рачительным хозяином государства, который в Москве осведомлен о самых разных местных проблемах и поручает воеводе решить их: «28. 7107 [1599] году апреля 22 дня от царя Бориса Федоровича в новой город на Верхотурье воеводе Головину с товарищи о вычищении новой дороги от Соли Камской до Верхотурья и о мощении по оной мостов».¹⁰

От имени царя требовались отставки провинившихся местных чиновников с указанием конкретных имен. Например: «10. 7106 [1598] году мая 1 дня грамота от царя Бориса Федоровича в новой город на Верхотурье Головину и Неелову об отставке от збору есака Третьячка Кобылина и об определении на его места добросовестного сына боярского».¹¹

В «Описи Верхотурской архивы» сохранились описания содержания подобных грамот, направленных в Сибирь от имени «царицы Марьи Григорьевны и от царя Федора Борисовича», Лжедмитрия I, Василия Шуйского. Можно предположить, что Г. Ф. Миллер включил их в копиянные книги в качестве источников, которые способны осветить проблему управления Сибирью из центра даже в сложные для государства времена. Из содержания аннотаций проступает логика отбора документов при составлении ученым копиянных книг. Он старался, чтобы включенные источники содержали информацию о событиях, связанных с верховной властью. Например, сообщение о восшествии на престол Лжедмитрия I представлено царской грамотой: «35. 7113 [1605] году июня 11 дня от царя Дмитрея Ивановича на Верхотурье Неудаче Плещееву да голове Матвею Хлопову объявление о восшествии на престол реченного государя».¹²

Возможен и другой вариант подобного известия. В «Описи Томской архивы» значится «Отписка о присяге королевичу Владиславу Жигимонтовичу»,¹³ а также «Отписка “о смерти лживаго Димитрия”».¹⁴ Следует подчеркнуть, что такие документы с сообщениями о восшествии на престол или кончине государя включались только в том случае, если речь шла о не вполне законном кандидате. По-видимому, эти исторические факты у составителя копиянных книг

¹⁰ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 20.

¹¹ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 19.

¹² Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 21.

¹³ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 2. С. 7.

¹⁴ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 2. С. 8.

вызывали особый интерес. Смены государей на престоле, начиная с Михаила Федоровича, уже не отмечаются документами, а включаются грамоты от имени нового государя, хотя присутствуют сообщения о событиях в царской семье — о рождениях, о бракосочетаниях, а также о титулатуре.

Аннотации к включенным в копиянные книги документам, посланным в Сибирь от имени верховного правителя после восшествия на престол Романовых, особенно хорошо отражают, каким образом центр управлял регионом. Царские грамоты направлялись по разным поводам — от назначения местной администрации до решения частной проблемы конкретного города, села. По вполне понятной причине под контролем находилось назначение воевод: «61. 7188 [1680] году февраля 15 дня от царя и великого князя Феодора Алексеевича в Сибирь в Енисейск воеводе Александру Петровичу Салтыкову о определенном в Селенгинск воеводою стольнике Иване Астафьеве сыне Власове».¹⁵

Г. Ф. Миллер явно стремился включить в копиянные книги документы, свидетельствующие, что центр контролировал весь административный аппарат. В «Описи Верхотурской архивы» так описывается содержание типичной царской грамоты, посвященной очередному назначению: «179. 7207 [1698] году декабря 5 дня от царя Петра Алексеевича в Сибирь на Верхотурье стольникам и воеводам с товарищи Козме Козлову, что на перемену прежняго головы Гаврила Калашникова послан из Сибирскаго приказу на Верхотурье в таможенные, кабацкие и заставные головы Василей Шишелов».¹⁶

Царскими указами регулировались и продвижения по службе. Например, содержание грамоты 1617 г. описано так: «51. 7126 [1617] году декабря 3 дня от царя Михайла Федоровича в Сибирь в Тюменской город Ивану Секерину об определении конных казаков десятника Федку Яковлева за его службу у конных же казаков есаулом».¹⁷ Воеводе предписано осуществить повышение в должности конного казака. В другой грамоте подобного содержания разъяснен источник информации верховной власти о необходимости совершения такого действия: «63. 7131 [1623] году февраля 7 дня от царя Михайла Федоровича в Сибирь в Тюменской город князю Михайлу Борисовичу Долгорукому да Юрию Редникову об определении конного казака

¹⁵ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 2. С. 112.

¹⁶ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 58.

¹⁷ Опись Тюменской архивы // Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 140.

Гаврилки Иванова по его челобитью за долговременную его службу над конными тюменскими казаками атаманом».¹⁸

Царскими указами регулировалось строительство острогов и городов. От имени государя следовало указание начать строительство, которое чаще всего сопровождалось материальным обеспечением. Ярким примером внимания верховной власти и последовательного контроля за строительством могут служить описания текстов грамот, посвященные Покровскому женскому монастырю, расположенному в г. Верхотурье. В 1645 г. в Верхотурье воеводе была направлена царская грамота с требованием составить смету «на перестройку» монастыря: «168. 7153 [1645] году июня 6 дня от царя Михайла Федоровича на Верхотурье воеводе Максиму Стрешневу о досмотре и сметке сколько чего пойдет на перестройку Покровскаго девичья монастыря».¹⁹

Это был первый женский монастырь на Урале и в Сибири, основанный в 1621 г. За кратким описанием содержания документа, в котором акцент сделан на необходимости обследования монастыря с целью выяснить предстоящие расходы на его обустройство, просматривается подход верховной власти к решению частных хозяйственных задач. Обращение к тексту царской грамоты позволяет его охарактеризовать. Выясняется, что этот указ последовал в ответ на челобитную насельниц монастыря, которые описали свое бедственное положение, сообщили об обветшании церкви и келий, построенных стараниями архиепископа Киприана, а также о безрезультатном обращении к воеводам с призывом о помощи. После пересказа содержания челобитной в указе воеводе были сформулированы конкретные рекомендации, каким образом обследовать монастырь и о последующих действиях: «Да будет по вашему досмотру в том Покровском монастыре церковь и кельи ветхи, и жить в тех кельях старицам не мочно, и ограды около монастыря нет, и вы б велели сметить, сколько на то церковное строенье и на кельи, и на ограду, и на всякое монастырское строенье надобеть какого лесу, сотниц и брусья, и досок, и тесу или драни, и сколько на ту лесную покупку и плотникам от дела надобеть денег».²⁰

Из этой царской грамоты следует, что власть реагировала на челобитные, когда речь шла о важных для государства делах. Судя по

¹⁸ Опись Тюменской архивы // Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 141.

¹⁹ Опись Верхотурской архивы. Книга первая // Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 29.

²⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3: 1613–1645. СПб., 1841. С. 408, № 247.

копийным книгам, она уделяла большое внимание строительству в Сибири не только острогов и городов, но и монастырей. Важно, что в ответ на челобитную верховная власть отправляет воеводе за подписью царя инструкцию по составлению сметы. Обращает на себя внимание, насколько подробно перечислены пункты, которые должны быть отражены в ней. Г. Ф. Миллер явно посчитал важным этот источник, включив его в копии книги в подлиннике. Об особом внимании к теме, поднятой этой грамотой, свидетельствует тот факт, что составитель продолжил следить за развитием событий, связанных с обустройством монастыря включая в Описи документы, отражавшие этот процесс.

Судя по содержанию следующей царской грамоты, отправленной воеводе в 1646 году уже от имени Алексея Михайловича, дело с обустройством монастыря не продвинулось. В Описях ее содержание изложено так: «170. 7154 [1646] году февраля 14 дня от царя Алексея Михайловича на Верхотурье воеводе Максиму Стрешневу о построении в Покровском девичьем монастыре новой церкви, ограды, келей и прочаго».²¹ В аннотации акцент сделан только на указании осуществить обустройство монастыря, а в тексте грамоты пересказаны первая челобитная, грамота за подписью Михаила Федоровича, сообщено, что смета по этому указу была составлена и отправлена в Москву. Отмечено, что от насельниц монастыря поступила новая челобитная, в ответ на которую Верхотурскому воеводе Стрешневу был направлен указ «о возобновлении зданий в Верхотурском Покровском девичьем монастыря».²²

В царской грамоте было предписано осуществить это, ориентируясь на ранее составленную смету: «...И вы б на то церковное и на всякое монастырьское строенье лес, брусье и доски, и тес, и дрань велели по сметной росписи на Верхотурье вывезть и церковь новую воздвигнуть и около монастыря ограду и святые ворота сделать, и в ограде кельи с четыре или с пять со всяким строеньем поставить...» Далее поясняется, за счет каких средств следует это осуществить, и предписано доложить об исполнении, направив Отписку в Сибирский приказ.²³ Документы, в которых нашло отражение внимание верховной власти к небольшому монастырю,²⁴ находящемуся далеко от Москвы,

²¹ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 29.

²² См.: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4: 1645–1676. СПб., 1842. С. 35–37.

²³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. С. 37.

²⁴ На момент подачи первой челобитной, как это следует из ее описания в царском указе, речь шла о 10 старицах, а во второй сообщается уже о 20 старицах.

не случайно привлекли внимание Г. Ф. Миллера. Он включил в копиянные книги еще 4 документа конца 1640-х — начала 1650-х годов, которые относятся к истории Покровского женского монастыря и свидетельствуют об участии верховной власти в его становлении и обустройстве.²⁵

В этих источниках проступает стремление центра решать все, даже частные, вопросы. Например, потребовался царский указ о передаче присланной в Верхотурье церковной утвари для новопостроенной церкви в Покровском женском монастыре.²⁶ Включенные в копиянную книгу документы о становлении монастыря демонстрируют недостаточную эффективность подобного управления регионом. Этот подход, судя по копиянным книгам, сохранился и в более поздний период. Это очень хорошо заметно по «Описи Тобольской архивы». В третьей книге с № 48 по 54 представлены документы, относящиеся ко времени правления Петра I, о строительстве в г. Тобольске. В них нашло отражение еще более внимательное отношение государя к решению хозяйственных задач в регионе. В мае 1697 г. в Тобольск направлена царская грамота «о учинении чертежей для строения в Тобольску города каменного с башнями, а на Тюмени вместо деревянного острогу сделать бы земляной вал».²⁷ Следующим указом дано распоряжение об источнике строительства, что его следует осуществлять «из таможенных тобольских доходов».²⁸

В мае 1698 г. Тобольскому воеводе отправлена царская грамота с сообщением «о посланном из Москвы в Тоболеск на городовое строение разнаго сорту железе». В сентябре и декабре по этому же адресу следуют еще две царские грамоты, которые призваны ускорить процесс строительства города. Судя по тому, что 19 августа 1699 г. государь вынужден был направить еще одну грамоту с требованием «о начатии городового строения как возможно тем же летом»,²⁹ руководить из центра строительством было по-прежнему сложно, хотя Петр Алексеевич явно стремился вникать во все детали и следить за исполнением своих распоряжений.

При анализе Описей копиянных книг обращено особое внимание на аннотации к документам, которые посвящены управлению из

²⁵ В «Описи Верхотурской архивы. Книга первая» это № 206–209.

²⁶ См.: Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 31, № 209.

²⁷ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 179.

²⁸ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 179.

²⁹ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 180.

центра строительством монастыря и города, поскольку Г. Ф. Миллер поместил их в составе тематических блоков. Чаще всего царские грамоты о строительстве острогов, монастырей, церквей, городов ограничивались только указанием о необходимости этого. Например, в «Описи Красноярской архивы» грамота с распоряжением о строительстве острога представлена так: «70.7205 [1697] году марта 23 дня от великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича в Сибирь в Красноярской стольнику и воеводе Семену Ивановичу Дурново о строении на реке Абакане острогу».³⁰

Обращение к Описям позволяет обозначить круг заинтересовавшихся составителя копийных книг источников, которые, по его мнению, были важны для решения научных проблем истории России. Документы, в которых нашло отражение управление регионом из центра, явно привлекли внимание Г. Ф. Миллера. Он включил большое количество текстов царских грамот, посвященных решению самых разных проблем региона — от назначения администрации до указания по поводу любых частных вопросов, касающихся жизни простых людей. Составитель постарался отыскать как можно большее количество документов по каким-то важным, по его мнению, для историка фактам и событиям. Это хорошо заметно по ранее охарактеризованным грамотам, посвященным строительству монастыря и города. Подобным образом, даже еще более полно, Г. Ф. Миллером были подобраны документы, относящиеся к экспедиции в Сибирь лейб-гвардии майора И. М. Лихарева.³¹

В Описях все эти тексты представлены в качестве источников по истории России и Сибири, в которых нашли отражение события прошлого. Аннотации к ним позволяют выявить и тематические блоки, и отдельные документы о жизни региона. Справочник свидетельствует о ценности копийных книг для современных исследователей, а также о подходе Г. Ф. Миллера к отбору документов, поскольку в нем просматриваются ключевые научные проблемы, для решения которых они были предназначены. Составленные им Описи, как и предполагалось, позволяют ориентироваться в огромном количестве текстов подлинных и скопированных источников. Анализ аннотаций, включенных в копийные книги документов, в которых писцы сумели акцентировать внимание на сути их содержания, позволил показать, что Описи могут служить в качестве источника при обсуждении актуальных научных проблем. Разумеется, при необходимости следует

³⁰ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 2. С. 37.

³¹ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. С. 191–194.

обращаться и к текстам кратко охарактеризованных документов, но Описи дают более общее представление о составе источниковой базы по конкретной теме.

Список литературы

- Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг: В 2-х т. Т. 1 / Изд. подгот. Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун. Новосибирск, 1993. 250 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 1).
- Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг: В 2-х т. Т. 2 / Изд. подгот. Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун. Новосибирск, 1995. 303 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 5).
- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3: 1613–1645. СПб., 1841. 525 с.
- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4: 1645–1676. СПб., 1842. 592 с.
- Булычев А. А.* История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004. 144 с.
- Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов / Публ. А. Х. Элерта, В. Хинтцше; пер. с нем. А. Х. Элерта. М., 2009. 456 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 8. Ч. 1).
- Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / Изд. подгот. А. Х. Элерт. Новосибирск, 1996. 310 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 6).
- Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. 247 с.
- Müller G. F.* Ethnographische Schriften I / Bearb. von W. Hintzsche und A. Ch. Elert; unter Mitarbeit von H. Heklau. Halle, 2010. 817 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. 8).

О. В. НОВОХАТКО

Институт российской истории РАН, Москва

К ВОПРОСУ О ЧЕЛОБИТНЫХ И ЧАСТНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ КРЕСТЬЯН В РОССИИ XVII в.

В статье освещаются проблемы связи частных документов (личных писем) с частноправовыми документами (челобитными и посылными грамотами) в России XVII в. Вопрос рассмотрен на основе корреспонденции крепостных, главным образом, частновладельческих крестьян. В качестве источника использованы опубликованные вотчинные архивы А. И. Безобразова, Б. И. Морозова, Н. И. Одоевского и др.

Ключевые слова: Россия, XVII в., частная переписка, челобитная, посылная грамота, источниковедение, текстология.

Исследователи обратили свое внимание на частную переписку раннего нового времени еще в XIX столетии. Однако только во второй половине XX в. были поставлены вопросы о путях развития личной корреспонденции в России XVI–XVII вв., ее истоках. Работ по выявлению особенностей такой переписки для каждого из сословий, существовавших в России в тот период, нет до сих пор. Попытаемся определить некоторые из таких особенностей в корреспонденции крестьян XVII в. — объекте, в наименьшей степени привлекавшем внимание исследователей с этой точки зрения.

Впервые мысль о тесном родстве челобитной, личного письма, а также посылной грамоты была развернуто высказана С. М. Каштановым.¹ Частная корреспонденция XVII в. в России действительно включала в себя элементы челобитной — не только в формальном отношении, но и содержательно. В письме всегда присутствовало челобитье в смысле и поклона-приветствия, и просьбы, и благодарности адресату за внимание, доброе отношение, оказанную услугу.² Таким образом, любое письмо частного характера в России XVII в. формально содержало в себе челобитье. То же относится и к посылной грамоте: частное письмо во многих случаях служило сопровождением передаваемым вещам или актам частноправового характера.

Тем не менее эти виды личной и частноправовой документации отчетливо разделялись. Челобитная всегда содержала жалобу на частное или официальное лицо или просьбу к ним и была адресова-

¹ Каштанов С. М. Частное письмо 1536/37 гг. // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 140–146.

² Тарабасова Н. И. Об одном фразеологизме в частной переписке XVII века // Исследования по лингвистическому источниковедению. 1963. М., 1963. С. 144–155.

на только вышестоящему лицу или институту, имела выраженный формуляр. В зачине, каков бы ни был статус адресата, помимо повсеместно применявшегося в посланиях оборота «бьет челом», почти всегда присутствовали слова «жалоба», «плачусь». В случае явочной челобитной к словам «бьет челом» прибавляли «и являет». Концовка содержала неизменный оборот «смилуйся, пожалуй», «умилосердись, пожалуй» или более краткую форму «смилуйся». Основанием составления челобитной была необходимость разрешить какую-либо проблему.

У грамотки (так в XVII в. называли личное послание) были как единоличный, так и коллективный адресаты, причем статус их мог быть любым — ниже, равным или выше статуса отправителя. Грамотка могла иметь любое содержание, от фактического³ до делового, в том числе жалобу или просьбу. Челобитная, в отличие от грамотки, не предполагала ответ непосредственно челобитчику. По челобитной принималось решение, которое по большей части письменно не доводилось до его сведения. В ответ на грамотку ожидалось ответное послание.

Характерной чертой частной переписки XVII в. является то, что в ней теснейшим образом переплетены приятельская, родственная и деловая формы корреспонденции. Одной из особенностей частной корреспонденции крестьян было то, что она имела исключительно деловой характер и была адресована владельцам. Личная в узком смысле слова переписка крестьян, если и существовала, до наших дней не дошла. Объясняется это вполне очевидными причинами. Большинство крестьян всю жизнь жили на одном месте, в одной деревне или в соседних, и нужды в переписке с родственниками и знакомыми не испытывали. Если же крестьяне переселялись в другие уезды или города, то возможностей связаться с близкими людьми у них не было. Чтобы отправить гонца с письмом, крестьяне всей деревней собирали ему деньги и запасы на дорогу. Это делалось по распоряжению владельца, когда необходимо было отправить послание от него или ему. От себя же крестьянин посылал только челобитные с просьбой разрешить ту или иную проблему. Разумеется, играло роль и то, что в России XVII в. среди крестьян грамотность была распространена в наименьшей по сравнению с другими сословиями степени. Хотя и в крестьянской среде в ту эпоху было немало грамотных людей — их специально обучал грамоте помещик для ведения хозяйственной документации вотчины или поместья. Обычно челобитную крестьянин или доставлял сам, или отправлял ее с оказией, с односельчанами,

³ Фактическая корреспонденция служила только для поддержания родственных, приятельских, соседских и т. п. связей.

едущими к владельцу, или по делам общины в уездный город или столицу. Поэтому собственно переписка крестьян осуществлялась только с владельцами — как сказали бы теперь, физическими и юридическими лицами, то есть служилыми людьми, администрацией патриарха, митрополита, с монастырскими властями.

Высокая мобильность населения в России XVII в., постоянная оторванность людей от своих хозяйств стали причиной того, что корреспонденция стала важнейшим инструментом сохранения экономических, административных связей между хозяином и его владением. В то же время, она была и единственным способом существования и функционирования экономики в таком обществе.

Пожалуй, более всего необходимость в управлении своим хозяйством по переписке испытывали служилые люди по отечеству. Они чаще, чем представители других сословий, были оторваны от своих владений, исполняя придворные обязанности, участвуя в охране границ и в военных походах. Играло огромную роль и то обстоятельство, что у значительной части служилых людей по отечеству поместья и вотчины были разбросаны по разным, часто далеко друг от друга находящимся, уездам. Это физически не позволяло землевладельцам управлять ими лично.

Адресантами в переписке крестьян с владельцем были чаще всего ответственные лица общины — выборные крестьяне и староста, также избираемый на сходе. Крестьянские послания большей частью носили информационный, уведомительный характер. Землевладелец постоянно получал из своих поместий и вотчин подробные сведения обо всем, происходящем в его владениях, о состоянии барского и крестьянских хозяйств. Например, в мае 1671 г. братья стольники А. И. и Ф. И. Безобразовы получили следующее сообщение из своего совместного владения: «Государем Андрею Ильичу и Федору Ильичу челом бьют старостишко ваш Гришка Григорьев да выборные крестьянишка Васька Григорьев да Федорко Кондратьев. В поместье вашем вологодском в сельце Назаркове и з деревнями люди и крестьяня, которые живы, мая в 24 день, дал бог, здор[о]вы. И в доме,



Александр Христианович Элерт. 2003 г.

государь, вашем по сю отписку вся[кой] живот, дал бог, здоров. Изволением божиим Федора Павлова не стало, умер, а жена оста[ла]ся з девками, да Карп Кондратьев умер, жена после его осталася с детьми да свекром. Да посеяно в сельце Назаркове авсом 23 десятины, авса посеяно на 23 десятины девяносто чети 2 чети. Ячмени посеяно пять чети без полуосмины. Семени лнянова посеяно пять четвериков. Семени конопляново посеяно полосмины. А весь сев сеян в пору, половину посеяли по Николин день, а другую половину после Николина дни» и т. д.⁴

Служилый землевладелец полностью зависел от получаемых из его хозяйства продуктов и денег, а потому строго контролировал их количество и время отправки. Крестьяне информировали А. И. Безобразова: «Государю Андрею Ильичу вологоцкой твоей вотчины старостишко Микифорко Антипин да выборныя твои крестьянишка Микитка Мелентьев да Сергушка Викулов да Матюшка Степанов челом бьют. <...> По твоему, государь, указу собрали оброшних денег со крестьян тридцеть рублей восемь рублей четыре алтына три деньги, за рыбу за напол⁵ пять рублей; и на те рыбныя деньги купили свеч маковых два пуда, а пуд купили тридцати алтын с полугривной, а денег за два пуда дали шестьдесят алтын три алтына две деньги. <...> Да со крестьян взяли з дватцати з девяти чети без полчетвертки мяса свинова тридцать полоть три полти, а весу в них дватцеть девять пуд без шти гривенок; да со крестьян же взяли сукон пятьдесят восемь аршин с полуаршином да холстов тонких взяли со крестьян пятьдесят восемь аршин с полуаршином; да рыжиков два лагунчика;⁶ да масла коровья кашелка⁷» и т. д. (18 января 1682 г.).⁸

Обозы с продуктами из поместий и вотчин, направленные на московский двор или в другое владение земельного собственника, крестьяне сопровождали грамотками, которые можно с полной уверенностью определить как посыльные. В источниковедении посыльными грамотами называются письменные распоряжения князя его агентам на местах. Такие грамоты были широко распространены в XVI в. К концу XVI — началу XVII в. этот вид документа вышел за

⁴ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1. М., 2012. С. 469–470. Текст документов, для удобства чтения, передается в упрощенной форме, по правилам современной орфографии, но с сохранением особенностей написания слов. Буквы в квадратных скобках восстановлены; многоточие в угловых скобках обозначает пропуск текста, сделанный мною.

⁵ Напол — кадка, чан.

⁶ Лагун — бочка, бочонок.

⁷ Кошелка, кошель — крестьянская котомка, складная корзина, плетеная из лыка или бересты.

⁸ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. С. 514–515.

рамки княжеской канцелярии и стал обычной эпистолярной практикой в широких слоях общества, главным образом, естественно, привилегированных. Нередко посылные грамоты являлись дополнением к данной грамоте⁹ и передавались в монастырь вместе с ней и частью вклада — движимым имуществом (книги, одежда, иконы в драгоценных окладах, лошади и т. п.).

Посыльную грамоту доставляло адресату доверенное лицо из ближних слуг владельца. С расширением распространения посылная грамота, оставаясь по сути близкой к актовым источникам предыдущих столетий, утратила строгий формуляр, а часто и датировку. Увеличился и круг лиц, которым доверялась доставка таких посланий. С «повозом», то есть обозом с оброчными продуктами и материалами, отправленными к владельцу, зачастую посылали кого-либо из крестьян и с ними же отправляли грамотку: «Государю Андрею Ильичю и государю Федору Ильичю старостишко ваш Фетька Григорьев челом бьет. Послано к вам скопом сто семьдеся[т] яиц, да два кувшина см[е]таны, да два сыра, да ма[с]ла полтретьятчатъ гривен, да шесть баранов, а с Кандрахи Ульянова да с Кандр[а]хи Афонасьева масла нет, потому что коров нет». На обороте помечено: «182-го июля в 3 день привез сю грамотку дмитровской крестьянин Васька Федоров да Кандрашка Афонасьев» (1674 г.).¹⁰

В крестьянской переписке с владельцем информационные потоки были встречными. В ответ на грамотки из вотчин и поместий шли письма от владельца, адресованные непосредственно крестьянам. Иногда подобные письма являлись инициативой вотчинника. Таких писем до нас дошло немного, поскольку они оставались в канцелярии вотчинного приказчика и плохо сохранились. В канцелярии владельца могли остаться только черновики подобных распоряжений. В архиве стольника А. И. Безобразова полностью сохранилось его письмо к крестьянам одной из вологодских вотчин. Это именно письмо, а не помета о необходимых распоряжениях, чрезвычайно эмоциональное, близкое к устной речи: «О[т] Андрея Ильича старосте моему [Пет]ру Микитину да выборным крестьяном Миките Мелентьеву да Микуле Алинпьеву с товарищи. Прикащик от вас к нам Иван Исаев приехал са крестьяны з запасом. А писал я к вам, велел прислать, взяв са крестьян, напол рыбы доброй заморозной. И вы, б<...>дины дети, страдники, ты, староста, и выборные, прислали напор рыбы гнилой и вонючей ничему не надобна; а ты, староста, вор б<...>дин сын, продал свою рыбу худую и гнилую за доброю; и за то прикащика Ивана

⁹ Данная грамота — акт передачи (дарение, вклад) имущества в монастыри и церковные учреждения.

¹⁰ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. С. 532.

Исаева били здесь на Москве ботоги, что за вами не смотрит, а на тебе старосте велел доправить на пол рыбы за то, что ты мирских людей облыгаешь и называешь свою рыбу доброю, чтоб ее избыть, и тое рыбу велел прислать на твоей же старостиной подводе к Москве» (февраль 1674 г.).¹¹

В зачине письма интересно отметить обращение к крестьянам в форме имени, а не полуимени, как сами себя они называют в письмах к владельцу. Этот формуляр в адресовании и самоименовании соблюдался в частной переписке представителей всех слоев общества, за исключением самоименования владельца в корреспонденции с зависимыми людьми.

Иногда владельцы обращались не к представителям местного выборного управления, а к одному из крестьян лично. Адресатами подобных сохранившихся писем были не рядовые крестьяне. Например, боярин Б. И. Морозов отправил грамотку крепостному крестьянину его нижегородской вотчины с. Лыскова И. Антропову, который обладал значительным состоянием, был владельцем судового промысла на Волге, торговал солью и рыбой. К тому же он занимал выборную должность в общине — таможенного головы нижегородских сел Б. И. Морозова. Эта грамотка, как и послание А. И. Безобразова, написано в свободной форме (кроме зачина) и весьма выразительно: «От Бориса Ивановича в нижегородскую мою вотчину в село Лысково крестьянину моему Ивану Онтропову. В нынешнем во 168-м году ведомо мне учинилось, что ты пьешь, бражничаешь безобразно дома, не выходя, и в таможене не сидишь и моим таможенным збором не радешь и прибыли ни в чем не ищешь и всегда де пьян бываешь. И как к тебе ся моя грамота придет, и тебе б, Иван, от пьянства унятца, пить и бражничать перестать и в таможене сидеть и таможенным збором радеть. А что в селе Лыскове и в селе Мурашкине в таможене какой недабор учнитца, и тот таможенный недабор весь велю на тебе, Иване, доправить, и впредь моей милости за пьянства к себе не увидишь. Однолично бы тебе от пьянства унятца и радеть неоплошно» (1660 г.).¹²

Однако чаще всего о письмах владельца к крестьянам можно узнать только из черновики таких посланий, развернутых помет об их отправке, записанных на крестьянских грамотках, или упоминаний о них в тех же грамотках. Например, на обороте листа с записью сказки кашинских крестьян А. И. Безобразова о покупке ими лодок написано: «От Андрея Ильича старосте нашему Фетьке Григ[ор]еву. Послал я к вам человека своево Ивашку Щерба[че]ва с суздальскими крестьяны лесу возить. И как ани приедут и вам бы тут же пособить

¹¹ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. С. 488.

¹² Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. 2. М.; Л., 1945. С. 132–133.

лесу вози[ть]. Да послал я в кашинскую деревню грамотку. И вам бы тотчас тое грамотку в кашинскую деревню сосл[ать] и велеть быть кашинским крестьяном тотчас в лесу возить, что у ково лошадей есть» (март 1674 г.).¹³

В России XVII в. крестьяне, как и представители других сословий, широко пользовались правом подавать челобитные в разные инстанции, от владельца до царя.¹⁴ Формуляр крестьянских челобитных владельцу полностью соответствует требованиям составления челобитных с обязательным применением оборотов «бьет челом и плачется», «смилуйся, пожалуй», слова «жалоба». Содержание таких посланий, как отмечалось, гораздо уже содержания грамоток. Например, крестьянин ржевской вотчины землевладельцев средней руки Самариных отправил им челобитную: «Государь Петру Аньдреевчу, государыни Агипени¹⁵ Григорьевни бьет челом и плачетъца сирота вашь села Елиць деревни Онтонова Еремей Юфимавъ о свое бедности. Милости у тебя, государь Петръ Аньдреевичь, прошу, жалоба мне сироты на Якова Марьтинава: взял хорамишьки мои, клетенку с амьшаником, а избу мирамь взяли, а пока хадил въ мирь кормитца. Смилуйся, государь Петръ Аньдреявичь, и пожалуй».¹⁶ В апреле 1660 г. крепостной нижегородской вотчины боярина Б. И. Морозова послал ему челобитье: «Государю Борису Ивановичю бьет челом сирота твой, вотчины твоей государевы села Мурашкина крестьянишка Янка Сафанеев сын Калмаков. По твоему государеву указу отда на крестьяном села Троецкаго в селе Якшени квасница из аброку по 13-ти руб. на год. Умилостивись, государь Борис Иванович, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, тае квасницу в селе Якшени мне, сироте своему, отдать на 5 лет без перекупу из аброку по 15-ти руб. на год. Государь Борис Иванович, смилуйся, пожалуй».¹⁷

Пометы служилых людей по отечеству на крестьянских челобитных отличаются от помет официальных лиц (приказных дьяков) или канцеляристов монастырских властей. Они гораздо более развернуты, подробны и напоминают скорее сокращенные черновики ответных писем, что приближает подобную корреспонденцию к частной. Так, крепостные крестьяне боярина кн. Я. Н. Одоевского из его галицкой вотчины послали ему челобитье с просьбой построить мель-

¹³ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. С. 552.

¹⁴ Крестьянские челобитные XVII в.: Из собраний Государственного Исторического музея. М., 1994. С. 11–18 и др.

¹⁵ Так в ркп. Следует читать: «Агриппине».

¹⁶ Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964. С. 204.

¹⁷ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. С. 143.

ницу на арендованной у другого владельца земле: «Умилостивися, государь князь Яков Никитич, пожалуй нас, сирот своих, поволь, государь, нам на той наемной пустоши Кобылине на реке Шуе построить мельницу». На обороте челобитной Я. Н. Одоевский записал свое распоряжение: «192-го июня 4-й день Афонасью Агафонову да села Покровского старостам и выборным крестьяном: досмотрить у них на ту пустошь записи Ивана Ратькова, на сколько оне ту пустошь взяли у него, и будет в той записи написано, что на реке Шуе оба берега ево, а будет крестьяне мои похотят мельницу строить, и, досмотря записи, велеть им мельницу построить, только приказать им накрепко, чтоб сторонним людям, которые живут в соседях, землям их подтопу не было».¹⁸

Вместе с тем деловая переписка крестьян с владельцами содержала своего рода смешанные формы между челобитной и грамоткой. Во-первых, в обычных уведомительных грамотках можно встретить части формуляра челобитной, если содержание грамотки включало в себя сообщение о некоем затруднительном положении адресанта. В декабре 1681 г. А. И. Безобразов получил грамотку из Кашинского уезда: «Государю Ондрею Ильичю кашинской вашей государ[евы] вотчины деревни Мартыноква старост[и]шка Алешка Опарин челом бьет. По твоему государеву указу во Ржев посылал я две подв[о]ды, и люди твое государевы изо Ржева уехали за день всево, оне уехали в неделю, д[а]мой, государь, приехали в понедельник. И воевода, государь, мои подводы велел им ехать домой, не велел им за ниме ехать, и оне приехали домой изо Ржева. Смилуйся, государь Андрей Ильич. Записали меня сироту в город Кашин к ямским и полонянничным деньгам. Смилуйся, оборони меня сироту своего, от такова дела. А Федор, государь, Ильич доправил с нас сирот четыре рубли, что кирпич у тебя, государь, делаем».¹⁹

Во-вторых, нередко в обычную, уведомительную грамотку была инкорпорирована челобитная со всем присущим ей формуляром: «Государю Андрею Ильичю, государю Федору Ильичю ржевския вотчены старостишка ваш, государи, Андрюшка Белогубов и все крестьяня челом бьем. Крестьяне от вас, государи, приехали из Москвы. Да приказывали вы, государи, со крестьяны, что отписать к вам, государи, к Москвы, что волочил нас воевода ржевской воевода Савелей Фодеевич Дубасов, присылал по нас голову стрелецкова Микифора Ивановича Култашова с стрельцами, правил на нас солдата, а с ним было двенатцать стрельцов, а нам убытку доставил, денег взял пять

¹⁸ Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевской и его переписка с Галицкою вотчиной (1650–1684). М., 1902. С. 107.

¹⁹ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. С. 565.

рублев, апричь корму. <...> Да жалоба, государи, нам — мне Ондрушки да Мотюшки, да Савки Стопановым детем Белогубовым на племянника своего родного на Ваську Алексеява сына в том, что высек лядо²⁰ полевья земли неделенья, собрав толоку²¹ многия люди, чтобы захватить. И мы пришот почали говорить ему, что станем вместе сечь лядо. И он нас и блиско к ляду не припустил, за нами с абухом гонял, и мы, государи, без вашего указу с ним не управились, нам с ним делать нечева. Не так что с нами, он и за отцом родным с ножом гоняет, и отец от него бегаёт. <...> Умилостивитесь, государи, унимите его, а нам с ним делать нечева. А пишем, государи, не по насертки, а в правду. По том вам, государем своим, мало пишем, да много челом бьем» (1682 г.).²²

По-видимому, писать отдельную челобитную по изложенным делам не было необходимости или возможности, а потому проблему решали с помощью обычной переписки. Однако при этом, возможно, неумышленно, по закрепившемуся шаблону, просьба или жалоба внутри грамотки оформлялись в принятом для челобитных виде.

Следует отметить, что определяли вид послания — как грамотки или челобитной — сами корреспонденты. Так, на обороте процитированной выше грамотки 1682 г. от крестьян ржевской вотчины Безобразовых указано: «Отдать пожаловать сея грамотка на Москве на дворе стольника Андрея Ильича Безобразова».²³ В феврале 1696 г. крестьянин суздальского собора Рождества Богородицы подал протопопу с братией челобитную о разрешении сдать на время свое тягло односельчанам: «Государю протопопу Петру Степановичю з братьею бьет челом сирота ваш, села Ивановского крестьянин Савка Михайлов». В концовке челобитной значится: «Умилостивися, государь протопоп Петр Степанович с братьею, пожалуйте меня, сироту своего, велите, государи, то свое тем крестьяном тягло свое на время здать и на сей челобитной свой властелинской указ подписать. Государь, смилуйся, пожалуй».²⁴

Таким образом, переписка крестьян с землевладельцами в России XVII в., воспринимавшаяся самими корреспондентами как личная, деловая, обнаруживает смешанный характер, роднивший частные письма с посылными грамотами и особенно с челобитными. Последнее происходит, очевидно, из радикального различия в статусе корреспондентов, полностью проявившейся в XVII в. зависимости

²⁰ Лядо, ляда — низкое сырое место, поросшее лесом и кустарником.

²¹ Толока — сбор людей по призыву для какого-либо дела.

²² Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. С. 651–652.

²³ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. С. 652.

²⁴ Крестьянские челобитные XVII века. С. 78–79.

крестьян от владельцев. Вместе с тем, эта особенность крестьянских грамоток свидетельствует о том, что к XVII столетию и челобитные, и грамотки имели уже долгую историю бытования и были широко распространены в крестьянской среде.

Список литературы

- Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. 2. М.; Л., 1945. 209 с.
- Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1. М., 2012. 902 с.
- Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевской и его переписка с Галицкою вотчиной (1650–1684). М., 1902. 129 с.
- Каиштанов С. М.* Частное письмо 1536/37 гг. // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 140–146.
- Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964. 312 с.
- Крестьянские челобитные XVII в.: Из собраний Государственного Исторического музея. М., 1994. 331 с.
- Тарабасова Н. И.* Об одном фразеологизме в частной переписке XVII века // Исследования по лингвистическому источниковедению. 1963. М., 1963. С. 144–155.

Т. А. ОПАРИНА

Институт российской истории РАН, Москва

«ГРЕЧЕНИН» ПАНФИЛ ЮРЬЕВ В ИНОЗЕМСКОМ И РАЗРЯДНОМ ПРИКАЗАХ

Статья посвящена процессу ассимиляции иммигранта из Османской империи «греченина», получившего в России имя Панфил Юрьев. Он происходил из достаточно родовой православной семьи из Фессалии, но, вероятно, после кончины отца оказался вне службной иерархии османского общества. Это, очевидно, стало мотивом переселения в Россию. Панфил Юрьев воспользовался русской дипломатической миссией, чтобы добраться до Москвы. В России «греченин» служил в Иноземском приказе (в «греческой», «польско-литовской» и «немецкой» ротах), успел побывать в Разрядном приказе в качестве дворянина-иноземца. Удивительным оказывается образованность иммигранта, знавшего как греческую, так и русскую письменность. Его грамотность отчетливо проявилась в период конфликта двух княжеских родов, участниками которого невольно оказались большинство представителей «греческого» землячества Москвы. Остается неясным, где и при каких обстоятельствах Панфил Юрьев освоил русскую письменность, как и то, каким образом он применял ее, помимо готовности расписываться за своих безграмотных земляков. Попыток сменить военную службу на переводческую «греченин» не предпринимал, что отличает его от стратегий ассимиляции других иммигрантов. Жизнь в России Панфила Юрьева позволяет увидеть одну из граней «греческой» миграции.

Ключевые слова: миграция, ассимиляция, дипломатические миссии, греческое землячество Москвы, изучение иностранцами русского языка.

«Греческая» светская миграция была тесно связана с развитием дипломатических контактов между Россией и Османской империей.¹ Так, посольство Андрея Совина и Михаила Алфимова (1630–1631)² привезло с собой из Константинополя десять иммигрантов.³ Одним из них был Панфил Юрьев. В начале 1632 г. миссия добралась до Москвы, где выходцам предстояло ответить на вопросы о своем происхождении и роде деятельности: «Панфил Юрьев сказал: жил в городе в Треколи (в другом списке — Трекали, совр. Трикала (Фессалия), центр провинции Румелии), отец ево у был турецко салтана во дворянех. А он де после отца своего ни в котором чину не бывал».⁴

¹ См.: *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1, 2. М., 1946; Османская империя и страны Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984.

² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1630. № 4.

³ «Во 139 году... из Царя-города... послы Андрей Савин да дьяк Михайло Олфимов... и с ними на государево имя выезжие старцы и греченя» (Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 2: С 1628 по 1645 г. СПб., 1851. Стб. 850).

⁴ РГАДА. Ф. 100. Оп. 1. 1632. № 1. Л. 7.

В соответствии с его социальным статусом не имевшего поручений на родине человека за принятие русского подданства назначили вознаграждение: «Государева жалованья Панфилу за выезд дано 13 рублей, 40 куниц, тафта, сукно доброе».⁵ В Посольском приказе было также проведено верстание: «Учинен поместной оклад 350 чети денег 13 рублей».⁶

Местом службы для всех иммигрантов был выбран Иноземский приказ, в котором в это время шла подготовка к Смоленской войне (1632–1634) и проводилось реформирование армии. Была выделена особая «греческая» рота, в которую записали и всех выходцев посольства Андрея Совина и Михаила Алфимова: «Июля в 3 день присланы ис Посольсково приказу выезжей гречане... А в памяти за приписью диака Максима Матюшкина написано: в нынешнем во 140-м году выехали к Москве те гречаны ис Царя-города. И в Посольском приказе за выезд они пожалованы поместным и денежным оклады и поверстаны в Посольском же приказе... Да им же велено давать поденново корму... Панфилу Юрьеву... по 2 алтына на день... А кормовые деньги велено давать июля с 1 числа августа по 1 число».⁷ До начала военных действий с Речью Посполитой основной задачей военных Иноземского приказа была охрана южных границ от набегов крымчаков. Панфила Юрьев сразу после зачисления в роту направили на Тулу, выдав жалованье на три месяца: «Панфилу Юрьиву по 6 рублей по 6 алтын и с конским».⁸ По возвращении в Москву ратник предстал на военном смотре в составе «греческой» роты,⁹ а затем был отправлен на фронт, получив жалованье на три месяца.¹⁰

На протяжении военной кампании «греченину» регулярно начислялось жалованье в Иноземском приказе.¹¹ Но ход военных действий оказался крайне сложным для русской армии. После первых успехов Смоленская война приняла неблагоприятный для России характер. Войска оказались в осаде под Смоленском и лишь после капитуляции русской армии смогли покинуть поле боя. В Москве были отмечены воины, доблестно сражавшиеся в этой войне. Панфила Юрьев наградили за боевые заслуги повышением поместно-денежного оклада

⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1632. № 17. Л. 13; РГАДА. Ф. 52. 1634. № 14. Л. 8; РГАДА. Ф. 52. 1635. № 12. Л. 5; РГАДА. Ф. 100. Оп. 1. 1632. № 1. Л. 7; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 287. Л. 313 об.; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 2007. Л. 1.

⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1632. № 17. Л. 13; РГАДА. Ф. 52. 1634. № 14. Л. 8; РГАДА. Ф. 52. 1635. № 12. Л. 5; РГАДА. Ф. 100. Оп. 1. 1632. № 1. Л. 7.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 287–287 об.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 14 об.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 929. 1632. Л. 30, 35.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Л. 14.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Л. 691; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Л. 111.

и поденного корма: «А 143-го апреля в 28 день по государеву ...указу Панфилу Юрьеву государева жалованья прибавлено за подсмоленскую службу за осадное сиденье против дворян и детеи боярских 50 чети денег 3 рубли корму по 3 деньги на денью да по памяти из розряду прибавлено ему за подсмоленскую службу за убитого мужика поместной 50 чети денег 1 рубль. Итого ему окладу поместной с придачею поместной 450 чети денег 34 рублей да корму по 2 алтына по 3 деньги да день».¹² «Греченин» продолжил службу в Иноземском приказе. Основным поручением в мирное время как русской поместной конницы, так и подразделений иностранных наемников была охрана южных границ России от набегов крымчаков и нагайцев — береговая служба. Панфил Юрьев в составе «греческой» роты регулярно выезжал на Тулу.¹³ На смотре 1641 г. он продемонстрировал свое вооружение, прибыв «на мерине с саблею да с карабином».¹⁴

Ассимиляция проходила успешно. В 1635 г. Панфил Юрьев, приехавший в Россию в 1631 г., уже выступил в числе «старого выезда гречан», способных проверить показания «нововыезжих гречан». Его вызвали из Иноземского приказа в Посольский в качестве «знатца». Вместе с сослуживцами он подтвердил слова приехавшего в 1635 г. Аргири Захарьева:¹⁵ «Юрьи Трапизонскои,¹⁶ Панфил Юрьив, Михаил Дуганчи¹⁷ сказали, что Архиров отец Захарьив был в Будунском городе воивода, и они иво знали».¹⁸ Все «знатцы» оставили свои подписи: «Да к тем своим скаскам те греченя... руки свои приложили».¹⁹ Следует отметить, что рядовой Юрий Трапезундский, вместе с которым он свидетельствовал, не позднее 1637 г. возглавил «греческую роту». У нового ротмистра сложились непростые отношения с подчиненными, последовал целый ряд конфликтов.

¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48. Л. 39.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 49. Л. 63.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 848. Л. 13 об.

¹⁵ Опарина Т. А. «Греченин» Аргир Захарьев в Иноземском приказе // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 6–7 апреля 2023 года. М., 2023. С. 268–270.

¹⁶ Опарина Т. А. Ротмистр Юрий Трапезундский: Заметки к биографии // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева: Материалы. М., 2004. С. 54–73.

¹⁷ Опарина Т. А. «Кречетник» турецкого султана Михаил Дмитриев Дуганжи (Дунганжи) в России // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 7–8 апреля 2022 года. М., 2022. С. 200–202.

¹⁸ РГАДА. Ф. 52. 1635. № 12. Л. 18.

¹⁹ РГАДА. Ф. 52. 1635. № 12. Л. 18 об.

В 1641 г. на Туле воеводе Я. К. Черкасскому рядовые воины «греческой» роты подали жалобу на своего ротмистра. Панфил Юрьев и его сослуживцы обвиняли Юрия Трапезунского в нанесении им побоев.²⁰ Извет был направлен в Москву в Иноземский приказ. Доставить коллективную челобитную от лица «греческой» роты в числе прочих поручили Панфилу Юрьеву: «Послан с Москвы на Тулу с челобитчиком».²¹ Но наибольшие потрясения для «греческого» сообщества принесло столкновение 1642 г. двух княжеских родов — Алибеевых-Макидонских и Альбертусов-Далмацких.²² Активным сторонником последних был Юрий Трапезундский. Вместе со своими сподвижниками он решил подготовить коллективную челобитную от имени своих земляков. Обладая возможностью давления на подчиненных, ротмистр принуждал их подписываться под пустыми листами. 20 октября 1642 г. он под угрозой лишения жалованья заставил Панфила Юрьева присоединиться к челобитной: «Велел мне ...рохмистр наш Юрьи Трапизонский приложить руку к порожнему столбцу. И я ...по ево веленью руку приложил... А угроживал мне... мои рохмистр: будет де не приложишь руки по моему веленью, и я де тебя от государева жалованья от корму отставлю. И я ...боясь ево, руку приложил».²³ Спустя несколько месяцев, осознав опасность стать соучастником извета против Алибеевых-Макидонских, Панфил Юрьев подготовил явочную челобитную. В ней он заявлял о своей полной неосведомленности в происхождении и социальном статусе Алибеевых-Макидонских: «А дела их меж ими со князем Настасом и со князем Федором Макидонскими не ведал. И про их отчество я...

²⁰ Документы находились в Разрядном приказе в XVII в., о чем свидетельствует сохранившаяся опись. В ней указано «Судное дело 149 года, что было на Туле в полку столника и воеводы князя Якова Куденетовича Черкасского по челобитью московских кормовых иноземцев на ротмистра на Юрья Трапезанского, снизу отодрано, а верхено ль или нет, того не ведомо» (Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. статья К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 512). Следственное дело хранилось в Разрядном приказе до XIX в. В описи Приказного стола Разрядного приказа (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 278. Л. 1–37) оно значится в ОДиБ МАМЮ. Можно предположить, что создатели описи, после ее завершения, изъяли заинтересовавшие их материалы и поместили в иной фонд. В настоящее время эти документы в стб. 278 отсутствуют. Их местонахождение неизвестно.

²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 50. Л. 42.

²² *Опарина Т. А.* Следственное дело о княжеском титуле Алибеевых-Макидонских: Кодикологические и палеографические особенности // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Материалы международной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 170–176.

²³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 33.

не ведаю... А на тех... князеи... не челобитчик и не довотчик».²⁴ Документ, который Панфил Юрьев отдал в Посольский приказ 28 декабря 1642 г., проявил его грамотность. Он не только самостоятельно расписывался на своей явочной челобитной,²⁵ но также помог своим сослуживцам в составлении челобитных. Он расписался за Ивана Кирилова, Дмитрия Мануйлова, Михаила Семенова, Леонтия Дмитрия Макидонского, Дмитрия Селунского,²⁶ Николая Петрова.²⁷ В конечном счете, все составители явочных челобитных, в том числе Панфил Юрьев, были оправданы, в то время как Юрия Трапезундского сослали в Сибирь.²⁸

Весь период судебного процесса Панфил Юрьев исправно нес службу в Иноземском приказе.²⁹ Позже, в 1651 г., его перевели из «греческой роты» в «польское» подразделение — роту Григория Чижевского.³⁰ На следующий год он был возвращен в «греческую» роту, но со значительно повышенным окладом. Можно предположить разные варианты: участие в строительстве Белгородской засечной черты или же ходатайства за него влиятельных греческих лиц. На последний вариант указывает помета в боярском списке: зачислен «по челобитной».³¹ Все это создало возможность изменения социального статуса. Теперь поместно-денежный оклад «греченина» составлял 550 чети и 29 рублей.³² 31 декабря 1652 г. иммигранта перевели из Иноземского в Разрядный приказ в группу дворян-иноземцев, решение было принято 15 декабря 1652 г. «Да декабря в 31 день в памяти из Розряду за приписью дьяка Григорья Ларионова написано: государь пожаловал греченина Панфила Юрьева, велел иво написать по московскому списку. И по государеву указу греченин Панфил Юрьев в боярской список нынешнего 161 года написан с московскими дворяны. И впредь иво Панфила в Иноземском приказе с кормовыми иноземцы ведать не велено».³³

Начавшаяся война с Речью Посполитой (1654–1666) обусловила мобилизацию всего служилого сословия России. При подготовке к

²⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 33.

²⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 33 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 117.

²⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 158.

²⁸ *Отарина Т. А.* Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: Пути и судьбы // *Quaestio Rossica*. 2017. № 1. С. 171–197.

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 50. Л. 42; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 52. 1650. Л. 422.

³⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 53. 1651. Л. 392.

³¹ *Белоусов М. Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Т. 2. Казань, 2009. С. 456.

³² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 54. Л. 25.

³³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 54. Л. 26–26 об.

военным действиям на смотре 21 июня 1653 г. Панфил Юрьев продемонстрировал свое вооружение в воставе подразделения дворян-иноземцем: «на коне, пара пистолей да карабин».³⁴ Поденный корм на этот момент составлял гривну.³⁵ В 1657 г. Панфил Юрьев вновь числился в Иноземском приказе. «Греческая рота» к этому времени были расформирована. Панфил Юрьев сражался теперь в подразделении выходцев из Западной Европы: роте Александра Петрова Гамолта в чине поручика с жалованьем в 8 рублей и гривна в месяц.³⁶ Это последнее упоминание его в источниках.

На протяжении почти всей жизни в России «греченин» Панфил Юрьев служил рядовым воином Иноземского приказа. Удивительны его перемещения среди подразделений иммигрантов разных регионов: Османской империи, Западной Европы, Речи Посполитой. Основной период он провел в «греческой роте», доблестно сражался в Смоленской войне, выступал одним из создателей коллективной челобитной против своего ротмистра Юрия Трапезундского. На короткий период, наиболее вероятно, по ходатайству влиятельного греческого лица, Панфил Юрьев вошел в состав московского дворянства. Но характер его военных поручений не изменился. «Греченин» был грамотен, но неизвестно, где проходило его обучение русской письменности, как нет и информации о его попытках поступления в Посольский приказ в качестве толмача или переводчика. В конце своей жизни «дворянский сын» из Османской империи имел в России достаточно высокий поместно-денежный оклад и чин поручика.

Список литературы

- Белоусов М. Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Т. 2. Казань, 2009. 463 с.
- Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 2: С 1628 по 1645 г. СПб., 1851. 976 стб.
- Опарина Т. А.* «Греченин» Аргир Захарьев в Иноземском приказе // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 6–7 апреля 2023 года. М., 2023. С. 268–270.
- Опарина Т. А.* «Кречетник» турецкого султана Михаил Дмитриев Дунганжи (Дунганжи) в России // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIV

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 234. Л. 430.

³⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 234. Л. 430.

³⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 57. Л. 106, 120.

- Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 7–8 апреля 2022 года. М., 2022. С. 200–202.
- Опарина Т. А.* Ротмистр Юрий Трапезундский: Заметки к биографии // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева: Материалы. М., 2004. С. 54–73.
- Опарина Т. А.* Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: Пути и судьбы // Quaestio Rossica. 2017. № 1. С. 171–197.
- Опарина Т. А.* Следственное дело о княжеском титуле Алибеевых-Макидонских: Кодикологические и палеографические особенности // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Материалы международной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 170–176.
- Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. статья К. В. Петрова. СПб., 2001. 806 с.
- Османская империя и страны Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М. 1984. 301 с.
- Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1: XVI век. М., 1946. 158 с.; Т. 2: XVII век. 172 с.

А. А. Бродников

Новосибирский государственный университет

ВЫБОРНЫЙ СУДЯ ИРКУТСКА ИВАН ПЕРФИРЬЕВ: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДОМ И УЕЗДОМ В КОНЦЕ XVII в.

Неоднократно выполнявший в течение своей службы обязанности приказчика сын боярский Иван Максимович Перфирьев в преклонном возрасте, давно уже находясь в отставке, вынужден был «по приговору» жителей Иркутска выполнять функции иркутского воеводы. Он успешно справлялся с возложенными на него обязанностями, ответственно и умело решая проблемы, не только возникающие, но и ранее существовавшие. И. Перфирьев демонстрирует навыки административно-управленческой работы, заботится об обороноспособности острогов Иркутского уезда, решает различные финансовые проблемы.

Ключевые слова: управление уездом, Сибирь, Иркутск, Иркутский уезд, служилые люди, XVII век.

В научной литературе о Сибири встречаются упоминания о том, что в конце XVII в. сын боярский Иван Максимович Перфирьев в качестве «выборного судьи» при «воеводе»-ребенке Николае Полтеве фактически управлял Иркутским уездом. Одним из первых на эту ситуацию обратил внимание П. М. Головачев в предисловии к сборнику документов «Первое столетие Иркутска».¹ Упомянули об этом исследователи и в последующее время,² в том числе говорилось об этом и в наших публикациях.³

Но это были упоминания, связанные либо с событиями городских восстаний в Сибири конца XVII в., либо с изучением биографии И. М. Перфирьева. Непосредственно же деятельность сына боярского в качестве «выборного судьи» Иркутска, на наш взгляд, изучена недостаточно. Настоящая статья представляет собой попытку восполнить этот пробел.

¹ Первое столетие Иркутска. СПб., 1902. С. VIII, 123–124.

² *Кудрявцев Ф. А.* От казачьего зимовья до советского Иркутска (1652–1920): Очерки по истории города (для юношества). Иркутск, 1940. С. 18; История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 2. Л., 1968. С. 150; *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 321.

³ См.: *Бродников А. А.* Иван Максимович Перфирьев: Из истории сибирской служилой династии XVII в. // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII – XIX веков. Тобольск, 2005. С. 167; *Бродников А. А.* Память о заслугах предков в семье иркутских служилых людей XVII – начала XVIII в. Перфирьевых // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 258–265.

© Бродников А. А., 2023

В течение долгой службы в качестве сына боярского И. Перфирьев многократно назначался приказчиком разных острогов Приангарья и Забайкалья, в том числе и Иркутского острога.⁴ Таким образом, к 1690-м гг. он имел богатый опыт административно-управленческой работы. Начав свою службу в енисейском гарнизоне на рубеже 1640-х — 1650-х гг., в 1680-е гг. И. Перфирьев числился сыном боярским по Иркутску⁵ и имел в этом городе и уезде недвижимость,⁶ т. е. был для иркутян своим человеком.

Кроме того И. Перфирьев неоднократно отправлялся в качестве посланника к монгольским правителям и получал в результате этих поездок приемлемый для сибирской администрации результат,⁷ — он умел вести переговоры, убеждать, склонять на свою сторону представителей противоположной стороны. По этой причине иркутский воевода Афанасий Савелов поручал ему урегулировать конфликтные ситуации, возникавшие со служилыми людьми забайкальских острогов уже в 1696 г.⁸ Таким образом, кандидатура И. Перфирьева для выполнения функций помощника несовершеннолетнего «воеводы», а по факту — главы уездной администрации, для иркутян была оптимальной.

Ситуация, в которой И. Перфирьев принял Иркутск и Иркутский уезд, была очень непростой. В 1695 г. в Иркутск прибыл упомянутый воевода Афанасий Тимофеевич Савелов, сменивший на этом посту князя Ивана Петровича Гагарина. Указ об этом был «писан на Москве лета 7203 года декабря в 12 день».⁹

За год своего управления Иркутском воевода Савелов сумел настроить против себя его население. О совершаемых им злоупотреблениях и жестокости в отношении горожан и жителей уезда стало известно в Москве. В результате в Сибирском приказе, в условиях уже начавшихся выступлений против воевод в ряде сибирских уездов,¹⁰

⁴ ГПНТБ СО РАН. Собр. М. Н. Тихомирова. Д. П. XXVI. 8. Л. 1–2; РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Ед. хр. 5; Ед. хр. 13. Л. 2; Первое столетие Иркутска. С. 121; Бродников А. А. Иван Максимович Перфирьев. С. 157–159.

⁵ РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Ед. хр. 7; Первое столетие Иркутска. С. 39.

⁶ ГПНТБ СО РАН. Собр. М. Н. Тихомирова. Д. П. XXVI. 14; Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960. № 111. С. 319.

⁷ РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Ед. хр. 2; РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Ед. хр. 3; РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Ед. хр. 13; Сборник документов по истории Бурятии. № 69. С. 233–237; № 70. С. 237–240; № 72. С. 244–247.

⁸ Первое столетие Иркутска. С. 98; Сборник документов по истории Бурятии. № 151. С. 422, 424; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. С. 311.

⁹ СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 1–2.

¹⁰ Кудрявцев Ф. А. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. Иркутск, 1939; Александров В. А. Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII века // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 345–386.

было принято решение о его досрочном смещении. По этой причине в Иркутск был досрочно послан новый воевода — стольник Семен Тимофеевич Полтев. Как позднее сообщалось в отписке, составленной от имени малолетнего «воеводы» Николая Полтева и И. Перфирьева «в прошлом 204 г. по государеву указу и по наказу из Сибирского приказа велено быть в Иркутске воеводой отцу моему Семену Тимофееву сыну Полтеву и переменить Афонася Савелова».¹¹

Но вновь назначенный воевода, не доехав до Иркутска всего двух дней пути, 22 октября 1696 г. скончался в Идинском остроге.¹² Жители Иркутска сочли возможным выбрать «воеводой» его сына Николая (очень вероятно — чтобы не оставлять в должности воеводы так ненавистного им А. Савелова), а по причине его малолетства, «для росправы всяких дел», посчитали необходимым приставить к нему в качестве «выборного судьи» И. Перфирьева.¹³

По более поздней версии самого сына боярского, его «Иркутского города всяких чинов жители... приневолили... быть в приказной избе с Николаем судьей».¹⁴ Таким образом, И. Перфирьев стал фактически управлять Иркутском с конца 1696 г. Московские власти согласились с решением иркутян, и в конце февраля 1698 г. из Сибирского приказа пришла грамота, утверждающая выбор горожан: Перфирьеву предписывалось «быть с ним, Николаем, в товарищах» (т. е. вторым воеводой). Таким образом, И. Перфирьев теперь уже и на законных основаниях, по государеву указу, выполнял в течение почти двух лет обязанности воеводы до приезда в Иркутск в октябре 1698 г. нового воеводы И. Ф. Никалева.¹⁵

Ссылка на то, что градские жители его «приневолили», связана с тем, что И. Перфирьеву пришлось оправдываться перед московскими властями за невыполнение им государева указа, согласно которому он должен был отправиться в Илимск для принятия острога у воеводы Богдана Челищева.¹⁶ «...И для такова твоего великого государя дела в Ылимск на перемену воеводе Богдану Челищеву иркутские всяких чинов жители меня, холопа твоего, не отпустили», — объяснял свои действия сын боярский уже весной 1697 г.¹⁷

¹¹ СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 3.

¹² Первое столетие Иркутска. С. 123; *Кудрявцев Ф. А.* Восстания крестьян, посадских и казаков... С. 67; *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. С. 321.

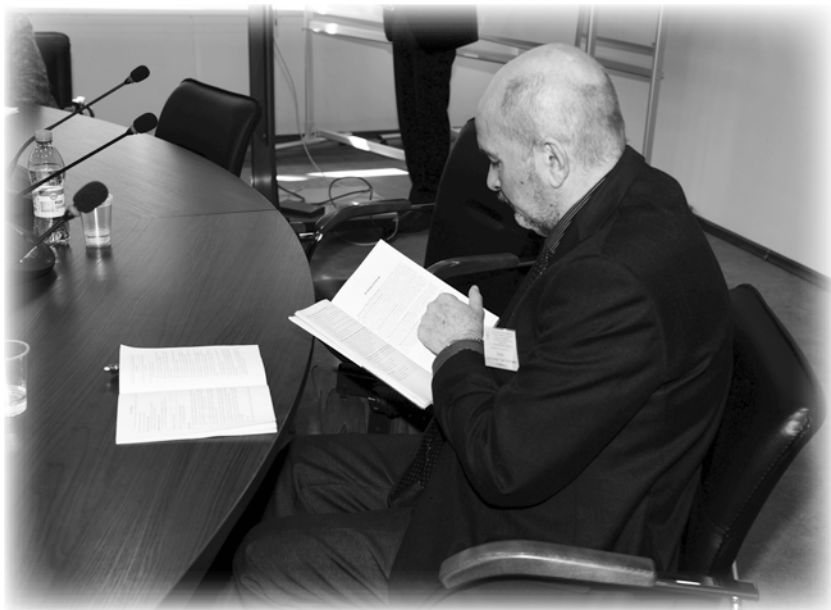
¹³ СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 1–2; Ед. хр. 100. Л. 4.

¹⁴ РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 3.

¹⁵ РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 3–4. Первое столетие Иркутска. СПб., 1902. С. 123; *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. С. 321.

¹⁶ РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. I. Ед. хр. 7. Ч. 6. Л. 25–31 об. Об этих событиях подробнее см.: *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. С. 316–322.

¹⁷ СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 2.



А. Х. Элерт. 2012 г.

В Илимске ранее сложилась ситуация наподобие иркутской: практически все население Илимского уезда выступило против Б. Челищева, назначенного воеводой всего годом ранее, и в Сибирском приказе было принято решение назначить вместо него отставного сына боярского И. Перфирьева, а если тот не может выполнять эти обязанности по состоянию здоровья или умер, то его сына Астафия. Грамота о назначении И. Перфирьева или его сына Астафия датирована 10 июня 1696 г.¹⁸ В столбце имеется и наказная память И. Перфирьеву для управления Илимским уездом.¹⁹

С самого начала исполнения функций «выборного судьи» И. Перфирьев вел переписку с центральными органами управления от лица малолетнего «воеводы» Н. Полтева. Кроме текущих дел ему приходилось заниматься и исполнением отдельных поступающих из Москвы распоряжений. В частности, уже 2 ноября 1696 г. в Иркутске была получена царская грамота, согласно которой скончавшемуся воеводе С. Полтеву (о чем в Москве еще не могли знать) следовало подготовить подробный чертеж города Иркутска и Иркутского уезда «на холстине самым добрым мастерством», с указанием всех географиче-

¹⁸ РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. I. Ед. хр. 7. Ч. 6. Л. 25–26 об. Об этих событиях см.: Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. С. 316–322.

¹⁹ РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. I. Ед. хр. 7. Ч. 6. Л. 28 об.–31 об.

ских объектов с их названиями, населенных пунктов с расстояниями между ними. До конца лета 1697 г. чертеж был подготовлен и отправлен в Сибирский приказ с двумя иркутскими служилыми людьми.²⁰

19 мая 1697 г. в Иркутск поступило сообщение о произошедшем в Тункинском остроге пожаре. Как сообщили прибывшие в иркутскую приказную избу служилые люди Васька Бахор и Петрушка Лязгин, «учинился де пожар мая на 15 число в остроге от часовни часа за два до ночи — в вечерню в паперти отпала от иконы свеча, а в то де время был ветер велик и отнять ни коими меры не могли, толко де вынесли зелеиную казну да свинец, ручное ружье». Далее поясняется, что поскольку сгорели все хлебные запасы, чтобы служилым людям «не помереть голодною смертью и без крепостей острожных от неприятеля бы какой порухи не учинилось» их отправили в Иркутск «после пожару... с отпиской той же ночью».²¹

И. Перфирьев к решению возникшей проблемы подошел основательно. Сначала он отправил для пропитания годовальщиков в сгоревший Тункинский острог двадцать пудов ржаной муки из государственной казны, велел муку раздать служилым людям, взяв с них расписки. Далее он велел прислать в Иркутск с нарочным информацию, чего и сколько после пожара осталось казны и различных строений и сколько погорело. После этого он отправил в Тункинский «для государевы службы» приказчиком иркутского сына боярского Федора Москвитинова и с ним иркутских казаков и полковых стрельцов 40 человек и 20 человек из Верхоленска для восстановления острога: «...И велели строить на том же прежнем месте два зимовья с нагородни, промеж ими сени с верхними и с нижними буи, покаместь построитца острог». Отправив в Москву отписку о произошедшем и о своих действиях, И. Перфирьев пообещал дать информацию об утраченном в результате пожара и сохранившемся имуществе как только эти сведения поступят в Иркутск.²²

Ф. Москвитинов не подвел: 12 августа в Иркутске была получена его отписка о том, что новый острог построен. Представлял он из себя достаточно внушительное оборонительное сооружение: «...Две башни о трех боях с мосты, на верху одной башни поставлена караулна теплая, мерою... те башни в стенах по полчетверты сажени печатных, стоячего острогу меж башни шесть сажен, а от башни до казенного кладового анбару острогу пять сажен, казенной кладовой анбар мерою пол трети сажени печатных. От анбару казенного до ворот проезжих острогу четыре сажени, от ворот до выводу боевого четыре

²⁰ СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 1–2.

²¹ СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 62–63. Л. 3–4.

²² СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 62–63. Л. 3–4.

ж сажени, от выводу до башни семь сажени, а поставлен де тот острог над Иркутом в мысу от старого острожного места вблизиности, а кругом того острогу построены надолбы».

Сообщил в этой отписке Ф. Москвитин и о другой возникшей проблеме: 30 июля приезжали ночью под острог два монгола и угнали у служилых людей и у местных бурят лошадей, а часть лошадей «пристрелили». Поэтому «воевода» Полтев и И. Перфирьев писали в Тункинский и во все остроги Иркутского «присуда», приказав «всем быть в великом береженье и выставлять караулы». Писали они и в улусы бурятам, чтобы они рассылали в отъезды «в прикрытные места дозоры до каких мест и по сколько человек пристойно, чтобы воинские воровские люди безвестно не пришли».²³

Еще одна серьезная проблема, с которой столкнулся И. Перфирьев, управляя Иркутским уездом, — это отсутствие средств для выплаты денежного жалованья служилым людям. Об этом он сообщил в Москву. Отписка соответствующего содержания была отправлена не ранее 28 мая 1697 г. В ней говорилось, что у прежнего воеводы А. Савелова они (Н. Полтев и И. Перфирьев) приняли в государственной казне 29 рублей 15 алтын. Было отмечено, что вина в казенном винном погребе не оказалось. Согласно прежнему государеву указу И. Перфирьев распорядился присылать из Нерчинска оставшиеся от таможенных расходов ткани («локотные товары») и давать их в качестве денежного жалованья иркутским, селенгинским, удинским «и иным приписных острогов служилым людям» по указной цене на настоящие годы. Но эти товары из Нерчинска в Иркутск, как сообщается в отписке, по 28 мая так и не поступили.²⁴

Далее И. Перфирьев информирует московских чиновников, что ранее, еще 25 сентября 1696 г., в Иркутск А. Савелову пришла «по почти из Сибирского приказу» грамота, в которой сказано, что в 1695 г. в Енисейск было послано «подрядного горячего доброго простого вина пять тысяч пятьсот ведер». Из них две тысячи ведер должны были отправить в Иркутск, но так и не прислали. Иркутские служилые люди по этому поводу били челом государю «по почти», уведомив его, что они «полном денежным жалованьем на нынешней 205-й год не пожалованы, а наперед сего жалованы» были из винной продажи тобольской и енисейской присылок и иркутского подряду.²⁵

И. Перфирьев предлагает выход из создавшейся ситуации, сообщив в Сибирский приказ, что готов из-за «денежной скудости в Ыркутску вина горячего подрядить» сколько будет указано. При

²³ СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1–1 об.

²⁴ СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 17.

²⁵ СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 18.

этом, «не смея остановить... великого государя служеб и ясачного збору», не дожидаясь ответа, он подрядил на изготовление вина «прежняго подрядчика гостиные сотни Алексея Ушакова²⁶ приказчика иво Игнатъя Юринского в двести ведр». Ведро вина оценивалось им в 25 алтын. Изготовленное вино было продано на кружечном дворе, а вырученные деньги розданы в качестве денежного жалования на 205-й год удинским и селенгинским служилым людям в добавок к 120 рублям прежней московской присылки. Но для расходов в наступившем 206-м году денег в казне как и прежде не имелось и выплачивать жалование служилым людям вновь было нечем, о чем И. Перфирьев сделал запрос в конце своей отписки: служилых людей «великого государя жалованием пожаловать нечем о том, что ты, великий государь, с почтой укажешь».²⁷

Столкнулся И. Перфирьев с проблемой недостатка оружия в некоторых приграничных острожках. В частности, в соответствии с поступившими в Иркутск 1 ноября 1697 г. грамоте и указной памяти ему пришлось решать проблему обеспечения огнестрельным оружием и боеприпасами удинских стрельцов, верстанных «на выбылые места» в 205-м году, которые при воеводе А. Савелове уже успели пожаловаться в Москву. Как оказалось, «ружья и пороху и свинцу с казны им не дано и служат они без ружья». При этом, как писал Н. Полтеву и И. Перфирьеву вновь назначенный удинский приказчик Иван Новиков, годом ранее из казны в Ильинском и Кабанском острогах пашенным крестьянам и гулящим людям «для заворошной поры на время, а не вовсе» было роздано более ста «саналов» (фитильных ружей. — А. Б.). Но розданное оружие осталось у них на руках, а они «держат то государево ружье не в бережи».²⁸

Особо отметил И. Новиков, что пограничный Удинский острог часто страдает от набегов неясачных тунгусов и монголов, которые занимаются отгоном конных табунов и безоружных служилых людей «в подъездах и в погонях и в полевых караулах убивают». По мнению автора сообщения, в удинской казне пригодных к использованию ружей нет, в результате чего «им, новоповерстаным стрельцам, служить не чем».²⁹ Эта информация подтверждается содержанием приемной и отдаточной росписи Удинска, составленной 22 ноября 1697 г. при

²⁶ Братья Иван и Алексей Ушаковы (гость и купец гостиной сотни соответственно) имели в Сибири многочисленные откупы, в том числе и в поставках вина. См.: Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 131–150; Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 265.

²⁷ СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 18–19.

²⁸ СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 112–114а. Л. 53.

²⁹ СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 112–114а. Л. 53.

смене приказчиков: на хранении в Удинске имелось 40 «самапалов без пожей и без замков и без казенных шурупов», то есть не пригодных к использованию.³⁰ Как сообщал в Иркутске И. Новиков, в конце своей челобитной удинские стрельцы просили государя, чтобы им разрешили собрать розданное в Ильинском и Кабанском острогах оружие и раздать его служилым людям в Удинском.³¹

И. Новиков информировал И. Перфирьева в первые месяцы 1698 г. еще об одной проблеме, сообщив, что сдававший ему в конце 1697 г. в Удинском остроге дела прежний приказчик пятидесятник Моська Борисов отказался ставить свою подпись в «приходе-расходе» соляной казны, поскольку обнаружился недовес в размере «пол третья пуда» (два с половиной пуда. — А. Б.). Была у него проблема и с учетом другого имущества. Об этом И. Перфирьеву сообщили удинские казаки Алешка Уваров и Никишка Башкир, которые по его распоряжению должны были принять у пятидесятника «острог и все дела». В то время как прежние и новые целовальники выполнили все требуемые процедуры без каких-либо проблем, то бывший приказчик повел себя иначе. «Этот Моська Борисов в приходе и в расходе соляной казны не расписался и расписной список неведомо для какого намерения не дал и в расходе и приходе у него счесть не по чему», — жаловались на него Перфирьеву Уваров и Башкир. Оказалось, что в остроге потрачены на неизвестные расходы средства, полученные в качестве пошлин за пушнину. Не зафиксированы в приходных и расходных книгах 300 рублей денег и «200 кумачей красных» «московской присылки», предназначенные для раздачи служилым людям в качестве денежного жалованья. В результате чего «неведомо, из каких приходов жалованье на 205 г. выдано». Таким же образом в книгах не зафиксированы посланные из Иркутска на жалованье служилым людям 100 рублей 16 алтын 4 деньги. А при раздаче в счет денежного жалованья тканей («кумачей») не указана их цена.³²

Обнаружена в острожной документации также вопиющая небрежность в учете боеприпасов: после выдачи в 1697 г. пороху Андрею Бейтону в зеленой казне Удинского острога зафиксирован его недовес в размере 16 пудов 34 фунта и обнаружена недостача пищальных кремней в количестве 140 штук. В такой ситуации И. Перфирьев распорядился приходные и расходные книги Удинского острога, которые все же были составлены «за рукой Моисея», прислать в Иркутск, предварительно «для ведома» в Удинском сняв с них копии,

³⁰ СПБII РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 112–114а. Л. 50.

³¹ СПБII РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 112–114а. Л. 52–54.

³² СПБII РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 112–114а. Л. 47–48.

при этом он делает запрос в Москву: «И вы об этом Моське Борисове что укажете».³³

За время управления Иркутском Иван Перфирьев, как позднее он сам писал в челобитной, государю «учинил... прибыль немалую» и никакого «челобитья и жалобы» на него не было. Почему-то в этой челобитной 1700 г.³⁴ многие события, происшедшие за время его управления Иркутском, не были указаны. Надо полагать, что сдавал И. Перфирьев дела новому иркутскому воеводе И. Ф. Никалеву в гораздо более приемлемом состоянии, чем они находились во время его вступления в должность «выборного судьи» после воеводства А. Т. Савелова.

Список литературы

- Александров В. А.* Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII века // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 345–386.
- Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. 303 с.
- Александров В. А.* Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 131–150.
- Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. 400 с.
- Бродников А. А.* Иван Максимович Перфирьев: Из истории сибирской служилой династии XVII в. // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII — XIX веков. Тобольск, 2005. С. 151–168.
- Бродников А. А.* Память о заслугах предков в семье иркутских служилых людей XVII — начала XVIII в. Перфирьевых // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 258–265.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 2. Л., 1968. 540 с.
- Кудрявцев Ф. А.* Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. Иркутск, 1939. 100 с.
- Кудрявцев Ф. А.* От казачьего зимовья до советского Иркутска (1652–1920): Очерки по истории города (для юношества). Иркутск, 1940. 92 с.
- Первое столетие Иркутска. СПб., 1902. 188 с.
- Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960. 493 с.

³³ СПбИИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 112–114а. Л. 48–49.

³⁴ РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Ед. хр. 5; РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Ед. хр. 13.

И. П. КАМЕНЕЦКИЙ

Институт истории СО РАН, Новосибирск

«ГОСУДАРЕВЫ СЛУЖБЫ» ВОЕВОДЫ ИВАНА ВЛАСОВА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1680-Е ГГ.

В статье дан обзор служебной деятельности видного сибирского администратора, иркутского и нерчинского воеводы Ивана Власова. Особое внимание уделено выяснению участия и вклада Власова в оборону дальневосточных рубежей России от монгольских и маньчжурских войск. Сделан вывод, что благодаря умелым действиям нерчинского воеводы были сорваны планы маньчжурского двора по захвату всей забайкальской Сибири.

Ключевые слова: воевода И. Власов, сибирские крепости, Даурия, оборона Албазина, Нерчинский мирный договор.

В дореволюционной и ранней советской историографии прочно утвердилось негативное суждение о сибирских воеводах как временных управителях, казнокрадах и лихоимцах, нещадно эксплуатировавших местное ясачное и пришлое русское население, и стремившихся в большей мере к личному обогащению, чем достижению «государевой прибыли». Яркие выразительные портреты видных тобольских воевод-прибыльщиков Ю. Я. Сулешова, П. И. Годунова и скандально известных мангазейских воевод Г. И. Кокорева и А. Ф. Палицына дал выдающийся ученый, сибиревед С. В. Бахрушин.¹

В конце 1980-х гг. наметились новые тенденции и взгляды в изучении системы воеводского правления в Сибири. Административная деятельность и взаимодействие воевод с сибирским местным (мирским) самоуправлением на широком сибирском материале освещена блестящими знатоками феодальной России Н. Н. Покровским и В. А. Александровым.² Властные функции воеводского правления осветил Е. В. Вершинин. Им же был составлен наиболее полный перечень сибирских воевод и дана общая характеристика их административной практики.³ Хозяйственную сторону «прибыльной» деятельности отдельных сибирских воевод осветил М. О. Акишин.⁴ Но, несмотря на эти несомненные достижения, личность и деятельность

¹ Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 252–296.

² Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

³ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири: XVII век. Екатеринбург, 1998.

⁴ Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. / Сост. М. О. Акишин. Новосибирск, 2000.

многих крупных представителей местного государственного аппарата, оставивших заметный след в истории русской Сибири, до сих пор остается слабо изученной и недостаточно оцененной.

Среди известных администраторов Сибири XVII столетия заметно выделяется фигура московского дворянина Ивана Евстафьевича Власова. В отличие от многих своих предшественников и других воевод, находившихся на сибирской службе в среднем три-четыре года, Власов провел в «государевой вотчине» десять лет, отмеченных большой плодотворной и многогранной деятельностью.

Его жизненный путь и заслуги в открытии в Сибири серебряных, медных и других руд, организации сереброплавильного производства и соледобычи уже получили освещение в научных трудах.⁵ Но достижения Власова не ограничивались лишь открытием и первичной разработкой рудных месторождений. Он в не меньшей мере проявил себя в военной и дипломатической сферах, был активным организатором обороны русских владений в Забайкалье и Приамурье в 1680-е гг. Однако фигура Власова и его служебная деятельность в Сибири, в отличие от известных героев Албазина Алексея Толбузина, Афанасия Бейтона и видного сподвижника Петра I Василия Головина, во многом оказалась в тени, и не получила должного освещения в исторической литературе.

Иван Власов родился в 1628 г. в Москве в дворянской семье. Получил хорошее для того времени домашнее образование, знал латынь. Это обстоятельство в немалой мере способствовало его будущей успешной служебной карьере и административной практике. В 1656 г. молодой дворянин принял участие в составе русского посольства в Венецию, на обратном пути посетил Швейцарию, Германию, Голландию, где познакомился с техническими и технологическими достижениями европейских мастеров и приобрел первый посольский и промышленный опыт. С учетом его знаний в металлургии и химии Власова назначили пушкарским головой в Пушечный и Гранатный дворы, являвшиеся наиболее крупными предприятиями оборонной промышленности. В 1674 г. он служил воеводой в городке крепости Арзамасе, где «завел» казенные заводы для производства поташа и за усердную работу получил чин стряпчего.⁶

В феврале 1680 г. Власов получил назначение воеводой в отдаленный слабозаселенный Иркутский уезд, вступив в эту должность в начале 1681 г. Недавно основанный Иркутский острог представлял собой небольшую укрепленную крепость. В 1668/1669 г. периметр

⁵ Трошин А. К. Иван Евстафьевич Власов — воевода-рудознавец XVII в. М., 1963; Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: У истоков российской промышленной политики. М., 2005.

⁶ Трошин А. К. Иван Евстафьевич Власов. С. 12–13.

его стен достигал 200 м, высота стен составляла 7,2 м, по углам стояли четыре глухие башни высотой 11 м. На стенах, выходящих в степь, имелись также три проездные башни высотой 18 м.⁷ К ведению Иркутского воеводства относились малочисленные, слабо вооруженные гарнизоны прибайкальских острогов, не имеющих больших укреплений: Селенгинский, Баунтовский, Баргузинский и Удинский. К середине 1680-х гг. в Иркутском уезде насчитывалось 240 казаков, из них в Иркутске — 46, Селенгинске — 157, Баргузине — 37. Вместе гарнизоны Иркутского воеводства и образованного вскоре Нерчинского уезда насчитывали около 640 городских и 30 беломестных казаков.

Наряду с выполнением предписанных правительством многочисленных административных обязанностей, главным из которых был сбор ясака, Власову было поручено собирать сведения о Китае, Монголии, Индии и вести поиск цветных и драгоценных металлов. Благодаря организации им разведывательно-поисковых работ были обнаружены месторождения руд, содержащие олово, свинец, серебро, железо, а также слюда в Селенгинске, Нерчинске, и Иркутске; началась добыча железной руды в районе Телембинского острога. В конце своего сибирского правления Власовым были начаты работы по организации первого в России сереброплавильного завода близ Нерчинска, ставшего до открытия полиметаллических руд на Алтае основным поставщиком в казну серебра.

Для обеспечения служилых и работных людей продовольствием Власов немало способствовал развитию хлебопашества в бассейне рек Шилки и Амура и переселению крестьян из Западной Сибири. В своей отписке в Тобольск он настаивал на переводе из Верхотурского, Тюменского и других уездов 500 семей пашенных крестьян с поселением их на р. Аргуни и других обнаруженных рудных местах. При этом он предлагал не взимать с новых поселенцев налоги, не использовать на государственной пашне, но заставлять их делать всякие «заделя» для возникавших в Забайкалье первых отечественных промышленных предприятий.⁸

В 1682 г. Власов был назначен воеводой в самый отдаленный русский форпост на востоке Сибири — Нерчинский острог, в ведении которого была большая часть Восточного Забайкалья; Власов находился там до конца 1690 г.⁹ Учитывая важное стратегическое и эконо-

⁷ Резун Д. Я. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 162; Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в.: По материалам Иркутского и Нерчинского уездов. М., 2012. С. 66-67.

⁸ Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений. С. 277.

⁹ Трошин А. К. Иван Евстафьевич Власов. С. 16; Русско-китайские отношения в XVII веке: Документы и материалы. Т. 2: 1686–1691 / Сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М., 1972. С. 7, 71.

мическое значение этого края, Сибирский приказ предоставил Власову широкие полномочия, в том числе, право прямого обращения в Москву, минуя разрядный Енисейск. Наряду с енисейским воеводой князем К. О. Щербатовым, ему было предписано «все даурские и байкальские остроги ратными людьми оберегать».¹⁰

По прибытию в Нерчинск, Власов предпринял энергичные меры по его укреплению и увеличению численности гарнизона. Взамен старого, возведенного енисейским воеводой А. Пашковым острога был сооружен четырехугольный рубленый городок с девятью крепостными башнями. Длина острожных стен составляла 85 саженей, ширина — 70.¹¹ В отличие от других прибайкальских и забайкальских острогов-крепостей Нерчинский гарнизон был более многочислен и лучше вооружен. В подчинении воеводы находился 331 служилый и промышленный человек. В оружейном арсенале имелись «31 пушки медных полковых», «748 пищалей и самопалов» и другое военное снаряжение.¹²

В подчинении воеводы также находился Албазинский острог, расположенный южнее на среднем течении Амура. Острог был возведен самовольно в 1667 г. отрядом бежавшего опального илимского сотника Н. Черниговского, и поэтому получил в официальных кругах название «воровского острога». Его своевольные казаки, оберегая свою независимость и прежние вольности, не признавали поначалу власть нерчинских воевод, что создавало немалые трудности в управлении острогом, но ввиду возникшей военной угрозы, исходящей от маньчжурских войск, вынуждены были им подчиниться.

Албазин, как и Нерчинск, имел значительные древесно-земельные укрепления. В 1682 г. он был окружен городской стеной, мерою кругом 165 сажень, с пятью башнями. Острог окружал ров глубиной в 1,5 метра, шириной в 3 сажени, за которым с двух сторон были устроены двухъярусные надолбы и установлен в шесть рядов «чеснок». В крепости проживало 120 казаков, около 70 крестьян, а также торговые и промышленные люди, всего к началу осады крепости маньчжурами насчитывалось 350 человек «всяких чинов людей». Всего в образованном Албазинском уезде насчитывалось до 480 семей русских служилых людей, крестьян и промышленников.¹³

¹⁰ Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958. С. 119.

¹¹ Резун Д. Я. Летопись сибирских городов. С. 211–212.

¹² РГАДА. Ф. 214. Кн. 1354 (Роспись огненного наряду Нерчинска). Л. 350–350 об.; Трошин А. К. Иван Евстафьевич Власов. С. 16.

¹³ Русско-китайские отношения в XVII веке. С. 8; Резун Д. Я. Летопись сибирских городов. С. 79–80.

В начальный период воеводского правления Власова военно-политическая обстановка в Прибайкалье и Забайкалье значительно обострилась. Осенью 1681 г. конные отряды монгольских ханов и тайшей, подстрекаемые маньчжурами, предприняли набеги на южные русские владения в Забайкалье, простиравшиеся от Иркутска до Нерчинска. Первыми подверглись нападению окрестности Селенгинска и Удинска, где монголы захватили много голов рогатого скота, табуны лошадей и верблюдов у служилых и ясачных людей, разграбили юрты бурят.¹⁴



1979 г.

В конце 1683 г. регулярные маньчжурские войска начали открытые военные действия, направленные против русского присутствия в Забайкалье и Приамурье. Они захватили и разрушили малолюдные Долонский, Селемджинский, Зейский острожки, разорили русские деревни, обеспечивавшие Албазин продовольствием. Власов с тревогой сообщал в Енисейск воеводе К. Щербатову о гибели наиболее отдаленных от Албазина русских деревень и запустении пашни.¹⁵ Он также известил Тобольск и Москву о возникновении реальной угрозы потери Восточного Забайкалья и освоенного русскими Среднего Приамурья.

В этих условиях правительство вынуждено было принимать срочные меры по усилению обороны русских дальневосточных владений. Тобольским воеводам было предписано провести экстренный набор по всем городам Сибири воинских сил и направить их в Даурскую землю (Даурию). В мае 1684 г. первая партия, состоявшая из 380 тобольских и туринских казаков, вышла из Тобольска, в пути следования на восток к ним присоединилось 220 верхотурцев и тюменцев. Дополнительно в Енисейске было приказано добрать и выслать в Даурию еще 400 человек, также вошедших в состав образованного сибирского «новоприборного» полка.¹⁶

В конце января 1686 г. из Москвы в Забайкалье был также послан «в прибавку» отряд, состоящий из 500 стрельцов под командованием

¹⁴ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 107.

¹⁵ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. С. 128.

¹⁶ Леонтьева Г. А. Волнения служилых людей в Восточной Сибири в 80-х годах XVII в. // Русское население Поморья и Сибири: Период феодализма. М., 1973. С. 94–95.

полковников Ф. Скрипицына, П. Грабова и подполковника С. Богатырева. Полк должен был пополниться отрядами, скомплектованными вновь из сибирских городов, и достичь численности 1400 человек. Для вооружения этого воинского контингента из Москвы было отправлено 1000 пищалей, 20 полковых пушек, тяжелая мортира, 1000 пудов пороха и свинца, 1000 ядер и гранат, 1000 гранат ручных и другое снаряжение.¹⁷

Общее руководство указанными воинскими формированиями было возложено на воеводу, окольного Василия Головина, наделенного чрезвычайными посольскими и административными полномочиями, его товарищем назначен И. Власов. Последний при назначении в посольство Головина был пожалован чином стольника и наместника Елатомского. Для решения сложного амурского вопроса в Пекин были спешно направлены опытные послы Н. Веников и И. Фаворов.¹⁸

До прихода в Забайкалье новых воинских пополнений и артиллерии Власову пришлось на свой страх и риск принимать самостоятельные решения по укреплению обороны Даурии и оперативно реагировать на возникавшие военные угрозы. Ведя постоянную разведку, в марте 1685 г. он получил известие о намерении монгольских и табу-нутских тайшей с десяти тысячным войском не пропустить к Нерчинску следовавшего с енисейским казачьим головой А. Бейтоном в Даурию сибирского «новоприборного» полка и тем самым расчлнить русские владения. В связи с этой угрозой воевода послал в Удинский острог гонца к Бейтону, настаивая на его скором «поспешении», чтобы он не оказался отрезанным от разрозненных и малочисленных русских воинских сил, размещенных в Восточном Забайкалье.¹⁹ Но из-за дальности расстояния и сложной транспортной коммуникации полк Бейтона не смог «поспешить» для соединения с гарнизоном Власова и прийти на помощь осажденному вскоре маньчжурами Албазину.

Используя это обстоятельство и фактор внезапности, в начале июня 1686 г. многократно превосходившее русских китайское войско с большим количеством артиллерии вступило в Даурию и 7 июня плотно осадило Албазинский острог. Одновременно отряды монгольских владетелей осадил Селенгинский, Удинский, Тункинский остроги, совершили набеги на Ильинскую слободу и Иркутск. В своей отписке от 12 июля 1686 г. Власов сообщил Головину, находившемуся еще с полком в Рыбинском остроге, что «неприятельские

¹⁷ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. С. 146.

¹⁸ Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор. С. 125, 129.

¹⁹ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. С. 128–129.

китайские люди с огненным городовым приступным боем на 100 и на 50 бусах и горою коньби многими дорогами во многом числе и город Албазин осадили, а в Албазине де в осаде людей, и пушек и пороху, и свинцу малое число...».²⁰

Осажденный маньчжурами в Албазине воевода А. Толбузин обратился с просьбой о помощи в Нерчинск. Получив это сообщение, Власов тотчас вооружил находившихся в Нерчинске промышленных людей и довел свои ратные силы до 330 человек. Он известил албазинского воеводу о выезде посла Головина на китайскую границу, добавив, с явным преувеличением, что с ним «идет в Дауры ратных людей с четыре тысячи, а московских стрельцов 500, а пушек де больше 40, а пороху и свинцу многое число».²¹ Воевода также направил в Албазин промышленного человека И. Бибикова, чтобы тот обнадежил защитников, и чтобы они «сидели б в Албазине мужественно и на выручку ратных людей к себе ожидали б». В то же время он писал Головину: «А за малолюдством... на выручку Албазина и для обережи хлеба из Нерчинска послать мне неково».²²

Невзирая на поступившее сообщение о походе под Нерчинск большого отряда маньчжуров (8900 человек), Власов послал на помощь албазинцам с казачьим пятидесятником А. Кондратьевым 100 человек, две пушки, три затинные пищали. Но отряд Кондратьева не успел и не мог в силу своей малочисленности оказать помощь ратникам Албазина. Несмотря на проявленное мужество и упорство осажденных, после недельного штурма крепость пала. На пути к Албазину сотня Кондратьева встретилась с оставшимися в живых и отпущенными из плена защитниками Албазина во главе с Толбузиным на р. Шилке, с которыми отряд возвратился в Нерчинск.²³

Наступать на укрепленный Власовым Нерчинск после взятия Албазина маньчжуры не решились. Однако под Нерчинск постоянно приходили монгольские отряды, угоняли скот, грозили приходом маньчжурских войск и запрещали местному населению платить ясак; в июле-августе 1686 г. совершили набеги на Аргунский и Телембинский остроги.²⁴ В условиях сохранения постоянной военной угрозы нерчинский воевода пребывал, по его словам, «в великой опасности» и с нетерпением ждал прихода с запада пополнения.

²⁰ Русско-китайские отношения в XVII веке. С. 98.

²¹ Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор. С. 124.

²² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 12. СПб., 1872. № 12/1-III. С. 111; Русско-китайские отношения в XVII веке. С. 99, 100.

²³ Дополнения к актам историческим. Т. 12. С. 109, 113–114; Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. С. 131.

²⁴ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. С. 133.

После падения Албазина, 9 июля 1685 г., в Нерчинск прибыл наконец А. Бейтон со своим отрядом (573 чел.) с пушками и боеприпасами. Для выяснения местонахождения и новых враждебных намерений маньчжурского войска Власов послал к разрушенному Албазину отряд (70 чел.) с казачьим десятником Я. Телицыным. По возвращении тот сообщил, что основная часть неприятелей неожиданно ушла в Китай, оставив в устье Зеи лишь небольшой гарнизон (500 чел.), при этом маньчжуры не уничтожили засеянные русскими поля. Узнав об этом и получив долгожданное подкрепление, Власов незамедлительно принял смелое, не согласованное ни с кем решение — вернуться и отстроить вновь Албазин. В своих отписках окольному Головину он мотивировал свое решение: чтобы «не потерять государственной Даурской земли и победной из Нерчинска славы не учинить...».²⁵ В срочном порядке воеводой было послано «для обережения» хлебных полей из Нерчинска 198 человек во главе с Бейтоном, а вслед за ним снаряженный отряд Толбузина в 316 человек, оба отряда вскоре воссоединились в разрушенном китайцами Албазине.²⁶

За короткий период крепость была возрождена сводным отрядом на старом месте, с устранением ее прежних уязвимых мест и возведением новых укреплений. Новая крепость имела форму четырехугольника с длиной каждой стороны 40 сажень, ее земляные стены значительно превосходили старую и достигали четырех саженей в ширину и трех саженей в высоту. В середине каждой стороны острога были выведены деревянные сторожевые башни и земляные бастионы, что было немалым военным-строительным новшеством в возведении крепостных сооружений. Поселенцы успели собрать хлеб с полей и обеспечить себя продовольствием.

В своей отписке Ф. Головину от 26 июля 1686 г. Власов сообщал, что в Албазине служилых и промышленных людей и пашенных крестьян 826 человек, 8 пушек медных, 3 пищали затинных, пушка верховая, к ней 30 гранатов пудовых, 140 гранатов ручных, 5 ядер железных, 112 пудов пороху ручного и пушечного, 60 пудов свинцу.²⁷

Так, благодаря проявленной инициативе и умелому руководству Власова, Албазинская крепость была не только возрождена, но и пополнена свежими резервами, вооружением и продовольствием, усилена более совершенными укреплениями, что позволило ее защитникам выдержать длительную тяжелейшую осаду от восьмитысячного маньчжурского войска.

²⁵ Дополнения к актам историческим. Т. 12. № 12. С. 111; Русско-китайские отношения в XVII веке. С. 82.

²⁶ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. С. 135.

²⁷ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 10. СПб., 1867. № 67. С. 260.

Узнав о восстановлении русской крепости на Амуре, маньчжурский правитель направил вновь большое войско для захвата Албазина и полного выдворения русских с Приамурья и Восточного Забайкалья в целом. 7 июля 1686 г. началась вторая осада Албазина, длившаяся почти десять месяцев.

Опасаясь наступления маньчжуров на Нерчинск, и не имея возможности оказать вновь помощь Албазину, Власов вел постоянную разведку о действиях врага и положении защитников крепости, постоянно информируя об этом Головина, следовавшего с полком в Забайкалье.

Получив от разведчиков сведения о гибели Толбузина и больших трудностях, переживаемых защитниками, Власов сообщил Головину, находящемуся еще далеко от Албазина, о невозможности оказания осажденным необходимой военной помощи. Он заявил, что ввиду прихода под Нерчинск «мунгальских воровских людей», которые «нерчинских ясачных людей и жен и детей побили..., мне, господине, за конечным малолюдством не токмо на выручку Албазина, и от мунгальских людей оборонится некем».²⁸

Не имея возможности оказать реальную поддержку албазинцам, Власов постоянно собирал сведения о положении дел в осажденном остроге и Даурии в целом, и передавал эти сведения Головину. Через своих лазутчиков он регулярно посылал Бейтону обнадеживающие письма, в которых призывал защитников к стойкости и надеяться на скорое «вспоможение». Действуя во многом самостоятельно, Власов направил командующему китайским войском письмо с требованием прекратить военные действия в Даурии, мотивируя это тем, что русские послы скоро придут к границе для заключения мирных переговоров и устранения взаимных «ссор» и претензий, но ответа не получил.²⁹

Героическая оборона Албазина, при которой маньчжуры потеряли свыше 2500 человек, победы русских войск над монголами под Удинском и Селенгинском, а также успешные дипломатические переговоры Н. Веникова и И. Фаворова в Пекине дали свои результаты.

В начале декабря 1686 г. маньчжурские военачальники получили указ богдыхана о снятии частичной блокады Албазина и заключения с русскими перемирия. В соответствии с достигнутым соглашением, маньчжуры разрешили защитникам крепости пользоваться водой из Амура и стали пропускать в крепость «небольших людей» из Нерчинска со скотом и другим «харчем», чем незамедлительно воспользовался Власов. Он прислал с сыном боярским И. Миловановым из Нерчинска Бейтону продовольствие (20 коров, 200 пудов хлебных

²⁸ Русско-китайские отношения в XVII веке. С. 137.

²⁹ Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор. С. 137.

запасов), небольшое подкрепление (26 казаков),³⁰ с помощью которого оставшиеся в живых защитники стали восстанавливать разрушенные дворы и готовиться к новой обороне и весеннему посеву.

20 января 1686 г. И. Власов и енисейский дьяк И. Юдин были определены товарищами Ф. А. Головина для ведения переговоров о мире с полномочными представителями китайских властей.³¹ Началась длительная и сложная подготовка по завершению затяжного военного конфликта между сторонами, ход и результаты которого глубоко и всесторонне освещены в исследованиях востоковедов П. Т. Яковлевой и В. С. Мясникова.

Не вдаваясь в детали происходивших посольских переговоров в Нерчинске, отметим лишь, что Власов и Головин, будучи лучше информированы о китайских и монгольских делах, в отличие от правительственных чиновников, более реально оценивали ситуацию в Приамурье и исходили во многом из собственного видения решения сложного амурского вопроса. С учетом малочисленности русских сил в Забайкалье, оторванности от основных русских баз и невозможности противостоять значительно превосходящим маньчжурским и монгольским войскам они настаивали на скорейшем заключении мирного соглашения с маньчжурами. Но, вместе с тем, Власов с Головиным, не согласились с разработанным в Москве одним из проектов «договорного письма» и не поставили под ним свою подпись. Согласно ему русская сторона готова была пойти на разрушение Албазина и оставление совместных с китайцами всех промыслов в среднем течении Амура.³² Твердая позиция русских послов заключалась в том, что правобережье Амура было раньше китайцев освоено русскими, и они готовы отстаивать свою территорию, несмотря на сильное давление превосходящих сил маньчжуров.

Головин и Власов выразили также протест против нарушения маньчжурами достигнутых ранее договоренностей о проведении посольского съезда на берегу Амура с определенным ограниченным и равным контингентом войск, и послов с обеих сторон. Однако их требования были проигнорированы. В начале июля цинская армия, двигавшая по Амуру на речных судах, вновь появилась под Албазином, а 17 июля подошла к Нерчинску. Вторгшись в русские пределы, маньчжуры также нарушили достигнутое ранее соглашение об ограниченном количестве посольского эскорта, прислав к Нерчинску около 5 тыс. ратных людей с пушками на 120 речных судах. Головин

³⁰ Русско-китайские отношения в XVII веке. С. 128–129, 145, 162; Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. С. 146, 167.

³¹ Русско-китайские отношения в XVII веке. С. 71, 323.

³² Русско-китайские отношения в XVII веке. С. 441, 476; Мясников В. С. Империя Цин и русское государство в XVII веке. Хабаровск, 1987. С. 344.

и Власов вновь выразили протест против такого рода действий цинского правительства и потребовали, чтобы войска были отведены от стен Нерчинска, в котором в это время было служилых, промышленных людей и пашенных крестьян всего 600 человек.³³ Лишь с приходом в Нерчинск полка Головина общая численность русских войск в Даурии, включая нерчинский гарнизон, составила 1450 человек. Но законные требования русских послов были отклонены китайской стороной, которая, используя свое военное превосходство, фактически осадила Нерчинск плотным кольцом, чтобы оказать сильное давление на русское посольство.

Учитывая большое преимущество маньчжуров в вооруженных силах, Головин и Власов предприняли важные тактические шаги, оказавшиеся эффективными и во многом повлиявшими на исход долгих, сложных и трудных переговоров. Чтобы не оказаться в положении осажденной крепости, подобно Албазину, по предложению Головина и Власова было решено провести съезд с китайскими послами у р. Нерчи в 200 саженьях от крепостных стен. По их приказу вокруг Нерчинска спешно были сооружены тройные надолбы с окопами. Для проводывания «воинских вестей» и контроля за перемещением маньчжурских войск были направлены опытные разведчики, на сопках вокруг Нерчинска установлены вооруженные караулы, сам полк был выведен из крепости и приведен в состояние повышенной боевой готовности.³⁴

Эти превентивные военные мероприятия во многом показали решимость русской стороны до конца отстаивать свои интересы и не идти на значительные уступки маньчжурским властям. По обоснованному мнению Е. А. Багрина, выстроенная система безопасности посольской встречи, во многом «нивелировала численное преимущество китайского войска» и «позволила перехватить инициативу у более сильного противника».³⁵

В результате чрезвычайно напряженных и долгих переговоров, длившихся две недели, Головин с Власовым поставили свою подпись под первым договором между Россией и Китаем, который во многом определил характер и содержание русско-китайских отношений более чем на полтора столетия. Ценой вынужденных уступок Албазина и Приамурья русские послы сумели предотвратить большую войну с сильным восточным соседом и установить с ним долговременные взаимовыгодные политические и экономические отношения.

³³ Русско-китайские отношения в XVII веке. С. 20, 467.

³⁴ Русско-китайские отношения в XVII веке. С. 536–538.

³⁵ Багрин Е. А. Военные аспекты заключения Нерчинского мирного договора 1689 г. // Известия Восточного института. 2021. № 3 (51). С. 54, 59.

Российское правительство, обремененное длительной тяжелой войной с Турцией и Крымским ханством, было удовлетворено исходом прошедших переговоров с Китаем. В феврале 1690 г. из Москвы были доставлены специально отчеканенные золотые монетные награды разного веса для участников переговоров и всех находившихся там служилых людей. Посол, окольный Ф. А. Головин, получил золотой (монета весом 2,13 г.) «в 8 золотых», Власов — «в 6 золотых», три полковника по золотому «в полтора золотых», а дьяк С. Корницкий, восемь стольников и князь Гантимуров — по «одинарному золотому». Остальные служилые люди в зависимости от ранга получили золотые, полузолотые и золоченые копейки.³⁶ В этом же году Власова сменил на воеводском посту полковник Ф. И. Скрипицин, вместе с окружением Головина он навсегда покинул Сибирь.

В феврале 1691 г. Власов был принят в Москве царями Иоанном и Петром, которые объявили ему свое «милостивое слово» за «службу в Даурской земле» и за «особенное радение при заключении мирного договора с Китайским государством».³⁷ Позднее он был пожалован правительством Петра I в думные дворяне и продолжил нести нелегкую государственную службу уже на новом ответственном административном поприще.

Таким образом, воеводе И. Власову принадлежит немалая роль и заслуга в сохранении и укреплении русской государственности на ее новых дальневосточных рубежах. Его успешная административная практика в Сибири во многом способствовала не только открытию богатых рудных месторождений и зарождению заводского (промышленного) производства в Забайкалье, но и обороне русских владений в Приамурье и Забайкалье от посягательств монгольских и маньчжурских правителей.

Власов, как и немало других «радетельных» воевод, представлял собой новый тип деятельных и энергичных администраторов, в полной мере отстаивавших государственные интересы, на которых опиралось правительство Петра при осуществлении сложных задач по модернизации России по западному образцу. Несмотря на утрату Даурской земли защитниками Албазина, русскими послами и наместниками были сорваны агрессивные и захватнические планы пекинского двора, претендовавшего не только на Приамурье, но и всю Восточную Сибирь вплоть до Якутска. Не случайно, что заслуги Власова, в отличие от других сибирских воевод, были высоко оценены властью и нашли отражение в портрете работы известного живописца петровского времени И. Н. Адольского.

³⁶ Русско-китайские отношения в XVII веке. С. 619, 787.

³⁷ Артемьев А. Р. Воеводы и приказчики Нерчинского и Албазинского уездов во второй половине XVII века // Отечественная история. 2006. № 2. С. 9.

Список литературы

- Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. 240 с.
- Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. 401 с.
- Артемьев А. Р.* Воеводы и приказчики Нерчинского и Албазинского уездов во второй половине XVII века // Отечественная история. 2006. № 2. С. 3–10.
- Багрин Е. А.* Военные аспекты заключения Нерчинского мирного договора 1689 г. // Известия Восточного института. 2021. № 3 (51). С. 48–59.
- Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 252–296.
- Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири: XVII век. Екатеринбург, 1998. 203 с.
- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 10. СПб., 1867. 504 с.
- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 12. СПб., 1872. 406 с.
- Курлаев Е. А., Манькова И. Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: У истоков российской промышленной политики. М., 2005. 324 с.
- Леонтьева Г. А.* Волнения служилых людей в Восточной Сибири в 80-х годах XVII в. // Русское население Поморья и Сибири: Период феодализма. М., 1973. С. 94–95.
- Леонтьева Г. А.* Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в.: По материалам Иркутского и Нерчинского уездов. М., 2012. 321 с.
- Мясников В. С.* Империя Цин и русское государство в XVII веке. Хабаровск, 1987. 510 с.
- Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. / Сост. М. О. Акишин. Новосибирск, 2000. 400 с.
- Резун Д. Я.* Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. 304 с.
- Русско-китайские отношения в XVII веке: Документы и материалы. Т. 2: 1686–1691 / Сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М., 1972. 834 с.
- Трошин А. К.* Иван Евстафьевич Власов — воевода-рудознатец XVII в. М., 1963. 48 с.
- Яковлева П. Т.* Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958. 236 с.

Л. А. КУРЫШЕВА

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

РУССКАЯ КУХНЯ В ОТЗЫВАХ ИНОСТРАНЦЕВ 1670–1720-х гг.

В статье представлены отзывы о русской национальной кухне иностранцев, посетивших Россию в предпетровское время и петровское царствование. Обращено внимание на то, какие гастрономические предпочтения, национальные блюда и традиции подачи на стол вызвали удивление иностранных путешественников. Показано, что оценка национальной кухни нередко входит в дискурс о степени цивилизованности народа.

Ключевые слова: записки иностранцев о России, русская история конца XVII — начала XVIII в., русская национальная кухня.

Неоднократно исследователями была отмечена связь между оценкой степени цивилизованности или «дикости» народов и впечатлениями от быта. Они формулируются в оппозициях грязи — чистоты, мягкости — грубости нравов, включая аспект положения женщин в социуме. Безусловно, описания и оценки национальной кухни в записках о путешествиях могут быть отнесены к репрезентации подобных представлений. Мемуары и записки иностранцев, побывавших в России в предпетровское время и в петровское царствование, дают интересный материал в этом отношении. В нашей заметке мы представим лишь небольшой обзор, далекий от завершения темы.

Начнем с отзыва чеха Бернгарда Таннера, входившего в состав польского посольства и прибывшего в Московию в 1678 г. Согласно принятому порядку, в день аудиенции у царя на посольское подворье посылались еда и питье, сопровождаемое служками и поварами.¹ Исключительно рыбные блюда царского угощения (по случаю постного дня) и большое количество «сырых» блюд не соответствовало гастрономическим вкусам иностранцев:

Скоро приехали 4 воза... со съестными припасами и кухонными принадлежностями... Сырых (сrudi) кушаний было двести... Назначенный царем московским князь... пригласив от имени царского послов в описанную выше залу и столовую, повелел угощать. Явились служители, тоже москвитяне, стали ставить кушанья на стол; кушанья хоть и были горячие, однако послы ели очень мало; ибо московское угощение по непривычке казалось полякам даже и вредным.

¹ Подробнее об этом: *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве / Вступ. ст. и комм. А. Н. Медушевского. М., 1991. С. 33–51; *Юзефович Л.* Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2011. С. 222–226.

© Курышева Л. А., 2023

О многочисленности и разнообразии наставленных блюд рассказывать нечего. Кушаний было очень много, но все рыбные, которые не только есть, но и видеть было противно. У москвитян многое множество морской рыбы; потому-то, во избежание расходов, они всегда и угощали нас только рыбою. Некоторые рыбы, по белому мясу называемые у них белугами (bielcze), величиною с быка. Итак, из нарезанных на кусочки рыб они и наставили на столы множество разных кушаний. Эта порода рыб дает из мяса какую-то клейкую жидкость или сок; из них-то, превращенных в массу, способную по усмотрению поваров принять любую форму, были наделаны гуси, петухи индейские, куры и пр., больше на погляденье, чем на еду. Из муки, разведенной тоже на льняном масле, сложены были башни, стены и... очень много вещей, сделанных с особенным искусством. Заметны были в особенности двуглавые орлы по верхушкам.²

В остальное время пребывания миссии, как жалуется чешский путешественник, — а она продлилась более трех месяцев — москвиты из экономии угощали посольство исключительно рыбными блюдами, «сырыми» кушаньями, вдобавок приправленными льняным маслом. Он описывает присланное по случаю царских именин угощение:

К полудню с телегами и прочими принадлежностями прибыли в прежнем порядке и повара и, готовя на стол, возбудили было надежду, что угощение будет лучше; был понедельник, мы и думали, что они нас накормят мясным. Но увидав великопостные, почти сырые кушанья (числом, однако, 200), отравленные большею частью льняным маслом, мы оставили надежду. Тут истинно аппетит был обманут: один отворачивался, другой зажимал нос, третьего тошнило: так по виду-то разохотились было потрапезовать.³

Поблагодарив, послы просят позволения «откушать по-своему мясного», а «сырые же эти, достойные скорее людоедов кушанья хотят-де они оставить на постный день».⁴ Церемониал последней царской аудиенции для поляков также включал посылку угощения: «Едва вернулись мы домой, приехали возы с кушаньями, поварями и кухонными принадлежностями в том же порядке, как было дважды упомянуто. Кушанья, однако ж, нравились мало, потому что были опять сырые и постные, хотя и был скоромный день».⁵

Побывавший в России десятилетие спустя француз на польской службе Фуа Де ла Невилль с приятною отозвался о царском угощении и увидел в нем знак особого расположения, хотя и заметил вскользь огрехи приготовления: «Царь послал мне обед со своего стола (он состоял из куска копченой говядины в 40 фунтов, несколько рыбных блюд, поджаренных на ореховом масле, половины поросенка, дюжи-

² Таннер Б. Описание путешествия Польского посольства в Москву в 1678 году / Пер. с лат., предисл. прим. и прилож. И. М. Ивакина; вступ. ст. и комм. Т. Г. Бородинской. М., 2019. С. 114–115.

³ Таннер Б. Описание путешествия... С. 140–141.

⁴ Таннер Б. Описание путешествия... С. 141.

⁵ Таннер Б. Описание путешествия... С. 166.

ны полупрожаренных пирогов с мясом, чесноком и шафраном, и трех больших бутылей с водкой, испанским вином и медом; легко понять по этому перечню блюд, насколько почетным было это угощение)».⁶

Датский посланник Юль Юст, побывавший в России в 1709–1711 гг. оставил отзывы о русской кухне, в том числе о рыбных блюдах. В один из дней он оказался на домашней, совсем не парадной, трапезе в доме генерал-адмирала Ф. М. Апраксина:

Я тотчас же пошел к нему, и так как кушанье стояло у него на столе, то он предложил мне отобедать. Я согласился, (но) такого плохого обеда мне никогда в жизни еще не приходилось есть, ибо по случаю постного дня на столе ничего не было кроме рыбы: осетрины, стерляди и других неизвестных в Дании пород, вонющих ворванью. Вдобавок все яства были присыпаны перцем и (крошеным) луком. В числе других кушаний был суп, сваренный из пива, уккуса, мелко накрошенного лука и перца. За столом, согласно русскому обычаю, всякая (засдравная) чаша наливалась иным напитком и в другого рода стаканы. В особенном ходу был напиток, называемый «астраханским пивом» и выдаваемый за (виноградное) вино, на самом же деле сваренный из меда и перцовки. Люди, знакомые с местными обычаями, уверяли меня, что напиток этот варится с табаком.⁷

Напротив, Корнелис де Брюйн (Бруин), приглашенный на русскую службу голландский живописец, нигде не выказал недовольства национальной кухней. Русский рыбный стол, как и традиция разводить рыбу в специальных прудах, описаны у него в хвалебных отзывах. Следующим образом он рассказывает о приеме в загородном доме «богатого человека, жившего в Факелове»: «...Сверх того подавно было еще блюд с 20 рыбного кушанья, приготовленного по русскому способу, с разными превкусными подливами».⁸ Отметив, что садовое искусство только развивается в России и этому русские учатся у иностранцев, он обращает внимание на пруды, которые принято устраивать в загородных домах знати для того, чтобы на столе была свежая рыба. Рассказывая о пребывании в подмосковном княжеском имении на реке Яузе, он, в частности, пишет, что это «прекраснейшее местечко, где устроены были удивительные садки, наполненные отборною рыбой» и подытоживает описание следующими словами: «Нас великолепно принимали там и угощали вечером различными кушаньями, мясными и рыбными».⁹

⁶ *Невилль де ла*. Записки о Московии / Предисл., подг. текста, перевод и комм. А. С. Лаврова. М.; Долгопрудный, 1996. С. 130.

⁷ *Юст Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом / Пер. Ю. Н. Щербачева // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 59.

⁸ *Бруин К. де.* Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / Пер. с фр. П. П. Барсова, провер. по гол. подлиннику О. М. Бодянским. М., 1873. С. 68.

⁹ *Бруин К. де.* Путешествие через Московию... С. 57.

Повторно посещая Россию в составе свиты герцога голштинского, Ф. В. Берхгольц в июне 1721 г. по пути в Петербург останавливается в Красном Селе и приходит с рекомендательным письмом к управляющему:

Это был человек уже пожилой и очень обязательный: он принял меня с радостью и старался угостить как можно лучше... Между тем подали кушанье, до которого я поспешил добраться, потому что с самого утра ничего не ел... Но подойдя к столу, я увидел, что все кушанья постные (а русские посты гораздо строже католических, потому что запрещается есть яйца, молоко и масло). Блюдов было множество (если русские угощают, то обыкновенно подают на стол втрое более, чем у нас), но из них были мне по вкусу только вареная в воде рыба и икра, приправленная луком, которой я не ел 7 лет... Людей моих вечером угощали ужином, но они еще менее меня могли удовольствоваться постным кушаньем.¹⁰

За столом гость обращает внимание на «странное смешение»: хозяин вливает в свой стакан пива несколько ложек рыбного бульона, чтобы пиво было не таким холодным, и уверяет, что напиток «чрезвычайно вкусен». Попробовав напиток, Берхгольц замечает про себя: «Вкусен как удар по уху».¹¹

Необычной чертой русской подачи блюд, вызывающей неизменное удивление, являются большое количество кушаний (это видно по приведенным выше цитатам) и странная сервировка (трактуемая как ее отсутствие). Таннер описывает торжественное внесение на польское подворье пустых сосудов, при этом богатых и разнообразных по форме, что рождает среди поляков догадки о значении этой традиции. Он также обращает внимание на сервировку только части стола:

За этими шли другие солдаты... они шли попарно и несли кувшины, кубки и чаши, большие, украшенные золотом и серебром, разной формы и отделки, доставшиеся, как говорили, в дар великому князю от послов разных государей. Все мы было думали, что в них отборные напитки, но оказалось, что они пустые, из чего мы заключили, что открыто несли их по городу для оказания чести послам... главный дворецкий, из числа княжеских придворных, начало стола, предназначавшееся для послов, накрыл скатертью и уставил шестью серебряными тарелками, ножами и ложками; остальная часть стола была не накрыта.¹²

Сервирование того конца стола, с которого сидит посол, и отсутствии скатерти у его свиты породило неудовольствие поляков. Посол объясняет, что «польская шляхта не привыкла кушать за ненакрытым столом» и назначенный царем распорядитель исправляет ситуацию.¹³

¹⁰ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого: 1721–1725 / Пер. с нем. И. Ф. Аммона. М., 1902. С. 27–28.

¹¹ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера... С. 28.

¹² Таннер Б. Описание путешествия... С. 114.

¹³ Таннер Б. Описание путешествия... С. 115. Ср.: Ключевский В. О. Сказания иностранцев... С. 50–51.

Посланник Юст с этнографической дотошностью описывает свои первые впечатления от русских застольных традиций. Во время пребывания в сентябре 1709 г. в Нарве, он приглашен к коменданту В. Н. Зотову на обед:

Обед происходил, по русскому обычаю, следующим образом. Прежде чем мы сели за стол, русские много раз перекрестились и поклонились на образа, висевшие на стене. Стол, накрытый человек на 12, был уставлен кругом блюдами; (но блюда) стояли возле самых тарелок, так что середина стола оставалась свободною; на этом свободном месте находились уксус, соль, перец и большой стакан (Romer) с крепким пивом. На блюдах находились лишь холодные соленые яства: ветчина, копченые языки, солонина, колбаса, селедка, соленья; все это было очень солоно и сильно приправлено перцем и чесноком. За сею первую переменной последовала другая — из различных жарких. Третья перемена состояла исключительно из супов. Таким образом, порядок блюд за русским обедом совершенно обратен принятому в Дании.¹⁴

Через десять дней датчанин фиксирует впечатления от приема другого высокопоставленного лица: «Обедал у обер-коменданта Нарышкина. ...(Самый) обед происходил почти так же, как описанный выше, у коменданта; (подавалось) такое же количество плохо приготовленных, плохо сервированных и (плохо) распределенных блюд. Обер-комендант, как всякий русский хозяин, сам служил за столом и при каждой чаше сам обносил гостей стаканом на тарелке».¹⁵

Помимо приверженности русских к соленьям, а в качестве главных приправ — луку, чесноку, перцу, все иностранцы так или иначе описывают русскую традицию потчевать и принуждать к выпивке. Так, 6 октября 1709 г. Юст вновь приглашен к коменданту Нарвы:

Обед был подобен вышеописанным русским обедам. Особенность его заключалась (разве) в том, что на нем, как я в тот раз заметил, было подано множество совершенно сухих и подгорелых жарких, (лежавших) безо всякого под ними соуса на больших отчищенных, блестящих блюдах, притом на каждом блюде (кушанья) было очень мало. За такими обедами хуже всего то, что русские принуждают друг друга пить сверх меры, так что почти невозможно урваться с их (обеда), не напившись через край, и это за здоровье и на продление жизни!¹⁶

В целом, приверженность русских посту, его строгим правилам, отмечаема всеми путешественниками. Чех Таннер подтрунивает над «пылкой ревностью» в отношении поста не только у русских, но и у поляков, которые на страницах его записок предстают зачастую с чертами варваров. Позднее, уже в 1710-е гг., лютеранин Юст отмечает, что в России лишь некоторые люди проявляют здравомыслие в отношении постов:

¹⁴ Юст Ю. Записки датского посланника... С. 49.

¹⁵ Юст Ю. Записки датского посланника... С. 66.

¹⁶ Юст Ю. Записки датского посланника... С. 67.

Пост этот русские повсюду соблюдают весьма строго и неуклонно; исключение (составляют) лишь немногие из них, поумневшие в нынешнее царствование настолько, что они следуют в этом (отношении) обычаям иностранцев и не считают грехом есть что случится. Таковы (сам) царь, князь Меншиков, адмиралтейц-советник Кикин и некоторые царские придворные.¹⁷

Еще одно блюдо национальной кухни, которое вызывает недоумение иностранцев, — квас. Описав его приготовление при помощи муки, хмеля, кипятка и процесса брожения, Таннер иронично заключает: «...Когда, по мнению знатоков этого дела, все закисло, он уже считается чудесным напитком». В этом же разделе он описывает другой популярный у москвитов напиток, изготавливаемый из яблок: «Я отведал несколько капель и целых 12 дней промучился от лихорадки, над чем смеялись и трунили все сослуживцы мои поляки».¹⁸ Невилль с отвращением пишет о вяленой рыбе и квасе: «Многие их воины околевают из-за того, что рыба, которой они питаются, высушена на солнце, quasi всегда гнилая, вызывает тяжелые болезни; к этому нужно добавить их напиток, который представляет собой не что иное, как воду с мукой, называемую квасом (suatz), и который не может способствовать перевариванию этой пищи».¹⁹

Заготовление впрок овощей — капусты и огурцов — путем сквашивания, предпочтение чесноку, употребление хрена описаны Брюйном как главные пищевые привычки русских:

Эта страна изобилует во множестве всякого рода растениями. Там произрастает обыкновенная белая капуста (кароесе), которой русские заготавливают большие запасы и которую простолюдины едят по два раза в день. Огурцы (ougortsie), которые русские едят, взяв в руки, как мы яблоки, или груши, которых они также запасают громадное количество, сберегают их целый год и которые и знатные люди очень охотно и во множестве потребляют. Много в этой стороне и чесноку (siasnok), до которого русские большие охотники и запах которого слышен издали. Хрен (Green) у русских также в общем употреблении, и они искусно готовят из него разные приправы к рыбе и говядине.²⁰

Несмотря на то, что в приведенной выше цитате Невилль с одобрением отзываясь о посланных царских кушаньях, во время беседы на следующий день с В. В. Голицыным и А. А. Матвеевым на вопрос о том, «как я нашел обед, посланный мне царем», он вспоминает о

¹⁷ Юст Ю. Записки датского посланника... С. 144.

¹⁸ Таннер Б. Описание путешествия... С. 129.

¹⁹ Невилль де ла. Записки о Московии. С. 172.

²⁰ Бруин К. де. Путешествие через Московию... С. 66. В этом же фрагменте он пишет о том, что русские употребляют много репы, а с красной капустой, морковью, пастернаком, свеклой, салатом и сельдереем местное население познакомилось благодаря иностранцам, но при этом спаржу и артишок едят только иностранцы (Бруин К. де. Путешествие через Московию... С. 66–67).

французской кухне и не без гордости описывает эффект, который произвело на гостей угощение на французский манер:

Я ответил им, что, к сожалению для меня, французские повара так избаловали мой вкус, что я не могу более оценить другой кухни, засвидетельствовав это тем, что уже давно соскучился по французскому рагу. Я пригласил их на следующий день к себе на угощение... Оба они казались столь довольными этим обедом, что послали несколько блюд своим женам и унесли с собой все сушеные фрукты, уверяя меня, что они никогда так вкусно не ели, и что я не могу рассчитывать на такой же прием у них. Три дня спустя после этого пиршества Артамонович (так автор называет А. А. Матвеева. — Л. К.) пригласил меня к себе пообедать и очень хорошо угостил. Вся еда состояла (из-за их поста, который начался накануне) из рыбы.²¹

В отзывах Танера и Юста мы встречаем упоминания о десертах. Чешский путешественник пишет о блюде из сваренных в сахаре плодов — по-видимому, речь идет о пастиле, — который вызвал шуточный спор среди посольских людей, красное «сукно это или кушанье».²² Датский посланник описывает необычный подбор закусок: «После того как мы встали из-за стола и русские снова перекрестились и поклонились на образа, (прислуга) внесла десерт, состоявший из фиников, имбирного варенья, каких-то персидских плодов, соленых огурцов, сырого зеленого гороха в стручках и сырой моркови».²³

В завершении нашего обзора мы остановимся на теме отвратительных пищевых привычек, неприятных запахов и нечистоты. При описании быта Белого города в Москве Таннер записывает: «Много также мясных лавок, заваленных мясом, отдающих тяжким запахом (из мясников некоторые торгуют тухлым мясом, выкладываям на солнце). Проходя либо проезжая мимо них, москвитяне (даже вельможи) пробуют пальцем посиневшее от порчи мясо, достаточно ли уже оно мягко, и, выпив чарку водки, публично пожирают кусок этой сыри с куском чеснока (!)».²⁴ Нельзя не заметить параллели к этнографическим описаниям бытовых привычек «варварских» народов того же времени. Например, доброжелательный и сдержанный Брюйн делится впечатлениями от быта самоедов:

В палатках этих обыкновенно по обеим сторонам лежат олених шкуры, на коих самоеды сидят, спят и греются. Обстоятельство это, вместе с способом их готовить свои мясные припасы, обыкновенно испорченные, причиняет зловоние невыносимое... сами эти люди имеют пренеприятный запах, замечаемый при приближении к ним, и который я скорее приписываю их обыкновенной пище и неопрятности в изготовлении оной.²⁵

²¹ Невилль де ла. Записки о Московии. С. 130–131.

²² Таннер Б. Описание путешествия... С. 115.

²³ Юст Ю. Записки датского посланника... С. 49.

²⁴ Таннер Б. Описание путешествия... С. 129.

²⁵ Брюин К. де. Путешествие через Московию... С. 13.

Неприятный запах, связанный с пищевыми предпочтениями и общей культурой телесности, отмечают также Невилль и Юст. Эти наблюдения звучат во фрагментах, касающихся описания московитского быта в целом:

Они соблюдают три поста в год... в течение которых готовят только на постном масле, хуже которого пахнут только они сами;²⁶

Московиты, собственно говоря, варвары... за исключением 3 иностранных семей, то есть князей Черкасских... Голицыных и Артамоновича (А. А. Матвеева. — Л. К.)... Они очень грязны, хотя весьма часто моются в особых помещениях, обогреваемых печами так сильно, что никто в мире, кроме них, не мог бы выдержать этого жара. Мужчины и женщины находятся попеременно в этих банях...²⁷

У русских во всей (их) стране всего (-навсего) три доктора; лечат они ото всех болезней, и прибегают к ним все, как больные, так и здоровые: первый доктор — это (русская) баня, о которой только что сказано, второй — водка, которую пьют, как воду или пиво, почти все, кому позволяют средства, и третий — чеснок, который русские употребляют не только как приправу ко всем кушаньям, но и едят сырым среди дня. Вследствие этого от них весьма дурно пахнет, и (иностранец), приезжающий в (Россию) в первый раз и не привыкший к такого (рода) вони, решительно не в состоянии сидеть у них в комнате, особенно в многочисленном обществе;²⁸

У русских начался долгий пост... всякий должен... довольствоваться разными рыбными блюдами, всегда приправленными луком, чесноком, льняным, деревянным и ореховым маслом. При этом кстати заметить, что употребляя подобного рода нечистую, отвратительную пищу, к тому же одеваясь плохо, крайне неопрятно и грязно, в большей части случаев (обходясь) без белья, русские (распространяют) от себя такой скверный, противный запах, что прожив три-четыре дня в каком-либо помещении или комнате, окончательно заражая в них воздух и на долгое время оставляют после себя запах, так что (для иностранца) там нельзя оставаться.²⁹

Оценки голштинского дворянина Берхгольца более градуированные, поскольку он лучше других знал русскую жизнь, проведя детство и юные годы в России. Приехав вторично, он отмечает определенный цивилизационные успехи петровского царствования: «...Смотришь с удивлением на большие перемены, совершившиеся в России в столь короткое время. Русская женщина, еще недавно грубая и необразованная, так изменилась к лучшему, что теперь мало уступает немкам или француженкам в тонкости обращения и светскости, а иногда, в некоторых отношениях, даже имеет перед ними преимущество».³⁰ Опасаясь быть насильно опоенным на царском празднике в Летнем саду, камер-юнкер герцога голштинского бродит по саду, пока на-

²⁶ Невилль де ла. Записки о Московии. С. 172.

²⁷ Невилль де ла. Записки о Московии. С. 167.

²⁸ Юст Ю. Записки датского посланника... С. 78–79.

²⁹ Юст Ю. Записки датского посланника... С. 80–81.

³⁰ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера... С. 70.

конец не приближается к рощице деревьев возле летнего дворца: «...Я был очень поражен... прежнего приятного запаха от деревьев как не бывало, и воздух был там сильно заражен винным испарением... от некоторых (людей. — Л. К.) шагов за сто несло редькой и луком».³¹ Приведем несколько его отзывов о званых обедах. Обратим внимание, что никакие «специальности» русской кухни в этих случаях им особо не выделены. На обеде у А. Д. Меньшикова: «Угощали необыкновенно роскошно: подавали страшное количество блюд и три раза вновь накрывали на стол»; прием у князя Кантемира Валашского: «За столом сидели очень долго, потому что обед, по здешне-



Александр Элерт и Евгений Хелимский, профессор Гамбургского университета.

Объ, теплоход «Римский-Корсаков», сентябрь 2005 г. После посещения участниками конференции Октябрьского рыбного завода его директор — и одновременно атаман местного казачества — был так впечатлен личностью Е. Хелимского, что подарил ему шашку. Позже шашка была оставлена в дар Государственному музею природы и человека в Ханты-Мансийске

му обычаю, состоял из множества горячих и холодных блюд. Пили также довольно много, хотя все вина, которыми нас угощали, были не из лучших»; у барона П. П. Шафирова: «Угощение было превосходное. Погреб вице-канцлера славится винами, каких нет ни у кого в России»; у вице-канцлера Г. И. Головкина: «Мы недолго занимались своим обедом, потому что подавали нам плохие кушанья».³²

Подведем итоги. Иностранцы путешественники 1670–1720-х гг. отмечают необычные гастрономические пристрастия русских — приверженность квашеным продуктам, луку, чесноку, квасу. Оценка на-

³¹ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера... С. 9.

³² Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера... С. 54–55, 69, 71, 79.

циональной кухни и традиций застолья нередко является частью дискурса о степени развития России. Так, первоначально «странное» и «чужое» входит в парадигму «цивилизованность — варварство».³³

Список литературы

- Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого: 1721–1725 / Пер. с нем. И. Ф. Аммона. М., 1902. 148 с.
- Бруин К. де.* Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / Пер. с фр. П. П. Барсова, провер. по гол. подлиннику О. М. Бодянским. М., 1873. 293 с.
- Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве / Вступ. ст. и комм. А. Н. Медушевского. М., 1991. 334 с.
- Невилль де ла.* Записки о Московии / Предисл., подг. текста, перевод и комм. А. С. Лаврова. М.: Долгопрудный, 1996. 304 с.
- Таннер Б.* Описание путешествия Польского посольства в Москву в 1678 году / Пер. с лат., предисл, прим. и прилож. И. М. Ивакина; вступ. ст. и комм. Т. Г. Бородинской. М., 2019. 336 с.
- Шпилов И. А.* Труды и материалы по этнографии народов Сибири участников академических и правительственных экспедиций XVIII века и дуальная парадигма «цивилизация — варварство»: Pro et contra // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 208–223.
- Элерт А. Х.* К истории изучения «самоедов» Северо-Западной Сибири в XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 15–19.
- Юзефович Л.* Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2011. 344 с.
- Юст Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом / Пер. Ю. Н. Щербачева // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 12–355.

³³ Подробнее об оценке народов в парадигме «цивилизованность — варварство» в научных трудах XVIII в. и ее преодолении см., например: *Шпилов И. А.* Труды и материалы по этнографии народов Сибири участников академических и правительственных экспедиций XVIII века и дуальная парадигма «цивилизация — варварство»: Pro et contra // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 208–223; *Элерт А. Х.* К истории изучения «самоедов» Северо-Западной Сибири в XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 15–19.

А. В. ДМИТРИЕВ

Новосибирский государственный университет

ПОСЛУЖНЫЕ СПИСКИ ОФИЦЕРОВ СИБИРСКИХ АРМЕЙСКИХ ЧАСТЕЙ КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА

Статья посвящена анализу послужных списков офицеров частей русской регулярной армии на территории Сибири в XVIII столетии. Автором выявлены особенности содержания этих источников и продемонстрированы возможности использования их информации при изучении как демографической, так и социальной проблематики. Материалы второй четверти — середины XVIII в. позволяют установить факторы, влиявшие на выбор жизненного пути сыновьями армейских офицеров, данные конца XVIII в. дают достаточно полную картину социального происхождения тех женщин, которые вступали в браки с военнослужащими. Сделан вывод о правомерности обращения к послужным спискам офицеров как источнику, необходимому для исследования проблем демографической и социальной истории России XVIII столетия, даже несмотря на определенную фрагментарность и неполноту содержащихся в них сведений.

Ключевые слова: XVIII в., Сибирь, регулярная армия, офицеры, послужные списки, семейное положение.

Исследователям, занимающимся изучением проблем демографической истории России XVIII в., приходится сталкиваться с ограниченной источниковой базой, которую можно использовать для сбора и анализа необходимых данных. Как известно, материалы ревизий (переписей) содержат лишь данные о численности мужского населения, относившегося к податным (непривилегированным) социальным группам,¹ а церковные метрические книги включают только сведения о рождениях, браках и смертях людей православного исповедания.² Несколько лучше дело обстоит в отношении лиц дворянского происхождения, поскольку уже с петровской эпохи верховная власть озаботилась постоянным сбором статистических данных о численности, семейном положении и потомстве «благородного шляхетства» — этим занималась Герольдмейстерская контора

¹ Об использовании ревизских сказок историками за последние полвека см., например: *Троицкая И. А., Ульянова Г. Н.* Ревизские сказки как источник в историографии 1970-х — 2010-х годов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 4 (71). С. 118–135.

² О данных метрических книг см.: *Антонов Д. Н., Антонова И. А.* Метрические книги России XVIII — начала XX в. М., 2006. С. 72–84.

Сената.³ Но при попытке определить демографическую картину для представителей какой-либо области профессиональной деятельности мы обнаруживаем, что в большинстве случаев источники просто не содержат нужной информации. Одним из немногих исключений в этом смысле являются военнослужащие регулярной армии Российской империи — в делопроизводственных документах Военной коллегии все-таки можно отыскать данные, характеризующие, например, семейную жизнь людей в мундирах.

Источниками, содержащими сведения о личном составе армейских частей за XVIII столетие, являются послужные списки из фондов Российского государственного военно-исторического архива. К. В. Татарников, характеризуя во введении к подготовленному им справочнику содержание этих списков и возможности их использования исследователями, уделил внимание в основном тем данным, которые характеризуют социальное происхождение, продвижение в чинах и боевые заслуги военнослужащих русской армии XVIII в. По поводу семейного положения и потомства он лишь счел нужным отметить, что графа, свидетельствовавшая о наличии жены и детей, использовалась до 1793 г. только для нижних чинов, а для офицеров — лишь в списках с 1731 по 1748 гг.⁴ В последних при этом содержалась оговорка «кроме шляхтичей», т. е. предписывалось отмечать, «кто женаты, и сколько имеют детей мужеска полу, и в каковы лета, и где живут»,⁵ только для лиц, происходивших из непривилегированных социальных слоев. С 1793 г. информацию о женах и детях военнослужащих стали включать в документы в полном объеме (в том числе называя имена и социальное происхождение жен, указывая не только сыновей, но и дочерей). Это, конечно, существенно ограничивает возможности исследователя, но все же позволяет выявить основные тенденции социально-демографической ситуации при изучении списков личного состава конкретных воинских частей, в частности, дислоцированных на территории Сибири.

Если говорить именно об офицерах, то даже неполные данные, содержащиеся в списках за вторую четверть и середину XVIII в.,

³ Фаизова И. В. Материалы Герольдмейстерской конторы как источник по истории российского дворянства XVIII века. Саратов, 1990; Редин Д. А. Учетная документация Герольдмейстерской конторы 1720-х гг.: Когнитивный потенциал источников // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы III международной научно-практической конференции. Витебск, 2015. С. 179–181.

⁴ Татарников К. В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА: Межфондовый указатель. М., 2013. Т. 1. С. 9. Для полков, дислоцированных в Сибири, списки по форме 1731 г. составлялись вплоть до 1755 г. включительно.

⁵ Татарников К. В. Предисловие. С. 12, 13.

представляют значительный интерес, поскольку большинство среди офицеров, во всяком случае в гарнизонных частях, составляли как раз люди, не принадлежавшие к «благородному шляхетству». Благодаря этим данным мы узнаем, например, что некоторые из унтер-офицеров гарнизонных войск Сибири не всегда стремились определять своих сыновей на военную службу, по тем или иным причинам предпочитая видеть отпрысков крестьянами или посадскими. Так, у каптенармуса Сибирского драгунского полка Ивана Воденикова в 1742 г. его 22-летний сын Михаил числился «в подушном окладе»; у каптенармуса Новоучрежденного драгунского полка Ивана Гилева в 1754 г. были указаны двое сыновей, Григорий и Дмитрий (20 и 17 лет соответственно), которые состояли «в городе Кузнецку в подушном окладе».⁶ Зато капитан Якутского пехотного полка Максим Лебедев предпочел, чтобы один из его сыновей сделал карьеру на гражданской службе, а другой — на военной. Старший сын Александр уже с 18 лет состоял в Иркутской провинциальной канцелярии, сначала копиистом, потом подьячим, а в дальнейшем был переведен с той же должностью в Якутск. Младший сын Алексей, также будучи 18 лет от роду, состоял в том же полку, что и отец, в капральском звании.⁷ У каптенармуса Тобольского пехотного полка Ивана Чернцова, напротив, старший сын Борис в 1742 г. служил в том же полку солдатом, а младший Григорий числился в подушном окладе.⁸ Сержант того же Тобольского полка Афанасий Хохлов к 1748 г. сумел каким-то образом добиться, чтобы его старший сын Дмитрий был определен солдатом в лейб-гвардии Измайловский полк, а двое младших, Степан и Яков, будучи несовершеннолетними, на тот момент не начинали службу.⁹ Таким образом, даже на основе этих отрывочных данных (списки личного состава гарнизонных полков Сибири до середины 1750-х гг. сохранились только за считанные годы) мы можем наблюдать разнообразие жизненных траекторий сыновей обер- и унтер-офицеров недворянского происхождения, свидетельствующее об отсутствии какой-либо замкнутости армейской среды в рамках сибирского социума середины XVIII в.

Бывали, конечно, примеры таких офицерских семей, где все до единого сыновья поступали на военную службу, идя по стопам своих отцов. Капитан Енисейского полка Дементий Завьялов избрал для

⁶ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 210. Л. 109 об., 110; РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 439. Л. 102 об., 103.

⁷ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36. Л. 67 об., 68; РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 163. Л. 87 об., 88; РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 251. Л. 73 об., 74.

⁸ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 246. Л. 161 об., 162.

⁹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 335. Л. 95 об., 96.

троих сыновей армейское поприще, хотя карьерные пути у каждого из них складывались по-разному. Старший Михаил в 1742 г. служил в том же полку писарем, средний Андрей после прохождения «школьной науки» в 1748 г. числился в полку капралом, а в 1754 г. каптенармусом, младший же Яков, также после обучения в солдатской школе, в 1748 г. состоял рядовым драгуном, но не в гарнизонных, а в полевых частях Сибири, в 1754 г. уже был «в российских полках писарем» (т. е. находился за пределами сибирской территории, в европейской части страны).¹⁰ А вот поручик Якутского полка Михаил Иконников устроил служить в свой полк обоим сыновей: старший Федосей в течение 1730-х гг. был солдатом, а с 1742 г. стал сержантом, младший Емельян в 1743 г. состоял в рядовых. Сержанта Федосея Иконникова мы действительно находим в списках Якутского полка за 1743 и 1748 гг. В первом из них он показан отправленным в Москву в команде поручика Ф. Попова, во втором — находящимся по делам службы в Якутске.¹¹ Правда, как уже говорилось выше, возможности для таких перекрестных проверок встречаются редко в силу немногочисленности сохранившихся полковых списков. Отметим также настоящего многодетного (даже по меркам XVIII в.) отца — у каптенармуса Сибирского драгунского полка Петра Пушкарева в списке за 1742 г. перечислены пятеро сыновей в возрасте от 15 лет до одного года!¹²

Гораздо более скудные сведения можно извлечь из списков личного состава полевых армейских частей Сибири середины XVIII в. Связано это, во-первых, с тем, что в полевых полках доля дворян в офицерских чинах была заметно выше, нежели в гарнизонных, следовательно, лиц, чье семейное положение зафиксировано в источниках, оказывалось значительно меньше. Во-вторых, полевые части появились к востоку от Урала только с 1744 г., а уже через десять лет два из пяти полков вернулись обратно в Европейскую Россию.¹³ Поэтому здесь можно отметить лишь несколько интересных случаев. У каптенармуса Луцкого драгунского полка Ивана Михайлова и квартирмейстера Вологодского драгунского полка Петра Бредихина

¹⁰ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 246. Л. 4 об., 5; РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316. Л. 70 об., 71; РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 410. Л. 75 об., 76.

¹¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36. Л. 143 об., 144; РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 163. Л. 87 об., 88; РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 251. Л. 29 об., 30, 57 об., 58; РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 321. Л. 38 об., 39. В том же 1748 г. Военная коллегия выдала ему патент на чин прапорщика, см.: «Известно и ведомо да будет каждому...»: Книги записи патентов, выданных Военной коллегией в 1723–1796 гг. Т. 1. М., 2020. С. 334.

¹² РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 210. Л. 154 об., 155.

¹³ См.: *Дмитриев А. В.* Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): Особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.: СПб., 2017. С. 116–134, 235–246.

взрослые сыновья жили, как указывалось в списках, «в доме своем», т. е. в тех местах, откуда были родом их отцы. Михайлов происходил «из пономарей Московского уезда Загородской десятины вотчины князя Федора Голицына села Покровского», там в 1755 г. проживал его 21-летний сын Алексей. Бредихин был из однодворцев г. Старого Оскола, где в 1752 г. жил его 20-летний сын Петр.¹⁴ А в Нотебургском пехотном полку в 1754 г. вместе с поручиком Иваном Ворониным служил капралом его 16-летний сын Андрей, причем отец даже устроил его в состав той роты, где числился сам.¹⁵ Однако в целом списки полевых полков за середину столетия предоставляют весьма мало данных о семейном положении офицеров недворянского происхождения, как в силу немногочисленности последних, так и потому, что в полевых армейских частях офицеры, как правило, вообще реже обзаводились семьями по сравнению со своими сослуживцами в гарнизонных войсках.

Затем наступает почти 40-летний «провал», когда мы не находим в источниках никаких данных о женах и детях офицеров, служивших в Сибирском корпусе. Лишь в списках, составленных после 1792 г., эта информация появляется снова, причем уже в гораздо более полных вариантах. Содержащиеся в источниках сведения позволяют не только установить с достаточной точностью половозрастной состав семей у офицеров тех армейских частей, которые еще продолжали дислоцироваться в Сибири, но и получить представление о социальных связях, которые складывались между военнослужащими и остальными группами населения на «восточной окраине» империи. При этом следует заметить, что резкое омоложение офицерского корпуса полков Сибирской инспекции в годы правления Павла I привело к тому, что наличием детей могли похвастать весьма немногие из числа штаб- и обер-офицеров, находившихся здесь на службе, поскольку, как и в середине XVIII в., в полевых полках число офицеров, успевших обзавестись семьями, было значительно меньше, нежели в гарнизонных. Тем не менее, мы можем отметить некоторые интересные детали.

Обращает на себя внимание, что армейские офицеры женились на дочерях сибирских казаков, несмотря на то, что последние, будучи в рядах иррегулярных подразделений, должны были уступать кадровым военным с точки зрения своего социального статуса и положения. Однако по данным изученных нами списков полевых частей Сибирской инспекции за 1797–1800 гг. такие браки заключали не только выходцы из непривилегированных слоев, но и «природ-

¹⁴ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 393. Л. 10 об., 11; РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 492. Л. 128 об., 129.

¹⁵ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 460а. Л. 73 об., 74.

ные» дворяне. Так, поручик Сибирского драгунского полка Алексей Арцыбашев, дворянин из Тверской губернии, попавший сюда после нескольких лет службы в юности в лейб-гвардии Преображенском полку, женился на «казахьей дочери» Марье Никифоровой.¹⁶ Майор 19-го егерского полка Матвей Толмачев, также происходивший из дворян, был женат на Акулине Яковлевой, дочери отставного казака Николаевского маяка Бийской дистанции.¹⁷ Впрочем, некоторые из офицеров-дворян заключали браки даже с дочерьми простых солдат. Подпоручик Ширванского мушкетерского полка Артемий Соболев, дворянин из Рязанского наместничества, женился на дочери гарнизонного солдата Афанасия Кузнецова Марфе, правда, семейная жизнь пары, видимо, складывалась неудачно: Марфа в 1798 г. жила не с мужем, а «в крепости Троицкой при матери», сам же Соболев был замечен в «нетрезвом поведении».¹⁸ А дочь «бывшаго казахьяго головы сибирскаго дворянина» Улита Ефимова вышла замуж за испанца по происхождению, майора Томского мушкетерского полка Ивана (видимо, Хуана) Деанекарта (де Аникарта), который был сыном выехавшего в Россию в середине века испанского дворянина подполковника Матиаса де Аникарта. Вероятно, именно отец настоял на том, чтобы дать родившейся у них дочери необычное для России того времени имя — Маргарита.¹⁹

Встречаются также среди жен офицеров полевых войск представительницы мещанства, купечества, духовенства, «статских» чиновников, но самую значительную долю составляют дочери таких же военнослужащих. Некоторым офицерам выгодная женитьба позволяла заметно улучшить свое положение. Например, капитан Ширванского полка Иван Агеев, происходивший даже не из дворян, а показывавший себя «штаб-офицерским сыном» из Белгорода, прибыв с полком в Сибирь, женился на Александре, дочери коменданта г. Тары майора Ивана Зеленого, и в 1798 г., когда ему исполнилось всего 36 лет, уже занимал должность плац-майора в Пресногорьковской крепости.²⁰ А 34-летнему лифляндскому дворянину полковнику Густаву Бриммеру, в 1799 г. командовавшему Селенгинским мушкетерским полком, вероятно, очень помогло то, что после перевода на службу в Сибирь из Кавалергардского корпуса 10 годами ранее он здесь стал зятем последнего командующего Сибирским корпусом генерал-майора Густа-

¹⁶ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2573. Л. 60 об., 61. Здесь и далее указываются не фамилии, а отчества жен офицеров — так, как они были записаны в источниках.

¹⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2046. Л. 43 об., 44.

¹⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1619. Л. 108 об., 109.

¹⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1603. Л. 11 об., 12.

²⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1619. Л. 91 об., 92.

ва фон Штрандмана, согласившего выдать за него свою дочь от первого брака Луизу.²¹ Впрочем, не редкостью были и случаи, когда зять достигал более высоких чинов по службе, чем его тесть.

Заметно более разнообразным выглядит на конец XVIII в. семейное положение офицеров гарнизонных полков Сибирской инспекции. Помимо указанных выше вариантов, здесь мы встречаем и своего рода неравные браки «наоборот»: когда офицер, не принадлежавший к дворянству по рождению, женился на дочери «природного» дворянина. Прапорщик Илья Постников из списка Иркутского мушкетерского полка за 1797 г., солдатский сын,

к своим 52 годам дослужившийся лишь до первого обер-офицерского чина, был женат на Елизавете Петровой, «Смоленской губернии дочери дворянской».²² Представляется загадкой, каким образом они могли встретиться, если прапорщик, судя по данным его послужного списка, в течение всей жизни не покидал пределы Сибири? Аналогичным образом поручик Петропавловского гарнизонного полка Александр Быков, также происходивший из солдатских детей, имел супругой дворянскую дочь Наталью Федорову, к тому же еще и располагавшую земельной собственностью в Казанском наместничестве.²³ Немногочисленные в гарнизонных полках выходцы из Европы также обзаводились семьями, стараясь породниться с российскими дворянами: так, майор Бийского полка Иван (Иоганн) Гренинг, прусак, еще в годы Семилетней войны оказавшийся в России и попавший на сибирскую службу, показывал в списке полка за 1799 г., что «у него жена Марья Васильева дочь Кирьякова дворянка Московской губернии города Каширы».²⁴ Впрочем, возможен был и другой вариант — поручик Омского гарнизонного полка Андрей Растопчин, сам выходец из дворян Оренбургской губернии и даже владевший



Александр Христианович Элерт.
Новосибирск, Академгородок,
18 ноября 2002 г.

²¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1575. Л. 1 об., 2.

²² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5400. Л. 115 об., 116.

²³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5794. Л. 72 об., 73.

²⁴ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5162. Л. 38 об., 39.

там вместе с братом восемь ревизскими душами, еще в начале своей военной карьеры, до перевода в Сибирь, женился на солдатской дочери Василисе Евдокимовой из Верхнеозерской крепости Оренбургской линии.²⁵

Из информации, содержащейся в списках гарнизонных полков Сибирской инспекции рубежа веков, можно иногда извлечь любопытные детали семейной жизни отдельных офицеров, особенно в тех случаях, когда жизнь эта складывалась неблагоприятно. У двоих офицеров Семипалатинского полка в 1797 г. их супруги проживали отдельно от своих мужей, а последние, в свою очередь, отличались «в пьянстве дурным поведением». Майор Андрей Шкарин, в молодости служивший в смоленских гарнизонных батальонах, будучи там, женился на поповской дочери Марье Андреевой, а когда получил перевод на службу в Сибирский корпус, то поехал на восток один, оставив свою благоверную в Смоленске. Вместе с матерью остались и трое сыновей, причем старший Андрей теперь уже служил коллежским регистратором в Смоленской казенной палате, младшие же Иван и Федор были «определены в тамошней школе». А жена поручика Прокония Томилова Анна Васильева, казачья дочь, жила в Барнауле у родственников, поскольку ее супруг много лет предавался пьянству.²⁶ Однако развода такие пары все равно не получали. Единственный известный нам случай развода офицера — это казус майора Иркутского мушкетерского полка Михаила Поспелова. В его послужном списке за 1797 г. сказано следующее: «Хотя и был женат, и жена его Настасья Алексеева дочь капитанская, детей нет, но в 784-м году Иркутскою духовною консисториею со оною розведен».²⁷ О мотивах развода можно только догадываться, но Поспелов также за годы службы успел совершить «многия законопротивныя поступки», так что и в семейной жизни, вероятно, не отличался соблюдением моральных норм.

Подведем итог. Послужные списки офицеров дислоцированных на территории Сибири армейских частей содержат хотя и неполные, но все же достаточно информативные данные об их семейном положении, а также в ряде случаев о их женах и детях. Эти данные вполне могут быть использованы для исследования как демографической проблематики, так и той системы брачных связей, посредством которой военнотружущие включались в жизнь местного сибирского социума. Последние сюжеты представляются особенно интересными с учетом все еще характерной для Сибири и в XVIII в. «размытости»

²⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5679. Л. 157 об., 158.

²⁶ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5906. Л. 4 об., 5, 6 об., 7.

²⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5400. Л. 103 об., 104.

границ между отдельными социальными слоями и группами, контрастировавшей с положением в Европейской России. Таким образом, использование подобных источников при изучении указанной выше проблематики выглядит не только оправданным, но и безусловно необходимым, конечно, с учетом того обстоятельства, что содержащиеся в них сведения должны подвергаться перекрестной проверке с привлечением других доступных материалов.

Список литературы

- Антонов Д. Н., Антонова И. А.* Метрические книги России XVIII — начала XX в. М., 2006. 385 с.
- Дмитриев А. В.* Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): Особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб., 2017. 528 с.
- «Известно и ведомо да будет каждому...»: Книги записи патентов, выданных Военной коллегией в 1723–1796 гг. / Сост., вступ. статья, оформл. К. В. Татарникова. Т. 1. М., 2020. 1012 с.
- Редин Д. А.* Учетная документация Герольдмейстерской конторы 1720-х гг.: Когнитивный потенциал источников // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы III международной научно-практической конференции (Витебск, 8–9 октября 2015 г.). Витебск, 2015. С. 179–181.
- Татарников К. В.* Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА: Межфондовый указатель / Сост., вступ. статья, оформл. К. В. Татарникова. Т. 1. М., 2013. С. 3–42.
- Троицкая И. А., Ульянова Г. Н.* Ревизские сказки как источник в историографии 1970-х — 2010-х годов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 4 (71). С. 118–135.
- Фаизова И. В.* Материалы Герольдмейстерской конторы как источник по истории российского дворянства XVIII века. Саратов, 1990. 60 с.

Л. М. ДАМЕШЕК

Байкальский государственный университет, Иркутск

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ЭТАПОВ ИНКОРПОРАЦИИ СИБИРСКИХ ИНОРОДЦЕВ В АДМИНИСТРАТИВНУЮ СИСТЕМУ ИМПЕРИИ XVIII — НАЧАЛА XX в.

Рассматривается административная политика империи XVIII — начала XX в. по отношению к народам Сибири, направленная на унификацию системы управления русским крестьянским и инородческим населением региона. Проводится анализ правительственных и региональных программ и предложений. Особое внимание уделяется оценке таких законодательных актов, как Устав об управлении инородцев 1822 г., закон 1898 г. о крестьянских и инородческих начальниках, положение о введении паспортной системы и волостной реформы у инородцев Сибири. Дается оценка значения новых административных норм для судеб народов Сибири в составе России.

Ключевые слова: административные процессы в Сибири начала XX в., сибирские инородцы, концепты.

Одной из величайших территорий, которую когда-либо осваивал человек за всю свою историю, была Сибирь. Процесс освоения Сибири, начавшийся в XVII в., сопровождался колоссальными усилиями русского народа и имел длительную историческую перспективу. Для народов Сибири процесс вхождения в состав России означал начало новой исторической цивилизации, каждый из этапов которой имел свои отличительные черты. Данное замечание непосредственно связано с такой важной исторической особенностью России, как фактор ее многонациональности. Территориальная экспансия России на протяжении XVI–XIX вв., включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии превратили ее в многонациональную империю. В начале XX в. на территории России проживало около двухсот больших и малых народов, отличных по языку, культуре, религии, менталитету и т. д. Данное обстоятельство накладывало существенный отпечаток на этническую структуру государства. Если в середине XVII в. на долю русского населения приходилось 95 % населения России, то в начале XX в. только 44,6 %. Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Сценарные планы осуществления этих теорий были различны. Тем не менее, все они предусматривали поглощение азиатских окраин империи русским на-

циональным ядром, что вполне вписывалось в планы правительства по политическому и территориальному конструированию империи. Стратегической линией правительственной политики оставался курс на интеграцию этих территорий в экономическое, административное и социокультурное пространство империи, что особенно откровенно стало проявляться во второй половине XIX в.

Имперский механизм законодательства в России начал складываться со времени реформ Петра Великого. В сквозную систему преобразований возникавшей империи вполне вписывалась губернская реформа, призванная, в первую очередь, способствовать усилению местной власти. Узаконения 1730-х гг. дали территориям России единообразное устройство, что вполне соответствовало концепции тотального государства, созданного Петром. Господство полицейского государства приобрело всеобщий характер и невозможно представить какую-либо категорию населения империи, жизнь которой не подверглась бы жесткой регламентации. Не являлась исключением и Сибирь.

Первые попытки проникновения русских в Сибирь носили откровенно меркантильный характер. Этими же соображениями правительство руководствовалось при выстраивании взаимоотношений с аборигенами края, основную задачу которых московские цари видели в уплате ясака натурой. Именно финансовые соображения определяли позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли. Однако интересы российского государства определялись не только чисто экономическими, но и политическими соображениями, связанными прежде всего с потребностями укрепления позиций российской государственности на Востоке. Периферийная и практически никем не обжитая Сибирь оказалась на перекрестке столкновения стратегических интересов России и государств Центральной Азии. В решении стратегической задачи закрепления Сибири за Российским государством московские, а затем и петербургские власти аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль.

В русской экспансии в Сибирь, в отличие от европейских стран — Англии, Франции, Голландии, Испании, — аборигенный, демографический и территориальный факторы играли совершенно иную роль. Именно поэтому в Сибири русская и аборигенная цивилизации не просто существовали и развивались параллельно, как, скажем, европейцы и индейцы на атлантическом побережье США, а как бы проникали друг в друга. В Сибири русский человек отнюдь не ощущал себя за рубежом или за границей и домой в «Расею» вовсе не стремился,

а Уральские горы, в отличие от Атлантического океана, не были пограничным рубежом и не создавали у русских сибиряков чувство оторванности от исторической родины. Именно эти особенности русской колонизации Сибири и определяли механизм разработки законодательства о коренных народах, что отчетливо прослеживается на протяжении XVIII–XIX вв. Несмотря на имевшие место изменения, на протяжении всего рассматриваемого периода стержневой линией правительственного законодательства является стремление глубже вовлечь народы Сибири в орбиту общероссийских административных, хозяйственных и иных связей. В то же время власти отчетливо сознавали абсурдность идеи полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства. Независимо от способа и формы вхождения нерусских народов в состав Российской империи, каждый из этих народов принес в новое для него государство свой менталитет, культуру, вероисповедание, сложившиеся формы судопроизводства и местного самоуправления. Бездумный мгновенный слом этого «юридического быта» народов и народностей не отвечал ни геополитическим, ни внутривнутриполитическим интересам Российского государства. Более того, он мог вызвать нежелательные политические осложнения во вновь присоединенном крае. К этому фактору всегда могли добавиться и нежелательные внешнеполитические обстоятельства, связанные с соперничеством держав в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Важно отметить еще одно обстоятельство. Если на западных национальных окраинах империи (Польша, Финляндия) создаваемая правовая система могла в известной степени опереться на европейские источники права, то на восточных окраинах государства правовая система регуляции народов, находившихся на стадии родового строя, должна была быть иной. Именно поэтому империя на первых порах не только не ломала существовавшую у народов Сибири систему местного управления и самоуправления, но и стремилась интегрировать ее в создававшийся на окраинах механизм государственно-правовой власти. Таким образом, законодательный механизм империи как бы впитывал в себя те законодательные системы, которые приносили с собой новые земли и народы. В первой половине XVIII в. основы управления ясачными народами были изложены в «Инструкции пограничным дозорщикам» от 30 июня 1728 г. Григорию Фирсову и Онисиму Михалеву «для порядочного пограничного смотрения» для того, чтобы «не дать никакой причины к нарушению мирного трактата».¹ Обе инструкции были составлены

¹ Опубликовано: [Сычевский Е. И.] Историческая записка о Китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. М., 1875. С. 27–36.

министром графом С. В. Рагузинским по Указу Его Императорского Величества. В 12 основных и 7 дополнительных (для «иноземцев») пунктах Инструкции дозорщикам подробнейшим образом были расписаны функции для каждого из служащих, в том числе и для тех, кто им всячески должен был способствовать в исполнении пограничного контроля. Например, роль провожающих «от караула до караула» отводилась бурятским зайсанам и шуленгам, в реляции к Инструкции сказано: «Имеют оное исполнять как надлежит верноподданным». Основные же функции самих пограничных дозорщиков заключались в следующем: ремонт пограничных маяков, личный осмотр караулов, контроль за преступностью на пограничных территориях, контроль за пересечением границы с одной и с другой стороны, за тем, чтобы торг производился в отведенных для этого Кяхте и Аргуни, контроль за наличием штатных единиц для несения пограничной службы. В документе неоднократно подчеркивалось, как важно соблюдать порядок на границе: «Ибо порядочным охранением караулов вся граница в покое и добром обхождении быть может, а верноподданные в радости и прохладе собственные свои дела исправлять могут».² Кочевому населению, кроме тех, что несли караулы, запрещалось совершать отгон скота близ границы, необходимо было «велеть кочевать в удобных местах внутрь границы на несколько верст».³ Кроме этого, Инструкцией постановлялось: доброжелательное отношение с монгольскими караульными и прочими пограничными начальниками, не давать причин для конфликтов; донесение до каждого из родов основных пунктов Инструкции во избежание недопониманий; ведение ежегодной отчетности Селенгинскому пограничному генеральному управителю и иркутскому воеводе. В ст. 32 особо подчеркивалось: во время личного осмотра пограничной территории, «ежели где иноземцы добровольно корму не дадут, в таком случае кормиться своим и покупать на свои деньги, дабы насильства нигде отнюдь не чинить; с начальниками верноподданных обходиться приятельски, уговаривая их, дабы границу содержали в добром порядке и народы в полном подданстве, отдаляясь от злых слов и всякого непорядочного замысла, обнадеживая их Его Императорского Величества неотменной милостью».⁴ Это положение подчеркивает главную идею политической линии правительства в отношении окраинных территорий — стремление опереться на представителей национальной верхушки. Государственной администрации необходимо было выстроить гибкую прагматическую политику в отношении интегрируемой террито-

² [Сычевский Е. И.] Историческая записка о Китайской границе... С. 29.

³ [Сычевский Е. И.] Историческая записка о Китайской границе... С. 30.

⁴ [Сычевский Е. И.] Историческая записка о Китайской границе... С. 32.

рии для последующего процесса инкорпорации. Кроме правил о соблюдении российско-монгольской границы, в отношении коренного населения Российской империи предписывалось следующее:

— отмена и уничтожение всех судебных дел, производимых до 1720 г.;

— передача «малых дел» (бытовые ссоры, воровство скота и др., кроме криминальных дел, которые были в ведении земских комиссаров) ведению родоначальников, во избежание волокиты в судебном разбирательстве;

— взимание ясачной подати «безобидно» для коренного населения «зверьем и китайкой» или деньгами «по цене без излишества»; ясачные плательщики закреплялись за определенным родом, а сбор ясака возлагался на родоначальника;

— запрещалось принимать новых лам, предписывалось «довольствоваться теми ламами, которые после разграничения остались» на российской стороне;

— запрещалось переходить из одного рода в другой; перебежавших предписывалось «собирать и в прежний род... отсылать без укоснения».⁵

С целью укрепления пограничной территории за Байкалом российское правительство стремилось расположить к себе местное население и заручиться поддержкой родоплеменной знати — тайшей и зайсанов, которые в свою очередь, освобождались от ясачного платежа. Действие Инструкции распространялось не только на коренных жителей пограничной территории, но и на другие соседние народы.⁶

В целом во второй четверти XVIII в. в отношении народов Сибири сохранялась патерналистская модель взаимодействия. Коренное население, упоминаемое в документах этого периода, фактически не обладало юридическим статусом. В связи с этим каких-либо значительных мер в отношении «иноземцев» со стороны правительства не предпринималось.

Во второй половине XVIII в. документом, регламентирующим управление регионом, стала Инструкция лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву от 6 февраля 1763 г., подписанная императрицей Екатериной II. Целью Комиссии являлось урегулирование ясачного сбора.⁷ Согласно документу, собирать ясачную подать планировалось с помощью родоначальников, «привлекая их к тому ласкою и небольшими, потребными для них подарками», а так-

⁵ [Сычевский Е. И.] Историческая записка о Китайской границе... С. 34–37.

⁶ Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа (от XVII до 60-х гг. XIX в.). М., 1940. С. 130.

⁷ Булычев И. Д. Путешествие по Восточной Сибири. Ч. 1. СПб., 1856. С. 251.

же для своего облегчения взимать налог «не с каждого плательщика порознь, но суммою со всего улуса».⁸ Наряду с этим Комиссией Щербачева впервые была проведена перепись «ясачных иноземцев», с целью обложения их новой податью. Документ не только подтвердил основные положения Инструкции Рагузинского, но и явился наиболее полным законодательным актом в отношении коренного населения Сибири вплоть до учреждения в 1822 г. «Устава об управлении инородцев».

Таким образом, на данном этапе высшая администрация стремилась к централизации власти, однако правительство отдавало себе отчет в том, что невозможно сконцентрировать все властные функции по управлению окраинными территориями в столице. Следовательно, необходимо было делегировать часть полномочий высшим должностным лицам регионов. Зачастую функциональный характер и компетенция главных органов местного управления были тем шире, чем дальше находилась от центра подведомственная территория. Данное положение предопределило специфику в выстраивании отношений между местной администрацией и населением подведомственных территорий. Изучение корпоративной этики местной административной власти говорит о том, что масштабы злоупотреблений по службе коррелировали со степенью удаленности от центра из-за отсутствия эффективного контроля.

В начале XIX в. сибирская губернская администрация издала ряд частных актов по управлению народами региона. Представляет интерес «Положение о выборе иноверческих начальников и правах их» (1812 г.) иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина. По существующему законоположению «иноверцы» должны были занимать «старшинские» должности по выбору. При этом допускалось и наследование должностей. В новом положении Трескин стремился доказать, что наследственный родоначальник «бывает уважаем иноверцами и слово его имеет лучший вес, нежели простолюдина», который, по его мнению, «не имеет способностей и навыка в делах управления». Трескин предписывал «постановить непременно правилом», чтобы назначение «иноверческих» родоначальников было наследственным. Избрание в родоначальники рядовых улусников допускалось только в случае отсутствия возможных наследников.⁹ Принцип опоры на местные национальные элиты был традиционным в окраинной политике империи. На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах — в Поль-

⁸ Булычев И. Д. Путешествие по Восточной Сибири. С. 255.

⁹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 282 об.

ше, Финляндии, на Кавказе, в Сибири — наблюдается стремление самодержавия опереться на национальную элиту. После взятия Казани «привилегии и земли лояльной татарской аристократии ...были сохранены»,¹⁰ на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока «шел процесс формирования местных элит, состоящих как из представителей... родовой знати местных народов, так и русского населения»,¹¹ представители родоплеменной знати в «массовом порядке» принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подарки и т. д. В регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов. Подобная практика является ярким образом политики патернализма по отношению ко вновь присоединенным к империи кочевым народам. В условиях активного продвижения отрядов русских землепроходцев к великому океану фактор поддержки этой экспансии со стороны коренного населения приобретал особое значение. Именно поэтому зачастую сложно отделить понятие экспансия, как насильственное присоединение земель, от мирной колонизации, как прежде всего земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практике эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства. Поэтому колонизация — отнюдь не всегда насильственное завоевание. Российская колонизация — хозяйственное и культурное освоение новых территорий, включение народов, там обитающих, в орбиту влияния российской цивилизации.

Устав об управлении инородцев 1822 г.¹²

В начале XIX в., во время правления в Восточной Сибири И. Б. Пестеля и Н. И. Трескина, злоупотребления чиновников и родовых старшин достигли огромных размеров, что и явилось одной из весомых причин ревизии М. М. Сперанского в 1819 г. Главным итогом ревизии и реформ Сперанского применительно к народам края стал «Устав об управлении инородцев» — один из важнейших памятников

¹⁰ Кантелер А. Формирование Российской империи в XV — начале XVIII века: Наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 7.

¹¹ Каменский А. Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 117.

¹² Подробнее см.: Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 230–235; Дамешек Л. М. Избранное: В 3 т. Т. 1: Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII — начало XX в.). Иркутск, 2018. С. 146–210.

законодательной деятельности империи в Сибири, разработанный на основе учета геополитических, этнических и иных особенностей Азиатской России.¹³ «Устав» свидетельствует об известной гибкости правительственного курса, понимании им особой роли государства и его институтов в организации жизни подвластного населения, дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири. «Устав» 1822 г. действовал вплоть до начала XX столетия. Как известно, в соответствии с «Уставом» коренное население Сибири делилось на три разряда: «оседлых», «кочевых» и «бродячих». В основу деления был положен принцип хозяйственного развития. Поразрядная система обуславливала и гражданское состояние аборигенов, «оседлые инородцы» приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской. «Кочевые» приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. Конечной целью поразрядной системы был переход «бродячих и кочевых жителей» в категорию оседлых. Это отражало финансовые интересы империи, так как подобный перевод сопровождался возведением аборигенов в более высокий податной оклад государственных крестьян. Законодательство 1822 г. предусматривало обязательное наделение землей «инородцев» всех разрядов как подданных государства. Органы самоуправления кочевых народов разделились на три ступени: низшая — родовое управление, средняя — инородная управа, высшая — степная дума. Должностные лица в состав «инородческого» управления избирались на общем собрании, к участию в котором допускались все члены общины.

«Устав» сохранял почетные звания кочевников. Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. В случае отсутствия прямого наследника разрешалось избрание ближайшего родственника. Указом Сибирского комитета от 1 ноября 1832 г. «инородцы», пользующиеся правами личного дворянства, и их дети освобождались от уплаты ясака.¹⁴ В целом «Устав» ослаблял патриархально-феодалные отношения, но не уничтожал их. «Устав» предусматривал ряд протекционистских мер по отношению к торговле. Вводился принцип свободной частной торговли с сибирскими «инородцами».

«Устав» регламентировал государственные, земские, уездные и частные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, автор «Устава» оговорился, что «никакой новый общий по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих ино-

¹³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 38. СПб., 1830. С. 394–407.

¹⁴ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 7. СПб., 1833. Ст. 5721. С. 816–817.

родцев, если о том именно не будет предписано». Приравнивая «кочевых инородцев» к крестьянскому сословию в гражданских правах, «Устав» сближал их и в налоговом обложении. Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и утверждалось генерал-губернатором. Сборы на содержание родового управления производились на основании общественных приговоров, а на земские повинности — на основании особого положения, выработанного «местным главным управлением». Специальная глава «Устава» была посвящена взысканию недоимок, но и тут реформатор стремился ограничить вмешательство администрации. Недоимки надлежало взыскивать «не иначе, как на ярмарках и сугланах». Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как «настоятельное убеждение», задержание старосты или его сына, ближайшего родственника, задержание части пушнины, предназначенной для продажи.

Ряд статей «Устава» был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии «Устав» стоял на позициях веротерпимости. Реформатор отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства. В то же время принятие христианства расценивалось как положительное явление. В 1832 г. последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступающих в христианскую веру».¹⁵ Устав предоставлял ясачным право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища.

В итоге отметим, что разработанный М. М. Сперанским «Устав об управлении инородцев» стал первым в России сводом комплексного регионального законодательства, разработанного для одного из самых обширных регионов империи. Он появился в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, регламентирующие права и обязанности населения и рассеянные в бесчисленном множестве указов. Он стал первым в империи опытом разработки и принятия свода законов, основанного на национальных традициях и особенностях народов Азиатской России.¹⁶

¹⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 7. С. 918–919.

¹⁶ Об изменениях в законодательстве в 1822–1857 гг. см.: Жалсанова Б. Ц. Законодательная политика Российского государства в отношении кочевых народов Сибири (1822–1857 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2008. С. 309–314.

Закон о крестьянских и инородческих начальниках 1898 г.¹⁷

Дальнейшее развитие программы правительства по вопросам организации управления народами Сибири находилось в неразрывной связи со стремлением правительства к пересмотру основных положений «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Предполагалось, что ревизия «инородческого» Устава должна преследовать интеграционные цели. Иркутский губернатор К. Н. Шелашников в 1873 г. обратил внимание правительства на необходимость подчинения бурят действию «общих законов». По его мнению, существование специальных положений для управления бурятами стало «не только бесполезным, но даже вредным».¹⁸ В 1876 г. генерал-губернатор Восточной Сибири П. А. Фредерикс предложил подчинить аборигенов «общим действующим в России законам, сравнивая права и обязанности их с крестьянами».¹⁹ Преемник П. А. Фредерикса Д. Г. Анучин в отчете по управлению краем в 1880–1881 гг. резко выступил против сохранения «Сибирского учреждения» 1822 г., назвав его «анахронизмом, требующим окончательной отмены».²⁰

Эти предложения готовили почву для будущих преобразований. Однако к числу реализованных программ этого времени относится лишь реформа местного управления бурятами Иркутской губернии, осуществленная в 1880-х гг. Степные думы у бурят были упразднены. Вместо них учреждались более мелкие, но зато, по мнению чиновников, более гибкие административные единицы — «инородные» управы, бывшие по «Уставу» 1822 г. промежуточным звеном между степными думами и родовыми управлениями. Вместе с ликвидацией степных дум были упразднены и должности тайшей — главных родоначальников, замещавшиеся преимущественно по наследству. Анализ сведений о должностных лицах самоуправления аборигенов показывает, что к этому времени выборы на должность новых людей постепенно вытесняют наследственное начало. Многие из них были людьми состоятельными, о чем свидетельствовала не утихавшая борьба между бедняцким и зажиточным полюсами в улусах, «рекомендация» властей отдавать предпочтение при выборах лицам «крепкого достатка» и принявшим православие. В Балаганском округе Иркутской губернии из 218 должностных лиц бурятского самоуправления лишь 13 человек, т. е. 6 %, принадлежали к язычникам.

¹⁷ Подробнее см.: *Дамешек Л. М.* Избранное. С. 235–238.

¹⁸ РГИА. Ф. 1264. Оп. 65. Д. 236. Л. 11 об.–12.

¹⁹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4044 (1879 г.). Ж. ст. С. 473.

²⁰ Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880 и 1881 гг. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 1. Вып. 1. Иркутск, 1884. С. 122.

В Нижнеудинском округе все 16 должностных лиц бурятского самоуправления исповедовали православие. В то же время в Верхотенском округе 58,74 % должностных лиц исповедовали шаманизм, 8,4 % — ламаизм, остальные — православие.²¹

Основные направления будущих административных преобразований в крае были сформулированы иркутским генерал-губернатором А. П. Игнатьевым в 1887 г.²² Конечную цель своего проекта автор сформулировал коротко и ясно — как «обрусение инородцев».²³ Это предложение высокопоставленного чиновника, прозвучавшее при слушании его отчета в Комитете министров, настолько понравилось Александру III, что на полях документа он с восторгом написал: «Да! Весьма пора».²⁴ Именно предложения А. П. Игнатьева и министра внутренних дел И. Л. Горемыкина легли в основу закона 8 июня 1898 г., получившего название «Временное положение о крестьянских начальниках». Несколько позже начальникам участков, в пределах которых проживало коренное население, было присвоено название «крестьянских и инородческих начальников».²⁵

Закон о крестьянских и инородческих начальниках явился началом полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства. Согласно новому закону, органы управления «инородцев», основанные на принципах «Устава» 1822 г., заменялись управами, устроенными по русскому типу. В основе «Временного положения» лежали идеи закона о земских начальниках от 12 июня 1889 г. Круг деятельности крестьянских начальников был очень широк. Им поручался «надзор за всеми установлениями» крестьянского и «инородческого» самоуправления. Важной обязанностью новых чиновников стал контроль за «нравственным состоянием» сельских жителей. Особенно возрастала роль крестьянских начальников в судебных делах коренного населения. Неисполнение предписаний крестьянского начальника было чревато опасными последствиями. Крестьянские начальники наделялись административными правами в отношении всех должностных лиц сельского самоуправления. На практике новые чиновники становились полными хозяевами в «инородческой» волости.

²¹ Подробнее см.: *Дамешек Л. М.* Управление административными процессами в преобразовательной Сибири: Сибирские инородцы, концепты и люди // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 32. С. 21–31.

²² Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. приблизительно на 10 лет // Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131.

²³ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 73. Л. 9.

²⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 73. Л. 12 об.

²⁵ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 18. Л. 1503; ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23. Отд. 1. Стб. 23320.

Содержание нового закона и практика его проведения в жизнь отчетливо отразили резкое усиление имперских тенденций в административной политике правительства в Сибири. С этим было вполне было солидарно и местное сибирское чиновничество, настаивавшее на введении возможно большего числа крестьянских начальников. Лишь возражения министра финансов С. Ю. Витте положили конец подобным требованиям. В итоге по закону 8 июня 1898 г. в Тобольской губернии вводилось 36 должностей новых чиновников, в Томской — 29, в Енисейской и Иркутской — 21.²⁶ В апреле 1901 г. этот закон был распространен на Забайкальскую область. На Якутскую область и северные районы проживания «бродячих инородцев» действие закона не распространялось. Управление коренными жителями этих территорий вплоть до 1917 г. основывалось на принципах Устава 1822 г.

Одной из наиболее важных сторон деятельности губернской администрации Сибири по реализации закона 1898 г. явился подбор кандидатур на должности крестьянских и «инородческих» начальников. Поиск кандидатов на должность был связан с известными трудностями. В Сибири прослойка дворян-чиновников по сравнению с губерниями Европейской России была невелика. Немного насчитывалось и чиновников, имеющих высшее или специальное среднее образование. Это сужало круг возможных претендентов и сдерживало ход реформы. Не случайно местная администрация резко выступала против требования обязательного образовательного ценза, считала предусмотренное законом среднее образование «лишним требованием». Даже спустя 10 лет после начала реформы в Иркутской губернии оставались вакантными 5 % мест крестьянских начальников, в Забайкальской области — 11 %.²⁷

Стремление правительства при подборе вновь вводимых должностей чиновников следовать сословному признаку и назначить крестьянских и «инородческих» начальников исключительно из дворян оказалось неосуществимым. В 1904 г. в губерниях Западной Сибири 35 % чиновников были выходцами из разночинцев. В то же время в 10 губерниях Европейской России — Витебской, Владимирской, Вологодской и др. — в 1903 г. 93 % земских начальников были выходцами из дворян. В Сибири, в отличие от Европейской России, на должности крестьянских (земских) начальников попадали подчас случайные люди с весьма пестрыми биографиями и отнюдь не дворянского происхождения. Еще в меньшей степени правитель-

²⁶ РГИА. Ф. 408. Оп. 23. Д. 2790. Л. 95 об. — 96 об.

²⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 40. 1900 г. Л. 3; РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 62. Л. 17–20; РГИА. Ф. 1291. Оп. 31. Д. 622. 1909 г. Л. 4–23.

ственным установкам отвечали крестьянские начальники Восточной Сибири. В Иркутской губернии в начале XX в. 65 % крестьянских начальников были выходцами из разночинцев, только четвертая часть чиновников имела высшее образование, зато православными были почти все — 97 %. Примерно 50 % крестьянских начальников имели чины с 14 по 8 класс. Для большинства из них доходы от личного труда были единственным источником существования. В Енисейской губернии выходцами из сословия разночинцев было 68 % крестьянских начальников, в Забайкальской области — 96 %.²⁸ С целью улучшения качественного состава новых чиновников по образцу земских начальников Европейской России в 1912 г. был введен специальный экзамен на право занятия должности крестьянского начальника. Тяжелой повинностью для сельского коренного населения явилось содержание нового аппарата управления. Жалованье одного чиновника без учета канцелярских, квартирных, прогонных и прочих сумм составляло 1700 руб. в год. Но настоящим бичом для сельского населения стали многочисленные злоупотребления властью и хищения крестьянских начальников, которые по этим «показателям» далеко превосходили своих предшественников.

В целом закон 1898 г. по-своему отразил изменения в характеристике социально-экономического развития, связанные прежде всего с разложением патриархально-феодальных и развитием капиталистических отношений. Реформа 1898 г. способствовала замене старых единиц управления, основанных на родовом принципе, территориальными административными единицами. В то же время административные преобразования были направлены на усиление имперской полицейской опеки над аборигенами, их скорейшее «слияние» с русским населением. Реформа, проводившаяся бюрократическим государством в буржуазную эпоху, сохраняла ясно видимые имперские черты.

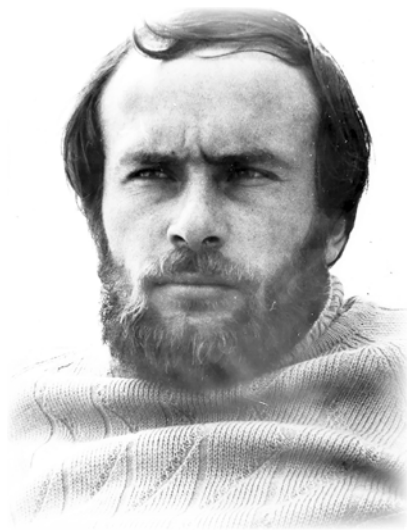
Волостная реформа²⁹

Тенденция к усилению полицейской опеки над органами управления аборигенов усиливается по мере роста общественного движения в стране и в Сибири. Данной цели служило и введение паспортной системы у коренного населения. Решение по этому вопросу было принято в июне 1897 г. Оно предусматривало создание специальной комиссии из представителей Министерства внутренних дел,

²⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 2. 1904 г. Л. 213–216, 239–240; РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 40. Л. 3, 23; РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 622. 1909 г. Л. 4 об. –23; РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 62. 1901 г. Л. 17–20.

²⁹ Подробнее см.: *Дамешек Л. М.* Избранное. С. 273–285.

Министерства земледелия и государственных имуществ для предварительной разработки законопроекта. В работе комиссии наиболее активную роль играл будущий министр внутренних дел В. К. Плеве. Необходимость введения паспортов у коренного населения обосновывалась требованием упразднения порозрядной системы, усилением опеки и надзора за органами самоуправления коренных народов. Положение «О видах на жительство», утвержденное царским указом 8 июня 1898 г., определяло аборигенам места постоянного проживания, при отлучке из которых они обязывались иметь паспорта.



Александр Христианович Элерт.
1980-е гг.

У оседлых «местом постоянного проживания» считались общество или волость, к которой они приписаны, у кочевников — район перекочевков. Все «инородцы» обязывались иметь паспорт при устройстве на работу по найму. Длительное проживание в городе с торговыми или иными целями также разрешалось только по паспортам. Срок действия паспорта ограничивался одним годом, его продление оговаривалось согласием общества или «инородческого» начальника, ответственного за поступление податных сборов.³⁰ Таким образом под предлогом обеспечения налоговых поступлений отлучки аборигенов из мест постоянного проживания ставились под прямой контроль местной администрации.

С началом введения в жизнь «Временного положения о крестьянских начальниках» правительство окончательно пришло к мысли о необходимости реорганизации не только системы местного управления народами Сибири, но и их самоуправления. Эти преобразования, с точки зрения правительства, были взаимосвязанными. Осуществление поставленных задач полного слияния народов Сибири с русским крестьянским населением постоянно сталкивалось с необходимостью упразднения порозрядной системы и причисления аборигенов к разряду оседлых. Согласно «Уставу» 1822 г. такое причисление могло осуществляться только во время переписи и с согласия самих аборигенов. В результате власти постоянно сталкивались с противо-

³⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1. 1896 г. Л. 132.

положностью желаемых и реальных результатов этого процесса. Именно поэтому Государственный совет в 1896 г. охарактеризовал поразрядную систему как «выдающееся несовершенство» законодательства, требующее немедленного упразднения. С осени 1908 г. министерские чиновники разного уровня стали требовать от губернской администрации «скорейшего» перевода кочевых аборигенов в разряд оседлых. Особую активность в этом деле проявил П. А. Столыпин. Циркуляры за его подписью требовали незамедлительно переводить кочевых «инородцев» в разряд оседлых. Получив прямое указание Столыпина, губернская администрация перешла к решительным действиям по его осуществлению. К 1914 г. из 350 тыс. кочевников, числившихся по официальным данным в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях, в категорию оседлых было перечислено 233 тыс., в разряде кочевых и бродячих проводило оставаться около 116 тыс. душ или примерно 33 % коренного населения.³¹

Одновременно с причислением в оседлое царское правительство вводило у аборигенов волостную реформу. Вместо родовых управлений и инородных управ вводились сельские и волостные управления по русскому образцу. Отпрыски родовой аристократии, нередко выступавшей против различных мероприятий правительства, отстранялись от исполнения служебных обязанностей. Вместо них на должности сельских старост и волостных старшин назначались зажиточные «инородцы». Теперь низшей территориальной единицей у аборигенов, как и у русских крестьян, становилось сельское общество, объединявшее «инородцев» — односельчан, связанных между собой общностью хозяйственных интересов. Следующей, более крупной административной единицей являлась волость, образованная из нескольких сельских обществ. Во главе этих административных единиц находились соответственно сельский староста и волостной старшина, выбиравшиеся на сходах по рекомендации крестьянских начальников. Последним предоставлялось право утверждения в должности избранного лица. По сути дела, крестьянские начальники являлись полными, а зачастую бесконтрольными хозяевами в сельских обществах и волостях, оказывая решающее влияние на выборы должностных лиц.

Первоначально предполагалось ввести волостную реформу одновременно с землеустройством аборигенов. Однако, поскольку темпы землеустроительных работ были крайне медленными, правительство отказалось от первоначального замысла и в большинстве случаев насаждало новую реформу управления откровенно насильственными методами, вне всякой связи с землеустройством.

³¹ Сибирь в составе Российской империи. С. 142.

Таким образом, в имперской административной практике в Сибирском регионе применительно к коренному населению на протяжении всего рассматриваемого периода можно наблюдать эволюцию от прямого колониального правления к системе управления, основанной по крестьянскому образцу. В конце XIX в. в противовес регионализму М. М. Сперанского на основе осуществления идеи необходимости единства Российской империи возникает замысел ликвидации сословия «инородцев» как такового. В данном случае стратегические цели империи по экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири в состав национального российского государства не только сливались и взаимно дополняли друг друга, но и приобретали новые очертания. Основным содержанием их стали ясно видимые русификаторские черты.

Список литературы

- Булычев И. Д.* Путешествие по Восточной Сибири. Ч. 1: Якутская область, Охотский край. СПб., 1856. 298 с.
- Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880 и 1881 гг. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 1. Вып. 1. Иркутск, 1884. С. 54–149.
- Дамешек Л. М.* Избранное: В 3 т. Т. 1: Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII — начало XX в.). Иркутск, 2018. 456 с.
- Дамешек Л. М.* Управление административными процессами в пореформенной Сибири: Сибирские инородцы, концепты и люди // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 32. С. 21–31.
- Жалсанова Б. Ц.* Законодательная политика Российского государства в отношении кочевых народов Сибири (1822–1857 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2008. С. 309–314.
- Каменский А. Б.* Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 115–139.
- Каппелер А.* Формирование Российской империи в XV — начале XVIII века: Наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 94–115.
- Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. 368 с.
- [*Сычевский Е. И.*] Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. М., 1875. 297 с.

Е. М. ЮХИМЕНКО

Государственный Исторический музей, Москва

ДРЕВНЕЙШИЙ ПАМЯТНИК ХАНТЫЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ: ПЕРЕВОД ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ 1819 г.

Статья посвящена недавно найденному древнейшему памятнику хантыйской письменности — переводу Евангелия от Матфея на остяцкий язык, выполненному в г. Березове в 1819 г. березовским протоиереем Иоанном Вергуновым и иереем Федором Карповым. Появление данного перевода рассмотрено в широком историко-культурном контексте: как одно из направлений миссионерской работы Русской Православной Церкви и деятельности Российского Библейского общества. В статье впервые дано археографическое описание подлинной рукописи «Евангелия от Матфея на русском и остяцком языках», охарактеризованы методика переводческой работы и филологические особенности перевода, связанные с адаптацией евангельского текста к носителям иной языковой и религиозной культуры.

Ключевые слова: Сибирь, хантыйская письменность, хантыйский язык, Евангелие, перевод, миссионерская деятельность, Библейское общество.

В 2005 г. по инициативе уральских историков и под патронатом правительства Ханты-Мансийского автономного округа состоялся замечательный научный проект — международный симпозиум «Три столетия академических исследований Югры: От Миллера до Штейница».¹ Александр Христианович Элерт, глубокий исследователь и публикатор творческого наследия Г. Ф. Миллера,² был главным героем этого мероприятия, включавшего не только научную, но и просветительскую часть — прохождение водным путем на теплоходе «Римский-Корсаков» маршрута отряда Г. Ф. Миллера от Сургута до Березова. Ученый увлекательно рассказывал о впечатлениях немецких путешественников XVIII в. и в кругу коллег, и на встречах с местными жителями тех населенных пунктов, которые Миллер посещал еще в 1740 г. Это незабываемое путешествие по «стране остяков и вогулов» и посещение Березова имело для меня особенный интерес.

Благодаря авторской работе над выставкой «Апостолы Нового времени: Миссионерская деятельность Русской Православной Церк-

¹ Подробнее см.: *Редин Д. А.* Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2006. № 41. С. 271–297.

² *Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. В 2000-е гг. А. Х. Элерт работал над изданием: *Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше; пер. с нем. А. Х. Элерт. М., 2009.

ви в XVII — начале XX в.» (2004 г.) мною была выявлена и введена в научный оборот уникальная рукопись, имеющая прямое отношение к истории хантыйской письменности.³ После экспонирования рукописного памятника единичные сообщения о самом факте перевода Евангелия на остяцкий язык в 1819 г. появились как в местной периодике,⁴ так и в литературе.⁵ Краткое описание рукописи вошло в каталог выставки 2004 г.;⁶ в мае 2006 г. мною был сделан доклад об этой находке на VI Межрегиональных Кирилло-Мефодиевских образовательных чтениях «Славянская культура в Российской цивилизации» (Ханты-Мансийск, 21–24 мая 2006 г.).⁷ Настоящая статья призвана дать общую историко-филологическую характеристику памятника и вновь обратиться на него внимание специалистов-языковедов.

Классический обзор истории хантыйской письменности принадлежит известному лингвисту, создателю грамматики хантыйского языка Вольфгангу Штейницу. В 1930-е гг. он писал о том, что «научное исследование хантыйского языка начинается с Кастрена. Материалы по хантыйскому языку, записанные и отчасти изданные до Кастрена, — Мессершмидт (1725), Страленберг, Фишер, Паллас и др. — представляют небольшие списки слов, иногда некоторые предложения, причем все в очень несовершенной транскрипции. Самое значительное достижение докастреновского периода — работы

³ Выставка, организованная Государственным историческим музеем, экспонировалась в Москве (филиал ГИМ «Новодевичий монастырь») в мае 2004 — январе 2005 г. и в Ханты-Мансийске (Государственный музей природы и человека) в мае-сентябре 2006 г. Доклад об этой находке был сделан мною на VI Межрегиональных Кирилло-Мефодиевских образовательных чтениях «Славянская культура в Российской цивилизации» (Ханты-Мансийск, 21–24 мая 2006 г.); материалы конференции опубликованы не были.

⁴ *Вергунова Е.* Священническая династия Вергуновых // Сибирская православная газета. 2012. № 1 (<http://www.ihtus.ru/012012/st11.shtml>). В статье прямо указывается, что рукопись попала в поле зрения автора на выставке в Новодевичьем монастыре в 2004 г. Со ссылкой именно на статью Е. Вергуновой сведения о переводе Евангелия на остяцкий язык в 1819 г. вошли в статью Википедии «Хантыйская письменность».

⁵ Церкви Обдорска: Летопись в документах. Вып. 1: Васильевская церковь (1746–1824) / Ред.-сост. В. Я. Темплинг. Тюмень, 2005. С. 161; *Цысь О. П.* Научная деятельность православного духовенства тобольского Севера в XIX — начале XX в. // Историко-педагогические чтения. 2013. № 17. С. 637; *Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А.* Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск; Ижевск, 2016. С. 5.

⁶ Апостолы Нового времени: Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в XVII — начале XX в. Каталог выставки / Автор-сост. Е. М. Юхименко. М., 2004. С. 26–27, № 18.

⁷ Материалы конференции опубликованы не были. Тогда же, в преддверии экспонирования выставки в Ханты-Мансийске, с руководством Музея природы и человека прорабатывался проект факсимильного издания рукописи, однако он также остался неосуществленным.

Вологодского “Северохантыйский словарь” (1840–1842) и “Переводы отрывков из евангелий на северохантыйский диалект”, явившиеся первыми текстами на хантыйском языке; эти материалы были изданы венгерским лингвистом П. Хунфальви (P. Hunfalvy) и служили ему для разработки грамматики северохантыйского диалекта (1875)».⁸ В 1880 г. А. Альквист переработал и издал в латинице перевод фрагментов Евангелий, выполненный священником Вологодским.

В. Штейниц также отмечал, что «попытки создания для ханты письменности на их родном языке были сделаны миссионерами: перевод из Евангелия <от> Матфея свящ. Вологодского на смешанном березовско-обдорском языке (был издан дважды: 1868, 1880 гг.); азбука священника Егорова на обдорском диалекте (1897–1898 гг.); перевод этой азбуки на вахоско-васюганский диалект свящ. Ф. Тверитина (1903 г.)».⁹

Заметим, что местонахождение названных памятников в настоящее время неизвестно, не вполне ясно, каким временем датируется первый значительный по объему текст на хантыйском языке — перевод Вологодского; было ли предпринято два его издания или все же дата 1868 г. относится непосредственно к утраченной рукописи.

Первые записи фольклора на хантыйском языке осуществлялись финскими и венгерскими учеными во второй половине XIX в., они были выполнены в финно-угорской транскрипции, но опубликованы значительно позднее — только во второй половине XX в. и предназначались для узкого круга специалистов.

Памятник, которому посвящена настоящая статья, хранится в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея.¹⁰ Рукопись размером в 2° (блок 35,6 × 21,5 см), писана гражданской скорописью нескольких почерков на бумаге кинешемской фабрики с белой датой «1818»,¹¹ объемом 133 л.

На титульном листе надпись: «Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея на русском и остяцком наречии, упо-

⁸ Штейниц В. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Т. 1: Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.; Л., 1937. С. 197.

⁹ Штейниц В. Хантыйский (остяцкий) язык. С. 198.

¹⁰ ОР ГИМ. Собр. Барсова, № 81. ГК 14178382.

¹¹ Филигранные: 1) КГКОСН / 1818 // ММ [Pro Patria] — Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. № 283 (1809, 1815); 2) КГКОСН // ММ [герб Костромской губернии] / 1818 — Клепиков С. А. Филигранные и штемпели... № 282 (1807, 1813, 1815); 3) КФММ / 1818 // [Pro Patria] — Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII–XX вв. М., 1978. № 374 (1819, 1824). Литеры обозначают владельца фабрики Маркела Мещанинова и ее местоположение — Костромской губернии Кинешемской округи село Новодемидовское.

требительном на пространстве от города Березова до самых берегов Ледовитого моря. Перевод сего Евангелия на остякский язык, при благословении свыше, совершен трудами и ревностью Березовских: протоиерея Иоанна Вергунова и иерея Федора Карпова в 1819 году». Текст написан в два столбца, разделенных двумя параллельными линиями, проведенными коричневыми чернилами: слева текст на русском, справа — на хантыйском в кириллическом написании. Фолиация того же времени, кроме титульного и следующего за ним листа пронумерован 131 лист, на л. 133 об. заверительная надпись скорописью: «Всего по перемете в сей рукописи сто тридцать один лист».

Таким образом, данный перевод является самым ранним из всех известных донныне памятников хантыйской письменности. При этом мы располагаем не просто упоминанием о памятнике, а самим подлинником, изучение которого безусловно внесет существенные дополнения в историю хантыйского языка.

Кроме самой рукописи, нам удалось обнаружить и упоминание о переводе 1819 г. в отчете Комитета Тобольского отделения Российского Библейского общества за 1820 г. Это свидетельство также почему-то выпало из поля зрения ученых.

С деятельностью Российского Библейского общества, учрежденного в 1813 г. (закрыто в 1826 г.), связано значительное оживление церковно-просветительной работы. Одной из главных задач общества являлся перевод текстов Священного Писания, и прежде всего Евангелия, на русский язык и языки других народов Российской империи. В 1819 г., в год, которым датируется наша рукопись, в Петербурге был опубликован перевод на русский язык Евангелия. Новый импульс получила и миссионерская работа, поскольку миссионеры могли нести свет Божественного Писания на родном языке просвещаемых.

Первостепенная важность переводов Священного Писания на языки коренных народов Сибири была очевидна каждому миссионеру. В качестве подтверждения можно привести запись священника Обдорской миссии Иоанна Платонова, сделанную им в журнале за 1866 год: «Имея в виду возложенную должность миссионера, я старался хотя сколько-нибудь познакомиться с местным остяцким языком, потому что разговор на русском языке очень немногие инородцы могут понимать, а потому и говорить с ними нужно на их языке; кроме того, как здесь не имеется хорошаго толмача, а причетники, служащие и толмачами, хотя знают инородческий разговор, но только о предметах, касающихся домашняго быта, а относительно истин Евангельских, то очень мало могут что-либо передавать, а потому, не

зная сам местного наречия, весьма затрудняется в передаче Евангельских истин».¹²

Местные комитеты Библейского общества активно включились в переводческую работу, это хорошо видно на примере Тобольского отделения, открытого в 1818 г., спустя три года имевшего в своем составе 109 членов, в том числе архимандрита тобольского Знаменского монастыря и ректора Тобольской духовной семинарии Евгения (Бажанова) (директор комитета), архимандрита Тобольского и Сибирского Амвросия (Келембета) (вице-президент отделения), тобольского гражданского губернатора Ф. А. фон Брина (вице-президент отделения), тобольского вице-губернатора Ф. П. Непряхина (директор комитета).¹³ Членом отделения состоял и березовский протоиерей Иоанн Вергунов.¹⁴ Кроме того, отделение имело четырех коллективных членов: библейские сотоварищества Барнаульское, Ишимское, Красноярское и Томское.

Хорошо представляя проблемы христианизации местного населения, Тобольское отделение сразу же поставило перед собой задачу перевести на языки остяков и вогулов тексты Евангелий и основных молитв. Эта работа была поручена березовскому протоиерею Иоанну Вергунову и протоиерею Тобольского кафедрального собора Петру Фелицыну.

В отчете Тобольского отделения за 1820 г. читаем:

Ко дню сего генерального собрания¹⁵ представлены были в комитет Тобольский переводы: от березовского о. протоиерея Вергунова Евангелие от Марка на наречие собственно березовских остяков; оно служит продолжением к Евангелию от Матфея, представленному уже в комитет Российского Библейского общества в 1820 году, и от ключаря Тобольского кафедрального собора о. протоиерея Фелицына два евангелиста, св. Луки и Иоанна, на языке пельымских вогул. За отсылкою в тот же комитет евангелий от св. Матфея и Марка, нынешние заключают перевод на сем языке всего Евангелия. Трудились в сих переводах под руководством о.о. протоиереев: на остяцкий язык — березовской Воскресенской церкви священник Федор Карпов, несмотря на болезни свои, и на вогульский Бронского села Спасской церкви священник Федор Михайлов, пельымской и верхнепельымской церкви диаконы Григорий и Иоанн Рычковы.

Таким образом переводы сии, появляясь здесь другой уже год, вывода из неизвестности и мрака язык, в письменах не сведущий, представляют собою как бы некую жертву, посвященную Богу, да чрез оные познают Его и те, кои сидят еще во тме и сени смертной.¹⁶

¹² Путевые дневники миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.) / Сост. В. Темплинг. Тюмень, 2001. № 6 (ТФ ГАТО Ф. 156. Оп. 26. Д. 400. Л. 32).

¹³ Отчет Комитета Тобольского отделения Российского Библейского общества за 1820 г. СПб., 1821. С. 15–16, 30–37.

¹⁴ Отчет Комитета... С. 31.

¹⁵ Проходило 16 января 1821 г.

¹⁶ Отчет Комитета... С. 12–13.

На заседании комитета помимо названных переводов на остякский и вогульский языки говорилось о переводах Евангелия от Матфея «на киргизское наречие» (для киргизов, проживавших в Ишимском крае) и «полного Евангелия на наречие тазовских остяков в Туруханском крае» (последнее было выполнено причетником тазовской церкви Анциферовым).¹⁷

В заключительной части отчета сказано: «Члены отделения с удовольствием приняли в минувшем 1820 году переводы некоторых евангелистов на остякский язык в Березовском уезде и вогульский в Туринском. Ныне к усугублению сего удовольствия предлагается собранию продолжение сих переводов: на остякском Евангелие от Марка, переведенное березовским священником Карповым под руководством известного ревнителя в деле библейском березовского о. протоиерея Вергунова...».¹⁸ Эти переводы было решено представить в комитет Российского Библейского общества в Петербург.

В отчете Тобольского комитета содержится еще одно упоминание о переводческой деятельности Иоанна Вергунова: на заседании была зачитана «выписка из письма березовского о. протоиерея Вергунова от 29 декабря к директору комитета г. статскому советнику Осипову (сибирский почт-директор Александр Степанович Осипов. — Е. Ю.). Сей последний, вследствие желанья его превосходительства господина сибирского генерал-губернатора (тайного советника Михаила Михайловича Сперанского. — Е. Ю.), обращался с просьбою к о. протоиерею, не примет ли он на себя труда составить лексикон языка березовских остяков, в том со стороны его превосходительства предположении, чтобы, имея оный основанием, удобнее впредь делать переводы и исправлять оные. О. протоиерей принимает сие с искренним удовольствием, но изъясняет, что, занимаясь теперь переводами евангелистов на сей язык, он не имеет возможности приступить к сему ныне же, а потому и предоставляет сие будущему свободному времени».¹⁹

Таким образом, выясняется, что помимо перевода Евангелия от Матфея к началу 1821 г. был выполнен также перевод Евангелия от Марка и делался перевод Евангелий от Луки и Иоанна.

Что же мы знаем об авторах этих переводов?

«Известный ревнитель в деле библейском» протоиерей Иоанн Вергунов происходил из сургутской казаческой семьи, представители которой упоминаются в Сургутской таможенной приходной книге

¹⁷ Отчет Комитета... С. 13.

¹⁸ Отчет Комитета... С. 25.

¹⁹ Отчет Комитета... С. 18.

за 1674–1675 гг.²⁰ Представители этой фамилии известны среди сургутского казачества, духовенства, мещан и крестьян на протяжении XVIII–XIX вв.²¹ Иоанн Вергунов принадлежал к той ветви семьи, которая связала себя с церковным служением. Священниками были его отец Иван и брат Василий (последний служил в ларьякской Знаменской церкви).

Биографические сведения об Иоанне Вергунове, собранные сотрудниками Березовского краеведческого музея, приведены в статье Валерия Белобородова.²² Иоанн Вергунов окончил Тобольскую духовную семинарию и в 1790 г. вступил на службу. В 1818 г. назначен законоучителем в открывшееся Березовское уездное училище, позднее стал его штатным смотрителем, при этом пятую часть своего годового жалования в 500 руб. жертвовал на нужды училища. За заслуги перед церковью в 1817 г. был награжден суфьей, в 1819 г. — камилавкой.

Как протоиерей березовского Одигитриевского собора и благочинный Березовского округа Иоанн Вергунов упоминается в документах Березовского духовного правления за 1811–1825 гг.²³

О священнике березовской Воскресенской церкви Федоре Карпове биографических сведений пока не имеется, в опубликованных документах Березовского духовного правления он проходит в 1819–1821 гг.²⁴ Если принять во внимание оговорку, сделанную в отчете Тобольского отделения Российского Библейского общества относительно болезней Федора Карпова, можно предположить, что в это время священник был уже немолод.

Обратимся теперь к анализу рукописи Евангелия от Матфея, хранящейся в ГИМ и представляющей нам итог работы протоиерея Иоанна Вергунова и священника Федора Карпова.

Это белой экземпляр с правкой. Текст переписан тремя писарскими почерками, причем каждый писец писал и русский текст, и хантыйский. Судя по тому, что почерки в рукописи несколько раз сменяют друг друга, причем дважды на одной странице (л. 5 и 13) и нет очевидного изменения плотности текста, можно предположить, что писцы работали последовательно, друг за другом. Первым писцом выполнен текст на л. I., 1–5, 21–24 об., 37–60 об., 93–100 об.,

²⁰ Белобородов В. К. Вергуновы // Югра. 2002. № 7. С. 68.

²¹ Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 147, 148, 157, 166, 184, 238.

²² Белобородов В. К. Вергуновы. С. 70.

²³ Православные приходы Березовского края в XIX — начале XX века: Материалы для истории местных сообществ азиатской России / Сост., вступ. ст. и коммент. С. В. Турова. Тюмень, 2004. С. 44–46, 49, 239–242.

²⁴ Православные приходы Березовского края... С. 47–48.

119–131; вторым — на л. 5–13, 17–21, 25–36 об., 61–80 об., третьим — на л. 13–16 об., 81–92 об., 101–118 об.

Трудно сказать, кому принадлежат эти писарские почерка: вполне возможно, что сами переводчики могли поручить перебелить их оригинал кому-то другому.

Из уже упоминавшегося отчета комитета Тобольского отделения Библейского общества следует, что в подобной работе участвовали, как правило, несколько человек. На заседании был «прочтен счет расходам, употребленным ключарем Софийского собора протоиереем Фелицыным при переводе Евангелий от Луки и Иоанна на язык пельымских вогул. На бумагу, на переписку переводов, на проезд переводчиков, на свечи и проч. издержано им 172 рубли 50 копеек. Да за содержание священника Михайлова, двух диаконов Рычковых и писца Лапина в продолжении четырех месяцев о. ключарь, не назначая за сие числа денег, предоставляет рассмотрению комитета. В прошедшем году было подобное сему назначение, которым полагаемо было по 10 рублей в месяц на каждого, что и составит за содержание вышеозначенных лиц 160 рублей. Комитет положил: сии 160 рублей и упомянутые 172 рубли, всего 332 рубли выдать о. ключарю с роспискою в книге».²⁵

Если атрибуция писарских почерков в рукописи ГИМ вызывает затруднение, то принадлежность двух скорописных почерков, которыми выполнена правка, на наш взгляд, более очевидна.

Одним скорописным почерком, коричневатыми чернилами сделаны вставки в русский (л. 102, л. 113, л. 113 об., 115 об.) и хантыйский (л. 105 об. 108 об., 111 об., 120 об., 124, 127 об., 128 об.) тексты, исправлены орфографические ошибки в русском тексте (л. 117 об., 118, 126, 127). На л. 125 в евангельском тексте (Мф. 27:35) «Повесившие же его на крест разделили его одежды, бросая косточки, на коих было написано, кому что достанется. Чрез что сбылись слова пророка: разделили ризы мои по себе и об одежде моей бросали косточки» — последнее предложение было отчеркнуто по полю, и этим же скорописным почерком написано: «Лишнее».

По характеру внесенных исправлений можно утверждать, что этот почерк принадлежит Федору Карпову, и, как непосредственно отвечавший за перевод, он первым проверял за переписчиками текст.

Второй скорописный почерк, черными чернилами, принадлежит Иоанну Вергунову. Сделанные им уточнения в большей степени касаются русского перевода.

Например, в случае неправильного русского перевода текста Мф. 13:21 он сделал помету «Не понял переводчик».

²⁵ Отчет Комитета... С. 18–19.

	Церковнославянский текст ²⁶	Русский текст (по изд. Библейского общества)	Рукопись 1819 г.
Мф. 13:21	Не имать же корене в себе, но привременен есть: бывши же печали, или гонению словесе ради, абие соблажняется	Но который не имеет в себе корня, а непостоянен; когда же настанет скорбь или гонение за Слово, тотчас соблажняется	<u>А то, о коем сказано, что не имеет корня и непрочью вьперед, есть то:</u> что когда будет мучение за священныя слова, то в то же время человек об оных забывает

Первая часть фразы была подчеркнута, слова «есть то» подчеркнуты и зачеркнуты карандашом, сверху поставлены два креста, и внизу скорописью, черными чернилами написано: «Не понял переводчик» (л. 52).

Этим же почерком исправлены многочисленные шероховатости русского перевода (л. 44 об., л. 50 об., 56, 56 об., 57, 57 об., 58, 60 об., 61, 61 об., 68, 69 об., 70 об., 71 об, 72, 75, 88, 89, 90, л. 99 об.–100 об., л. 127 об.). Например, «легковер» исправлено на «маловер» (Мф. 14:31; л. 60 об.), «писание» — на «учение» (Мф. 15:2; л. 61), «сидели» — на «говорили» (Мф. 17:3; л. 70 об.), «из слов его» — на «что он говорит» (Мф. 17:13; л. 72), «с своего народа» — «с своих ли детей» (Мф. 17:25; л. 75). В одном месте редактор сделал вставку в хантыйский текст, заметив, видимо, пропуск (л. 88).

Анализ рукописи показывает, какой многослойной и тщательной была работа над текстом переводов — по сути, двух переводов, потому что перевод с церковнославянского языка на русский не имел самостоятельного значения и был выполнен специально для облегчения последующего перевода на хантыйский.²⁷

Тем не менее перевод на русский язык, выполненный, вероятно, теми же Иоанном Вергуновым и Федором Карповым, имеет большое значение как один из ранних опытов перевода Священного Писания

²⁶ Церковнославянский и русский тексты здесь и далее цитируются по изд.: Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет, на славянском и русском языке / Изданием Российского Библейского общества. СПб., 1821.

²⁷ Промежуточный перевод практиковался Иоанном Вергуновым и ранее, о чем свидетельствует его письмо обдорскому священнику Василию Скосыреву от 25 ноября 1818 г. Получив от архиепископа Тобольского и Сибирского Амвросия предложение перевести на остяцкий язык Катехизис, благочинный Иоанн Вергунов переадресовал его Василию Скосыреву, послав в помощь переведенные со славянского на русский «десять заповедей» (Исх. 19:10–25): «Предложил мне, чтоб перевести Катехизис на остяцкий разговор, а посему я, препровождая к вам переведенные десять заповедей с славянского на русский язык, предписывая вам оный перевести в самоскорейшем времени и доставить ко мне незамедля на остяцком языке, ибо вы, как известно мне, что совершенно знающие во оном языке, и можете исправно перевести» (Церкви Обдорска. С. 161).

на русский язык и как попытка донести смысл евангельского слова людям другой культуры и принципиально иной языковой среды.

Отметим лишь некоторые особенности этого неканонического перевода.

Во-первых, в ряде случаев русский перевод носит толковательный характер: «ангел (это имя служителя Божия)» (Мф. 1:20), «пророк есть тот, который сказывает вперед» (Мф. 1:22), «сатана (имя дьяволского начальника)» (Мф. 4:10), о язычниках — «те, которые кланяются шайтану» (Мф. 6:7); «ослица (которая по виду есть как лошадь)» (Мф. 21:2).

Во-вторых, уже в русский текст вводятся понятия и реалии, которые, по мысли переводчиков, будут понятны осязкам на их родном языке. К примеру, царствие небесное = золотое (или светлое) небесное жилище (Мф. 3:2; 4:23), евангельские плоды = ягоды (Мф. 3:10); волхвы = ученые люди (мудрецы) (Мф. 2:1); восток = солнцевосходная сторона (Мф. 2:2); вождь = начальник (Мф. 2:6); пустыня = пустое место (Мф. 3:1); акриды = зверки, род комаров (Мф. 3:4); рыбаки = рыбные промышленники (Мф. 4:18); комната = юрта (Мф. 6:5); житницы = лабазы (Мф. 6:26); змея = кусливый зверек (Мф. 7:10) или ползающий по земле кусливый зверек (Мф. 10:16); норы = гайна (Мф. 8:20); риза, одежда = шуба (Мф. 9:16); сосуды = кужмы (Мф. 13:48); сень = изба из листьев древесных (Мф. 17:4); овцы = олени (Мф. 18:12), верблюды = лось (Мф. 19:24); виноградник = огород (Мф. 20:1–2, 21:28), динарий = серебряный рубль (Мф. 20:10; 22:19), голуби = крылатые птички (Мф. 21:12), смоковница = одно дерево, на котором растут ягоды (Мф. 21:19), дерево, на котором родятся ягоды (Мф. 24:32); притча = сказка (Мф. 21:33), фарисеи = ученые; мята, анис и тмин = душистые травы (Мф. 23:23), елей, масло = жир (Мф. 25:4, 8, 10), пять талантов = пять серебряных рублевиков (Мф. 25:15–17), другие пять талантов = другие барышные пять рублевиков (Мф. 25:20); талант = серебряной рублевик (Мф. 25:25), пасха = великий святой обед (Мф. 26:2); первосвященники = архиереи, игемон = городской начальник (Мф. 27:2), странники = иноземцы (Мф. 27:7); венец из терния = венец из колючего дерева (Мф. 27:29); укусы = кислый квас (Мф. 27:34; 27:48).

Третья особенность русского перевода также связана с необходимостью сделать евангельский текст понятным для хантов. В целом ряде случаев предлагается даже не перевод с заменой понятий, но адаптированное переложение.

	Церковнославянский текст	Русский текст (по изд. Библейского общества)	Рукопись 1819 г.
Мф. 3:3	Глас вопиющего в пустыни	Глас вопиющего в пустыне	Что он подобен голосу, который от человека рождается в лесе
Мф. 3:12	Соберет пшеницу свою в житницу, плевые же сожжет огнем негасяющим	Соберет пшеницу свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым	Соберет мушья зерна в амбар свой, а траву, на которой родились мушья зерна, сожжет огнем
Мф. 4:23	Проповедая Евангелие царствия	Проповедуя евангелие* царствия (* Благовестие)	Учил в церквах из большой святой книги о небесном жилище
Мф. 5:3	Блажени нищие духом, яко тех есть царствие небесное	Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное	Щасливы те, которые неучены, ибо они на том свете будут щасливо жить во святом месте
Мф. 5:15	Ниже вжигают светильника и поставляют его под спудом, но на свещнице	И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике	Если кто зажигает свечу, то ставит ли ее под закрывку, а ставит на стол
Мф. 5:23	Аще убо принесеси дар твой ко олтарю	И так естли принесешь дар твой к олтарю	А когда будешь жертвовать церкви денгами или свечей
Мф. 6:17	Ты же постяся помажи главу твою, и лице твоей умый	Ты же, постяся, помажь голову твою, и умой лице твое	Есть ли ты хочешь поститься, вычеси голову твою и умой лице твое
Мф. 6:28	И о одежде что печетеса; смотрите крин сельных, како растут, не труждаются, ни прядут	И об одежде что заботитесь? посмотрите на полевья лилии, как оне растут? не трудятся, ни прядут	И об одежде что помышляете? смотрите на растущия цветы в чистых местах, как они растут? Не работают и не делают ниток.
Мф. 7:16	Еда объемлют от терния грозды или от репия смоквы	Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы	Собирают ли когда в талу ягоды, а с березы орехи
Мф. 17:25	Царие земстии, от киих приемлют дани или кинсон?	Цари земные с кого берут дани или подати?	На земле живущие цари с кого берут ясак?
Мф. 17:27	Обрящещи статир., той взем даждь им за мя и за ся	Найдешь статир, взяв его, отдай им за Меня и за себя	Тут найдешь сребренные деньги, взяв их, отдай зборщикам за мой ясак и за твой ясак
Мф. 22:17	Достойно ли есть дати кинсон Кесареви	Следует ли платить подать Кесарю	Должны ли платить есак Царю

В-четвертых, в русском переводе была существенно снижена высокая стилистика евангельского текста. Если сторонники перевода Священного Писания на русский язык считали церковнославянский

устаревшим и слишком сложным для понимания широким кругом верующих, то для новопросвещенного народа тем более требовалась простота и ясность изложения. Поэтому в переводе 1819 г. находим такие выражения:

Мф 2:10	Возрадовашася радостию велиею зело	Возрадовались весьма великою радостию	Шибко обрадовались етому делу
Мф 2:12	Иным путем отидоша во страну свою	Иным путем отправились в страну свою	пошли бы другою дорогою восвоясы
Мф 2:16	Разгнеवासя зело	Весьма разгневался	Шипко осердясы

Анализ хантыйского перевода мы оставляем его будущим исследователям-специалистам. Сошлюсь только на некоторые оценки, высказанные новосибирским исследователем истории хантыйского языка доктором филологических наук Натальей Борисовной Кошкаревой, которая по моей просьбе ознакомилась с фрагментами хантыйского перевода. В частном общении она отметила, что «это важный источник для изучения истории хантыйского языка, позволяющий проследить эволюцию некоторых языковых категорий. Как известно, языки, не имеющие длительной письменной истории, характеризуются свободным варьированием в выражении тех или иных категорий, быстрой (на протяжении жизни одного поколения носителей языка) сменой или ломкой парадигм. Интересно было бы проследить на основе этой рукописи объем и тип грамматических парадигм, степень их преемственности на протяжении 200 лет. Вторых, большой лингвистический интерес представляет выражение на хантыйском языке таких абстрактных понятий, как “зло”, “добро”, “грех”, “добродетель”, “совесть”, “ложь”, “правда”, “искушение” и под., которыми хантыйский язык исконно не располагает. Способы их передачи на хантыйский язык могут дать представление о возможных путях пополнения лексического запаса, связанного с появлением стилистически нормированного письменного литературного языка».

Какова же была судьба этого перевода?

По всей видимости, с нашей рукописи был сделан новый беловой список, с учетом всей редакторской правки. Вместе с переводами на вогульский язык Петра Фелицына он был отправлен в Петербург в Библейское общество, оттуда передан в цензурный комитет, где оба перевода были признаны неудовлетворительными и в апреле 1821 г. их возвратили в Тобольск с предписанием исправить в соответствии с замечаниями. Однако переводчики этому распоряжению духовных властей не последовали и больше своих переводов не представляли.²⁸

²⁸ Белобородов В. К. Вергуновы. С. 69–70.

Этот итог переводческих трудов был типичным для своего времени, достаточно вспомнить непростую судьбу переводов знаменитого алтайского миссионера архимандрита Макария (Глухарева), архиепископа Иркутского и Нерчинского Нила (Исаковича), воспоминания которого были положены в основу известного рассказа Н. С. Лескова «На краю света».



А. Х. Элерт. 2012 г.

О том, что перевод Иоанна Вергунова и Федора Карпова не вошел в местный церковный обиход, свидетельствует и судьба рукописи, в конечном итоге попавшей в ГИМ. Уже в середине XIX в. она попала в собрание известного московского коллекционера Павла Васильевича Шапова (1848–1888). Тогда она получила и ныне существующий переплет (размер 36,2 × 22 × 3 см; видимо, ранее тетради были просто сброшюрованы) — картонный, обтянутый светло-коричневой кожей с простой тисненой рамкой в виде двух тонких параллельных линий по краям крышек переплета, с выполненным золотым тиснением суперэкслибрисом на верхней крышке переплета: «БПВЩ» (в овале)²⁹ и золотым тиснением на корешке: «Евангелие отъ Матфея».

Точно такой же переплет нам удалось обнаружить на одной из книг собрания П. В. Шапова, ныне хранящегося в ГИМ: № 808 (Правило пасхального круга, или краткое наставление, как разуметь и употреблять церковную нашу Пасхалию. М.: Синодальная типография, 1805). На верхней крышке этого переплета над суперэкслибрисом помещена бумажная наклейка с названием книги, как на подавляющем большинстве книг библиотеки П. В. Шапова. Это позволяет предположить, что овальный суперэкслибрис относится к первоначальным способам маркировки собрания, а рукопись 1819 г. — к ранним приобретениям Шаповского собрания.

Однако эта рукопись не отвечала главным коллекционерским пристрастиям владельца: он собирал преимущественно книги старой печати. Видимо, по этой причине она перешла к другому коллекционеру — известному этнографу и слависту, секретарю Общества истории и древностей российских при Московском университете, собира-

²⁹ Экслибрисы и штемпели частных коллекций в фондах Исторической библиотеки. М., 2001. С. 92.

телю памятников севернорусской и старообрядческой письменности Елпидифору Васильевичу Барсову (1836–1917). В его собрании березовская рукопись не была случайной;³⁰ судя по другим памятникам, вошедшим в его собрание, ученого интересовала история Поволжья, Урала и Сибири и миссионерства. Так, он приобрел рукопись начала 1820-х гг. на пермском языке «От Матфея благовестие, переведенное с русского на пермской язык Соликамскаго духовнаго правления третьяго благочиния села Егвинскаго Николаевской церкви иереем Феодором Любимовым. Ноября ... дня 1821-го года»,³¹ рукопись конца XVIII в. «Права мунгальских и калмыцких народов»,³² «Очерки бедствий Далматовского монастыря и края, к нему прилежащего. 1644–1742 г.»,³³ рукопись Степана Марморисова 1850 г. «Сказание о достопримечательных предметах на пути от верховья р. Лены в Якутск, о состоянии Якутска во всех отношениях и о жителях оногo, как русских, так и туземных»,³⁴ среди собранных Барсовым материалов по этнографии находятся списки очерков об инородцах Томской губернии, камчадалах, алтайцах.³⁵

В 1914 г. значительная часть собрания Е. В. Барсова, в том числе и рукопись 1819 г., была приобретена Историческим музеем на средства, завещанные музею одним из его основателей историком И. Е. Забелиным.

Новонайденная рукопись Евангелия на хантыйском языке 1819 г. представляет собой бесценный уникальный источник для изучения истории хантыйского языка, на сегодняшний день являющийся древнейшим для этой письменной традиции памятником. Рукопись имеет большое историческое значение как свидетельство о стремлении к просвещению коренных народов Сибири, а также о миссионерской работе Русской Православной Церкви в этой среде.

Список литературы

- Апостолы Нового времени: Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в XVII – начале XX в. Каталог выставки / Автор-сост. Е. М. Юхименко. М., 2004. 127, [1] с.
Белобородов В. К. Вергуновы // Югра. 2002. № 7. С. 68–71.

³⁰ В рукописном описании собрания Е. В. Барсова, составленном при участии владельца, источник поступления книги не указан (ОР ГИМ. Собр. Барсова. № 2787/1. Л. 231).

³¹ ОР ГИМ. Собр. Барсова, № 82.

³² ОПИ ГИМ. Ф. 450. Ед. хр. 182.

³³ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Ед. хр. 685.

³⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Ед. хр. 714.

³⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Ед. хр. 825.

- Вергунова Е.* Священническая династия Вергуновых // Сибирская православная газета. 2012. № 1 (<http://www.ihtus.ru/012012/st11.shtml>).
- Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет, на славянском и русском языке / Иждивением Российского Библейского общества. СПб., 1821. 821 с.
- Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. 325, [2] с.
- Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. 306 с.
- Клепиков С. А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII–XX вв. М., 1978. 236 с.
- Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше; пер. с нем. А. Х. Элерт. М., 2009. 456 с.
- Отчет Комитета Тобольского отделения Российского Библейского общества за 1820 г. СПб., 1821. 37 с.
- Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века: Материалы для истории местных сообществ азиатской России / Сост., вступ. ст. и коммент. С. В. Турова. Тюмень, 2004. 461 с.
- Путевые дневники миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.) / Сост. В. Темплинг. Тюмень, 2001. 207 с. (Сибирский раритет. Вып. 1).
- Редин Д. А.* Три столетия академических исследований Югры: От Миллера до Штейница // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2006. № 41. С. 271–297.
- Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А.* Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск; Ижевск, 2016. 348 с.
- Церкви Обдорска: Летопись в документах. Вып. 1: Васильевская церковь (1746–1824) / Ред.-сост. В. Я. Темплинг. Тюмень, 2005. 360 с. (Сибирский раритет. Вып. 6).
- Цысь О. П.* Научная деятельность православного духовенства тобольского Севера в XIX – начале XX в. // Историко-педагогические чтения. 2013. № 17. С. 634–644.
- Штейниц В.* Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Т. 1: Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.; Л., 1937. С. 193–227.
- Экслибрисы и штемпели частных коллекций в фондах Исторической библиотеки. М., 2001. 119 с.
- Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. 245 с.

Д. А. АНАНЬЕВ

Институт истории СО РАН, Новосибирск

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируются работы современных немецких историков-сибиреведов, испытавших влияние «лингвистического» и «культурного» поворота в историографии и уделяющих значительное внимание изучению духовной культуры сибирского населения (в частности, такой фундаментальной категории культуры как «пространство»), проблемам самовосприятия и самосознания индивидов и социальных групп. Установлено, что в числе основных факторов, влиявших на восприятие Сибири как историко-географического пространства и определявших способы идентификации и самоидентификации сибирского населения, немецкие историки называют географические и культурные особенности региона, сложный этнический состав населения, роль местной интеллектуальной элиты, изменения в правительственной политике.

Ключевые слова: немецкая историография, история Сибири, социокультурные процессы, «ментальное освоение», «региональное сознание», «идентичность».

В современном немецком сибиреведении, испытавшем влияние «лингвистического» и «культурного» поворотов, пристальное внимание уделяется изучению социокультурных процессов в дореволюционной Сибири, в частности, проблемам самовосприятия сибиряков, формированию «регионального сознания» и понятию «сибирской идентичности».¹ Повышенный интерес зарубежных исследователей к данной теме во многом обусловлен характерной для последних десятилетий актуализацией регионалистского дискурса, а также ростом регионального самосознания в Сибири.

В немецкой историографии указанную проблематику изучает, в частности, выпускник Кельнского университета Ст. Штух.² Следуя в русле конструктивистского подхода, историк рассматривает «регион» как ментальный конструкт, которому соответствует вполне конкретное содержание; условная «плоскость», на которую проецируются определенные желания и представления людей, даже если они в итоге так и не будут воплощены в реальность. Понятие «региональное сознание» Ст. Штух связывает с признанием своеобразия и един-

¹ Ремнев А. В. Национальность «сибиряк»: Региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // *Полития*. 2011. № 3. С. 109–128.

² *Stuch St. Regionalismus in Sibirien im fruehen 20. Jahrhundert*. Koeln, 2003; *Stuch St. Regionalismus in Sibirien im fruehen 20. Jahrhundert // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 2003. Bd. 51. H. 4. S. 549–563.

ства того или иного региона в сравнении с другими областями или в противопоставление с территориальными образованиями, имеющими более высокий статус.

По мнению Ст. Штуха, «региональное сознание» сформировалось в Сибири к началу XX в. — факт, с его точки зрения, не могущий не вызывать удивления, если принять во внимание колоссальность географического пространства, его физическую гетерогенность, культурно-этническое многообразие населения, а также слабый уровень взаимодействия между различными социальными группами ввиду низкого уровня грамотности и недостаточно развитой сети коммуникаций. Историк, впрочем, признает, что более развитыми и устойчивыми были связи между образованными кругами сибирского общества (прежде всего в городах), чему немало способствовала периодическая печать.

Ст. Штух полагает, что формированию регионального сознания способствовали многие факторы, в том числе распространение топонима «Сибирь» по мере продвижения русских на значительную часть североазиатских территорий; создание системы управления, представители которой рассматривали присоединенные территории как единое целое вплоть до XIX в.; формирование соответствующих ментальных образов Сибири (в сознании не только жителей региона, но и населения Европейской России — например, образ региона как «колонии»); сложившееся к началу XX в. представление о сибиряках как отдельном этносе с особым характером.

Менее значимым фактором Ст. Штух называет развитие «сибирской культуры», которая, в силу своей тесной зависимости от русской культуры, мало способствовала осознанию регионального неравенства. Весомую роль играло самосознание сибиряков, хотя оно не могло быть надежной основой для политической мобилизации всех жителей региона, поскольку относилось прежде всего к русскому населению, имевшему сибирские корни. Немецкий историк убежден, что наиболее важной детерминантой регионального сознания к началу XX в. было «дискриминационное сознание», проявившееся в образе Сибири как «колонии» или «падчерицы России» и содержащее в себе опыт, приобретенный общественной элитой Сибири в условиях автократической системы. Примечательно, что, в отличие от Ст. Штуха, современный российский исследователь А. В. Ремнев указывал на стихийность формирования регионального самосознания, на основе которого местные интеллектуалы конструировали «региональную идентичность».³

³ Ремнев А. В. Национальность «сибиряк».



А. Х. Элерт (второй слева) на экскурсии в Галле, 13 ноября 2005 г.
Фото И. В. Тункиной

Современные немецкие историки также используют понятие «идентичность», изучая проблемы самовосприятия, идентификации и самоидентификации различных групп сибирского населения. В исследовательской литературе «сибирская идентичность» традиционно понимается как основанная на общности территории, на которой проживают люди, и, соответственно, определяется как «территориальная» или «региональная».⁴ По мнению немецкой исследовательницы Э.-М. Столберг (Штольберг), важнейшим фактором, повлиявшим на формирование «сибирской идентичности», являлось наличие «подвижной границы» или «фронтира», т. е. специфические географические и культурные условия, а решающую роль в освоении Сибири играл деятельный индивид.⁵

Как полагает Э.-М. Столберг, русские переселенцы в Сибири были не менее свободолюбивы, чем североамериканские колонисты, хотя Россия и Сибирь традиционно ассоциируются с самодержавием, крепостным правом, каторгой и ссылкой, а с освоением американского Запада связано стереотипное представление о свободолюбивом американском народе. В действительности, замечает исследовательница,

⁴ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: Предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск, 2012.

⁵ Stolberg E.-M. *Sibirien: Russlands «Wilder Osten». Mythos und Soziale Realität im 19. und 20. Jahrhundert.* Stuttgart, 2009. S. 357.

американский Запад в не меньшей степени был «царством насилия», но это было насилие индивидов, тогда как в Сибири преобладало насилие государства. В этом Э.-М. Столберг усматривает существенное различие между американским и сибирским «фронтиром», хотя в обоих случаях подтверждалось правило, что гражданские добродетели на периферии развиты слабо.

В современном немецком сибиреведении применяются методы и понятия «исторической имагологии», изучающей вопросы формирования «стереотипов» и «автостереотипов» сознания, восприятия национальных и географических «образов». В междисциплинарных исследованиях предметом изучения могут быть «репрезентации» не только Сибирского региона в целом, но и связанных с ним отдельных событий, персоналий, явлений и пр. Так, например, значительное внимание немецкими историками уделяется «образам» и «репрезентациям» Транссибирской магистрали, анализу связанных с ней «мифов».⁶

В диссертации Э.-М. Столберг, соединившей подходы «новой культурной и социальной истории», «миф Транссиба» рассматривается в контексте социально-экономических процессов, связанных с колонизацией и модернизацией Азиатской России, а также геополитических реалий в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже XIX–XX вв. Воспринимая Транссиб как «двигатель “модерного” империализма», который в России для осуществления своих целей (идеологических, политических, экономических и военных) использовал самые разнообразные технологии, немецкая исследовательница также называет магистраль инструментом «культурного империализма», призванным «доставить христианскую любовь и просвещение в Азию».

Со строительством Сибирской железной дороги автор связывает и имперский дискурс XIX в., и понятия «национального престижа», «мировой державы», «мирового рынка», а также представление о предназначении России, которое заключалось в распространении христианства и цивилизации на Востоке. Исследовательница отмечает символические аспекты «мифа Транссиба», который воплощал собой идею «национального единства» центра и периферии, маскируя напряженные отношения между самодержавием и силами, подерживавшими региональную автономию.

По заключению Э.-М. Столберг, уже ко времени празднования 300-летия присоединения Сибири идея строительства магистрали

⁶ См., например: *Neutatz D. Der Traum von der Transsib: Visionen, Wunsche, Praesentationen und Wahrnehmungen 1857–1914 // Образы Сибири: Концептуализация русского Северо-Востока в культурологии. Научные доклады. Иркутск, 2005. С. 179–203.*

приобрела статус «национальной идеи», являясь, в сущности, выражением того колониационного процесса, который В. О. Ключевский считал «основным фактом» русской истории. Празднества, которые устраивались в сибирских городах во время «восточного путешествия» цесаревича Николая Александровича, символизировали, по определению исследовательницы, «ритуализацию и иконизацию русской нации на азиатской окраине».⁷

В монографии Ф. Б. Шенка, соединившего концепции и подходы «новой культурной и социальной истории», «новой имперской истории», «социологии пространства», исследуется вопрос об изменении социально-пространственных структур, происходивших в связи со строительством и использованием железных дорог в крупнейшей континентальной империи мира.⁸ Полагая, что развитие транспортных коммуникаций ведет к радикальному изменению способов организации социума и пространства, Ф. Б. Шенк стремится показать — в самом общем смысле — как технический прогресс и, в частности, строительство Транссибирской магистрали изменило культурные практики, политическую власть и социальный порядок. Не отказываясь полностью от модернизационной парадигмы, немецкий историк, оперирующий понятием «модерна», приходит к выводам, которые по выражению И. В. Нарского, «далеки от европоцентристского песимизма в отношении российской модернизации».⁹

В представлении немецких исследователей одним из важнейших инструментов социокультурной интеграции Сибири в общеимперское пространство являлось *научное изучение региона*.¹⁰ Определению вклада западноевропейских ученых, путешественников и мореплавателей в исследование Северной Азии посвящены, например, работы Г. Робеля, У. Германа, Д. Дальмана, В. Хинцше, К. Кюнтцель-Витт и др.¹¹ Высокая оценка роли немецких ученых и значения организо-

⁷ *Stölberg E.-M.* Sibirien: Russlands «Wilder Osten». S. 84.

⁸ *Schenk F. B.* Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. Stuttgart, 2014. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. № 82).

⁹ *Нарский И. В.* Rec. ad op.: Schenk F. B. Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, no. 82.) Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. 456 p. // Российская история. 2016. № 5. С. 208–212.

¹⁰ Данный вывод разделяют и отечественные историки. См., например: *Элрт А. Х.* Немецкие ученые-путешественники и научное открытие Сибири // История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009. С. 13–28.

¹¹ *Gehrmann U.* Казачество восточных регионов России в освещении немецких источников XVIII века // Australian Slavic and East European Studies. 1993. Vol. 7. № 1. P. 91–110; *Robel G.* Der Wandel des deutschen Sibirienbildes im 18. Jahrhundert // Canadian-American Slavic Studies. 1980. Vol. 14. P. 406–426; *Hintzsche W.* German Scholars and the

ванных ими экспедиций «для создания более точной картины мира» содержится в исследовании У. Грабоша. С именем Г. Ф. Милера историк связывал «новые пути в развитии исторической науки».¹²

Кристина Кюнтцель-Витт отметила огромный вклад Г. Ф. Миллера не только в изучение сибирской истории, но и в распространение знаний о Сибири за пределами Российской империи. Именно Г. Ф. Миллер отстаивал идею, что приобретение Сибири возвысит Россию до статуса великой державы и поставит на один уровень с Англией и Францией; он же одним из первых ратовал за возвращение Приамурья и предлагал переселить крестьян на земли, лежащие между реками Иртыш и Аргунь, чтобы было кому защитить российские территории в случае вторжения Китая (предложение, отвергнутое Екатериной II как слишком смелое для своего времени).

Важный вывод сделан исследовательницей относительно различий в восприятии русскими и европейцами проблемы присоединения Сибири и ее значения для Российской империи. В Европе «завоевание» Сибири с самого начала воспринималось как значительное приобретение, способствовавшее усилению могущества Российского государства. В самой России отношение к данному вопросу, по мнению К. Кюнтцель-Витт, было куда более сдержанным. Для русских «завоевание» Сибири выглядело, скорее, «естественным» продолжением процесса территориальной экспансии, к тому же Западная Сибирь отнюдь не казалась неведомой, экзотичной землей, да и ландшафт всей Сибири по большей части представлялся хорошо знакомым, узнаваемым.

Теме «ментальной интеграции» Сибири посвящена монография современной немецкой исследовательницы Клаудии Вайсс,¹³ по заключению которой в XVIII и первой половине XIX в. Сибирь воспринимали как далекую колонию и называли «русским Перу», а начиная со второй половины XIX в. в регионе видели «ключ к имперскому могуществу» России. Прекрасно осознавая открывающиеся возможности для извлечения прибылей, российская элита сумела интегрировать (или «присвоить») самую отдаленную из окраин империи,

Exploration of Siberia and Alaska // *Science under Sail: Russian Exploration in the North Pacific, 1728–1867: Cook Inlet Historical Society Symposium* (Anchorage, Alaska, October 13–14, 2000). Anchorage, 2000. P. 1–9; *Küntzel-Witt K. Sibirien in der Historiographie des 18. Jahrhunderts* // http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/; *Dahlmann D. Sibirien: Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn, 2009.

¹² *Grabosch U. Studien zur deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*. Halle (Saale), 1985. S.113–117.

¹³ *Weiss C. Wie Sibirien «unser» wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19. Jahrhundert*. Goettingen, 2007.

поставив бывшую «колонию» на один «ментальный» уровень с метрополией, что позволило называть Сибирь «нашей».

К. Вайсс подчеркивает, что данный процесс совпал по времени с ростом национализма в Европе, при этом новая националистическая идеология несла на себе отпечаток европейских ценностей и норм. «Национальная идентичность» России обнаруживала явный дефицит европейских ценностей и выглядела по западным меркам «неполноценной», однако Сибирь, благодаря своим размерам и потенциалу, помогла России преодолеть данный недостаток, обогатив ее образ «имперской составляющей». Так возникла, по определению К. Вайсс, «имперски-ориентированная идентичность» России, в рамках которой Сибирь мыслится как ее «неотъемлемая часть».

Во всех этих взаимосвязанных процессах, изменивших представления о Сибири в XIX в., большую роль играло Русское географическое общество, которое характеризуется исследовательницей как «место встречи» научной общественности и просвещенной бюрократии, оказывавшее заметное влияние на общественное мнение, настроения элиты и первых лиц государства. Благодаря своей научно-исследовательской деятельности, РГО сумело, среди прочего, изменить представления о Сибири, сформировать новый образ региона. При этом К. Вайсс не разделяет распространенного в историографии мнения о том, что РГО было создано как инструмент крепнувшего национализма. По мнению исследовательницы, научная и общественная деятельность РГО с самого начала служила не националистическим настроениям русской элиты, а имперским целям Российского государства, способствуя его территориальной и военной экспансии (с соответствующим научным подкреплением).

В период вице-президентства М. Н. Муравьева происходило «ментальное освоение» Сибири как региона, имевшего первостепенное значение для укрепления имперского могущества. Такая «ревалюация» Сибири была связана с переосмыслением возможностей использования ее потенциала, что продемонстрировал общественности, в частности, А. Ф. Миддендорф.¹⁴ Анализ имперских целей в рамках РГО способствовал развитию «сибирского дискурса», с выявлением специфических черт Сибири, отличавших ее от остальных регионов России. Стремление к дальнейшей интеграции Сибири в общеимперское пространство привело к борьбе за развитие ее инфраструктуры (при активном участии П. П. Семенова-Гян-Шанского), и в итоге — к строительству Транссибирской магистрали.

Немецкая исследовательница, сотрудница Университета им. Гумбольдта Сюзанна К. Франк рассматривает освоение Сибири как часть

¹⁴ Weiss C. Wie Sibirien «unser» wurde. S. 54–65.

общевропейского колониационного процесса. Изучив обширный литературный, историографический, этнографический и культур-философский материал, С. Франк обозначила «дискурсивные стратегии», обеспечившие «символическое и функциональное присвоение» русскими Сибири в период между XVII и XX вв. Итогом данного процесса, по оценке исследовательницы, стало символическое превращение Сибири из периферийной пограничной территории в неотъемлемую часть российского «квазиимперского пространства, воспринимаемого как единое целое».¹⁵

Таким образом, в современной немецкой историографии вопросы социокультурного развития дореволюционной Сибири анализируются многими авторами в контексте проблемы «интеграции» или «инкорпорации» Сибири в общеимперское пространство, в том числе рассматривается «ментальное», «символическое» измерение процесса (К. Вайсс, С. Франк). По сути, проблеме «интеграции» посвящены исследования по истории научного изучения Сибири и Дальнего Востока (Г. Робель, Э. Доннерт, У. Грабош, Д. Дальман, В. Хинцше и др.). Значительное внимание немецкими историками уделяется проблемам идентификации и самоидентификации различных групп сибирского населения (пришлого и коренного), развитию «регионального сознания» и «сибирского регионализма» (С. Штух). В числе основных факторов, влиявших на восприятие Сибири как историко-географического пространства, англо- и немецкоязычные историки называют географические и культурные особенности региона, сложный этнический состав населения, роль местной интеллектуальной элиты, изменения в правительственной политике.

Список литературы

- Анисимова А. А., Ечевская О. Г.* Сибирская идентичность: Предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск, 2012. 176 с.
- Ремнев А. В.* Национальность «сибиряк»: Региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // *Полития*. 2011. № 3. С. 109–128.
- Элерт А. Х.* Немецкие ученые-путешественники и научное открытие Сибири // *История и этнография немцев в Сибири*. Омск, 2009. С. 13–28.
- Dahlmann D.* Sibirien: Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn, 2009. 464 S.

¹⁵ *Frank S. K.* Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur. Paderborn, 2012.

- Frank S. K.* Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur. Paderborn, 2012. 448 S.
- Gehrmann U.* Казачество восточных регионов России в освещении немецких источников XVIII века // Australian Slavic and East European Studies. 1993. Vol. 7. № 1. P. 91–110.
- Grabosch U.* Studien zur deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Halle (Saale), 1985. 312 S.
- Hintzsche W.* German Scholars and the Exploration of Siberia and Alaska // Science under Sail: Russian Exploration in the North Pacific, 1728–1867: Cook Inlet Historical Society Symposium (Anchorage, Alaska. October 13–14, 2000). Anchorage, 2000. P. 1–9.
- Küntzel-Witt K.* Sibirien in der Historiographie des 18. Jahrhunderts // http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/.
- Neutatz D.* Der Traum von der Transsib: Visionen, Wünsche, Praesentationen und Wahrnehmungen 1857–1914 // Образы Сибири: Концептуализация русского Северо-Востока в культурологии. Научные доклады. Иркутск, 2005. С. 179–203.
- Robel G.* Der Wandel des deutschen Sibirienbildes im 18. Jahrhundert // Canadian-American Slavic Studies. 1980. Vol. 14. P. 406–426.
- Schenk F. B.* Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. Stuttgart, 2014. 440 S. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. № 82).
- Stolberg E.-M.* Sibirien: Russlands «Wilder Osten». Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert. Stuttgart, 2009. 357 S.
- Stuch St.* Regionalismus in Sibirien im fruehen 20. Jahrhundert. Koeln, 2003. 346 S.
- Stuch St.* Regionalismus in Sibirien im fruehen 20. Jahrhundert // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2003. Bd. 51. H. 4. S. 549–563.
- Weiss C.* Wie Sibirien «unser» wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19. Jahrhundert. Goettingen, 2007. 261 S.

В. П. ЗИНОВЬЕВ

Томский государственный университет

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1897 г.

В статье рассматривается межэтническое разделение труда в Амурской области в конце XIX века. Автор на основе данных переписи 1897 г. показывает, что область была объектом колонизации русскими и восточно-азиатскими народами – китайцами и маньчжурами. Пришлые из Европы, в основном русские земледельцы – крестьяне и казаки, рабочие золотых приисков составляли большую часть самодеятельного населения области – 79,3 %. Иностранцы – китайцы, корейцы, японцы составляли 14,1 %, местные этносы – тунгусы и маньчжуры составляли около 6,5 % работников. Большая их часть также занималась земледелием. Городскими этносами были, наряду с русскими, немцы, евреи, поляки, японцы.

Ключевые слова: Амурская область, межэтническое разделение труда, хозяйственное освоение, русские, маньчжуры, тунгусы, китайцы, корейцы.

Настоящая статья является продолжением исследования малоизученной проблемы межэтнического разделения труда в Сибири. Начата она Е. В. Карих, которая защитила на эту тему кандидатскую диссертацию, опубликовала монографию и ряд статей о межэтническом разделении труда русских и коренных народов Сибири.¹

Проведенный автором анализ материалов переписи населения Российской империи 1897 г. по Енисейской, Иркутской губерниям, Забайкальской области подтвердил вывод Е. В. Карих о наличии этнического характера разделения труда в Сибири.²

В статье, как и по другим регионам Сибири и Дальнего Востока, анализируются сведения таблицы XXII «Распределение населения

¹ Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. Томск, 2004; Карих Е. В. Экономические связи эвенков и русских на севере Иркутской губернии во второй четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 113–114; Карих Е. В. Этническая структура населения Якутской области в конце XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92–95.

² Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в Енисейской губернии по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2022. № 76. С. 137–141; Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в Иркутской губернии по данным переписи 1897 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 40. С. 40–48; Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2022. № 78. С. 149–154.

по группам занятий и по народностям на основании родного языка» по Амурской области.³ В обобщенном виде они представлены в таблице 1 настоящей статьи. Необходимо дать к ней пояснения. В ней выделены европейские народы, пришедшие в Сибирь, начиная с XVII века, из-за Урала и так называемые коренные народы Сибири: маньчжуры, якуты, тунгусы (эвенки). Татары в таблице не разделены на сибирских, казанских и бухарских, поэтому они все внесены в пришлое население. Правда, в пояснительной статье по Амурской области упоминаются сибирские татары,⁴ но на чем основано это утверждение — не поясняется. Во всяком случае, для Дальнего Востока сибирские татары — элемент пришлый. В таблице также выделены такие пришлые народы, как евреи, немцы, поляки, которые были заняты преимущественно в промышленности и торговле. Особенностью Амурской области, как и Приморской, было наличие большой группы населения из соседних стран — Китая, Японии и Кореи.

Маньчжуры также числились подданными Цинской империи, хотя проживали на территории Российской империи. Тунгусы (орочаны) кочевали через границу по мере своей необходимости. Итоги рассмотрения племенного состава области представлены во вступительной статье: «К числу постоянных жителей области из перечисленных народностей принадлежат русские, тунгусские племена, китайцы и корейцы, остальные народности носят более или менее случайный характер и принадлежат по большей части к пришлому населению».⁵

Под пришлым населением автор аналитической записки имел в виду тех жителей, которые появились недавно. В моем исследовании пришлым населением считается то, которое появилось со времени присоединения территории области к России, то есть неавтохтонное.

Рубрики таблицы XXII «Род занятий населения» из переписи в таблице 1 были укрупнены, поскольку для анализа межнационального разделения труда не требуется столь подробное разделение рода занятий населения.

Анализ данных таблицы 1 показывает, что в Амурской области перепись 1897 г. учла всего 120306 чел., в том числе 43142 самодеятельных лиц и 77164 лиц, живущих за счет их средств. Таким образом, очевидно наличие большой доли временного населения. Только занятых земледелием можно уверенно считать постоянными жителями области. Один земледelec содержал себя и 3,6 иждивенца, что

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 72: Амурская область. Тетрадь II последняя. СПб., 1905.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. С. XI.

⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. С. XIV.

Таблица 1
 Распределение населения Амурской области по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г.

№	Род занятий населения	Область		Коренные народы Сибири		Тунгусы		Маньчжуры	
		Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельные	Иждивенцы	Самодельные	Иждивенцы
1-3	Управление	419	676	2	0	0	0	0	0
4	Военнослужащие	2941	135	2	2	0	0	4	2
5-8	Служители культуры	151	400	0	0	0	0	0	0
9-12	Образование, наука, культура, медицина	442	496	6	1	1	0	1	0
13	Прислуга	6608	3502	263	360	38	55	212	298
14-15	Работы	1348	1321	22	4	11	2	10	2
16	Арестанты	127	2	1	0	0	0	0	0
17-18	Земледелие и пчеловодство	14887	53191	963	1370	97	258	837	1365
19	Животноводство	179	180	80	159	44	134	3	2
20	Лесные промыслы	265	238	19	12	0	0	1	2
21	Рыболовство, охота	266	760	173	427	167	418	3	6
22-40	Промышленность	10345	8712	714	68	47	3	562	5
41-45	Транспорт и связь	2126	1221	39	21	6	7	2	1
46-62	Торговля	2536	3080	24	11	3	5	11	6
63	Неопределенные занятия	113	12	2	0	0	0	2	0
64	Проституция	117	9	0	0	0	0	0	0
65	Занятия не указаны	203	126	44	30	29	24	5	1
Итого		43142	77164	2787	2304	444	906	2080	1264

№	Род занятий населения	Якуты		Пришлые из Европы		Великороссы		Малороссы		Поляки	
		Само-деятельные	Иждивенцы	Само-деятельные	Иждивенцы	Само-деятельные	Иждивенцы	Само-деятельные	Иждивенцы	Само-деятельные	Иждивенцы
1-3	Управление	0	0	415	672	361	576	42	85	7	7
4	Военнослужащие	0	0	2935	133	2870	125	9	4	6	2
5-8	Служители культа	0	0	149	399	133	375	11	20	0	0
9-12	Образование, наука, культура, медицина	0	0	401	490	332	439	20	20	22	10
13	Прислуга	3	1	4961	3306	4707	2617	449	245	45	14
14-15	Рантье	0	0	1298	1312	1193	1237	61	36	24	10
16	Арестанты	0	0	111	2	104	2	0	0	1	0
17-18	Земледелие и пчеловодство	28	4	12254	47331	9107	32522	3016	15493	11	3
19	Животноводство	32	23	97	21	95	17	1	4	0	0
20	Лесные промыслы	17	10	243	226	206	193	13	31	1	0
21	Рыболовство, охота	3	3	84	332	39	275	2	0	1	0
22-40	Промышленность	101	60	8209	8603	7269	8822	331	600	86	32
41-45	Транспорт и связь	28	12	2050	1199	1824	3034	131	325	26	7
46-62	Торговля	9	0	1345	3036	1251	2819	59	89	23	14
63	Неопределенные занятия	0	0	94	7	96	10	4	1	3	1
64	Проституция	0	0	19	9	19	9	0	0	0	0
65	Занятия не указанные	10	5	144	95	112	80	8	5	5	1
Итого		231	125	33823	71279	29318	53054	4137	16959	258	100

№	Род занятий	Немцы		Евреи		Татары		Китайцы		Японцы		Корейцы	
		Само- дея- тель- ные	Ижди- венцы	Само- дея- тель- ные	Ижди- венцы	Само- дея- тель- ные	Ижди- венцы	Само- дея- тель- ные	Ижди- венцы	Само- дея- тель- ные	Ижди- венцы	Само- дея- тель- ные	Ижди- венцы
1-3	Управление	1	0	1	1	1	0	2	4	0	0	0	0
4	Военнослужащие	0	0	26	0	18	0	2	0	0	0	0	0
5-8	Служители культа	0	0	0	0	1	2	2	1	0	0	0	0
9-12	Образование, наука, культура, медицина	8	6	8	4	3	0	33	4	1	0	1	1
13	Прислуга	22	2	14	16	100	35	1333	191	20	3	31	2
14-15	Рантье	2	1	9	90	5	17	18	3	2	2	8	0
16	Арестанты	0	0	0	0	0	0	15	0	0	0	0	0
17-18	Земледелие и пчеловодство	13	3	2	5	49	6	1408	2287	0	0	261	982
19	Животноводство	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	0
20	Лесные промыслы	1	0	2	0	10	0	9	0	0	0	3	0
21	Рыболовство, охота	0	0	0	0	1	0	9	1	0	0	0	0
22-40	Промышленность	23	5	36	44	126	22	1293	27	52	14	248	0
41-45	Транспорт, связь	15	7	7	6	20	24	34	1	3	0	0	0
46-62	Торговля	15	8	27	52	49	41	1080	11	35	21	7	1
63	Неопределенные занятия	0	0	0	0	1	0	4	0	16	3	0	0
64	Проституция	0	0	0	0	0	0	0	0	98	0	0	0
65	Занятия не указаны	0	0	1	3	10	8	20	1	0	0	4	0
	Итого	103	32	133	130	396	165	5263	2553	205	40	564	988

Источник подсчета: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. С. 32-45.

обеспечивало расширенное воспроизводство рабочей силы. Из общего числа самодеятельного населения 33823 или 78,4 % относились к пришлым европейским народам, 6032 или 14,1 % — к соседним азиатским народам, 2787 или 6,5 % — к сибирским коренным народам, из числа иждивенцев 71379 чел. или 92,5 % относились к пришлым европейским народам, 3581 чел. или 4,6 % — к пришлым азиатским народам и лишь 2304 чел. или 3 % — к коренным народам Дальнего Востока России.

Пришлые из Европейской России были заняты во всех сферах деятельности, более всего — в земледелии — 12264 (36,3 %), в промышленности — 8909 (26,3 %), в услужении — 4961 (14,7 %), существовали за счет ренты 1298 (3,8 %), заняты в торговле 1345 (4,0 %), на транспорте и связи — 1942 (5,7 %), на военной службе — 2935 (8,7 %), в управлении — 415 (1,2 %), в образовании и медицине — 401 (1,2 %) и т. д.

Пришлые из сопредельных азиатских стран были заняты в следующих отраслях народного хозяйства: в земледелии — 1669 (27,7 %), в услужении — 1384 (22,9 %), в промышленности — 1593 (26,4 %), в торговле — 1122 (18,6 %), на транспорте — 145 (2,4 %), проституцией (японки) — 98 (1,6 %) и т. д.

«Русское сельское население делится на казаков и крестьян. Первые поселены по всему левому берегу Амура в конце 50-х и в самом начале 60-х годов, где и занимают плотную полосу, прерываемую лишь на протяжении 66 верст книзу от Благовещенска землями манжуро-китайцев. Крестьянские волости расположены в средней части области, где они занимают плодородные земли, главным образом, между средним и нижним течением Зеи и Буреи, за исключением местности, прилегающей к Амуру. Преобладающую часть русского населения составляют великоруссы (68,47 %), но в области многочисленны и малороссы (17,54 %) процент которых в связи с весьма сильным переселенческим движением из Полтавской губернии постепенно» увеличивался — так описывается расселение русских.⁶ Там же описывается, что тунгусы, разделенные на оленных, манегров и орочанов, кочуют. Однако таблица показывает, что только 214 самодеятельных тунгусов из 444 заняты охотой, рыболовством и скотоводством, остальные — земледелием, промыслами, услугами, что требует постоянного места жизни.

Единственный город области — Благовещенск — был заселен в основном русскими: из 32834 его жителей великороссов насчитывалось 26624 чел., а с малороссами — 28507 или 86,8 %. Преимущественно городскими этносами были в области немцы (96 чел. из 135),

⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. С. XI.



А. Х. Элерт. 2012 г.

евреи (227 из 263), поляки (250 из 358), японцы (232 из 245), буряты (30 из 41). Большая часть самодельных китайцев также находилась в Благовещенске — 2888 из 5263 по области, из 561 татарина 213 также были в городе. Они занимались торговлей, ремеслами и услугами. Тунгусов и маньчжуров в городе почти не было.

Насколько изменился за время нахождения в империи сословный статус населения Амурской области, дает представление таблица XXIV «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям» (см. таблицу 2). Анализ сведений таблицы показывает, что сословная идентичность была прочной у тунгусов и якутов. Великороссы были преимущественно крестьянами, казаками и мещанами, составляя также большинство дворян, купцов и почетных граждан, малороссы были крестьянами, поляки и немцы в своем составе имели относительно большое число дворян и лиц городских сословий — купцов и мещан, евреи в подавляющем числе были мещанами, китайцы, маньчжуры, японцы числились иностранцами, корейцы по большей части перешли в крестьянское сословие и православие в с. Благословенном.

Надо напомнить также, что деление населения в переписи произведено по основным занятиям. Таблица XXIII «Распределение населения, занимающегося сельским или кочевым хозяйством, рыболовством и охотой по побочным промысловым занятиям»

Распределение населения Амурской области по сословиям по данным переписи 1897 г.

Народы	Сословия										Всего
	Дворяне	Купцы и почетные граждане	Мещане	Крестьяне	Казаки	Иногородцы	Ино-странцы	Прочие			
Всего	1862	1349	17075	63604	21569	1713	12703	376			120326
Великороссы	1641	1278	15612	41224	21507	82	213	247			82372
Малороссы	32	19	965	20002	62	0	0	13			21096
Поляки	123	6	107	107	0	0	13	8			458
Немцы	27	12	25	30	0	0	39	2			135
Евреи	0	14	179	19	0	0	0	12			353
Татары	3	8	81	396	0	0	61	19			560
Якуты	0	0	0	2	0	319	0	25			356
Тунгусы	0	0	0	51	0	1284	0	15			1350
Маньчжуры	0	0	0	5	0	0	3339	0			3344
Китайцы	0	4	33	13	0	0	7767	1			7816
Корейцы	0	2	6	744	0	0	498	2			1552
Японцы	5	1	4	3	0	0	231	1			245

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. С. 48-49.

дает представление о масштабах отхожих и побочных промыслах сельского населения, в основном русского по этническому составу (см. таблицу 3). Побочные промыслы крестьян в области были развиты слабо и не составляли конкуренции коренным жителям в охоте и рыболовстве. Заметным было число кустарей — 1139 и занятых извозом — 832.

Таблица 3

Распределение сельского населения Амурской области по побочным промыслам по данным переписи 1897 г.

Отрасли производства	Самодеятельных	Членов семей	Итого
Общее число занятых в сельском хозяйстве	15332	54131	69463
В том числе занимающихся побочными промыслами	2409	964	3373
Из них: земледелием и садоводством	29	19	48
скотоводством	107	3	110
лесными промыслами	179	47	226
рыболовством и морским промыслом	124	30	154
промысловой охотой	163	81	244
горными промыслами	125	0	125
обрабатывающей промышленностью	505	634	1139
строительством	269	56	324
транспортом	684	148	832
торговлей и услугами	224	54	276
черной и поденной работой	82	27	109

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. С. 46-47.

Таким образом, к концу XIX века межэтническое разделение труда в Амурской области еще прослеживалось применительно к тунгусскому этносу, остальное население уже мало различалось по характеру трудовой деятельности в сельской местности. В то же время следует отметить, что коренное население области, как и в других регионах Сибири, чуждалось городов и почти не занималось индустриальным трудом.

Список литературы

- Зиновьев В. П.* Межэтническое разделение труда в Енисейской губернии по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2022. № 76. С. 137–141.
- Зиновьев В. П.* Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2022. № 78. С. 149–154.

- Зиновьев В. П.* Межэтническое разделение труда в Иркутской губернии по данным переписи 1897 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 40. С. 40–48.
- Карих Е. В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. Томск, 2004. 232 с.
- Карих Е. В.* Экономические связи эвенков и русских на севере Иркутской губернии во второй четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 113–114.
- Карих Е. В.* Этническая структура населения Якутской области в конце XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92–95.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 72: Амурская область. Тетрадь II последняя. СПб., 1905. 53 с.

М. Н. КЛИМОВА

Научная библиотека Томского государственного университета

К истории сюжета о РАЗИНЕ и КНЯЖНЕ*

В ряду русских культурных мифов, служащих средством национального самопознания, «разинский миф» один из самых известных. Статья посвящена центральному эпизоду этого мифа — «утоплению персидской княжны», многократно отраженному в литературе и искусстве. Спорные вопросы его генезиса и эволюции рассмотрены в ней с учетом недавних исследований.

Ключевые слова: национальные мифы, русская литература, русский фольклор, Разин Степан Тимофеевич, современники-иностранцы о Разине, жертвоприношения природным стихиям.

В ряду культурных мифов, присутствующих в сознании русской нации в виде устойчивых образных моделей, регулярно воспроизводимых в текстах отечественных авторов и служащих средством национального самопознания, «разинский миф» один из самых известных. Мифологизация образа С. Т. Разина началась еще при его жизни и с течением времени только усиливалась. Так, появлению мистического ореола вокруг его имени и личности поспособствовали и продолжительные воинские успехи Разина, породившие слух о его физической неуязвимости, и прижизненная церковная анафема ему, отмененная лишь в 1917 г., и неистребимость эсхатологических настроений в глубинах русского общественного сознания. Воображению потомков этот мятежный атаман нередко являлся потому в причудливых обличиях персонажей «низшей мифологии» — колдуна-оборотня, духа-хозяина Волги, ходячего покойника, владеющего тайной бесчисленных кладов, великого грешника, лишённого покоя и в могиле, или, напротив, погруженного в сон и ждущего пробуждения неподкупного судьи мирской неправды (с. 28–124). Не менее популярен мифологический Стенька Разин и как герой-любовник, соблазнитель и похититель женщин,¹ что неудивительно, поскольку

* Предлагаемая статья развивает и отчасти уточняет некоторые положения нашей давней работы: *Климова М. Н.* Из истории «русских мифов»: «Стенька Разин и персидская княжна» // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX веков. Новосибирск, 2004. С. 223–233. Возвращение к этой теме связано с появлением за минувшие два десятилетия нескольких принципиально важных исследований по данному вопросу, прежде всего — фундаментальной монографии фольклориста С. Ю. Неклюдова. См.: *Неклюдов С. Ю.* Легенда о Разине: Персидская княжна и другие сюжеты. М., 2016. Далее ссылки на это издание даны в основном тексте в круглых скобках; по этому же изданию приводятся и цитаты.

¹ Так, именно он был изначально героем грубоватой баллады «Удалец» (1882) С. Ф. Рыскина, ставшей после фольклорной «обкатки» популярной народной песни «Живет моя отрада...» (с. 293).

любовная линия (нередко с трагическим исходом) с древности была неотъемлемой частью разбойничьих историй, литературных и фольклорных. И все же главным итогом трехвекового бытования этого мифа явилось то, что его герой, заслонив собой в сознании нации всех других вожаков русского бунта, стал воплощенным стремлением народной души к дикой, ничем не ограниченной воле и пугающей широты этой души. С наибольшей силой эту мысль выразил известнейший из разинских сюжетов — «утопление персидской княжны», о котором и пойдет речь далее.

В наследии М. И. Цветаевой есть стихотворение, обычно называемое его первой строкой: «За девками доглядывать, не скис...» (1916). Одно из ранних цветаевских обращений к отечественной истории, оно являет собой опыт поэтической реконструкции повседневной жизни молодой женщины допетровской Руси — жизни замкнутой, строго регламентированной, небогатой внешними событиями. Вот его последнее четверостишие:

И странница, прихлебывая квас
Из ковшика, на краешке лежанки
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.²

По мысли поэта, этот сказ должен был в какой-то мере восполнить дефицит любовной романтики в скудной впечатлениями жизни наших давних соотечественниц. В русском массовом сознании бытует сходное представление — история о Разине и княжне известна в народе давным-давно, едва ли не со «Стенькиных времен». Но, как нам уже приходилось писать, это заблуждение. Народные песни и предания разинского цикла молчат о злосчастной персиянке до середины XIX века. Нет упоминаний о ней ни в приговоре Разину, хотя другие его злодеяния изложены там весьма подробно, ни в персидских исторических материалах к его хвалынскому походу.

Единственным подтверждением реальности данного эпизода долгое время оставался фрагмент книги «Три путешествия» (1676) голландца Я. Я. Стрейса (1630–1694), в ту пору корабельного мастера на русской службе. Приведем этот фрагмент:

В один из последующих дней, когда мы второй раз посетили казачий лагерь, Разин пребывал на судне, с тем чтобы повеселиться, пил, бражничал и неистовствовал со своими старшинами. При нем была персидская княжна, которую он похитил вместе с ее братом. Он подарил юношу господину Прозоровскому, а княжну принудил стать своей любовницей. Придя в неистовство и запьянев, он совершил следующую необдуманную жестокость и, обратившись к Волге, сказал: «Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести, славы, и тьфу! на меня за

² *Цветаева М.* За девками доглядывать, не скис... // *Цветаева М.* Избранные произведения. 2-е изд. М.; Л., 1965. С. 78. (Библиотека поэта. Большая серия).

то, что я до сих пор не принес ничего в жертву тебе. Ну хорошо, я не хочу быть более неблагодарным!». Вслед за тем схватил он несчастную княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил в реку. На ней были одежды, затканые золотом и серебром, и она была убрана жемчугом, алмазами и другими драгоценными камнями, как королева. Она была весьма красивой и приветливой девушкой, нравилась ему и во всем пришла ему по нраву. Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе, а все-таки должна была погибнуть таким ужасным и неслыханным образом от этого бешеного зверя.

В некоторых других вещах он придерживался доброго порядка и особенно строго преследовал блуд. Случилось, что казак имел дело с чужой женой. Стенька, услышав про это, велел взять обоих под стражу и вскоре бросил мужчину в реку; но женщина должна была перенести иное: он велел вбить столб у воды и повесить ее на нем за ноги (с. 441).

Читатели Стрейса (и автор статьи в том числе) обычно воспринимали его рассказы и описания как заслуживающие доверия свидетельства очевидца зоркого и любознательного. Лишь в XX веке было установлено, что информация, полученная от Стрейса, вероятно, в виде кратких заметок и устных рассказов, прошла затем литературную обработку (с. 148–150). Так в описания быта и нравов Московии третьей четверти XVII века вошли пространные отрывки из книги Адама Олеария, побывавшего здесь на 30 лет раньше (плагиатом подобные заимствования в ту пору не считались). Как литературный прием, усиливающий впечатления читателей, могло использоваться изложение какого-либо случая в виде рассказа от лица его очевидцев. Во всяком случае, внимательное чтение эпизода утопления позволяет усомниться в том, что рассказчик был его свидетелем. Во-первых, неясно, откуда Стрейс и его спутники наблюдали гибель княжны, — с берега, с другого судна или со струга Разина, поскольку общий план показа этой сцены, как в кино, все время укрупняется. Во-вторых, упоминание роскошного, украшенного драгоценностями наряда несчастной красавицы стоит в тексте «не на месте», уже после ее утопления, хотя очевидцу эта деталь, значение которой будет объяснено позднее, бросилась бы в глаза гораздо раньше. Отметим, наконец, что повествователь не понял смысл будто бы увиденного им, попытка же объяснить жестокость атамана опьянением идет вразрез авторскому заявлению о строгой дисциплине в стане разинцев.

«Три путешествия» Я. Я. Стрейса имели успех, их переводили на другие европейские языки и многократно переиздавали. Иным оказался путь книги к русскому читателю, заверченный лишь в 1935 году. Заказанный Петром I перевод ее с голландского языка был неудачен и в свет не вышел, в распоряжении же ее переводчика с французского (1719) не оказалось тома о Московии. Прочсть об этом случае на родном языке русский читатель впервые мог только

в статье А. О. Корниловича о Стрейсе³ по сокращенному переводу с французского отрывков его книги. Приведем соответствующий фрагмент:

Мы видели его на шлюпке, раскрашенной и отчасти покрытой позолотой, пирующего с некоторыми из своих подчиненных. Подле него была дочь одного персидского хана, которую он с братом похитил из родительского дома во время своих набегов на Кавказ. Распаленный вином, он сел на край шлюпки и, задумчиво поглядев на реку, вдруг вскрикнул: «Волга славная! Ты доставила мне золото, серебро и разные драгоценности, ты меня взлелеяла и вскормила, ты начало моего счастья и славы, а я, неблагодарный, ничем еще не воздал тебе. Прими же теперь достойную тебя жертву!». С сим словом схватил он несчастную персиянку, которой все преступление состояло в том, что она покорила буйным желанием разбойника, и бросил ее в волны. Впрочем, Стенька приходил в подобные иступления только после пиров, когда вино затемняло в нем рассудок и воспламеняло страсти. Вообще, он соблюдал порядок в своей шайке и строго наказывал прелюбодеяние (с. 447).

Перевод из «Северного архива» выгодно отличается от своего рыхлого в стилистическом отношении и непоследовательного первоисточника не только лаконизмом и стройностью изложения. А. О. Корнилович смягчил и облагородил детали происшествия и приблизил обращение Разина к Волге к языку песенного фольклора. А. С. Пушкин, ранее назвавший знаменитого атамана «единственным поэтическим лицом русской истории», откликнулся на эту статью авторским циклом «Песен о Стеньке Разине». Вошла в него и первая в отечественной литературе обработка сюжета об утоплении княжны.

Феномен разбойничества как социальной язвы Древней Руси и одновременно крайней формы общественного протеста был сквозной темой пушкинского творчества, начиная с поэмы «Братья-разбойники» (1822) до сложного «эффекта двойного зеркала» при изображении русского бунта в «Истории Пугачева» (1833) и «Капитанской дочке» (1836). Упрекнуть в романтической идеализации коллизии «любовь разбойника» их автора нельзя (ср. упоминания о страшной судьбе «молодой Харловой» в его «пугачевских текстах»). Но этот легендарный эпизод разинской биографии поэт радикально переосмыслил. Бессмысленно жестокий поступок пьяного атамана в первой песне цикла превратился в щедрый дар природы широкой и поэтической родственной ему по духу природной стихии. Более того, как заметил С. А. Фомичев,⁴ в тексте цикла этот дар по достоинству оценен: в третьей песне, сюжетно «зеркальной» по отношению к пер-

³ Корнилович А. О. Голландец Ян Янсен Стрейс: Отрывок из Опыта истории путешествия по России // Северный архив. 1824. Ч. 9. № 5. С. 275–290; Северный архив. 1824. Ч. 10. № 7. С. 26–40.

⁴ См.: Фомичев С. А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина: История создания, композиция и проблематика цикла // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 4–20.

вой, «погодушка» сторицей воздаст своему любимцу, возвращая ему при этом и «персидскую царевну». Ср. фольклорные представления об особой связи Разина с Волгой, отраженные в одной из его мифологических ипостасей духа-хозяина великой реки. Предложенное Пушкиным счастливое разрешение трагической коллизии могло, разумеется, осуществиться лишь в мире народного эпоса (ср. возвращение со дна моря былинного Садко), но, по наблюдению С. Ю. Неклюдова, именно из этого цикла пришел в русскую культуру знаменитый зачин легенды с выплывающими «по Волге-реке по широкой» разинскими челнами.

«Песни о Стеньке Разине», запрещенные цензурой при жизни Пушкина, увидели свет лишь в 1881 г. Их автограф не сохранился, изданы они были по списку М. П. Погодина, слышавшего их авторское исполнение на вечере у Веневитиновых в конце 1826 года. Вероятно, ходили по Москве и другие их списки, поскольку отголоски «Песен...» обнаружены в балладе М. Ю. Лермонтова «Атаман» (1831) и ранней повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» (1847).⁵ Повесть почти не заметили, а юношески слабая баллада, безымянный герой которой приказал утопить в Волге свою возлюбленную по ложному обвинению в измене, оказалась первой в ряду многочисленных обработок этого сюжета, движителем действия которых становится ревность. Среди них почти забытые ныне тексты дореволюционной «разинской» беллетристики, «бурлацкая сказка» поэта С. Ф. Рыскина (1888), оперное либретто М. В. Ватсон (1880-е гг.), сценарий немого русского игрового фильма «Понизовая вольница» (1908) и др. Причиной гибели княжны могла стать и отвергнутая ею любовь атамана: «разинские» варианты народной драмы «Лодка» и поэтический триптих М. И. Цветаевой «Стенька Разин» (1917). Но вернемся к середине XIX века.

Важной вехой в эволюции этого сюжета стал выход в свет исторической монографии Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (1857),⁶ впервые в доступной форме, давшей связное изложение жизни легендарного вожака восставших низов, о котором в народе к тому времени сохранились лишь разрозненные полупоэтические упоминания. Написанная с поэтическим вдохновением, она являла ряд ярких картин из жизни Разина, среди которых был и эпизод

⁵ Один из ее героев, Илья Мурин «по-разински» соединяет в себе черты волжского разбойника, колдуна-чернокнижника и кающегося грешника. В стилизованном под фольклор обращении к великой реке он говорит, что готов отдать ей все свои богатства за сохранение его возлюбленной (сюжет об утоплении «наизнанку!»). См.: *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. Л., 1972. С. 298.

⁶ *Костомаров Н. И.* Бунт Стеньки Разина: Исторические монографии и исследования. М., 1994.

утопления, вдумчиво пересказанный по Стрейсу. Предположив, что за образец для поддержания порядка в своей ватаге Стенька взял суровый устав запорожских казаков с запретом на общение с женщинами, Костомаров увидел в его «злодейском поступке» не пьяную выходку, а успешную попытку подавления возможного недовольства товарищей своим нарушением общего правила и укрепления воинской дисциплины. Разговор Разина с Волгой и его «живой подарок» ей историк оценил как воспоминание о давних языческих обрядах человеческих жертвоприношений водной стихии. Имевшая оглушительный успех, книга Костомарова, несомненно, способствовала обновле-



Щучьи страсти.
Новоникольск, начало 1980-х гг.

нию репертуара разинского фольклора. Так, ее влиянием объясняют появление предания, записанного П. И. Якушкиным уже в 60-е гг. XIX века, в котором гибель «персидской султанки» вызвана решением казачьего круга.⁷

Особый вариант того же сюжета услышал в Жигулевских горах во время поездки по России (1858–1859) А. Дюма-отец (с. 451–455). Приведенный им текст напоминает пересказ «разбойничьей повести», в конце которой Разин отдает Волге свою возлюбленную Ольгу, бросив ее тело с берега, с тех пор называемого Девичьим холмом. Перед нами одно из нередких в Поволжье топонимических преданий, в которых название горы (кургана, холма) объясняется гибелью некой девушки, бросившейся или сброшенной оттуда в реку. Общая схема их неизменна, но время действия и герои сильно варьируются (ср., например, балладу «Кудеяр» (1833) В. К. Кюхельбекера). Появление имени Разина в таком контексте уникально и стало следствием оживленного интереса к его личности в фольклоре того времени. Сам же крутой волжский берег стал символом опасностей, подстерегающих свобододлюбивую русскую душу, в отечественной литературе от «Грозы» А. Н. Островского и гончаровского «Обрыва» до «Нижегородского откоса» Б. А. Пильняка.

⁷ Якушкин П. И. Сочинения. М., 1986. С. 326.

Отозвалась книга Костомарова и в творчестве волжских поэтов «народной ориентации» (С. И. Мельников, А. А. Навроцкий, Д. Н. Садовников, С. Ф. Рыскин и др.). Несколько авторских стихов о Разине стали народными песнями, а главная среди них, «Из-за острова на стрежень...», обрела мировую известность. Легшее в ее основу стихотворение рано умершего поэта и ученого-фольклориста Д. Н. Садовникова «Свадьба» (1883) не было первым или последним в ряду поэтических обработок этого сюжета. Но от других текстов этого рода его отличали авторское понимание требований народной эстетики, яркая изобразительность, динамика действия и меткость реплик, отчего текст его вскоре разошелся на цитаты. Претерпев не слишком значительные перестановки и сокращения, оно вошло в песенный репертуар народа так естественно, точно всегда в нем и было. И хотя отдельные пуристы (например, И. А. Бунина) называли эту песню «пошлой и разудалой», в начале XX века ее пела уже едва ли не вся Россия. Отражения ее сюжета появлялись на разных уровнях русской культуры — от живописных работ В. И. Сурикова, Б. М. Кустодива, И. Е. Репина и сценариев ранних игровых фильмов до лубочных листков и рисованных ковриков кустарной работы.

Триумф песни закрепил в русском массовом сознании трактовку сюжета об утоплении, в котором Разин жертвовал жизнью любимой ради общего дела «вольных людей». Страстно прозвучав вначале у В. Хлебникова и В. Каменского, она стала преобладающей в советской литературе, утверждавшей приоритет коллективного над личным. Впрочем, в «идеологически выдержанном» романе С. П. Злобина (1939/1951) в этом эпизоде любовная линия практически отсутствовала, княжна же гибла в реке вместе с другими персидскими заложниками в ответ на убийство казацких парламентаров. В. М. Шукшин, в романе которого «Я пришел дать вам волю» (1971) утопление княжны было поступком неожиданным для самого «разрываемого страстями» атамана, в неосуществленном фильме о Разине предполагал и вовсе от показа этой сцены отказаться, ограничившись песенным зачином и последующим рассказом о ней очевидцев. За пределами разинской тематики сюжет порой использовался юмористически (с. 519–520, 543–544), а также в составе «волжского текста» (см. роман С. Василевской «Дурочка» (1999).

Этот очерк истории сюжета о Разине и княжне будет неполон без упоминания сравнительно недавней тенденции к сомнениям или полному отрицанию его реальной основы.⁸ Так, в постсоветском ин-

⁸ См., например: *Королев В. Н. Утопил ли Стенька Разин княжну? (Из истории казачьих нравов и обычаев) // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника. Вып. 2. Новочеркасск,*

формационном пространстве, падком на сенсационные разоблачения и низвержение былых кумиров, популярно утверждение, что исторический Разин всего лишь избавился подобным способом от надоевшей ему любовницы-татарки, и произошло это на реке Яик еще до его персидского похода. В качестве источника называются опубликованные лишь в XX веке записки еще одного голландца на русской службе Л. Фабрициуса.⁹ Хорошо владевший русским языком, он встречался в Астрахани с Разиным, и знал Я. Я. Стрейса и его книгу, под влиянием которой в конце жизни взялся за воспоминания, безыскусно написанные для себя. Тщательно записал Фабрициус и чужие рассказы о Разине в бытность его на Яике, где сам мемуарист не бывал (у Стрейса яицкий период разинской биографии опущен). Приведем заключительную часть этого рассказа:

Но сначала Стенька весьма необычным способом принес в жертву красивую и знатную татарскую деву. Год назад он полонил ее и до сего дня делил с ней ложе. И вот перед своим отступлением он поднялся рано утром, нарядил бедняжку в ее лучшие платья и сказал, что прошлой ночью ему было грозное явление водяного бога Ивана Гориновича, которому подвластна река Яик; тот укорял его за то, что он, Стенька, уже три года так удачлив, столько захватил добра и денег с помощью водяного бога Ивана Гориновича, а обещаний своих не сдержал. Ведь когда он впервые пришел на своих челнах на реку Яик, он сказал богу Гориновичу: «Буду я с твоей помощью удачлив — то и ты можешь ждать от меня лучшего из того, что я добуду». Тут он схватил несчастную женщину и бросил ее в полном наряде в реку с такими словами: «Прими это, покровитель мой Горинович, у меня нет ничего лучшего, что я мог бы принести тебе в дар или жертву, чем эта красавица». Был у вора (Schelm) сын от этой женщины, его он отослал в Астрахань к митрополиту с просьбой воспитать мальчика в христианской вере и послал при этом 1000 рублей (с.443–444).

Как большинство иностранных очевидцев разинского восстания, Л. Фабрициус пользовался информацией из враждебных атаману источников. Подчеркнем, что Стенька Разин был встречен на Яике как чужак, и недобрая память о нем, взявшем приступом Яицкий городок и казнившем его защитников, сохранялась в тех местах и через столетие.¹⁰ Неудивителен и «звериный обычай», приписанный ему в этом фрагменте как враждебному пришельцу. Строго говоря, в нем упомянуты сразу два таких обычая, перепутанные и полемичные друг другу.

Во-первых, здесь действительно сказано о том, что Разин утопил в реке Яик женщину, с которой прожил год и от которой имел сына, от-

2004. С. 82–120. Участники телепередачи о С. Т. Разине в серии «ЖЗЛ» доктор исторических наук А. Н. Сахаров и писатель-историк С. В. Логинов, отвечая на вопрос зрителя о реальности пресловутой княжны, высказали взаимно исключающие утверждения. См.: Жизнь замечательных людей: Степан Разин // <https://www.youtube.com/watch?v=XcbZd6E0DGg>.

⁹ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 47–48.

¹⁰ Пушкин А. С. История Пугачева. Уфа, 1978. С. 11–12, 109.

данного им перед отъездом «в хорошие руки». Но по преданиям яицких казаков их пришедшие с Дона предки и сами сначала немилосердно бросали на произвол судьбы своих временных «туземных» жен и даже убивали прижитых от них детей. Запретил этот страшный обычай атаман Василий Гуня (Гугня), успевший полюбить свою татарскую жену, отчего на застольях яицких казаков было принято пить за «бабушку Гуниху».¹¹ Иными словами, пришлому атаману здесь был приписан, хотя и в смягченном виде, грех своих же предков.

Но этот скверный поступок атамана почти заслонен в записи Фабрициуса другим, в глазах христиан более тяжким грехом — принесением человеческой жертвы «водяному богу реки Яик Ивану Гориновичу». Сообщение кажется невероятным анахронизмом, ибо этнографы отрицают человеческие жертвоприношения водной стихии у славян даже в пору язычества.¹² О том, что эта жестокая практика у них все же когда-то была, напоминают лишь некоторые странные обряды и поверья представителей «водяных» ремесел.¹³ Кроме того, известное народнопоэтическое обращение к рекам по имени-отчеству явно подразумевает персонификацию их хозяев-духов в мужском обличи.¹⁴ Впрочем, отчество яицкого водяного бога «Горинович» не только указывает на рождение «его» реки в Уральских горах, но и, ассоциируясь со Змеем Горынычем, заставляет припомнить и архаичную зооморфную ипостась водяных богов.¹⁵ Обмолвка Фабрициуса («принес в жертву красивую и знатную татарскую деву», хотя речь идет о давней любовнице Разина и матери его сына) и описание роскошного смертного наряда этой несчастной побуждает нас заглянуть в глубины колодца праистории. Ведь некоторые древние сообщества, обитавшие у «большой воды», в жизненно важных ситуациях совершали ритуальное утопление красивой девственницы в свадебном убранстве, что символизировало ее бракосочетание со змеевидным «хозяином воды». В чистом виде такой обряд описан лишь у Геродота в разделе, посвященном Древнему Египту, и у древнекитайских историков (с. 164–169). Заслуживает внимания и выявленный С. Ю. Неклюдовым единственный отголосок этого обряда в древнегреческой

¹¹ Пушкин А. С. История Пугачева. С. 11.

¹² См.: Виноградова Л. Н., Усачева В. В. Жертва // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. С. 196.

¹³ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1992. С. 107, 120 и др.

¹⁴ Во владениях «Волги-магушки», «женственность» которой были предопределена грамматически, эту мужскую роль народная фантазия с течением времени доверит самому Разину.

¹⁵ Отголоски этих представлений в уральском фольклоре сохранились доныне. С. Ю. Неклюдов приводит запись былички XXI века (с. 177–178) о встрече с гигантским змеем, выплывающим будто бы из реки Урал (современное название Яика).

мифологии — принесение в жертву девы Ифигении в Авлиде перед отплытием ахейцев в Трою.¹⁶ Но архаичный обряд здесь уже искажен: иной стала форма его осуществления (заклание вместо утопления). Кроме того, эта жертва была предложена не Посейдону или богу ветров Эолу, а оскорбленной отцом девушки Агамемноном девственной богине Артемиде, в последний момент милостиво заменившей деву на алтаре ланью. Мы задержались на этом мифе из-за его типологического сходства с положением Разина на Яике. Накануне опасного морского похода, начало которого осложнялось возможной засадой царских войск в устье Яика, он находился в чужом и не слишком благожелательном ему поликультурном окружении. Вполне возможно, что по-средневековому суеверный Стенька мог «подстраховаться» с помощью необычного местного обряда. Не исключено, впрочем, что это лишь злокозненная сплетня из враждебных атаману кругов. Показательно, что записанный Фабрициусом рассказ с Яика не находит параллелей в фольклоре и отечественной литературе.

Фабрициус работал над своими записками в начале 1680-х гг., а опубликованы они были лишь во второй половины XX века. Однако Я. Стрейс что-то подобное все же услышал, судя по его неуклюжей вставке с описанием наряда утопленницы, ритуального значения которого, как и смысла происшествия в целом, рассказчик «Трех путешествий» не понял. Персидской княжной злополучная красавица стала тоже, скорее всего, только в его книге под влиянием европейской моды того времени на восточную и персидскую, в частности, экзотику.

И все-таки трудно согласиться с отрицанием самого факта утопления Стенькой возлюбленной, ставшим итоговим для упомянутого ранее исследования историка казачества В. Н. Королева. Тщательно проанализировав быт и нравы этого своеобразного субэтноса, хотя и несколько идеализируя положение в нем женщин, он исключает возможность подобного поступка Разина как нетипичного и плохо совместимого с казачьими обычаями. Но культурная память народа может запечатлеть не только типичные для данных условий явления, но и случаи редкие, даже уникальные, если они созвучны потаенным запросам «безмерной» русской души.¹⁷ И даже если в результате всех

¹⁶ *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 464–467.

¹⁷ Впрочем, избирательность народной памяти весьма прихотлива и с современными вкусами не всегда совпадает. Так, все сведения об удивительной современнице Разина воинственной старице Алене Арзамасской, сожженной в срубе за ересь и колдовство вскоре после его казни, ограничены скудными материалами ее следственного дела и свидетельствами иностранных очевидцев ее гибели. Разинский фольклор обошел образ «колдуньи Алены» полным молчанием, вероятно, как слишком необычный и отчасти избыточный с учетом «колдовской» ипостаси самого Стеньки для средневекового массового сознания. Русская культура «вспомнит» о ней лишь в начале XX века (с. 125–144).

разысканий эпизод утопления княжны окажется всего лишь литературной фантазией автора «Трех путешествий», это не сможет серьезно умалить его культурно-исторического значения. За почти два столетия знакомства русского читателя с этой странной любовной историей она стала неотъемлемой частью духовной жизни нации, одним из множества маленьких зеркал культуры, в которые «загадочная русская душа» напряженно вглядывается в надежде познать себя самое.

Список литературы

- Виноградова Л. Н., Усачева В. В.* Жертва // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. С. 196.
- Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М., 1992. 621 с.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. Л., 1972. 517, [2] с.
- Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. 174 с.
- Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1992. 597, [4] с.
- Климова М. Н.* Из истории «русских мифов»: «Стенька Разин и персидская княжна» // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв. Новосибирск, 2004. С. 223–233.
- Корнилович А. О.* Голландец Ян Янсен Стрейс: Отрывок из Опыта истории путешествии по России // Северный архив. 1824. Ч. 9. № 5. С. 275–290; Северный архив. 1824. Ч. 10. № 7. С. 26–40.
- Королев В. Н.* Утопил ли Стенька Разин княжну? (Из истории казачьих нравов и обычаев) // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника. Вып. 2. Новочеркасск, 2004. С. 82–120.
- Костомаров Н. И.* Бунт Стеньки Разина: Исторические монографии и исследования. М., 1994. 658 с.
- Неклюдов С. Ю.* Легенда о Разине: Персидская княжна и другие сюжеты. М., 2016. 562 с.
- Пушкин А. С.* История Пугачева. Уфа, 1978. 286 с.
- Фомичев С. А.* «Песни о Стеньке Разине» Пушкина: История создания, композиция и проблематика цикла // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 13. Л., 1989. С. 4–20.
- Цветаева М.* За девками доглядывать, не скис... // *Цветаева М.* Избранные произведения. 2-е изд. М.; Л., 1965. С. 77–78. (Библиотека поэта. Большая серия).
- Якушкин П. И.* Сочинения. М., 1986. 560 с.

С. Г. ПЕТРОВ

Институт истории СО РАН, Новосибирск

К истории создания воззвания Бийского епископа Томской епархии о помощи голодающим в 1922 году*

Рассмотрена история создания весной 1922 г. посвященного помощи голодающим воззвания епископа Бийского Иннокентия (Соколова), викария Томской епархии. Установлено, что воззвание было напечатано в двух вариантах, имеющих смысловые разночтения, в виде листовки и в местной периодике. Сделано предположение, что текстовые расхождения связаны с участием чекистов в составлении воззвания, что подтверждается обнаруженной шифротелеграммой Алтайского губотдела ГПУ, отправленной вышестоящему руководству в Москву.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, изъятие церковных ценностей, помощь голодающим, Бийское викариатство, Томская епархия, епископ Иннокентий (Соколов), воззвание.

В воспоминаниях Александр Христианович Элерт рассказал, что в начале научной карьеры он питал неподдельный интерес к истории Алтайской духовной миссии, работал с историческими источниками из ее архива, был готов изучать разностороннюю деятельность священников-миссионеров в качестве предмета своих научных изысканий.¹ Профессиональная жизнь Александра Христиановича, как известно, сложилась совсем по другим лекалам, определенным Николаем Николаевичем Покровским, но религиозная составляющая так или иначе присутствовала в его научных работах. Опубликованные им исторические источники академических экспедиций XVIII в. содержат зачастую нигде не встречающиеся уникальные сведения по ранней истории церковного освоения бескрайних сибирских пространств.² Поэтому я счел возможным в этом сборнике, посвященном его памяти, изложить свои наблюдения по региональному сюжету церковной истории начала XX в., связанному с последним руководи-

* Статья написана в рамках госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: Актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005).

¹ Элерт А. Х. Волшебная бумага // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 732–734.

² Петров С. Г. Изучение истории русского православия в секторе археографии и источниковедения Института истории Сибирского отделения РАН: Вторая половина XX — начало XXI в. // Традиции и современность: Научный православный журнал. 2021. № 27. С. 9–10.

© Петров С. Г., 2023



Фрида Христиановна и Александр Христианович Элерт. 1979 г.

телем Алтайской духовной миссии — архиепископом Бийским Иннокентием (Соколовым), викарием Томской епархии.

Как известно, в истории государственно-церковных отношений советского времени рубежным стал 1922 г., когда началась кампания по изъятию церковных ценностей. Под прикрытием этой кампании, осуществляемой якобы для помощи голодающим, политическим руководством страны был задуман хитроумный план по разгрому Русской Православной Церкви, установлению контроля над ее духовенством и мирянами.³ Способствовать успешному изъятию церковных ценностей, по замыслам большевиков, должна была и епархиальная духовная власть. Представителям епископата на местах, правящим и викарным архиереям, предписывалось весной 1922 г. подготовить специальные воззвания по этому поводу. Этим актом им надлежало продемонстрировать свою лояльность советской власти.

Относительно недавно мной были рассмотрены и опубликованы воззвания о помощи голодающим двух викарных епископов Томской

³ Об этом, например, см.: *Покровский Н. Н.* Предисловие // Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. М.: Новосибирск, 1997. С. 7–109; *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997; *Петров С. Г.* Секретная программа ликвидации Русской Церкви: Письма, записки и почто-телеграммы Л. Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) (1921–1922 гг.) // Сибирская провинция и центр: Культурное взаимодействие в XX в. Новосибирск, 1997. С. 20–86.

епархии — Бийского и Новониколаевского.⁴ Однако тема эта в отношении бийского воззвания от 7 апреля 1922 г., подписанного епископом Иннокентием (Соколовым), получила неожиданное продолжение, которое заслуживает отдельного рассмотрения.

Находясь в условиях жесткого прессинга со стороны светской власти и строгой церковной субординации, архиереи при подготовке подобного рода воззваний выбирали собственную поведенческую стратегию в соответствии с пониманием происходившего в тот момент в государственно-церковных отношениях. Например, новониколаевский епископ Софроний (Арефьев), только что назначенный на свою викарную кафедру, решил посвятить свое воззвание от 8 мая 1922 г. посеву десятины хлеба и организации детских приютов для помощи голодающим, а более опытный Иннокентий (Соколов) решил призвать духовенство и верующих Бийского и Змеиногорского церковных округов сдать небогослужебные храмовые ценности и утварь, т. е. повторил положения разрешенного властью воззвания патриарха Тихона от 6 февраля 1922 г., что впрочем не уберегло его от ареста и тюрьмы.

Примененные в отношении Бийского епископа пенитенциарные прещения уже отмечены в литературе. Неоднократно рассматривалась и его биография.⁵ Перечислю еще раз, хотя бы кратко, вехи его жизненного пути. Владыка Иннокентий (1846–1937), в миру — Константин Павлович Соколов, родился в семье священника Московской епархии. После окончания в 1867 г. Московской духовной семинарии преподавал в Перервинском духовном училище, а с 1871 г., после перехода в Алтайскую духовную миссию, — в Бийском катехизаторском училище. В 1873 г. он был поставлен в диакона, затем в священника. В 1897 г. получил сан протоиерея. В Алтайской духовной миссии служил миссионером, с 1890 по 1902 г. был благочинным миссионерских церквей и монастырей. После ухода из жизни жены пострижен в 1902 г. в монахи, возведен в сан архимандрита, назначен помощником начальника миссии с поручением управлять на правах настоятеля Чолышманским Благовещенским мужским монастырем. В 1905 г. рукоположен в епископа Бийского, викария Томской епархии, стал начальником Алтайской духовной миссии.

⁴ Петров С. Г. Воззвания викарных архиереев Томской епархии о помощи голодающим в 1922 г.: Бийское и Новониколаевское викариатства // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 1: История. С. 133–141.

⁵ Павлова О. А. Иннокентий (Соколов) // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 24–25; Иннокентий (Соколов Константин Павлович), архиепископ // За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь 1917–1956. Биографический справочник. Кн. 7: И. М., 2021. С. 346, 349; Судьбы архиереев-новомучеников XX в. // <https://azbyka.ru/forum/xf-a-blog-entry/sudby-arxiereev-novomuchenikov-xx-veka-14-avgusta.2806/>; и др.

В 1918 г. участвовал во Всесибирском соборном церковном соещании, учредившем на занятой Белым движением территории востока России Высшее временное церковное управление Сибири. В 1919 г., в условиях Гражданской войны, на прошедшем в Бийске общем собрании духовенства и мирян был избран главой Бийского епархиального управления. В 1922 г. патриарх Тихон возвел его в сан архиепископа. В 1922 г. владыка был арестован, находился в тюрьме. В 1923 г. его вновь арестовали за противодействие обновленцам. Из-за протестов верующих он был переведен из бийской в новониколаевскую тюрьму, а затем — в Бутырскую тюрьму Москвы. По состоянию здоровья и в связи с преклонным возрастом коллегия ОГПУ и комиссия НКВД по административным высылкам освободили архиепископа Иннокентия от наказания, но запретили ему покидать пределы Москвы.

Он находился в Николо-Угрешском мужском монастыре, а с 1925 г. — в селе Котельники Московской области. В 1927 г. был уволен на покой, проживал у сына священника Алексея Соколова в поселке Немчиновка, участвовал в богослужениях в местном Рождественском храме, а после его закрытия в 1934 г. — в Никольском храме села Ромашково. Скончался владыка за несколько дней до ареста сына, который был расстрелян, как и двое других его сыновей, в годы Большого террора.

Думаю, что рассмотренный ниже небольшой эпизод из его жизни в период кампании по изъятию церковных ценностей, когда он занимал Бийскую викарную кафедру, дополнит неизвестными ранее сведениями историю его жизни и церковного служения.

При публикации воззвания епископа Иннокентия (Соколова) в качестве основного воспроизведен текст листовки, напечатанной в одной из бийских типографий.⁶ Это удалось установить благодаря тому, что внизу документа были указаны выходные данные: «Государственное Издательство» и «Гос[ударственная] тип[ография] № 2, в Бийске». Два выявленных мной идентичных экземпляра этой листовки находятся в Госархиве Новосибирской области. Листовка имеет дату по старому и новому календарному стилю — 25 марта / 7 апреля 1922 г. и издана с учетом правил дореволюционной орфографии.

Появление бийского воззвания, как и новониколаевского, было отмечено в местной периодической печати. Напомню, что в газете «Советская Сибирь» воспроизвели только фрагменты воззвания епископа Софрония (Арефьева), а вот воззвание епископа Иннокентия (Соколова) напечатали от начала до конца в газете «Красный

⁶ Петров С. Г. Воззвания викарных архиереев... С. 137–138.

Алтай», в рубрике «Борьба с голодом» под названием «К верующим гражданам».⁷ Правда, при сравнении текстов листовки и газеты стало понятно, что в «Красном Алтае» оно воспроизведено с купюрами, в новой орфографии и без даты. Приведу ниже наиболее крупные текстовые несовпадения (выделены курсивом), не отмечая расхождений в написании прописных букв и простановке знаков препинания.

ВОЗЗВАНИЕ.

ко всемъ пастырямъ и чадамъ
Православной Христіанской церкви
Бійскаго и Змъиногорскаго округовъ.

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТАГО
ДУХА.

*За грѣхи ли наши, во испытаніе ли
отъ Господа Бога, доселе плодород-
ная мѣстность нашего Государства
Россійскаго Поволжье терпитъ
ужасающій голодъ. Голодають десятки
милліоновъ людей.*

*Братѣи во Христѣ и священнослужители
святой православной церкви, голодные
вопиють къ вамъ.*

Можемъ-ли мы, исповѣдующіе право-
славную вѣру Христа и проповѣдующіе
его милосердіе, быть равнодушными въ
это время, когда миллионы ближнихъ
нашихъ гибнуть отъ голода.

Можемъ-ли мы спокойно молиться
Господу *о прощеніи прегрѣшеній, о
спасеніи погрязшихъ въ преступленіяхъ
заблудшихъ душъ*, когда доведенные го-
лодомъ до отчаянія жители ПОВОЛЖЬЯ
убійствами за кусокъ ХЛЕБА и съѣденіемъ
труповъ людей, совершаютъ *тягчайшія
прегрѣшенія* передъ ГОСПОДОМЪ.

Правительственная Совѣтская Власть[,]
*«Государство Россійское», раззоренное
продолжительной войной и междуусоби-
цами, не въ силахъ накормить миллионы
голодающихъ.*

*Братѣи во Христе и священнослужители
св[ятой] православной церкви.*

Эти ценности передадим Государствен-
ной Власти, которая на нихъ купитъ у
иноземныхъ державъ хлѣба и накормитъ
милліоны страдающихъ отъ голода ни въ
чемъ *невиновныхъ* людей.

Воззвание

ко всем пастырям и чадам
православной христіанской церкви

Доселе плодородная местность нашего
государства Россійскаго — Поволжье,
терпит ужасающій голод, голодают
десятки миллионовъ людей.

*Братѣи во Христе и священнослужители
святой православной церкви, голодные
вопиють к нам.*

Можем ли мы, исповедующие православ-
ную веру Христа и проповедующие его
милосердие, быть равнодушными в *то*
время, когда миллионы ближних наших
гибнут от голода?

Можем ли мы спокойно молиться
Господу, когда доведенные голодом до
отчаянія жители Поволжья убійствами
за кусок хлеба и съедением труповъ людей
совершаютъ *тягчайшее прегрешение* перед
Господом?

Правительственная Советская власть
не въ силах одна накормить миллионы
голодающихъ.

Эти ценности передадим государствен-
ной власти, которая на нихъ купит у
иноземныхъ державъ хлеба и накормит
милліоны страдающихъ от голода ни въ
чемъ *неповинных* людей.

⁷ К верующим гражданам // Красный Алтай. 1922. 13 апреля (№ 83).

ИМЕНЕМЪ ГОСПОДА НАШЕГО
ИСУСА ХРИСТА ПРИЗЫВАЮ И БЛА-
ГОСЛОВЛЯЮ ВАС на *дорогое*[,] достой-
ное православного христианина деяние[.]
на передачу упомянутыхъ церковныхъ
предметовъ Государству ради спасения
погибающаго отъ голода ПОВОЛЖЬЯ.
Аминь.

Епископ Бийский Иннокентий.

7-го апреля / 25 марта 1922 года.

ГАО. Ф. Д144. Оп. 1. Д. Л. 41, 34, 36

Именем Господа нашего Иисуса Христа
призываю и благословляю вас на *доброе*,
достойное православного христиани-
на деяние – на передачу упомянутых
церковных предметов государству, ради
спасения *погибшего* от голода Поволжья.
Епископ Бийский Иннокентий.

Красный Алтай. 1922. 13 апреля (№ 83)

Как видим, газетный вариант воззвания епископа Иннокентия (Соколова) имеет не только технические, редакторские, но и смысловые разночтения с текстом листовки. В частности, в результате внесенной правки произошли существенные адресные изменения: воззвание предназначалось теперь не пастырям и чадам двух церковных округов на Алтае, а всей Православной Христианской Церкви. Из текста устранена была религиозная риторика о совершенных грехах, «погрязших в преступлениях заблудших душах» и выпавшем «испытании от Господа Бога». Исчезнувшие фрагменты явно претили большевистскому слуху, так как имели подтекст, который негативно характеризовал деяния власти. Исчезла и констатация того, что из-за продолжительной войны и междоусобиц советская власть не в состоянии бороться с голодом. Справщики воззвания даже уточнили, что советская власть не может одна накормить миллионы голодающих, следовательно, ей в этом деле требуется помощь. Объяснить произошедшее с воззванием достаточно непросто. Можно, конечно, предположить, что появившиеся купюры — это результат работы редакторов газеты «Красный Алтай», которые по своему усмотрению сократили текст документа.

Однако сохранившаяся шифротелеграмма Алтайского губотдела ГПУ, поступившая из Барнаула в Москву, способна, как мне кажется, весьма существенно дополнить наши представления об истории создания бийского воззвания. Понятно, что раз воззвание было напечатано в виде листовки и появилось на страницах периодики, то оно прошло через местные инстанции, ответственные за выдачу разрешений печатать подобного рода материалы. Алтайский губотдел ГПУ был одной из таких инстанций, но местные чекисты, видимо, сочли необходимым доложить о своих успехах в деле изъятия церковных ценностей и в Москву, вышестоящему начальству.

Названный документ находится среди большого массива шифротелеграмм со сведениями о ходе кампании по изъятию церковных ценностей, полученных практически из всех регионов страны. Он

представляет собой трудночитаемый текст, отправленный шифром 28 апреля 1922 г. из Барнаула начальником чекистского губотдела Р. К. Лепсисом в Москву в ГПУ. Приведу текст плохо дешифрованно-го сообщения максимально точно, в полном соответствии с оригиналом, включая ошибку в формуле подписи (указан Акмолинский, а не Алтайский губотдел ГПУ):

№ 2409/7172/Ш указанные приняты руководству. епископ Алтайский и Бийский Инокентииотношенком из"ятию ценностей пассивно осторожное. предложенное Комиссией возвание подписал прдложенной редакции. продержавший три дня. 28/4-22 года. № 1345/С НачакмолГОГПУ Лепсис.⁸

Насколько можно понять из дешифранта, речь в этой шифротелеграмме шла о бийском возвании, подготовленном под руководством местных чекистов и подписанном епископом Иннокентием в предложенном ими варианте. По-видимому, сотрудники Алтайского отдела ГПУ действовали под прикрытием губернской комиссии по изъятию церковных ценностей. Но несмотря на это, бийский епископ не сразу согласился с предложенной редакцией текста возвания, а подписал его только через три дня.

Вполне возможно, что текст возвания, обнародованный в газете, был тем самым вариантом, который Алтайский губотдел ГПУ предложил подписать епископу Иннокентию. В отличие от листовки, напечатанной небольшим тиражом и направленной в храмы Бийского и Змеиногорского церковных округов, текст возвания в газете «Красный Алтай», официальном печатном органе Алтайского губкома РКП(б) и губисполкома, предназначался более широкому кругу читателей.

Данной шифротелеграммой еще раз подтверждается тот факт, что во время проведения кампании по изъятию церковных ценностей сотрудники советских спецслужб инициировали и курировали создание возваний духовенства и верующих о помощи голодающим, и Томская епархия и ее викариатства не были здесь исключением.

Список литературы

Иннокентий (Соколов Константин Павлович), архиепископ // За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь 1917–1956. Биографический справочник. Кн. 7: И. М., 2021. С. 346, 349.

Кривова Н. А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. 248 с.

⁸ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 411. Л. 202.

- Павлова О. А.* Иннокентий (Соколов) // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 24–25.
- Петров С. Г.* Воззвания викарных архиереев Томской епархии о помощи голодающим в 1922 г.: Бийское и Новониколаевское викариатства // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 1: История. С. 133–141.
- Петров С. Г.* Изучение истории русского православия в секторе археологии и источниковедения Института истории Сибирского отделения РАН: Вторая половина XX — начало XXI в. // Традиции и современность: Научный православный журнал. 2021. № 27. С. 3–13.
- Петров С. Г.* Секретная программа ликвидации Русской Церкви: Письма, записки и почто-телеграммы Л. Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) (1921–1922 гг.) // Сибирская провинция и центр: Культурное взаимодействие в XX в. Новосибирск, 1997. С. 20–86.
- Покровский Н. Н.* Предисловие // Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. М.; Новосибирск, 1997. С. 7–109.
- Элерт А. Х.* Волшебная бумага // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 731–737.

В. М. РЫНКОВ

Институт истории СО РАН, Новосибирск

ОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НАУЧНЫХ ЭКСПЕДИЦИЯХ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И АНАЛИЗА (1918–1922 гг.)

В статье рассмотрены публикации о научных экспедициях, проводившихся в восточных регионах России в период Гражданской войны. Их выявление осложнено распадом единого информационного пространства, разрушением научных связей. Наиболее полная информация сохранилась о геологических исследованиях. Результаты экспедиционной деятельности ученых других специальностей в публикациях представлены крайне скудно и фрагментарно. Сохранившиеся публикации дают представления об условиях работы научных организаций в условиях Гражданской войны, о научной политике противоборствовавших в Гражданской войне политических режимах, о характере взаимодействия ученых с властью, позволяют проследить преемственность исследовательских программ дореволюционного периода и научных экспедиций, проводимых в годы Гражданской войны.

Ключевые слова: научные экспедиции, Сибирский геологический комитет, Геологический комитет Дальнего Востока, Институт исследования Сибири, Гражданская война.

Сибирь и Северо-Восточная Азия с 1720-х годов исследовалась усилиями научных экспедиций, обеспечивших прогресс в накоплении исторических и естественнонаучных знаний об азиатских просторах России. В XIX и начале XX века наряду с Академией наук, продолжавшей организовывать экспедиции, возникла практика полевых исследований российских и иностранных университетов, организации ведомственных экспедиций, а с середины XIX века — общественных организаций. История изучения Сибири в XVIII–XIX в. завораживает и привлекает внимание многих историков, но и требует энциклопедической эрудиции, невероятного терпения в поисках источников, умения сосредоточиться на деталях и одновременно видеть масштабные процессы развития науки. Ярким воплощением всех этих качеств являлся Александр Христианович Элерт.

Революционная эпоха и период Гражданской войны в России, о которых далее пойдет речь, полны парадоксов. С одной стороны, после затяжной мировой войны, оттянувшей огромные ресурсы из гражданских отраслей экономики на военные нужды, страна переживала глубочайший политический и экономический кризис, а вооруженное противоборство разделило части одного государства и

© Рынков В. М., 2023

бывших сограждан на враждовавшие лагеря. С другой стороны, революция сопровождалась не просто повышением веры в могущество науки и образования, их способность обеспечить не только быстрый выход из кризиса, но и ускоренный экономический рост. Политики в сложнейших условиях исходили из необходимости любой ценой продолжать научное изучение сибирских природных ресурсов и возможностей их народно-хозяйственного использования. Совершенно другое время и другая ситуация в сфере источников по истории науки — время господства опубликованных текстов и машинописных архивных источников. Но это непростое время обладает своей романтической притягательностью и таит много неизведанного в области истории науки.

Есть смысл кратко напомнить историю организации научных исследований в период Гражданской войны. 23–27 октября в Томске по инициативе известного ученого, профессора геологии Томского технологического института, управляющего Министерством торговли и промышленности Временного Сибирского правительства П. П. Гудкова было создано геологическое совещание. В нем приняли участие геологи из Сибири и сотрудники Центрального геологического комитета, работавшие в Сибири и отрезанные от Европейской части России в результате начавшейся Гражданской войны. На совещании было принято решение об образовании Сибирского геологического комитета. 5 февраля 1919 г. П. П. Гудков, оставив свой пост, стал Временным директором Сибирского геологического комитета, а в конце апреля комитет приступил к работе.¹ Причем комитет оказывал интенсивную поддержку изучению всего пространства Востока России, не ограничиваясь собственно Сибирью. На завершающем этапе Гражданской войны, в 1920–1922 гг., в Приморье действовал Геологический комитет Дальнего Востока. Повышенное внимание уделялось изучению возможности использования Северного морского пути. Российским правительством в 1919 г. был создан Комитет Северного морского пути, а известный полярный исследователь Д. Ф. Котельников возглавил подразделение комитета — дирекцию маяков и лоций. После восстановления Советской власти комитет продолжил работу, а 20 апреля 1920 г. его преобразовали в отдел Сибирского революционного комитета (формально-юридически — учредили вновь в новом качестве). Экспедиции проводились некоторыми ведомствами Временного Сибирского и Российского правительств. Например, исследованиями биоресурсов занимался отдел охоты и рыболовства Министерства земледелия, изучением состояния промышленности —

¹ См. подробнее: История учреждения Сибирского геологического комитета // Известия Сибирского геологического комитета. Т. 1. Вып. 1. Томск, 1920. С. 1–45.

Министерство торговли и промышленности. Самостоятельную научную деятельность проводили отделения Русского географического общества. Из членов других отделений общества, эвакуировавшихся в Омск, был создан Временный совет Русского географического общества, сосредоточенный в основном на камеральной работе (научные доклады). Тем не менее, отделению удалось организовать несколько экспедиций. При финансовой поддержке Российского правительства в январе 1919 г. в Томске прошел съезд по учреждению Института исследования Сибири, а в июне на средства правительства организован институт с таким названием, являвшийся государственно-общественным научным учреждением. Институт проработал год и был закрыт 1 июня 1920 г. решением Сибирского революционного комитета.

Первичные материалы многих экспедиций не сохранились, а сведения о результатах полевых исследований за эти годы скудны и расщеплены по различным изданиям и архивным фондам. В данном исследовании внимание будет уделено проблемам выявления публикаций о научных экспедициях на востоке России в период Гражданской войны, дана сама общая оценка информационной ценности таких публикаций.

События революции и Гражданской войны прервали сложившийся до революции порядок опубликования результатов полевых исследований. Возобновленный уже в советское время, он отразил в большей степени текущую работу исследователей. Информация о прошлой экспедиционной деятельности если и публиковалась, то в кратком виде. Восточные регионы России на период от полутора до четырех лет оказались оторваны от европейской части с ее центральными научными изданиями. Впрочем, эпизодически сведения о проведенных экспедициях и научных достижениях в стане восточной контрреволюции просачивались на страницы советской научной прессы. Намного чаще информацию можно выявить во вторичных повествовательных источниках, как правило, новостных газетных или журнальных публикациях, в которых излагалось содержание докладов или хода заседаний научных организаций. Обладая минимальной информативностью о собственно научных достижениях ученых, они, тем не менее, могут дать достаточно полное представление о совокупности проводимых научных исследований. Не имея возможности на начальной стадии исследования характеризовать такие публикации, сосредоточимся на научных изданиях. Для изучения доступны главным образом отчеты различных научных учреждений, часто сводные, редко — тексты научных докладов.

Учредительные документы и инструкции научных организаций дают некоторое представление о порядке ведения делопроизводства. Примером может служить заключение Сибирского геологического

совещания. Оно предписывало все материалы по составлению общей геологической карты Сибири передавать в Центральный геологический комитет. Материалы же по исследованию месторождений, в том числе отчеты и дубликаты коллекций, следовало направлять на хранение как в Сибирский, так и в Центральный геологический комитет, причем, подлинные материалы оставались в том комитете, который являлся заказчиком работ, а во второе учреждение следовало направлять дубликаты.²

Наиболее полные сведения о проведенных научных исследованиях, включая экспедиционные, содержались в отчетах геологических учреждений. Значительная часть работ являлась продолжающимися многолетними исследованиями, которые проводились как столичными геологами, так и местными сибирскими и дальневосточными, и из года в год шли по ранее утвержденной долгосрочной исследовательской программе. В ряде случаев исследования руководили небольшие группы столичных ученых, а геологи-ассистенты и вспомогательный персонал были местными. Такие экспедиции последовательно исследовали недра Азиатской России год за годом. В отчете за 1917 г. даны сведения о более чем полусотне геологических экспедиций.³ Отчет за 1918 г. содержит перечисление экспедиций, начатых еще при советской власти, участники которых в результате начавшейся Гражданской войны оказались оторваны от своих головных организаций, от источников финансирования и снабжения. Но некоторые экспедиции, напротив, отправлялись из Центра, несмотря на начавшиеся боевые действия. Всего на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке в «зоне Российского правительства» к 1 января 1919 г. находилось 26 сотрудников Геологического комитета. В отчете перечислены экспедиции несостоявшиеся или не выполнившие полностью или частично свою программу ввиду развертывания боевых действий в зоне проведения экспедиции. Намеченную программу работ часто приходилось корректировать. Всего отчет сообщает о двадцати экспедициях. Из них одна в Казанской губернии, семь — на Урале, остальные — в Сибири, на Дальнем Востоке.⁴ Большой ценностью обладают отчеты Сибирского геологического комитета. Известны отчеты за 1919, 1921 и 1922 г. При этом необходимо отметить отсутствие отчета

² Заключение геологического совещания по вопросу об организации Сибирского геологического учреждения, отредактированное комиссией в составе П. П. Гудкова, М. А. Усова, Я. С. Эдельштейна // Известия Сибирского геологического комитета. Т. 1. Вып. 1. Томск, 1920. С. 35.

³ Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1917 году. Пг., 1919. С. 143–223, 251–285. (Известия Геологического комитета. 1918. Т. 37. № 1).

⁴ Отчет об исследованиях, проведенных геологическим комитетом в 1918 г. в Сибири и на Урале. Томск, 1919. С. III–IV.

за 1920 г.⁵ Отчет за 1919 г. содержит программу работ, краткое изложение их результатов, а также программу работ на следующий 1920 г. Из намеченных в 1919 г. 11 направлений полевой деятельности не полностью реализованными остались только три: обследование медных месторождений Северной части Кузнецкого Алатау, экспедиция в Урянхайский край и изучение серебро-свинцовых месторождений Забайкалья. Причины связывались исключительно с политической нестабильностью. В частности, направленная в Урянхайский край экспедиция добралась до места назначения и приступила к работе, но вынуждена была вернуться, потеряв часть экспедиционного имущества, чтобы не попасть в эпицентр вооруженных столкновений партизан и частей армии Российского правительства.

Сибирский геологический комитет выпускал собственное периодическое издание — Известия. В 1919 г. вышло два выпуска, в 1920 г. — еще четыре. В первых двух выпусках помещены сведения об экспедициях предшествующих лет. Но уже третий выпуск содержал материалы экспедиции М. А. Усова совместно со студентом Томского технологического института Г. А. Хельквистом по обследованию Анжерских копей летом 1919 г.: сведения о результатах осмотра шахт, подземной съемки и вычислении координат, десять комментированных схем угольных разрезов, анализ маркшейдерских планов шахт.⁶ Специальная публикация посвящена детальному анализу палеофитологического материала, собранного летом 1919 г. геологической партией Сибирского геологического комитета в составе геологов М. К. Коровина, Г. Е. Гарбуния, сотрудника Е. Д. Писарева и практиканта А. И. Турутанова. Партия обследовала течение р. Ангары от Иркутска до Бархатных копей, включая рр. Ушаковка и Иркут. Найденные выходы юрских пород содержали большое количество остатков растительности. Богатейший фактический материал был обработан с учетом имеющихся публикаций по палеофитологии и позволил отнести собранные образцы остатков ископаемой растительности к среднеюрскому периоду.⁷

⁵ Отчет о деятельности Сибирского геологического комитета за 1919 год // Известия Сибирского геологического комитета. Т. 1. Вып. 6. С. 1–47; Отчет о деятельности Сибирского геологического комитета за 1921 год // Известия Сибирского геологического комитета. Т. 3. Вып. 1. Томск, 1922. С. 1–56; Отчет о деятельности Сибирского геологического комитета за 1922 год // Известия Сибирского отделения Российского геологического комитета Т. 3. Вып. 3. Томск, 1923. С. 1–42.

⁶ Усов М. А. Тектоника Анжерского каменноугольного месторождения. С 42 фиг[урами] рисунков и чертежей // Известия Сибирского геологического комитета. Т. 1. Вып. 4. Томск, 1920. С. 1–34.

⁷ Тутунаева А. И. Материалы к изучению ископаемой флоры Черемховского угленосного бассейна 1: Юрские папоротники с 23 фигурами (карта части долины реки Ангары, обследованной в 1919 году, и рисунки ископаемых папоротников) // Известия Сибирского геологического комитета. Т. 1. Вып. 5. Томск, 1920. С. 1–21.

Участники большинства экспедиций не имели возможности опубликовать результаты своих полевых работ отдельными изданиями. Годовые отчеты Сибгеокома ценны тем, что дают сводные данные обо всех экспедиционных и иных работах. Но на первый взгляд, как любая сводка, они очень краткие. Если сопоставить сведения из отчета о полевых исследованиях М. А. Усова и Г. А. Хельквиста и Черемховской геологической партии, то становится очевидно, что отчет дает достаточно четкую и хорошо структурированную информацию, подчас более полно характеризует результаты экспедиции, чем отдельно подготовленная публикация о ней. В определенном смысле он дополняет и уточняет имеющиеся специальные публикации. В частности, только из отчета Сибирского геологического комитета за 1919 г. становится понятно, что Черемховская геологическая партия изучала не только юрские папоротники, но произвела комплексное обследование юрских отложений, выяснила их стратиграфию и минеральный состав, а также провела геологическое обследование угольных копей и разведку новых угольных пластов.⁸ Всего же отчет 1919 г. содержал сведения о семи геологических экспедициях, в том числе и о тех, о которых в центральной прессе не сообщалось. В частности, только в Киргизской степи работали две геологические партии, которые произвели разведку около сотни новых месторождений различных металлов, большинство из которых ранее не было даже упомянуто в геологической литературе. Отчет достаточно информативен и свидетельствует о существовании детальных экспедиционных материалов и, вероятнее всего, о наличии тщательно подготовленных докладов по каждой из экспедиций, дающих обобщенную характеристику проведенных полевых исследований и полученных фундаментальных и практических научных результатах.

Важные сведения о состоянии научной работы в целом, о взаимодействии Сибирского геологического комитета с другими научными организациями и с Сибирским революционным комитетом по вопросу финансирования и материального обеспечения экспедиций, не только геологических, содержит отчет Сибгеокома за 1921 г. Из отчета также видно, что в 1920 и 1921 гг. Сибгеокому удалось осуществить экспедиции, намеченные, но не реализованные еще программой 1919 г. Каждый год программа расширялась и дополнялась. Если в 1919 г. было намечено 11 направлений, реализовано 9, в 1920 г. намечено 17, сколько реализовано — неизвестно, в 1921 г. программой намечено 18 направлений, реализовано 16. В 1921 г. следует отметить очевидные изменения в порядке разработки направлений исследования — некоторые из них были запланированы по настоятельно-

⁸ Отчет о деятельности Сибирского геологического комитета за 1919 год. С. 39–43.

му требованию Сибревкома и профинансированы непосредственно им же, например, геологическое изучение по линии Кольчугинской железной дороги.⁹

Значительно детальнее отражены в публикациях полевые исследования, проводимые Геологическим комитетом Дальнего Востока. Им основана серия брошюр под названием «Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальнего Востока». Открывая эту серию, председатель комитета Э. Э. Анерт писал, что многие районы Дальнего Востока «уже до некоторой степени освещены маршрутами геологов еще здравствующих и поэтому могущих дать много и таких ценных указаний, каковые не нашли и не могли найти место в их печатных трудах».¹⁰ По сведениям автора, когда Геологический комитет начал свою деятельность во Владивостоке, в его составе оказалось всего семь геологов, в том числе двое — на Сахалине. И тем не менее, в своей работе Комитет руководствовался десятилетним планом геологического исследования Дальнего Востока, намеченном в далеком 1913 г., и Э. Э. Анерт лишь констатировал существенное замедление в его выполнении. Несмотря на серьезные материальные, организационные и военно-политические сложности, геологам из комитета в 1920–1922 гг. удалось издать 24 выпуска серии, отразивших итоги полевых исследований за 1917–1922 гг. Еще два выпуска, изданные в 1923 г., содержат отчеты Комитета за предыдущие годы. Большинство выпусков — это тщательно подготовленные научные публикации с приложениями схем, карт, рисунков и фотоиллюстраций. Далеко не все выпуски представляют отчеты об экспедиционной деятельности. Есть научные статьи по проблемам геологии Дальнего Востока, в том числе написанные на новейших полевых материалах, переданных специалистам для обработки, а также отчеты о научных командировках за границу.

В целом наиболее полная характеристика условий деятельности Геологического комитета Дальнего Востока и ее результатов отражена в отчетах за три года его существования. В них приведена программа деятельности и обозначена реализованная ее часть, а также и то, что сделано сверх программы. Ввиду отсутствия казенных средств геологи комитета принимали участие в командировках по заданию частных лиц и предприятий для нужд текущей горной разведки и общественных организаций для научных исследований. В 1921 г. восемь штатных и пять нештатных членов комитета при отсутствии фи-

⁹ Отчет о деятельности Сибирского геологического комитета за 1922 год. С. 39.

¹⁰ Анерт Э. Э. Что сделано и что остается выполнить в области геологического изучения русского ДВ и его рудных богатств. Владивосток, 1920. С. 1. (Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальнего Востока. № 1).

нансирования и условиях сосредоточенности, главным образом, на кабинетной научной работе, тем не менее провели несколько десятков экспедиций, в том числе в Забайкалье, по Амуру и на о. Сахалин. В 1922 г. работ по заданию Геологического комитета не проводилось совершенно. Но полевые исследования по приглашениям сторонних организаций оказалась столь же активными.¹¹

В отчетах геологических органов встречаются упоминания о подготовленных и сданных в органы управления справках, ответах на запросы.¹² Это позволяет рассчитывать на выявление таких документов в фондах соответствующих архивохранилищ, а также установление или уточнение их авторства. В ряде отчетов можно почерпнуть сведения о местонахождении первичных архивных источников. В частности, в связи с работами И. Ф. Григорьева по выявлению в Барнаульском архиве материалов для составления карты полезных ископаемых, небольшой раздел отчета Сибгеокома за 1918 г. посвящен описанию геологических источников в фонде горного отдела Алтайского округа.¹³ М. К. Елиашевич дал характеристику архива маркшейдерского отдела Сучанских копей, включая содержащиеся в нем материалы геологоразведок.¹⁴

Серьезную экспедиционную деятельность развернул Комитет Северного морского пути. Она нашла отражение в многочисленных, хотя и кратких газетных и журнальных заметках, лишь упоминавших о научной программе, но акцентировавших внимание на хозяйственной стороне работы подразделений и служб комитета. Уже в советский период деятельности Комитета Северного морского пути его сотрудники подготовили несколько обобщающих исследований, дающих представление о научных экспедициях и гидрографических работах в Северном Приобье в 1918–1921 гг. Они позволяют сделать вывод об общности целей использования Северного морского пути у Российского правительства и Сибревкома и путей их реализации.¹⁵

¹¹ Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета Дальнего Востока в 1921 году. Владивосток, 1923. С. 18–56; Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета Дальнего Востока в 1922 году. Владивосток, 1923. С. 18–35.

¹² См., например: Отчет об исследованиях, проведенных геологическим комитетом в 1918 г. в Сибири и на Урале. Томск, 1919. С. 107; Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета Дальнего Востока в 1922 году. Владивосток, 1923. С. 8.

¹³ Отчет об исследованиях, проведенных геологическим комитетом в 1918 г. С. 107–108.

¹⁴ *Елиашевич М. К.* Отчет по изучению Сучанского каменноугольного месторождения в районе современных эксплуатационных работ. Владивосток, 1922. С. 4–6.

¹⁵ Северный морской путь и его значение во внешнем товарообмене Сибири. Омск, 1921; Северный морской путь из Европы к устьям Оби и Енисея, его экономическое значение для Сибири и степень использования в настоящее время. Новониколаевск, 1924.

Результаты арктических исследований, сделанных в годы Гражданской войны, также опубликованы в изданиях Института исследования Сибири. В. В. Сапожников возглавил летом 1919 г. биологическую экспедицию в Северное Приобье, отправившуюся вместе с гидрографической партией, краткий отчет о которой был опубликован.¹⁶ Летом 1919 г. Морское министерство и Министерство торговли и промышленности Российского правительства снарядили совместную экспедицию к устью р. Лены на пароходе «Лена». Руководитель экспедиции Ф. А. Матисен подготовил два доклада для научных учреждений Иркутска, на основе которых позже опубликовал подробный отчет о ее ходе и результатах. По стилю этот текст написан в форме путевых записок, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию, но включает значительный объем справочных данных и картографические приложения.¹⁷ О последующих гидрографических экспедициях к устью Оби в 1921 г. и к устью Лены в 1920 и 1921 г. Ф. А. Матисена и Н. И. Евгенова сведения публиковались только в специализированных изданиях, причем подробный отчет — спустя несколько лет.¹⁸

Очень немного сведений можно почерпнуть об экспедициях, выполнявшихся по заданиям общественных организаций. В частности, Институт исследования Сибири провел одну поездку по исследованию бальнеологических ресурсов Алтая и одну — по изучению экономического потенциала р. Томь. Информация о них опубликована в выпускавшемся Институтом журнале.¹⁹ В 1919 г. Сибирское отделение Центросоюза, рассчитывая на возобновление заготовок мяса в Монголии, снарядило экспедицию в Монголию по изучению ее экономики и современных условий ведения хозяйственной деятель-

¹⁶ Сапожников В. В., Никитина Е. В. Поездка в низовья Оби и Обскую губу в 1919 году: Предварительное сообщение // Известия Института исследования Сибири. 1920. № 2. С. 1–14.

¹⁷ Матисен Ф. А. Экспедиция к устью реки Лены в связи с использованием Северного морского пути: Краткий отчет начальника экспедиции с тремя листами карт. Иркутск, 1921.

¹⁸ Неупоков К. Работы отдельного Обь-Енисейского гидрографического отряда в Кампанию 1921 г. // Записки по гидрографии. Т. 45. Пг., 1922. С. 175–188; Евгенов Н. И. Краткие предварительные данные о работах Усть-Ленской гидрографической экспедиции 1921 года // Записки по гидрографии. Т. 45. Пг., 1922. С. 189–204; Евгенов Н. И. Экспедиция к устьям рек Лены и Оленека. Л., 1929. (Труды Якутской комиссии АН по изучению Якутской Советской Социалистической республики. Т. 3. Ч. 1).

¹⁹ Великанов М. А. Исследования реки Томи (1917–1919) // Известия Института исследования Сибири. 1920. № 1. С. 70–76; Курлов М. Г. Отчет о командировке по исследованию курортов Северного Алтая (Чемал, Черга, Новая Белокуриха) // Известия Института исследования Сибири. 1921. № 2. С. 1–17.



А. Х. Элерт в экспедиции на Алтае. Начало 1980-х гг.

ности. Ее результатом стала фундаментальная научная публикация, осуществленная руководителем экспедиции И. М. Майским.²⁰

В целом же информация об экспедициях, предпринимавшихся по заданиям общественных организаций, практически не нашла достаточного отражения ни в оперативных газетных и журнальных статьях, ни в научных публикациях. Сведения о них можно восстановить лишь по крупицам, и в редких случаях сохранность архивных материалов позволяет восстановить информацию об экспедиционной деятельности. Подобным примером является экспедиция известного ботаника и краеведа В. И. Верещагина по Горному Алтаю в 1919 г., сведения о которой отложились в его личном фонде в двух документах — отчете и небольшом мемуарном тексте.²¹

Сохранившиеся публикации о научных экспедициях в Сибири и на Дальнем Востоке, при всем их разнообразии, очень неполно отра-

²⁰ *Майский И. М.* Современная Монголия: Отчет о монгольской экспедиции, снаряженной Иркут. конторой Всерос. центр. союза потреб. об-в «Центросоюз». Иркутск, 1921.

²¹ *Верещагин В. И.* Поездка в южный и юго-западный Алтай летом 1919 года (от Барнаула до Холзуна): Воспоминания // Труды Южно-Сибирского ботанического сада. Т. 1. Вып. 1: Флора и растительность Алтая. Барнаул, 2000. С. 92–99; Исследователь, ботаник, педагог: Из личного фонда Виктора Ивановича Верещагина (1871–1956) // Судьбы: Воспоминания, дневники, письма, стихи, материалы экспедиций, доклады, протоколы допросов. Барнаул, 2001. С. 43–56.

жают ту большую научную работу, которая продолжалась в условиях Гражданской войны. Можно сделать лишь несколько предварительных выводов. Благодаря десятилетиями складывавшейся традиции документирования геологических исследований и публикациям ежегодных отчетов геологических учреждений опубликованные источники позволяют восстановить наиболее полную информацию о геологических исследованиях и экспедициях. Результаты экспедиционной деятельности ученых других специальностей в публикациях представлены крайне скудно и фрагментарно. В отдельных случаях существует возможность сопоставить информацию об одной и той же экспедиции в специально посвященной ей научной статье и сводных отчетах органа, организовавшего экспедицию. Сохранившиеся источники содержат также немало сведений, ценных для истории науки, в том числе об условиях работы научных организаций в непростых условиях Гражданской войны, о научной политике Советской власти и антибольшевистских правительств, о характере взаимодействия с властью ученых. При ретроспективном взгляде на проводимые исследования в дореволюционный период, годы Гражданской войны и в первые десятилетия Советской власти становится очевидна их преемственность. Публикации последних лет свидетельствуют о том, что, несмотря на плохую сохранность архивов научных учреждений за период Гражданской войны, сохраняются перспективы выявления неопубликованных материалов экспедиционной деятельности тех давних лет.

Список литературы

- Анерт Э. Э.* Что сделано и что остается выполнить в области геологического изучения русского ДВ и его рудных богатств. Владивосток, 1920. 26 с. (Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальнего Востока. № 1).
- Великанов М. А.* Исследования реки Томи (1917–1919) // Известия Института исследования Сибири. 1920. № 1. С. 70–76;
- Верещагин В. И.* Поездка в южный и юго-западный Алтай летом 1919 года (от Барнаула до Холзуна): Воспоминания // Труды Южно-Сибирского ботанического сада. Т. 1. Вып. 1: Флора и растительность Алтая. Барнаул, 2000. С. 92–99.
- Евгенов Н. И.* Краткие предварительные данные о работах Усть-Ленской гидрографической экспедиции 1921 года // Записки по гидрографии. Т. 45. Пг., 1922. С. 189–204.
- Евгенов Н. И.* Экспедиция к устьям рек Лены и Оленека. Л., 1929. 6, III, 260 с. (Труды Якутской комиссии АН по изучению Якутской Советской Социалистической республики. Т. 3. Ч. 1).

- Елиашевич М. К.* Отчет по изучению Сучанского каменноугольного месторождения в районе современных эксплуатационных работ. Владивосток, 1922. 37 с.
- Заключение геологического совещания по вопросу об организации Сибирского геологического учреждения, отредактированное комиссией в составе П. П. Гудкова, М. А. Усова, Я. С. Эдельштейна // Известия Сибирского геологического комитета. Т. 1. Вып. 1. Томск, 1920. С. 35.
- Исследователь, ботаник, педагог: Из личного фонда Виктора Ивановича Верещагина (1871–1956) // Судьбы: Воспоминания, дневники, письма, стихи, материалы экспедиций, доклады, протоколы допросов. Барнаул, 2001. С. 29–61.
- История учреждения Сибирского геологического комитета // Известия Сибирского геологического комитета. Т. 1. Вып. 1. Томск, 1920. С. 1–45.
- Курлов М. Г.* Отчет о командировке по исследованию курортов Северного Алтая (Чемал, Черга, Новая Белокуриха) // Известия Института исследования Сибири. 1921. № 2. С. 1–17.
- Майский И. М.* Современная Монголия: Отчет о монгольской экспедиции, снаряженной Иркут. конторой Всерос. центр. союза потреб. об-в «Центросоюз». Иркутск, 1921. 472 с.
- Матисен Ф. А.* Экспедиция к устью реки Лены в связи с использованием Северного морского пути: Краткий отчет начальника экспедиции с тремя листами карт. Иркутск, 1921. 58 с.
- Неупокоев К.* Работы отдельного Обь-Енисейского гидрографического отряда в Кампанию 1921 г. // Записки по гидрографии. Т. 45. Пг., 1922. С. 175–188.
- Отчет о деятельности Сибирского геологического комитета за 1919 г. // Известия Сибирского геологического комитета. Т. 1. Вып. 6. Томск, 1921. С. 1–47.
- Отчет о деятельности Сибирского геологического комитета за 1921 год // Известия Сибирского геологического комитета. Т. 3. Вып. 1. Томск, 1922. С. 1–56.
- Отчет о деятельности Сибирского геологического комитета за 1922 год // Известия Сибирского отделения Российского геологического комитета Т. 3. Вып. 3. Томск, 1923. С. 1–42.
- Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1917 году. Пг., 1919. 409 с. (Известия Геологического комитета. 1918. Т. 37. № 1).
- Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета Дальнего Востока в 1921 году. Владивосток, 1923. 57 с.

- Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета Дальнего Востока в 1922 году. Владивосток, 1923. 35 с.
- Отчет об исследованиях, проведенных геологическим комитетом в 1918 г. в Сибири и на Урале. Томск, 1919. IV +112 с.
- Сапожников В. В., Никитина Е. В.* Поездка в низовья Оби и Обскую губу в 1919 году: Предварительное сообщение // Известия Института исследования Сибири. 1920. № 2. С. 1–14.
- Северный морской путь и его значение во внешнем товарообмене Сибири. Омск, 1921. 67 с.
- Северный морской путь из Европы к устьям Оби и Енисея, его экономическое значение для Сибири и степень использования в настоящее время. Новониколаевск, 1924. 88 с.
- Тутуннаева А. И.* Материалы к изучению ископаемой флоры Черемховского угленосного бассейна 1: Юрские папоротники с 23 фигурами (карта части долины реки Ангары, обследованной в 1919 году, и рисунки ископаемых папоротников) // Известия Сибирского геологического комитета. Т. 1. Вып. 5. Томск, 1920. С. 1–21.
- Усов М. А.* Тектоника анжерского каменноугольного месторождения. С 42 фиг[урами] рисунков и чертежей // Известия Сибирского геологического комитета. Т. 1. Вып. 4. Томск, 1920. С. 1–34.

ОБЗОРЫ

УДК 930.272+783.6+281.93

Т. Г. КАЗАНЦЕВА

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки

ХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ БОГОСЛУЖЕБНОГО ПЕНИЯ

УРАЛО-СИБИРСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Г. Ф. РУКАВИЦЫН: ПО МАТЕРИАЛАМ

ПОЛЕВЫХ ДНЕВНИКОВ И АУДИОЗАПИСЕЙ

ИЗ ФОНДОВ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СО РАН*

Статья посвящена одному из ведущих певчих последней трети XX в., хранителю устной и письменной традиций богослужебного пения старообрядцев часовенного согласия Верховья Малого Енисея (Республика Тыва). По материалам полевых дневников и аудиозаписей, осуществленных в археографических экспедициях под руководством Н. Н. Покровского в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Обозначаются вехи биографии исполнителя и история его семьи; воссоздается облик богословски и литургически грамотного главы семейного собора и музыкально одаренного певчего; характеризуется записанный от него репертуар богослужебных песнопений, отдельные особенности которого заставляют поставить вопрос о субконфессиональной принадлежности его семьи на момент переселения в Урянхайский край.

Ключевые слова: урало-сибирское старообрядчество, часовенное согласие, археография Сибири, богослужебное пение, знаменный и демественный распевы.

Традиция богослужебного пения старообрядцев часовенного согласия, проживавших в скитах и мирских поселениях Верховья Малого Енисея в последней трети XX столетия¹ стала первой из сибирских, получившей аудиофиксацию, что определило особое внимание к ней музыковедов. Образцы пения часовенных Верховья Енисея были записаны на магнитофонную ленту в ходе осуществлявшихся под руководством Н. Н. Покровского археографических экспедиций в конце 1960-х — начале 1970-х гг., тогда как другие локальные и субконфессиональные версии стали регулярно фиксироваться только со второй половины 1990-х гг. Как оказалось, хронологический диапазон в четверть века имел критическое значение для традици-

* Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Депозитарий книжных памятников Сибири и Дальнего Востока: Выявление, система цифрового хранения и организации доступа для исследования», № 122040600049-8.

¹ Верховье — историческое название местности в верховьях Малого Енисея (р. Каа-Хем), входит в Каа-Хемский кожуун Республики Тыва (ранее — Каа-Хемский район Тувинской АССР).

онной старообрядческой культуры в условиях ее угасания и трансформации, особенно интенсифицировавшихся на рубеже веков. К моменту своего «открытия» богослужебно-певческая традиция тувинских часовенных еще обладала высокой степенью сохранности исполнительского мастерства, что определило ее значимость для исследования культуры богослужебного пения урало-сибирских старообрядцев, несмотря на неполноту собранного материала и не очень хорошую сохранность носителей аудиозаписей.

В ранее опубликованных статьях была дана общая характеристика данной аудиоколлекции (ныне хранящейся в фондах Сектора археографии и источниковедения ИИ СО РАН), а на материалах полевых дневников археографов в определенной мере реконструирован контекст бытования изучаемой богослужебно-певческой традиции.² В настоящем исследовании внимание концентрируется на личности ведущего певчего Верховья того времени — Гермогена Федоровича Рукавицына, имя которого также ранее неоднократно упоминалось в различных публикациях.

Важнейшая информация о жителях Верховья содержится в опубликованном в качестве приложения к Урало-Сибирскому патерику Дневнике экспедиции 1967 г.³ Изданная его часть завершается разделом, который озаглавлен как «История семьи Рукавицыных». Из него следует, что Гермоген был одним из сыновей Федора Рукавицына, переехавшего с семьей из Нижнего Тагила сначала на Алтай, в район Бийска, а в 1917 г. («когда уже не была царя») — в Туву (точнее в Урянхайский край). Гермоген родился в 1889 г., у него были старшая сестра м. Измарагда (в миру Зинаида; 1887 г. р.) и младший брат Иван (1897 г. р.).⁴ Публикация и сохранившаяся часть рукописи дневника 1967 г. обрывается на разделе, посвященном характеристике сложной личности младшего брата — Ивана Федоровича; вероятно, остальные материалы были зафиксированы в другой тетради или на вложенных листах, которые пока не найдены.

² Казанцева Т. Г. Материалы к изучению богослужебно-певческой традиции староворов-часовенных Верхнего Енисея // Музыкальная культура Сибири: Источники, традиционные и академические формы творчества. Новосибирск, 2018. С. 28–64; Казанцева Т. Г., Омарова Е. А. Богослужебно-певческая культура старообрядцев часовенного согласия верховья Малого Енисея в 60–70-е годы XX века: По материалам археографических экспедиций // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 286–296. <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-20.pdf>; Казанцева Т. Г. Из начальной истории полевых исследований старообрядческой богослужебно-певческой культуры на территории Сибири // Древнерусское песнопение: Пути во времени. Вып. 10: К 100-летию открытия кафедры древнерусской музыки в Петроградской государственной консерватории. СПб.; Саратов, 2022. С. 315–328.

³ Дневник археографической группы Н. Н. Покровского 1967 г. // Урало-Сибирский патерик: Тексты и комментарии. Т. 3. Кн. 2. М., 2016. С. 153–193.

⁴ Дневник археографической группы Н. Н. Покровского 1967 г. С. 190.

К счастью, сохранилась машинописная копия Дневника с продолжением истории семьи, в котором содержатся более подробные сведения о двух других детях Федора Рукавицына — Гермогене и Зинаиде-Измарагде.⁵ Из них следует, что ко времени знакомства археологической группы с Гермогеном Федоровичем (т. е. в 1967 г.) тот жил в «Нижнем Чадралике» (совр. Чодураалыг) — в 4 км от аэропорта, недалеко от пос. Усть-Ужеп, где проживали семьи его сыновей Макария и Прокопия. Сыновья жили на окраине поселка, ближе к Чодураалыгу и содержали здесь свой молитвенный дом, не находясь в общении с другим семейным собором того же поселка — Миковых. В Чодураалыге Г. Ф. Рукавицын, по словам авторов дневника, жил уже давно и год как был вдовцом. Он не был скитником, но постепенно в этих местах образовалось несколько скитов, в частности, незадолго до 1967 г. ближе к брату переселилась м. Измарагда, которая до этого имела свой скит на р. Мосты.

Все дети Федора Рукавицына получили домашнее церковное образование, «ни одного класса гражданской школы они не окончили»,⁶ однако авторы Дневника отметили широкую образованность Гермогена Федоровича, в том числе в светских вопросах, его включенность в проблемы современного мира. Так, например, они увидели в его доме значительную часть томов энциклопедии Брокгауза и Эфрона, которую он в свое время выписывал вместе с братом Иваном. До недавнего времени он также выписывал советские газеты — «Известия» и «Правду» и перестал это делать только по причине ухудшающегося зрения.⁷

Археологи отметили широту его взглядов, понимание им научных целей экспедиции, а также интерес к вопросам палеографии, например, методам датировки книг и рукописей по филиграммам на бумаге. Он хорошо осознавал древность и ценность хранящихся у него книг, прежде всего, «юсового» Евангелия Петра Мстиславца. Его «ученость» в вопросах православной догматики проявлялась в том, что он был способен вести богословский диспут о толковании Софии Премудрости Божьей с главным книжником и духовным наставником монастырей Верховья о. Палладием.⁸

⁵ Дневник археологической группы Н. Н. Покровского 1967 г. / Сектор археологии и источниковедения ИИ СО РАН. Машинопись. С. 31–37. Отсутствующий в Урало-Сибирском патерике фрагмент опубликован: *Казанцева Т. Г.* Материалы к изучению... С. 34–35.

⁶ Цитата приводится по: Дневник археологической группы Н. Н. Покровского 1967 г. С. 190.

⁷ *Казанцева Т. Г.* Материалы к изучению... С. 34.

⁸ *Казанцева Т. Г.* Материалы к изучению... С. 35.

Г. Ф. Рукавицын также обладал безоговорочным авторитетом среди староверов Верховья, не только в мирских поселениях, но и в скитах. Кроме широкой образованности, отмечалось глубокое знание им богослужения. Даже представители другого собора признавали, «что служба, которую ведет Гермоген, является образцом».⁹

Ведение «образцовой службы» естественным образом предполагает хорошее знание богослужебного пения. Этим знанием, он, несомненно, обладал. Участники экспедиции 1967 г. пишут: «В наше присутствие вместе со снохами пел демественным и знаменным пением».¹⁰

Однако археографам не удалось выяснить, где конкретно Гермоген Федорович получил певческое образование. Указывается только, что «пению по крюкам учился где-то особо. На этом поприще весьма преуспел и вместе с братом Иваном славился как лучший “певец” Верховья».¹¹

Авторы более позднего полевого Дневника 1977 г. мало что добавляют к этой информации. Они лишь пишут (видимо, со слов его потомков, так как к этому времени Гермогена Федоровича уже не было в живых), что деместву он учился у некоего Самарина.¹² Выяснить, кто такой Самарин, в настоящее время не представляется возможным в связи с чрезвычайной распространенностью фамилии и неспецифичностью ее для старообрядческой среды.

Среди близких по географическому ареалу начального этапа жизни Гермогена Рукавицына обнаруживается имя Василия Самарина — одного из отцов поморского согласия, полемиста, участника Курганского собора 1924 г.,¹³ который вряд ли мог быть учителем пения представителя другой старообрядческой субконфессии. Кроме того, репертуар демественного распева в поморском старообрядчестве крайне ограничен, этот стиль унаследовали и культивировали старообрядцы беглопоповского корня.

В пропагандистской книге А. Долотова также упоминается некий Самарин, якобы член контрреволюционной монархической организации в Урянхее, действовавшей там до 1921 г.¹⁴ Этот факт позволяет предположить проживание в одно время и рядом с Рукавицыными

⁹ Казанцева Т. Г. Материалы к изучению... С. 35.

¹⁰ Казанцева Т. Г. Материалы к изучению... С. 34.

¹¹ Казанцева Т. Г. Материалы к изучению... С. 34.

¹² Дневник экспедиции в Тувинскую АССР. 1975, 1976, 1977 гг. / Сектор археографии и источниковедения ИИ СО РАН. Рукопись. Л. 72 об.

¹³ Мангилов П. И. К истории поморского согласия на Урале в XVIII–XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 41.

¹⁴ Долотов А. Церковь и сектанство в Сибири. Новосибирск, 1930. С. 70.

представителей данной фамилии, один из которых мог быть учителем пения. Но это тоже лишь предположение, не имеющее веских оснований.

К сожалению, о старообрядческих школах в урало-сибирском регионе, где молодые старообрядцы обучались бы богослужебному пению, в настоящее время фактически ничего не известно. Таким образом, вопрос о том, когда и где проходило это обучение — на Урале, на Алтае или в Туве — остается открытым. Но учитывая, что в Урянхайский край Г. Ф. Рукавицын приехал уже взрослым (28 лет), а на Алтае, видимо, семья пробыла недолгое время, пению он все же обучался в Нижнем Тагиле.

В свою очередь, судя по качеству пения, он получил не просто домашнее, а именно специальное образование в данной области. Об этом свидетельствует тот факт, что Рукавицын не только умел петь по знаменной и демественной нотации, но и владел крюковой каллиграфией. Согласно сведениям Дневника 1977 г., его руке принадлежали не менее семи певческих рукописей. Ирмосы и Трезвоны находились у его сына Макария, Октай, Обиход и Сборник, включающий Обиход и Трезвоны, а также Демественник — у второго сына, Прокопия. Написанные им Стихиры праздничные и Обиход хранились в одном из женских скитов у м. Варсонофии.¹⁵ В 1967 г. археографы отметили, что последнюю свою книгу — «крюковой обиход в лист» — он «написал еще этой зимой» «несмотря на весьма слабое зрение».¹⁶ К сожалению, ни одна из крюковых рукописей, написанных Г. Ф. Рукавицыным, не поступила в фонды ИИ СО РАН, поэтому трудно судить, насколько профессиональным был почерк писца в плане начертания знамен. Но в любом случае, владение письменной грамотностью указывает на гораздо более высокий уровень певческого профессионализма, чем просто умение петь по крюкам.

Облик Рукавицына-мастеропевца дополняют аудиозаписи, сделанные А. Н. Кручининой и Г. П. Ениным. Дневники соответствующих аудиозаписям лет, к сожалению, не найдены, поэтому контекст их проведения остается неизвестным. Однако сохранилась краткая рукописная опись аудиоматериалов,¹⁷ выполненная двумя почерками¹⁸ в школьной тетради в косую линейку, которая была обнаружена в фондах Сектора археографии и источниковедения ИИ СО РАН уже после оцифровки аудиокolleкции и ее научного описания.

¹⁵ Дневник экспедиции в Тувинскую АССР. 1975, 1976, 1977 гг. Л. 74 об.–75.

¹⁶ *Казанцева Т. Г.* Материалы к изучению... С. 34.

¹⁷ Опись магнитных пленок, записанных в экспедициях ИИ СО РАН в 1969–1971 гг. / Сектор археографии и источниковедения ИИ СО РАН. Рукопись.

¹⁸ Вторым почерком описаны материалы, записанные в Барнауле.

Согласно данной описи, первые записи были сделаны в 1969 г. Было записано всего четыре образца (два богослужебных песнопения и фрагменты двух духовных стихов) звучанием в общей сложности около 5 мин.¹⁹ Судя по всему, это была пробная запись, выполненная участниками экспедиции этого года. Ее значение может быть оценено как принципиально важный этап работы исследователей с носителем традиции — получение разрешения на аудиозапись от представителя крайне герметичного часовенного согласия. Судя по Дневникам, многие скитники Верховья отказывались петь в «бесовскую машинку». Кроме того, уже в пробной записи Гермоген Федорович показал себя знатоком знаменного и демественного распева, а также как исполнитель духовных стихов (см. нотный пример 1 в приложении 1²⁰).

Целенаправленная работа с исполнителем в основном была проведена в 1970 г. Тогда от Г. Ф. Рукавицына и членов его семьи было записано пять небольших пленок. На пленке 1970 г. № 4 записаны только голоса сыновей и снохи Гермогена Федоровича Феврусии Афанасьевны. Пленка 1970 г. № 5 утрачена, о чем приходится только сожалеть, так как на ней были записаны несколько духовных стихов в исполнении Рукавицыных, в том числе редкие: «В чистом поле при долине» («О юном иноке»), «По лугу, лугу течет реченька» (вариант стиха о расставании души с телом), «Монастырь верхний» (предположительно, о Верхнем Спасо-Преображенском монастыре на р. Ир-гиз, который до 1841 г. был беглопоповским, а затем стал единоверческим). По счастью, напевы двух первых стихов фрагментарно были записаны экспедицией 1977 г. от Ф. А. Рукавицыной и неизвестной исполнительницы соответственно. А фрагмент стиха «Монастырь верхний» вошел в репертуар детского ансамбля «Октай» из Кызыла, который исполняет стихи, записанные в Верховье его руководителем Н. В. Пономаревой, хотя сохранность аутентичного напева в этом исполнении может быть поставлена под некоторое сомнение.

Кроме того, при сопоставлении рукописной описи и собственно аудиозаписей были обнаружены труднообъяснимые утраты на пленке 1970 г. № 2, представляющие собой, согласно описи, духовный стих «О Рождестве» и «Трисвятое греческого распева». Отсутствие на записи этих образцов можно объяснить разрушением части пленки, однако песнопения на стороне В сохранились фактически полностью. Аналогичные утраты наблюдаются на пленке 1970 г. № 3, где на стороне А отсутствует начальное песнопение на целовании Креста «Иже Крестом ограждаеми», указанное в описи.

¹⁹ Опись магнитных пленок... 1969 г., № 7. Полный репертуар песнопений и духовных стихов, записанных от Г. Ф. Рукавицына, приведен в приложении 2 к статье.

²⁰ Нотировки выполнены Е. А. Омаровой.

Таким образом, в нашем распоряжении всего три неполных пленки (около 1 ч. звучания), зафиксировавших голос Гермогена Федоровича. Тем не менее на записях представлен достаточно широкий спектр видов пения, сохранившихся в богослужбной практике старообрядцев региона. Прежде всего, это простые силлабические (речитативные) формы пения на самогласен и на подобен. Таких образцов немного, так как собирателей преимущественно интересовало пение по крюкам, а не устное пение «по моделям». Тем не менее, были записаны образец самогласна 1-го гласа «Вечерняя наша молитвы» (нотный пример 2), стихира Иоанну Богослову «Видитель неизреченных откровение», исполненная на подобен 1-го гласа «Небесным чином радование», и образец подобна того же гласа «Прехвальнии мученицы».

Столповой знаменный распев представлен разными стилистическими формами — более простыми напевами ирмосов воскресных канонов всех 8-ми гласов и более сложными — антифонов степенных (1–3-го гласов) и евангельских стихир (нотный пример 3), обильно украшенных фитными мелизматическими распевами.

Были также записаны обиходные песнопения невматического и мелизматического стилей — «Достойно» на полунощнице, псалмы полиелеоса, задостойники — на литургии Василия Великого «О Тебе радуется, Обрадованная» (нотный пример 4) и на молебне «Владичице, приими молитву», комплекс Пасхальных песнопений: стихиры на хвалитех 5-го гласа «Да воскреснет Бог», светилен большого распева, прокимен «Кто Бог велий».

Наконец, задостойник Пасхе, антифон 4-го гласа «Святым Духом всяка душа живится» и псалом 136 были исполнены Г. Ф. Рукавицыным демеством (нотный пример 5).

Кроме названных сохранилась еще одна пленка, которая по содержанию соотносится в описи с последней пленкой из коллекции 1971 г., обозначенной римской цифрой V. Ее рукописное описание ограничивается указанием: «Запись пения Г. Ф. Рукавицына». Остальные четыре пленки коллекции этого года представляют собой самозапись, сделанную семьями сыновей Рукавицына, в связи с этим трудно сказать, кем и когда выполнена запись на пленке V — собирателями или детьми Гермогена Федоровича.

На пленке 1971 г. № V зафиксированы пять песнопений столпового знаменного распева из Октоиха (богородичен-догматик, глас 5 «В Чермнем мори браконескусныя», отдельные тропари степенного антифона 5-го гласа «Внегда скорбети ми», блаженна того же гласа «Разбойника на кресте», две стихиры на стиховне 3-го и 6-го гласов «Страстию Твоею Христе» и «Воскресение Твое, Христе Спасе»), а

также распетая на самогласен 6-го гласа стихира предпразднства Рождества Христова «Ангельския предыдите силы». Судя по попавшим на запись фрагментам разговоров, Гермоген Федорович пел по памяти, так как в моменты остановок женский голос напоминает ему текст, а иногда и напев, воспроизводя их по книге. Видимо, к этому времени исполнитель потерял зрение.

Репертуар, записанный от Г. Ф. Рукавицына, помимо того, что требует детального музыковедческого исследования, заставляет задуматься над целым рядом вопросов более широкого плана. Например, пение демеством, позднее не фиксировавшееся в практике часовенных, позволяет утвердиться во мнении, что демественный распев составлял общую традицию старообрядцев беглопоповцев, сформировавшуюся (судя по времени появления книги Демественник) в XVIII в. и позднее — после разделения их на поповцев и «новых» беспоповцев — культивировавшуюся обеими ветвями, а не только представителями белокриницкого согласия. Напомним, что сам Гермоген Федорович уже в XX в. переписал Демественник, который затем хранился у его сына Прокопия.²¹

Требуется дальнейшего осмысления факт исполнения Г. Ф. Рукавицыным двух необычных для часовенных песнопений — «Трисвятого греческого распева» и Херувимской болгарского распева (нотный пример 6).

Как отмечалось выше, запись первого образца утрачена, поэтому исполненный певчим напев неизвестен, но следует полагать, что имеется в виду не музыкальный стиль, появившийся в практике Русской Церкви во время реформы по инициативе патриарха Никона и потому полностью отсутствующий в старообрядческих певческих рукописях, а так называемое Трисвятое «греческое» с инципитом «Агиос о Феос».

В старообрядческой рукописной традиции известны два варианта Трисвятого «греческого». Первый из них встречается в ранних (XVIII — начала XIX в.) Демественниках и, вероятно, является «наследием» древнерусских 4-голосных сборников демества, создававшихся, по мнению исследователей, в среде государевых и патриарших певчих дьяков.²² Второй (с другим напевом и в знаменной нотации) примерно с конца XIX в. начинает включаться в певческие рукописи и издания старообрядцев поповцев, преимущественно в Обедницы,

²¹ Дневник экспедиции в Тувинскую АССР. 1975, 1976, 1977 гг. Л. 74 об.

²² Гипотеза о происхождении зафиксированного в старообрядческих певческих рукописях монодийного варианта демества путем вычленения из 4-голосных партитур соответствующего голоса принадлежит М. В. Богомоловой. См.: *Богомолова М. В. Демественный распев* // Православная энциклопедия. Т. 14. М., 2007. С. 366.

содержащие последование литургии Иоанна Златоуста и других, или в Обиходы (преимущественно гуслицкого письма) в раздел дополнительный наряду с другими песнопениями литургии (иногда также грекоязычными). Таким образом, речь идет о книгах и подборках песнопений, актуальных в то время только для Белокриницкой Церкви, восстановившей в 1846 г. полную священническую иерархию, а судя по изданию в 1909 г. Лазарем Калашниковым «Обедницы знаменного и демественного распева» — прежде всего, для архиерейского служения.²³ В каком контексте Трисвятое «греческое» могло исполняться у часовенных — не вполне понятно.

Еще больше вопросов вызывает исполнение Херувимской песни болгарского распева (нотный пример 6). Болгарский распев, как и греческий, — стиль позднего происхождения, возникший не ранее второй половины XVII в. и культивировавшийся преимущественно в практике пореформенной Церкви. Как правило, им распета только Херувимская (иногда вкупе с задостойником Пасхе). «Болгарская» Херувимская появляется в то же время и в тех же певческих книгах, что и Трисвятое «греческое», — Обедницах и дополнительных подборках песнопений литургии в позднейших гуслицких Обиходах. В частности, одной из ранних ее фиксаций является вышеупомянутая «Обедница архиерейского служения» Л. Ф. Калашникова.

Херувимская песнь как таковая исключена из богослужбной практики часовенных-беспоповцев из-за утраты священства и литургии. Между тем, «болгарская» Херувимская стала первым песнопением, которое Г. Ф. Рукавицын решил продемонстрировать для аудиозаписи в 1970 г. Кроме того, по наблюдениям участников экспедиции 1977 г., певчий включил эту Херувимскую в один из переписанных им Сборников, хранившихся у его сына Прокопия. Авторы Дневника предполагают, что он это сделал по причинам эстетического характера: «В тех Обиходах, которые используются у часовенных данного региона нет места для песнопений, записанных другими видами распева, т. к. они в службе не употребляются. Но Гермоген Рукавицын, хорошо знающий знаменное пение, выписал в этот сборник заинтересовавшие его песнопения из какого-то более полного неизвестного нам Обихода».²⁴

Но возможно и другое объяснение. Гермоген Федорович спел только начальную строку Херувимской песни, оговорившись: «Не знаю я на память».²⁵ Это означает, что певчий первоначально был

²³ См. «Чин облачения» в: Обедница знаменного и демественного распева с архиерейским служением. Киев, 1909. Л. 91–92 об.

²⁴ Дневник экспедиции в Тувинскую АССР. 1975, 1976, 1977 гг. Л. 80 об.–81, сн.

²⁵ Пленка 1970 г. № 1, А.



Новоникольск, 1980 г.

уверен, что сможет спеть наизусть некогда хорошо выученный музыкальный текст, следовательно, у него был достаточный опыт исполнения этого песнопения. Это, в свою очередь, заставляет предположить, что семья Федора Рукавицына до прибытия в Урянхайский край (или некоторое время до этого) не принадлежала часовенному согласию.

Постановка специальной задачи выяснения субконфессиональной принадлежности семьи Рукавицыных, конечно, требует дополнительных глубоких разысканий, выходящих за рамки музыковедческого исследования. В настоящий момент следует ограничиться лишь некоторыми наблюдениями.

Фамилия Рукавицыных неоднократно встречается в исследовательской литературе об уральских старообрядцах. Согласно ей, представители этого рода в конце XIX в. принадлежали разным согласиям. Так, Ю. В. Боровик называет некоего В. И. Рукавицына из с. Ильинское, в первое десятилетие XX в. уклонившегося из часовенных в странники.²⁶ В двух разделах коллективного труда уральских археографов упоминаются братья Василий Сергеевич и Стефан Сергеевич Рукавицыны, жители Юго-Кнауфского завода, бывшие часовенные, перешедшие в белокриницкое согласие и рукоположенные в

²⁶ Боровик Ю. В. Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905–1927). Екатеринбург, 2019. С. 41–46.

священники в 1887 г.²⁷ Иерей В. С. Рукавицын позднее был переведен в Пермь.²⁸

Исследования уральских историков показывают, что в Нижнем Тагиле, откуда, предположительно, были родом тувинские Рукавицыны, начиная с 40-х годов XIX в. — после введения единоверия и восстановления белокриницкой иерархии — возникли чрезвычайно сложные отношения между представителями обеих Церквей, а также не принявшими ни одну из них часовенными.²⁹ Границы между согласиями, очевидно, были предельно размытыми, так как все три направления в недавнем прошлом составляли единое сообщество «заводских» беглопоповцев, в целом тяготеющих к священству. Таким образом, к концу XIX в. семья Федора Рукавицына могла оставаться на позициях часовенного согласия, но могла и примкнуть к одному из «поповских» течений — Белокриницкой Церкви или единоверию.

Судя по манере пения, Г. Ф. Рукавицын в молодости пел на клиросе в храме, имевшем достаточно большой хор. Отсюда «окультуренная» техника звукоизвлечения, прикрытый звук, приемы цепного дыхания. Однако большие хоры и хорошо обученные певчие были как у единоверцев и представителей белокриницкого согласия, так и у часовенных (особенно в монастырях).

Самым весомым доводом является сохранившийся в памяти исполнителя репертуар. Он может говорить о том, что в приходе, где пел молодой Гермоген Рукавицын, был священник и служилась литургия, даже архиерейская. Если учитывать только этот факт, то, скорее всего, это был белокриницкий приход. Предложенные здесь размышления являются лишь одной из наиболее вероятных версий. Способствовать ее доказательству может лишь нахождение в будущем новых сведений и фактов.

²⁷ Клюкина Ю. В. Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX — начале XX в. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 99–100.

²⁸ Белобородов С. А. «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири: Из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви — белокриницкого согласия // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 154.

²⁹ См., например: Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала: Страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII — начала XX в. Екатеринбург, 2017. С. 184–192.

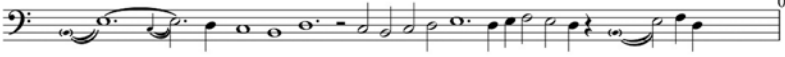
Приложение 1

Нотные примеры

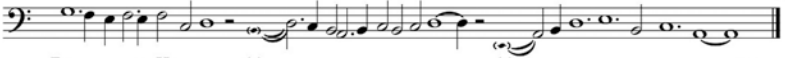
Пример 1

Песнопение «Свят Господь Бог наш» демественного распева
Одно из первых песнопений, записанных от Г. Ф. Рукавицына

$\text{♩} = 100$



0:18:10
Свя - - - - - т Го - - - - - спо - - - - - (о) - идь



0:25:08
Бо - - - - - г На - - (а) - - - - - (а) - - - - - ш

Пример 2

Стихира-самогласен, глас 1
«Вечерняя наша молитва»

$\text{♩} = 94$



0:05:65
Ве че - рня я на ша мо ли твы -



0:05:02
при ми Свя ты е Го спо ди - -



0:06:03
и по даждь нам ос та в ле ни е гре хов



0:05:27
я - ко Ты е лин е си яв ле - - й



0:05:87
в ми ре Во скре се - ни е

Пример 3

Стихира Евангельская знаменного распева, глас 3
 «Магдалине Мария Спасово благовестующей»

♩ = 75

0:05:06
 [Магдалине] Ма - - - ри - - - я -

0:19:47
 Спа - - - (а) - - - со во - - - бла - го - ве - ству - - ю - - шим

0:18:89
 И - же из мер твы - -х во - скре се - - ни - (е) - и - я - вле - - ни - - е

0:37:76
 Не - ве ру ю - ще у - че - ни цы по на - си - ми - бы - - - ща - ожесто - се - рди - и -

0:15:79
 но - зна мени и - на - пол ни - ша ся и - чу - де - - - - с

0:12:89
 про - по - ве - да - ни - - ю - - во - зсы - ла - - ю - - тся

0:32:20
 А те - - мже - Го - спо ди - - - - (и) - - - - (и) - - - -

0:27:55
 к Пе - рво - све ту на - ча - ль ни - - - ко - - - - - м Вознес - - - - ся - О - тпу

0:29:16
 О - ни же - про - по - ве - да - ша - - - - - (а) - - (а) - - всю - ду - сло - - во

0:10:81
 чу - де - сы - - ве - - ро - - е - - ми -

0:34:50
 Те - бе про - све - ти - - - - - ше вся - - - - и - - - хра - - - ди -

0:25:65
 сла ви - м тва - е (е) же - изме - ртвы - - во - скре се - ни - - е че ло ве - ко - лю - - - - бче -

0:7:17
 сла - ва Го - спо - - ди

Пример 4

Задостойник на литургии Василия Великого
«О Тебе радуется, Обрадованная»

♩ = 57

0:18:62
О Те - бе ра - - - ду - ет ся о бра - - до - ва - нна я -

0:07:41
вся - - ко - я - тва - рь

0:11:00
а - - хра - - - - гельски - и со бор

0:12:83
и - че - ло - ве - - ческий и ро - - - - - д

0:20:34
О - свя - - ще - - (е) - - - - - ен на - це - - - - р кви - - -

0:10:35
и - Ра - - ю сло - ве - - - - сны и

0:15:32
Де - - встве - нна - я - по - - - - хва - - ло - - - - -

0:14:37
из - не - - я же - Бо - - г во пло ти - - - - - ся - -

0:10:15
и - мла - де - не - - цы - - - - сть

0:13:19
и же - - пре - же - ве - - - - к сы - - й Бо - г наш

0:15:70

Ло же - сна - бо Тво я пре - стол со - тво - ри - м

0:09:17

И тво - е же - чре - - - - - во -

0:10:68

про - стра - нне - - - - - й[ши] не - бе - - - - - с

0:11:33

со - де - - - - - ло - Де - ви - - - - - цы - -

0:17:45

О Те - бе - - ра - ду ет ся О бра - - до - ва - нна я -

0:06:24

вся - - ка я - тва - - рь

0:10:30

сла - - ва - - - Те - - бе - -

Псалом 136, статья 1, демественный распев
«На реце Вавилонстей»

$\text{♩} = 87$ 0:06:60

На - ре це Ва - ви - ло нстей

0:09:77

та мо се до - хом и пла - ка хом

0:26:95

внегда - - по мя ну (у) - - - ти - на - м си - о (о) - - - - - на

$\text{♩} = 63$ 0:16:84

На - ве р(и) би (и) - - - по - - - сре де - е - я - -

0:16:23

о бе - - - си - хо - - мо - рга - ны - на - - - ша

0:14:42

Я - ко т(у) - во про си ша нас пле - нши - - е - нас

0:10:70

сло - ве - - с пе - - - - е сне - й

0:32:80

и ве - - - дши и на - - - - - с от *реальная высота* *записано на пол тона выше* пе - - - ния (а) - -

0:16:24

во - спо - й те - - - на - - (а) - - - - - - - - - - м

0:08:83

от пе - - сней Си о - (о) - н ских

0:15:69

Ка ко - во - спо - е - м пе (е)-снь Го спо - - дно

0:09:70

на - зе - мли - - чу жде - й

0:35:50

А - - - ллилу - (у) - и - - я - - - - - (а) - - - - -

Пример 6

Херувимская песнь, болгарский распев
(начальный фрагмент)

$\text{♩} = 58$

И - - - - - же Хе ру ви - - - - - ми

та - - - - - йно - (о) - бра зу (у) - - - - - ю ще - - -

Приложение 2

Репертуар песнопений, записанных от Г. Ф. Рукавицына
в экспедициях 1969–1971 годов

Пленка 1969 г. № 7

Сторона А

1. Песнопение «Свят Господь», демественный распев – 0:44
2. Духовный стих «О Закхее» (фрагмент) – 0:52
3. «Достойно есть», глас 6 (дополнительно слышен женский голос) – 2:17
4. Духовный стих «О потопе» (фрагмент) – 0:50
Все образцы записаны без начала

Пленка 1970 г. № 1

Сторона А

1. Херувимская песнь болгарского распева (начало) – 1:01
2. Стихира евангельская 1, глас 1 «На гору учеником идущим», знаменный распев – 2:31
3. Стихира евангельская 3, глас 3 «Магдалыне Мария» знаменный распев – 4:42
4. Псалом 136 «На реце Вавилонстей» (1-я строфа), демественный распев – 3:42
5. «Достойно есть боголепно», глас 5 (дополнительно слышны женские голоса) – 3:00
Сторона В
6. «Господоначальную Херувим», глас 5 (дополнительно слышны женские голоса) – 1:25

7. Полиелеос (фрагмент, без начала, от слов «Хвалите раби Господа») — 2:54
8. Задостойник Пасхе «Светися, светися новый Иеросалиме», демественный распев (без окончания) — 3:45
9. Степенный антифон, глас 4, тропарь 3 «Святым Духом всяка душа живится» демественный распев — 3:18

Пленка 1970 г. № 2

Сторона А

1. Задостойник на литургии Василия Великого, глас 8 «О Тебе радуется, Обрадованная» — 3:45
2. Задостойник на молебне «Владычице, прими молитву» — 3:49
3. Псалма «Составьте согласные песни» (1 куплет) — 0:45
4. Ирмос воскресного канона, глас 1 «Твоя победительная десница», знаменный распев — 0:40
5. Ирмос воскресного канона, глас 2 «Во глубине потопа древле», знаменный распев (в начале даны комментарии о пении ирмосов) — 1:28
6. Ирмос воскресного канона, глас 4 «Моря Чермнаго пучину», знаменный распев (комментарий: «Этот глас поют быстро») — 1:08
7. Ирмос воскресного канона, глас 3 «Иже воды древле», знаменный распев — 1:03
8. Ирмос воскресного канона, глас 5 «Коня и всадники», знаменный распев — 0:43
9. Ирмос воскресного канона, глас 6 «Яко по суху», знаменный распев — 0:37
10. Ирмос воскресного канона, глас 7 «Манием Ти», знаменный распев — 0:49
11. Ирмос воскресного канона, глас 8 «Вооружена фараона», знаменный распев — 1:01

Сторона В

12. Стихира самогласна, глас 1 «Вечерняя наша молитвы», обиходный силлабический напев — 0:21
13. Стихира на самогласен «Видите неизреченных откровение», обиходный силлабический напев — 0:53
14. Подобен, глас 1 «Прехвальнии мученицы» — 1:03
15. Степенные антифоны, глас 1, антифоны 2 и 3, знаменный распев — 4:34
16. Степенные антифоны, глас 2, знаменный распев — 9:05
17. Степенные антифоны, глас 2, антифон 1, знаменный распев — 2:33

Пленка 1970 г. № 3

Сторона А

Исполнители: Рукавицыны Г. Ф., М. Г., П. Г., Ф. А.

1. Псалом 103 (без начала и конца) — 7:45
 2. Богородичен, глас 8 «Царь Небесный за человеколюбие», знаменный распев (без начала и конца, в конце дефект записи или пленки) — 3:28
- Сторона В
3. Стихиры Пасхе, глас 5 «Да воскреснет Бог», знаменный распев — 8:45
 4. Светилен Пасхе «Плотию уснув», большой знаменный распев — 1:25
 5. «Кто бог велий яко Бог наш» (очень тихий конец) — 0:46

Пленка 1971 г. № V

Сторона А

1. Богородичен-догматик, глас 5 «В Чермнем мори браконескусныя», знаменный распев — 3:29
 2. Анtifон степенный, глас 5 «Внегда скорбети ми», знаменный распев (отдельные тропари) — 2:37
 3. Блаженна, глас 5 «Разбойника на кресте» — 1:41
 4. Стихира на стиховне, глас 3 «Страстию Твоею Христе», знаменный распев — 1:19
 5. Стихира на стиховне, глас 6 «Воскресение Твое, Христе Спасе», знаменный распев — 1:12
 6. Стихира «Ангельския предыдите силы», на самогласен — 0:54
- Запись некачественная, во всех образцах дополнительно слышен женский голос. Авторы записи не установлены.

Список литературы

- Белобородов С. А., Боровик Ю. В.* Староверы горнозаводского Урала: Страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII — начала XX в. Екатеринбург, 2017. 382 с.
- Белобородов С. А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири: Из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви — белокрыницкого согласия // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 136–177.
- Богомолова М. В.* Демественный распев // Православная энциклопедия. Т. 14. М., 2007. С. 364–367.
- Боровик Ю. В.* Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905–1927). Екатеринбург, 2019. 212 с.

- Дневник археографической группы Н. Н. Покровского 1967 г. // Урало-Сибирский патерик: Тексты и комментарии. Т. 3. Кн. 2. М., 2016. С. 153–193.
- Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930. 126 с.
- Казанцева Т. Г. Из начальной истории полевых исследований старообрядческой богослужебно-певческой культуры на территории Сибири // Древнерусское песнопение: Пути во времени. Вып. 10: К 100-летию открытия кафедры древнерусской музыки в Петроградской государственной консерватории. Сборник статей по материалам научно-творческого симпозиума «Бражниковские чтения — 2021». СПб.; Саратов, 2022. С. 315–328.
- Казанцева Т. Г. Материалы к изучению богослужебно-певческой традиции староверов-часовенных Верхнего Енисея // Музыкальная культура Сибири: Источники, традиционные и академические формы творчества. Сборник статей Всероссийской научной конференции (25–26 октября 2018 г.). Новосибирск, 2018. С. 28–64.
- Казанцева Т. Г., Омарова Е. А. Богослужебно-певческая культура старообрядцев часовенного согласия верховья Малого Енисея в 60–70-е годы XX века: По материалам археографических экспедиций // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 286–296. <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-20.pdf>.
- Клюкина Ю. В. Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX — начале XX в. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, С. 85–135.
- Мангилев П. И. К истории поморского согласия на Урале в XVIII–XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 4–42.
- Обедница знаменного и демественного роспева с архиерейским служением. Киев, 1909. 96 л.

И. В. Починская

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КНИЖНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ КНИГОХРАНИЛИЩ
КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ИСТОЧНИК
ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА
(НА ПРИМЕРЕ КИРОВСКОГО СОБРАНИЯ ЛАИ УрФУ)***

В статье речь идет о необходимости комплексного анализа территориальных коллекций кириллических книг, собранных в ходе археографических экспедиций. На примере анализа единиц хранения Кировского собрания Лаборатории археографических исследований УрФУ показаны возможности реконструкции духовной иерархии вятских старообрядцев федосеевского согласия. Соединяя сведения оригинальных рукописных сочинений, записей разного времени на печатных книгах, отдельных листов с заметками автор реконструирует систему духовных авторитетов вятских федосеевцев XVIII–XX вв. Отправной точкой рассмотрения проблемы стали оригинальные родовые сочинения: опубликованное Л. А. Гребневым в с. Старая Тушка «О степени отеческой» и «Постепенное показание, кто от кого получил благословение...», бытовавшее в рукописном варианте.

Ключевые слова: Вятка, археографические экспедиции, история старообрядчества, федосеевское согласие, ЛАИ УрФУ.

1960–1990-е гг. — это период роста интереса к книжно-рукописной традиции, связанный в первую очередь с активизацией полевых археографических работ. Наряду с несколько ранее начавшими свою экспедиционную деятельность центральными учреждениями появилось множество новых. Археографические центры, занявшие сбором и изучением памятников кириллической письменности в среде их бытования, были созданы в Москве (МГУ), Новосибирске, Свердловске (Екатеринбург), Ярославле, Горьком (Нижний Новгород), Сыктывкаре и др. Этими центрами были собраны интереснейшие коллекции памятников поздней кириллической письменности, что стимулировало развитие, с одной стороны, камеральной археографии, с другой — исследование основных носителей древнерусской книжной традиции в новое и новейшее время и создателей на ее основе своей оригинальной книжности — старообрядцев. В XXI в. активность и масштабы полевых археографических работ существенно

* Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания, проект «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов» № FEUZ-2023-0018.

сократились и, думается, настало время подвести итоги прошедшего этапа, всесторонне оценить научное и культурное значение сформированных фондов, определить новые перспективы их использования для решения актуальных проблем современной гуманитарной науки.

Крупнейшим в стране фондом, собранным в ходе экспедиционных работ в последней четверти XX в., является книжная коллекция Лаборатории археографических исследований УрГУ (ныне УрФУ). Регулярные полевые работы проводились университетом с 1974 по 2002 г. За это время было собрано около 6000 единиц хранения конца XV — XX в. на территории огромного региона, распростершегося от Северного Урала до Казахстана, от Самаро-Саратовского Поволжья до Тюмени. Фонд состоит из 27 территориальных коллекций,¹ выделенных в соответствии с административно-территориальными единицами, существовавшими в зоне работы Уральской археографической экспедиции.

Сегодня основной задачей коллектива лаборатории является анализ уникального фонда памятников письменности ЛАИ УрФУ, нацеленный на то, чтобы, с одной стороны, посмотреть на составляющие его памятники как на своеобразный массовый источник, поскольку они отражают массовое общественное явление — книжную культуру старообрядчества, структурно и типологически однородны на всех локальных территориях, входящих в географические рамки региона деятельности экспедиции; с другой стороны — выявить уникальные памятники, отражающие своеобразие региональной традиции; проанализировав их, определить ряд научных проблем, актуальных в современной гуманитаристике, которые могут решаться с использованием этих памятников.

В данной статье на материалах одной коллекции ЛАИ, Кировской, рассмотрим использование ее как целостный источник, когда информация одной единицы хранения раскрывается и дополняется другими, позволяя полнее реконструировать некоторые эпизоды прошлого. В качестве примера обратимся только к одной проблеме — это реконструкция духовной иерархии вятских старообрядцев федосеевского согласия.

Литературная традиция старообрядцев федосеевского согласия Вятки не так богата, как у филипповцев региона. Возможно, это связано с наличием созданных в Москве сочинений по истории

¹ Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета. Ч. 1. Екатеринбург, 1994; Ч. 2. Екатеринбург, 1995; Ч. 3. Екатеринбург, 1995; Ч. 4. Екатеринбург, 1997; Ч. 5. Екатеринбург, 1998; Ч. 6. Екатеринбург, 2000. Также каталог размещен на сайте ЛАИ: <https://lai-urgi.urfu.ru/ru/drevlekhranilishche/opisi-fondov/>.

федосеевского согласия. Только в начале XX в. появилось изданное Л. А. Гребневым в 7418 (1909/10 г.) родословие федосеевцев «О степени отеческой московских, новгородских, псковских, поморских и вятских стран от последних благочестивых священнопастырей и их преемников, страдавших за древнее благочестие, иноков и простых, правящих духовными делами, коих учению и мы всеусердно последуем», отражающее местную традицию.² Одним из важнейших источников, положенных в его основу, стало сочинение, составленное Георгием Яковлевым на Преображенском кладбище в 1778 г. под названием «Собрание от церковной истории древлеправославных христиан, именуемых федосеевых и филипповых, и о их некоем междуусобном несогласии».³ Название его третьей главы полностью совпадает с наименованием выпущенного Л. А. Гребневым издания. Эта глава легла в основу общероссийских сюжетов, а заключительная часть родословия, о вятских отцах, писалась, видимо, автором на основании собственных знаний.

В сочинении «О степени отеческой» излагается история федосеевцев, начиная с раскола церкви, далее затрагивается история поморского старообрядчества, затем новгородско-псковского и в контексте его истории коротко характеризуется деятельность Феодосия Васильева и его сподвижников. Затем автор обращается к изложению вклада в историю федосеевского согласия духовных отцов Преображенского кладбища и после этого переходит к степеням отеческим на Вятке, перечисляя отцов духовных в селах Старая Тушка и Русский Турек, доводя перечисление до 1907/08 г., а также упоминает о первых отцах в д. Боровской, которая уже в 1820-е гг. стала одним из влиятельных региональных федосеевских центров с крупной молельной и скитом.

На одном из экземпляров издания «О степени отеческой» фонда ЛАИ имеется запись Л. А. Гребнева, дополняющая текст родословия, которое завершается перечислением духовных отцов с. Русский Турек. Последняя фраза печатного текста: «От Феодора, Зиновии Васильевич настал на отечество 7416 (1907/08) лета». Запись на обратном листе продолжает: «О[т] Федора же Яков Назарыч, Июда Арефиев и Егор Ермилович. О[т] Июды Алексан Аниканович и Трофим Степанович и Емельян Александрович».⁴ Упомянутый в запи-

² Подробнее о сочинении «О степени отеческой» и опубликованный текст см.: *Починская И. В.* Об издательском репертуаре типографии Л. А. Гребнева в Старой Тушке // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 6. Екатеринбург, 2005. С. 137–172.

³ БАН. Собр. Дружинина, № 351.

⁴ ЛАИ УрФУ. XVII.185п/3256. Л. нахз.

си Иуда Арефиев, видимо, родной брат Луки Арефьевича, о котором очень мало сведений. Благодаря этой записи стало известно, что он тоже принадлежал к числу авторитетных деятелей вятского староверия.

Устная традиция Южной Вятки приписывает авторство сочинения «О степени отеческой» Л. А. Гребневу. Известно также, что в начале XX в. на Вятке ходила некая «гектографированная брошюра, излагающая историю Тушкинской старообрядческой иерархии от еп. Павла Коломенского до 1900-х годов».⁵ Возможно, это то самое сочинение, которое издал позднее Л. А. Гребнев. А может быть, то, о котором речь пойдет ниже.

«Постепенное показание, кто от кого получил благословение...» входит в состав небольшого сборничка в 8-ю долю, состоящего из 9 л., на трех из них размещены написанные полууставом записи о преемственности духовной благодати от патриарха Иосифа.⁶ Довольно коротко обозначается линия Преображенского кладбища и сразу начинается вятская, которая ведется от Трофима Ивановича Кинешемского и Андрея Михайловича Московского (Судиславльского), от персонажей, имеющих общероссийское значение, сыгравших заметную роль и в истории Преображенки.

Основное внимание в сочинении сосредоточено на перечислении духовных отцов Старой Тушки. Их последовательность в основном совпадает с изложенной в издании «О степени отеческой». Но есть и внесенные составителем коррективы: так он уточняет дату смерти Ивана Ермолаевича (1845 г.), добавив к году еще день и месяц, у Павла Терентьевича (1861) не только добавляет день и месяц смерти, но исправляет и год. К общему списку духовных отцов в 1860-х гг. добавлен Иван Иванович (1866), которого нет у Гребнева. К сожалению, на бумаге сборника отсутствуют штемпели и поэтому невозможно датировать рукопись точнее, чтобы можно было более обоснованно предполагать, создана ли она на основе издания Гребнева с внесенными уточнениями, которыми располагал составитель, или наоборот, она могла послужить некой основой для печатника.

В рукописи разворот л. 7 об.–8 в начале XX в. был оставлен пустым, и в 1970-е гг. ее владелец дополнил предыдущий список. Начинает он с отцов, упомянутых в конце предыдущего списка, но не так, как написано в этой рукописи, а дает прямую цитату из издания Гребнева: «Филип Ильич настал 7409 м. От Филипа — Иван Ивано-

⁵ Семibrатов В. К. Просветитель Л. А. Гребнев и родословие вятского старообрядчества // Научный вестник Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института. 2002. № 12. С. 88–92.

⁶ ЛАИ УрФУ. XVII.172p/5075. Л. 6–7, 8 об.



А. Х. Элерт и А. Т. Шашков в Крыму. 2004 г.

вич и от Филипа же — Фока Ильич, настал на отечество 7412 лета». Интересно, что записи о духовных отцах с 1901 по 1940 г. даны с приведением либо дат благословения, либо дат смерти. Причем по этим записям получается, что с начала 1920-х гг. до 1940 г. было только два духовных отца — Захарий Михайлович и Яков Петрович. После 1940 г. до начала 1970-х гг. имена перечислены без всяких дат. С большой долей вероятности можно сказать, что составителем этого дополнительного списка была Анна Даниловна Хлюпина, которой рукопись именно в это время и принадлежала. Следует отметить, что Хлюпины — это очень известный и авторитетный старообрядческий род на Вятке.

Конечно же, имея в руках список с минимальной информацией о персоналиях, хотелось бы найти побольше сведений об этих людях. Подробный просмотр материалов, входящих в Кировское собрание, дал свои результаты.

Единица хранения коллекции XVII.181p/5087, на первый взгляд, не подходящая для фондового хранения. Она представляет собой картонные корки от книги записей почтовых повесток 1890-х гг. и вложенный в нее листок с несколькими записями, среди которых выделяется написанная карандашом: «1922 г. февраля 13 го преставился раб божии Фокеи Ильичь Хлюпин». Думаю, что с учетом совпадения нетривиального сочетания имени и отчества, хронологического пе-

риода, авторитетности фамилии, можно с большой долей вероятности утверждать, что духовный отец Фока Ильич, с которого начинается запись на л. 7 об. (см. цитату выше), и указанный в рукописном листе XVII.181р/5087 Ф. И. Хлюпин — одно и то же лицо.

В составе коллекции есть Минея праздничная единоверческой печати второй половины XIX в. с записью: «№ 36 по описи. Настоящая книга Минея праздничная продана за цену пять руб. обществу христиан починка Верхняго Шишкина от Тушкинского молитвенного дома лета 7424 (1918) декабря 16 го дня. Иконом молитвенного дома Лука Гребнев, Иоанн Венедиктов Петухов, Стефан Антышов, Иван Иванов Пислигин».⁷ Здесь перечислены лидеры общины второго десятилетия XX в., и если сопоставить эти имена с теми, что указаны в «Постепенном показании», то возникают предположения по поводу их фамилий, что существенно облегчает дальнейшие поиски биографических данных.

Имена и отчества всех, кроме одного, указанных в записи на Минее лиц, совпадают с упомянутыми в «Постепенном показании». В родословном сочинении назван Венедикт Иванович, а в записи на книге — Иоанн Венедиктов Петухов. Имя Венедикт не самое распространенное у вятских старообрядцев и не думаю, что много Венедиктов было в небольшой деревне Старая Тушка. Поэтому, полагаю, вполне допустимо предположение, что духовный отец Венедикт Иванович, умерший в 1916 г., как пишет «Постепенное показание», — отец Ивана Венедиктовича Петухова.

Таким образом, благодаря записи на книге фрагмент «Постепенного показания» на л. 7 об. будет выглядеть следующим образом: «Филип Ильич настал 7409-м (1901). От Филипа — Иван Иванович [Пислигин] и от Филипа же — Фока Ильич [Хлюпин], настал на отечество 7412 лете (1904), престал отечествова. От Иоанна Ивановича Филип Григорьевич получил благословение на отечество 20/II 7421, преставился IV/ II 7421 (1913 год). От Филипа — Вендикт Иванович [Петухов] получил благословене в марте 7421 (1913), преставился 7424 (1916 год). Стефан Никитичь [Антышев] получил благословение на отечество от Виндикта Ивановича 6/II 7422 в лето (1913)». Кроме этого, установлена дата смерти Фоки Ильича Хлюпина.

Запись на Минее праздничной попутно помогла установлению авторства еще одного федосеевского сочинения из Кировского собрания ЛАИ. Во время экспедиции вместе с «Постепенным показанием» была получена рукопись под названием «Устав недоразумительных дел в праздничных службах»,⁸ также принадлежавшая А. Д. Хлюпи-

⁷ ЛАИ УрФУ. XVII.109п/2958. Л. форз.

⁸ ЛАИ УрФУ. XVII.166р/4955.

ной. В ней даются рекомендации о том, как правильно совершать службы в сложных случаях, когда возникают затруднения по поводу чтения, пения, каждения и т. п. «Устав» содержит множество детальных практических замечаний. В рукописи также отмечаются спорные для тушкинских федосеевцев аспекты богослужебной практики, в которых даются ссылки на мнение Л. А. Гребнева, как на авторитетное лицо в разрешении конфликтных ситуаций. Там отмечается, что он ездил для консультаций в Москву на Преображенское кладбище. «Устав» — довольно интересное сочинение, добавляющее новые штрихи к представлениям о внутренней жизни общины и, шире, о том, какие вопросы волновали федосеевцев в начале XX в. Конечно, хотелось установить его автора. И вот как раз запись на Минее праздничной позволила это сделать. Основная часть записи и имя Гребнева написаны его почерком, остальные имена — разными почерками. Логично предположить, что все остальные подписи, как и подпись Гребнева, являются автографами указанных лиц. Почерк Ивана Венедиктовича Петухова оказался идентичен почерку писца «Устава».

Вернемся к тексту «Постепенного показания». К последним его записям, относящимся к 1970-м гг., в Кировском собрании лаборатории также нашлись дополнительные сведения. В самом конце рукописи на л. 8–8 об. читаем: «Помер Ефим Иванович 21 июля, по-новому в 1971 г. 1971 (так в источнике!). После Ефима Иваныча 30 июля наступил на отечеств Буторин Дии Федорыч, преставился 24 ноября 1973 г.». В нашем фонде оказались протоколы общего собрания старотушкинской общины 1970 и 1974 гг. оба собрания были посвящены выборам настоятеля общины. 4 мая 1970 г. настоятелем выбран Дей Федорович Буторин, а «Постепенное показание...» информирует, что спустя более года он был благословлен в духовные отцы и 24 ноября 1973 г. умер. Собрание общины от 27 февраля 1974 г. выбрало нового настоятеля, им стал Ипат Андреевич Кожевников из с. Пиляндыш, которого мне уже посчастливилось знать.

Приведенный в статье пример демонстрирует один из многих аспектов исследования возможных реконструкций исторических событий, биографий отдельных деятелей на основе комплексного анализа территориальной коллекции. Нередко по завершении очередного полевого сезона в ходе регистрации полученных материалов происходил отсев тех, что оценивались как нефондовые. Что-то отправлялось в так называемый обменный фонд. К счастью, значительно позднее, уже в начале XXI в., была произведена переоценка единиц хранения этого обменного фонда и многие из них были перенесены в основное хранение. В настоящее время, когда ЛАИ УрФУ, прекратив полевые работы, сосредоточилась на анализе сформированных кол-

лекций, становится понятно, что включение в них всего, полученного в поле, даже отдельных листочков, кажущихся, на первый взгляд, мусором, было вполне оправданным. В комплексном анализе материалов коллекции они находят свое место в собирании информационной мозаики.

Список литературы

- Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета. Ч. 1. Екатеринбург, 1994. 152 с.; Ч. 2. Екатеринбург, 1995. 118 с.; Ч. 3. Екатеринбург, 1995. 175 с.; Ч. 4. Екатеринбург, 1997. 136 с.; Ч. 5. Екатеринбург, 1998. 112 с.; Ч. 6. Екатеринбург, 2000. 136 с.
- Починская И. В.* Об издательском репертуаре типографии Л. А. Гребнева в Старой Тушке // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 6. Екатеринбург, 2005. С. 137–172.
- Семибратов В. К.* Просветитель Л. А. Гребнев и родословие вятского старообрядчества // Научный вестник Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института. 2002. № 12. С. 88–92.

СТАТЬИ-ПУБЛИКАЦИИ

УДК 821.161'01"16"

Т. В. ПАНИЧ

Институт истории СО РАН, Новосибирск

Сочинения Евфимия Чудовского

НА ТЕМУ ПЕРЕВОДА: «О ЕЖЕ ПЕСНИ ТКАТИ»

И «О ТРОПАРЕ, ПОЕМОМ НА СВЯТУЮ ПАСХУ»*

Публикуются два сочинения, написанные в форме рассуждений на тему перевода, принадлежащие Евфимию Чудовскому — видному представителю русской духовной культуры второй половины XVII в., идеологу «грекофильства», писателю, переводчику и редактору. Оба текста отражают тему споров вокруг книжной sprawy и содержат обоснование теории «пословного» («от слова до слова» — формула Евфимия) перевода. Рассматривается содержание произведений, устанавливаются их источники. Тексты публикуются по рукописи конца XVII в. ГИМ. Синодальное собр., № 396.

Ключевые слова: Евфимий Чудовский, «пословный» перевод, литературные источники.

Публикуемые ниже тексты представляют два сочинения Евфимия Чудовского, в которых наиболее ярко проявились его литературные и эстетические взгляды, и где он выступает с изложением теории «пословного» перевода. Это небольшие трактаты «О еже песни ткасти» и «О тропаре, поемом на святую Пасху». Их списки содержатся в рукописи конца XVII в. из Синодального собрания ГИМ, № 396, 4^о, 126 л. Переплет — картон, обтянутый кожей. Большая часть сборника написана почерком Евфимия Чудовского.¹ Оба текста представлены в рукописи в двух списках. По всей вероятности, они мыслились автором в связке, как тексты, разрабатывающие одну тему. На это указывает их расположение в рукописи: в обоих случаях они следуют друг за другом, составляя две двухчастные группы: 1) листы 68–73 об., 73 об.–76 об. и 2) листы 113–118, 118 об.–121 (без конца²).

В первом сочинении Евфимий Чудовский выступает в защиту перевода с греческого языка ирмоса 9-й песни канона на Рождество

* Статья выполнена по теме госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: Актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005).

¹ Подробное описание рукописи см.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2: Писания святых отцов. Ч. 3: Разные богословские сочинения. С. 415–420.

² Во втором списке отсутствует большой фрагмент, представляющий цитату из «Жезла правления» Симеона Полоцкого (М., 1667. Л. 123), который завершает текст в первом списке. Обозначение списков «первый» и «второй» условно, оно лишь указывает на порядок их расположения в рукописи.

Христово («Любите убо нам, яко безбедное страхом удобее молчание, любовию же Дево песни ткати, спротяженно сложенные, неудобно есть»),³ выполненного его учителем Епифанием Славинецким, о чем Евфимий сообщает в своем трактате. При этом он отдает должное учености Епифания, глубине и широте его познаний в разных науках, в том числе теологии и риторском искусстве: «Многоученый же муж, не точию в грамматическом и риторском художествѣ, но и самыя философии и феологии глубин извѣстный сказатель, и искусен сый в еллинском и славенском языцѣх знатель Епифаний Славинецкий, преложи той ирмос на славенский язык по сочинению Иоанна Дамаскина».⁴ Перевод Епифания Славинецкого был непонят современниками. Недоумение вызвало использованное переводчиком слово «ткати» («песни ткати»)⁵ в значении «сочинять», «слагать» церковные песнопения. Вопрос обсуждался, вероятно, во время работы над изданием Ирмология 1657 г., в подготовке которого Евфимий Чудовский принимал участие: вместе с Арсением Греком он занимался правкой и сверкой текста по греческим образцам.⁶ Сочинение «О еже песни ткати», очевидно, стало его ответом на возникшие споры, то есть оно появилось во время работы над изданием Ирмология 1657 г. или некоторое время спустя.

Написание второго сочинения «О тропаре, поемом на святую Пасху», посвященного оправданию нового перевода пасхального тропаря «Христос воскрес из мертвых...», по-видимому, относится ко времени после 1667 г. На это указывает цитата в конце текста из «Жезла правления» Симеона Полоцкого (М., 1667) с точной отсылкой к листу издания, хотя она могла быть приписана к тексту позднее. Содержание сочинения также связано со спорами вокруг книжной sprawy второй половины XVII в. Автор предлагает здесь подробный анализ пасхального тропаря, разбирая и сопоставляя грамматическое построение фраз в исходном и переводном текстах, рассматривает их

³ См.: Ирмологий. М., 1657. С. 52–53.

⁴ ГИМ. Синодальное собр. № 396. Л. 68. Далее при цитировании текста указание на листы рукописи приводятся в скобках после цитаты.

⁵ В старом варианте было: «песнь сложити». См., например: Минея общая с праздничной. М., 1645. Л. 438 об. («Подобаше убо нам, яко без беды страхом удобь молчати, любовию же Деве песнь сложити...»).

⁶ *Сиромаха В. Г., Успенский Б. А.* Кавычные книги 50-х годов XVII века // АЕ за 1986 г. М., 1987. С. 83–84; *Андреев А. А.* Книжная справа Ирмология в Москве в XVII веке. Диссертация ... канд. теологии. СПб., 2019. С. 24–122. В последующих богослужебных книгах правка ирмосов осуществлялась по этому изданию (см.: *Крылов Г., протоиерей.* Книжная справа XVII века: Богослужебные Минеи. М., 2009. С. 363). По наблюдению А. А. Андреева, хотя все эти книги в целом и сохраняли структуру и состав издания 1657 г., он «продолжал меняться по ходу проходившей в Москве книжной sprawy» (*Андреев А. А.* Книжная справа Ирмология... С. 74).

семантические особенности, акцентирует внимание на временном значении используемых глагольных форм при переводе, доказывает правильность новой редакции текста.

Что касается характера и принципов теории перевода, которую обосновывал в своих произведениях Евфимий Чудовский, то они были детально исследованы в работах С. Матхаузеровой.⁷ В данной статье, посвященной публикации текстов филологических трактатов Евфимия, я лишь кратко остановлюсь на их содержании, а также на анализе источников, которыми пользовался их автор.

Как в первом, так и во втором сочинении Евфимий Чудовский формулирует и обосновывает теорию «пословного» перевода («от слова до слова» — так его определяет сам Евфимий). Чрезвычайно важным структурным элементом его концепции является положение о роли греческого языка как основы славянского языка и славянской культуры. Как он пишет в своем трактате «О еже песни ткати», «греческая Святая Писания — источник нам, славяном, и первообразное». Эта идея является лейтмотивом его творчества.⁸ По мнению Евфимия, переводчик должен следовать «грамматическому художеству в еллинском диалектѣ» и, подбирая эквивалент греческому слову, в точности сохранять лексическую структуру и семантику исходного текста (богослужбных и святоотеческих книг), как он подчеркивает: «ничто разума и речений, многотрудно умышленных святыми отци, премѣняя» (л. 68–68 об.). Таким образом, с точки зрения Евфимия Чудовского, работа переводчика предполагала глубокое знание не только родного, но и греческого языка, владение всем арсеналом его законов и средств.⁹

⁷ Матхаузерова С. «Слагати» или «ткати»? (Спор о поэзии в XVII в.) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 195–200; Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976; см. также: Тарковский Р. Б. О системе пословного перевода в России XVII в. // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 243–256. Д. М. Буланин определяет теорию Евфимия Чудовского как грамматическую, базировавшуюся на нормах Грамматики Мелетия Смотрицкого, которая «искусственно регламентировала церковнославянский язык по греческим парадигмам». См.: Буланин Д. М. История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. 1: Проза. СПб., 1995. С. 26–37.

⁸ В наиболее полном виде она изложена писателем в трактате «Учитися ли нам полезнее грамматики... и от чтения разум святых писаний познавати». Публикацию текста см.: Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. С. 244–261.

⁹ О влиянии греческой языковой традиции на русскую книжность в конце XVII в. см.: Страхова О. Б. К вопросу о греческой филологической традиции в восточнославянской книжной среде: Страничка из истории церковнославянского языка конца XVII — начала XVIII века // Советское славяноведение. 1986. № 4. С. 66–75; см. также: Исаченко Т. А. Переводная московская книжность: Митрополичий и патриарший скрипторий XV–XVII вв. М., 2009. С. 72–73.

Помимо обсуждения вопросов теории и практики перевода «от слова до слова» автор произведений также размышляет об искусстве слова, призывает учитывать смысловую глубину и многозначность переводимых и используемых при переводе слов, возможность их употребления в переносном значении, настаивает на необходимости понимания художественных аспектов текста («хитрости и разума витийственного искусства словес»), что предполагало знание основ и законов стихосложения, которым следовали византийские гимнографы, о переводе текстов которых шла речь в его трактатах. Полемизируя с теми, кто считал неприемлемым выбор Епифанием Славинецким глагола «ткати» в контексте песнопения «Любите убо нам, яко безбедное страхом удобее молчание, любовь же Дево песни ткати...» и настаивал на глаголе «сложити», Евфимий рассуждает о специфике текста, требующего «риторского» словоупотребления, «пиитической хитрости», привлекает внимание к иносказанию, аллегории. Он говорит о переносном значении слова «ткать», которое реализовано в песнопении, приводит множество примеров его образного употребления в литературе: «ткать» — «сочинять», «слагать» текст. Так, он ссылается на опыт Максима Грека, показывая, что он при переводе Толковой Псалтири в интерпретации 103-го псалма употребил слово «плести», «сплетать» в значении «слагать» («хвалу сплетати»). Писатель так резюмирует свои размышления: «И таковое словес плетение или ткание от творцев полагается иноглаголательне, еже ино что глаголющее, иный разум представляющее» (л. 70 об.). Таким образом, предметом внимания Евфимия Чудовского является не только теория перевода, он касается и стилистики текста, образности слова, эстетических аспектов высказывания.

Структура сочинений выстроена на основе многочисленных источников. Как правило, это отсылки к тому или иному тексту, краткие выписки (иногда в перифразах), выступающие в качестве иллюстративного материала или выполняющие функцию аргументов в споре с не названными оппонентами — противниками новых переводов. Евфимий широко привлекает цитаты из Священного Писания и патристики, богослужебной литературы, использует и другие памятники из корпуса древнерусской книжности. Так, в трактате «О еже песни ткати» он обращается к Житию Иоанна Дамаскина, напоминая о чуде исцеления Богородицей его отсеченной (в результате коварного навета) руки, и о том, что Иоанн в благодарность «соткал и ухитрословил мудрыми еллинскими краснословиями» канон Рождеству Христову. В тексте присутствуют также краткие извлечения из печатного издания Лествицы Иоанна Лествичника (М., 1647). В качестве источников Евфимием были привлечены и труды Григория Богослова.

В тексте фигурируют несколько его слов. По указаниям чудовского инока можно определить, что это следующие произведения святителя: «На великаго Афанасиа, архиепископа Александрийскаго»; «На Кесария своего брата нагробное»; «На Иулиана царя обличительное»; «На Василия, епископа Кесарии Каппадокийския надгробное». Все перечисленные слова содержатся в Сборнике переводов Епифания Славинецкого (М., 1665). Любопытно, что приводимые Евфимием Чудовским цитаты во многом совпадают с текстом слов данного Сборника. Приведу лишь два примера подобного сходства (разночтения выделены курсивом):

Слово Григория Богослова «На Кесария своего брата нагробное»

«Аз убо *благо вѣсте* все бых почтил, *ибо и словесная нѣкая суть*, яже имать извития и художества слово».¹⁰

Слово Григория Богослова «На Василия, епископа Кесарии Каппадокийския, надгробное»

«Многу еретиков отражает дерзость, *овья убо и в руки идущья близбранными оружии от языка разрацаая, овья же издалека стрѣляя стрѣлами от чернила*».¹¹

Евфимий Чудовский «О еже песни ткати»

«Аз убо все бых почтил, яже имать извития и художества слово» (л. 70 об.).

Евфимий Чудовский «О еже песни ткати»

«Многу еретиков отражает дерзость, издалека стрѣляя стрѣлами от чернила» (л. 71 об.).

Однако, несмотря на наличие текстуальных совпадений выписок Евфимия Чудовского с печатным текстом соответствующих фрагментов Сборника переводов Епифания Славинецкого (М., 1665),¹² судя по указанным писателем на полях рукописи листам его источника (листья нигде не совпадают), он пользовался каким-то другим сборником слов Григория Богослова. Очевидно, что во время написания Евфимием Чудовским сочинения «О еже песни ткати» (а оно, как представляется, появилось во время подготовки Ирмология 1657 г. или спустя какое-то время) Сборник переводов его учителя еще не был опубликован. Скорее всего, Евфимий обращался к его рукописному варианту (перевод текстов Сборника был закончен Епифанием Славинецким в 1656 г., как сообщается в предисловии издания). Не исключено, что это могла быть одна из двух рукописных книг с трудами Григория Богослова, отмеченных в описи библиотеки чудовского инока (одна из них, как значится в описи, содержала прав-

¹⁰ Сборник переводов Епифания Славинецкого. М., 1665. Л. 51 об.

¹¹ Сборник переводов Епифания Славинецкого. Л. 105.

¹² В комментариях нами приводятся для сравнения номера листов печатного Сборника переводов Епифания Славинецкого, где обнаруживаются фрагменты, с которыми текстуально близки выписки Евфимия Чудовского.



Осенние хлопоты на даче. Искитимский район, 2005 г.

ку Евфимия).¹³ Пока это лишь предположения. Требуются дополнительные научные разыскания для установления использованного Евфимием источника.

Работая над своими филологическими трактатами, Евфимий Чудовский следует изложенной в них теории словесного творчества, когда создание текста схоже с процессом ткачества. Подобно искусному ткачу, писатель словно узорами украшает, «упещряет» собственные произведения, включая в них «хитрость и разум витийственного художества словес» авторитетных предшественников, как будто «плетет» ткань текста, перемежая свои высказывания с множеством фрагментов «готового» слова — выписками из памятников традиционной книжности. Здесь уместно вспомнить слова А. М. Панченко, предельно точно характеризующие словесную теорию и творческую манеру Евфимия Чудовского: «Для него словесность в частности и культура вообще подобны бесконечной ткани, наращиваемой каждым новым поколением мастеров».¹⁴

В рассматриваемых трактатах Евфимия Чудовского отражен и его собственный переводческий опыт. Известно, что он сыграл большую роль в создании «чудовской школы» перевода — одной из ведущих школ в истории книжности Московской Руси; она отличалась специфическими лингвистическими, культурными и религиозно-идеологическими установками, особой техникой перевода, принципами

¹³ Викторов А. Е. Описание библиотеки иеромонаха Евфимия // Летописи русской литературы и древности / Изд. Н. С. Тихонравовым. Т. 5. Отд. 3. М., 1863. С. 52.

¹⁴ Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 60.

комментирования текста, ориентацией на греческий язык как основу и первообраз.¹⁵ Будучи выразителем идей греко-византийской православной учености, Евфимий Чудовский осуществил множество переводов святоотеческих и церковно-канонических текстов, оказавших влияние на развитие русской духовной культуры.

Текст произведений публикуется по рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 396, л. 68–76 об. Используется современный шрифт; сохраняется «ять» (ѣ); расстановка знаков препинания по возможности проведена в соответствии с современными правилами; имеющиеся в рукописи исправления и вставки на полях, а также особенности и разночтения второго списка обоих сочинений (л. 113–121) отмечаются в постраничных сносках, обозначенных буквенной нумерацией; текст сопровождается комментариями.

л. 68

О еже пѣсни ткати

Имн, поемый на Рождество Христово в песни 9-й «Любите убо нам, яко безбѣдное страхом» и прочая, в них же лежит — «пѣсни ткати, спротяженно сложенные, неудобно есть». **И**рмос сей изтка, или ухитрослови мудрыми еллинскими краснослови^а святыи Иоанн Дамаскин по отсѣчени десници его, яко мзду нѣкую пречестную воздая Пресвятѣй Дѣвѣ за уврачевание отсѣченныя своея руки.

Многоученый же муж, не точию в грамматическом и риторском художествѣ, но и самыя философии и феологии глубин извѣстный сказатель, и искусен сый в еллинском и славенском языцѣх знатель, иеромонах Епифаний Славинецкий, преложи той ирмос на славенский язык по сочинению Иоанна Дамаскина, вѣдая онаго многоученную хитрость и разум витийственного художества словес его, и яко подобает истинно преводити имны церковныя от слова до слова, ничто разума // и речений, многотрудно умышленных святыми отци, премѣняя. И яко в иных дѣлѣх предлагаше речения еллинская опасно на славенская, преложи и сей имн, не измѣняя многотщанныя мысли святаго Иоанна, писавшаго таковыя неудоборазумѣваемые имны, подражая в том древлних искусных преводников, хранящих истинно разум и речения не премѣняющих, их же дѣла мало ниже изъявляются. Не написа и он мѣсто «плести»

л. 68 об.

¹⁵ *Исаченко Т. А.* Переводная московская книжность. С. 72–85; *Исаченко Т. А.* Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в.: Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015.

^а *Испр. на поле, в тексте* хитрословии; *во втором списке* краснослови;

или «ткати» — «слагати», понеже уже сложены пѣсни, точию потреба тыя словоухитрити, то есть еже «соплести» или «соткати», яко той самый ирмос являет, глаголюш: «Неудобно есть пѣсни ткати спротяженно сложенные».

Неции же возмнѣша преводника — отца Епифания,^б — погрѣшивша в речении сем «еже пѣсни ткати», глаголюще: «Приличнѣ бы написати ему: “пѣсни сложити”». «Ткати» бо, — глаголют, — есть дѣло, руками дѣлаемое, яко ткати постав из нитей».

л. 69

Подобаше паче о том сомнящимся // сказати: первѣе, что есть ирмос и чесого ради назвася ирмос? Потом, лежащий в том разум испытав добрѣ, в слухи иных проносити праведно, по блаженнаго пѣсноткателя хитрословию,^в а не по своему мнѣнносмышлению суетному.

Прочее, наполнивши слухы своя басеннаго повѣствованія, — к тѣм бо наипаче слово. Аще хошут истину слышати, да вѣдят, имн сей назван есть «ирмос». Претолкуется же ирмос «узол» или «вязань», «ткань», «плеть» или «плетеница», от еже имать в себѣ тканіе или плетение словес извитіем или преношением речений из мѣста в мѣсто. Соткан же или узолствован ирмос витийственным художеством и амвликийскою мѣрою мужем словеснѣйшим, многоученным в еллинском наказании, философии и феологии и Духа Святаго свыше низходящая мудрости наполненным, блаженным Иоанном Дамаскиным, яко и вышше речеса.

л. 69 об.

Ему же второй по нему, в наказании сиявших равный, // никто же, точию соцвѣтяше ему Косма Иерусалимский, муж благоестественнѣйший, и дышая мусикию весма в ликовну, сирѣчь пѣсенныя каноны, яже многыя сочиниша сии первѣе, и по них инии употребиша риторски противоположенми и обращенми, си есть извитіем словес хитростию пиитическою во имнах своих, сочиненных изрядными глаголанми аттическими, ионическими, еолическими и дорическими писати, овогда глаголюще «плести слово», овогда «ткати», овогда «шити», овогда «пестрити», овогда «цвѣтами вѣнчати», сирѣчь украшенно, ухищренно похваляти, величати и украшати словесы праздник или торжество святаго коего и мужедобльство ревнителем изъявляти, яко изряднии и хитрии рукохудожници ткут поставы разными виды со цвѣтами или плетут краеодеждополагае-

^б на поле Славинецкого; во втором списке данное уточнение отсутствует; ^в слово вставлено на поле; так же во втором списке;

л. 70

мыя рясны златоупешренныя, среброусыпанныя и разношарноушолкованныя всякими упешренми ко украшению одежд, к хвалѣ носящих и к веселию зрящих. // И таковое словес плетение или тkanie от творцев полагается иноглаголателнѣ, еже ино что глаголющее, иной разум представляющее.

л. 70 об.

Се сказая, что есть «ирмос» и чesого ради назвася «ирмос», и что есть пѣсни, си есть слова извитие, или плетение и тkanie. За сим предлагаются к вящшему разумѣнию от многих малая, древле из еллинска на славенский преведенная искусными преводники, самая оная потружденная иноглаголания пѣснотканий и словоплетений. **На** святое Богоявление пѣснь 3, ирмос «Елици древних» и «разширим уста, слово плетуше от словес сладкопѣний, им же от нас наслаждается дарований». **Зри**, тамо «тkanie», здѣ «плетение» богодуховных пѣсней похвалная и мудрая словес сочинения. И древлних еллинов мудрая словеса — «плетения» же глаголются, яко показуется в тропарѣ святаго Григория Богослова, глаголющем: «Богословным твоим языком сплетения риторов разрешил еси славне». **Максима**, мудраго Грека перевод — псалом 103, стих 1, в толковании Афанасиа Вели//каго глаголет: «От разумѣваемого свѣта начинает хвалу сплетати».[†] Григория Богослова в словѣ о святѣм Афанасии глаголет: «Плетут честь [святому Афанасию, возвратившюся из изгнания] народну».[‡] **И** о Кесарии глаголет: «Аз убо все бых почтил, яже имать извития и художества слово»,^{д,ii} яже вся Иулианова в словесех плетения разрѣшив. **И** о себѣ самом глаголет святой Григорий: «Зрите, како плету пѣснь божественными и глаголы, и разумѣнии».^е **В** слове на Пятидесятницу, толкование 19: «Плетение слова проповѣди, еже соплетеся от Ветхаго и Новаго Завѣта». **Блаженному Петру**,^ж митрополиту Всероссийскому, чудотворцу, поет Церковь в контактѣ, глаголющи: «Радостно плетуше пѣснь богоносному». **Блаженный Иоанн Лѣствичник** глаголет: «Многаци по Богу плачу тщеславия неблагоприятная сплетается слеза».^{з,iii}

[†] на поле против текста отсылка 391; так же во втором списке; [‡] на поле против текста отсылка 168; так же во втором списке; ^е на поле против текста отсылка 56; так же во втором списке; ^ж во втором списке сначала было Алексию, затем исправлено на поле Петру; ^з на поле против текста слово 7 о плачи; так же во втором списке;

л. 71

И о плетении словес доволно. Предложится прочее о тканнопѣнии.^н Молитва Езекии царя,^к яже во Исайи^{iv} толкование Евсевиево глаголет сице: «Ласто//вици подражая, пѣсни тку Тебѣ, подателю жизни». Григорий Богослов в словѣ на Иулиана Апостата глаголет: «Вся изплачевно пѣти, — яже о Иулианѣ, — книгам и повѣстем оставим, не бо нам упражднение долгшая настоящаго подлога тканнопѣти».^{л,в} Беседы святаго Иоанна Златоустаго на Матфеа, нравоучение 55, лист 106: «Святии равен началу конец молитвы ткут благодарением». Лѣствичник божественный Иоанн глаголет к пастырю: «Не постигох повѣстей твоего течения посредѣ оставлшу отити, паки твоя доброты собиране ткуще, здѣ глаголем».^{м,vi} Тойждь: «Видѣх нѣкыя о лжи красящыся и блядословием и празднословием смѣхи ткущыя».^{н,vii}

л. 71 об.

И ина тмочисленная таковая словес тканя прочитая, обрящет, здѣ же за долготу слова да не отягчают мысли чтущих и уши слушающих, таковая оставишася, точию на упорство глупо противящихся истинѣ едино еще предложится показание истиннаго разумѣния во ткании словес хитросочиненных. // Исаиа пророк глаголет: «Постав паучинный ткут, яйца аспидова разбиша»,^{viii} еже церковнии учителяе глаголют: «Нынѣ всяк постав учения сплетением Божественных Писаний подобнѣ пауком ткут».

К сим приложися и о прочих иноглаголаниих противоглаголательных в Писании. Стихира святых отцев — «Не созданное проповѣдаша богоноснии согласно божественное дѣйствие и божественную волю обнищавшаго в мя человека плотию шшивше созданное». **И**ов многострадалный повѣствует быти небо сошвено.^о Лѣствичник Иоанн глаголет: «Что сотворят с клятвами лжу сшивающии».^{п,ix} Суть и иная противоглаголения аллигорическая различная, в Писании обрѣтающаяся, яко глаголет Григорий святыи Богослов о Велицѣм Василии: «Всю Писаний глубину избрав, слово пишет благочестие противоположными борбамы, многу еретиков отражает дерзость, издавеча стрѣляя стрѣлами от чернила»,^х еже в толковании 46-м глаголет:

^н исправлено на поле, в тексте было тканнопѣти; ^к на поле против текста преводо Максима Грека; так же во втором списке; ^л на поле против текста 57, 1; так же во втором списке; ^м на поле против текста Слово к пастырю; так же во втором списке; ^н на поле против текста Слово 12 о лжи; так же во втором списке; ^о на поле Иов, 14.12; так же во втором списке; ^п на поле против текста Слово 12 о лжи; так же во втором списке.

л. 72

«Вооружився Великий Василий на еретики и // близ входящья к нему языком, яко мечем устрашаше, далече же сущья стрѣляше, посылая к ним яко стрѣлы Писания и сими тыя уязвляше».

Псаломник глаголет: «Зубы — оружие и стрѣлы, и язык их — меч остр», Псал. 56:5. «Излей мечь», 34.^{xi} «Излияйте сердца», 69.^{xii} «Пролей гнѣвъ», 78.^{xiii} «Пролияшася стопы моя», 72.^{xiv} «Вся кости моя рекут», 34:10. «Всяк огнем осолится», Марк, 9:49. «Одѣяшася неправдою и нечестием», Псалом 72:6. «Заеже не имѣти крова, в камень одѣвахуся», Иов 24:8. «Бог препояса мя силою», Псал. 17. «Препоясал мя еси веселием», Псал. 33:40.^{xv} «Немощнии препоясашася силою».^{xvi} «Лук мѣдян мышцы моя», Псал.17:35. «Радостию холми препояшутся», Псал. 64:13. «Неправду руки ваши сплетают», Псал. 49:19. «Язык сплеташе лщения», Псал. 57:3.^{xvii} «Не ори на брата лжи», Сир. 7:12. «Орющие злобою», Иов, 4:8. «Не куй на друга зла», Притч. 3:29. «Кует злая язык», Притч. 12:19. «Лесть в сердци кующему злая», Притч. 12:20. «Непреподобно ковати ков могутственником на праве//дныя», Притч. 17:26. «Аще ключимый будещи, кует на тя богатый», Сир. 13:4. «Помизай оком, кует злое», Сир. 27:22.^{xviii} «Радуются поля и вся, яже на них», Псал. 92. «Рѣки плещут рукою, горы радуются», Псал. 97:8. «Веселятся небеса, трубят основания земли, воплят горы с веселием»,^{xix} Октоих, глас 1.

л. 72 об.

Премнога и ина иноглаголения обрѣтающаяся во Священном Писании лежаща суть, многа бо и бездушная лицетворити вѣсть Писание. И аще бы вся тая восхотѣл кто писанно изъявити, в нескончанную долготу прострется слово. Того ради оставися прочитающим Святая Писания, прирадиво да трудятся внимателно, да в тѣх сам кийждо обрящет многоразличная аллигория, сирѣчь иноглаголения, и удобно заустит противоглаголников необузданная уста и дерзостивый язык. Киими пѣснопѣний цвѣтами вѣнчаем иерарха, благочестия проповѣдника и нечестию противника, Григория Паламы: «Предста Царица одесную тебе в ризѣ позлащеннѣй, одѣянна преиспещренна, и // вся слава дочери цареvy внутрь рясны златыми одѣянна преиспещренна», рекше «преукрашенна». Сие речение употреби и блаженный Иоанн Дамаскин, заимствовав от святого Давида, славляше праздник Успения Богоматере, глаголя:

л. 73

«Преиспешренна, рекше преукрашенна, божественною славою, священная и славная Дѣво, память твоя».^{xx}

Еллинское бо, яко во псалме 44-м, тако и в сем ирмосѣ лежит «*πλοικιλμενι*»,^{xxi} еже претолкуется — «упешренна» мѣсто еже «преукрашенна». Святаго Мартинаана февруариа в 13 день стих на стиховнѣ: «Испешрен одеждоу чистоты». Иулиа в 5 день на «Господи возвах» стих 1 святаго Афанасиа Афонскаго зовет: «испешрена добродѣтелими». Ианнуариа в 25 день, в контакѣ «Православия ризою, слыше истканною, Церковь украсил еси». Контакт отцев: «Церковь, ризу носящи истины, изтканную от богословия».

Здѣ «ризу носити» Церкви — яковую скажут гаждающей «пѣсней ткание», еда лняную, или шелковую, или златотканную из нитий, яко вешный постав? Но здѣ // разумѣется «ризы ткание» — еже славити и пѣснопѣти, и истинно разумѣти о Бозѣ православныя догматы.

л. 73 об.

О тропарѣ, поемом на святую Пасху

Тропарь, поемый на святую Пасху «Христос воскресе из мертвых» — како разумѣти в нем лежащее «смертию смерть поправ и сущым во гробѣх живот даровав», или «смертию на смерть наступи и гробным живот даровав»?

Тропарь сей сочини святой Иоанн Дамаскин греческим диалектом сице: «Христос анѣсти ек некрѡн танѣто танѣтон патѣсас кѣ тоѣ ен тоѣ мнѣмаси зоин харисѣменос».^{xxii} Преведен же на славенскую бесѣду от слова до слова, сице имать быти: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущым во гробѣх живот даровав». «Тѣнатон» бо, сирѣчь «смерть», имя есть нарицательное падежа винительнаго, не имущее предлога «на», «патѣсас» же и «харисѣменос» — часть есть причастие «поправый» и «даровавый»,^a или // самое дѣепричастие «поправ» и «даровав», а не глагол «попра» и «дарова». «Тоѣс» — арфрон или член предчинный падежа дателнаго, иже полагается мѣсто причастия, яко во Евангелии: «Егда взалка Давид и сущи с ним».^{xxiii}

л. 74

И паки: «И сущи во гробѣх услышат глас Сына Божия» — лежит в обѣих мѣстѣх арфрон предчинный «oi», знаменующ «сущи». И во иных множайших мѣстѣх. И сия части вѣдят учащийся грамматическому художеству в ел-

^a Во втором списке сверху строки другим почерком вставка: дѣепричастии поправ и даровав чрез усѣчение или полное поправый и даровавый, а не глагол попра и дарова;

линском диалектѣ. И понеже греческая святая Писания — источник нам, славяном, и первообразное, от них же вся наши книги преведены, и подобает истинно и право преводити от слова до слова, ничто разума и речений, смысла и выражений, премѣняя. И той есть преводитель вѣрный, иже и разум, и речения преводит не лживо, ничто оставляя или премѣняя, зане и Церковь святая молит о право правящих слово истины. Аще же кто восхощет вѣдѣти, како было // бы греческое «смертию на смерть наступи и гробным живот дарова» поведателно: «Танато епи танатон епѣви кѣ тоіс мнимасі тоіс зоин ехарісато». Но святой Иоанн, творец тропаря сего не писаше, ниже мудрствоваше «епѣви», рекше «наступи» или «наступив», яко в мимохождении случаем просто «наступи» и премине, ничто болше содѣлав. Но писа святой Иоанн «патісас», рекше «поправ», еже знаменует, яко Христос, низшед во ад, не просто на смерть и на ад наступив, премине, но поправ, рекше в конец сокрушив, разорив, погубив смерть, воскресе.

л. 74 об.

Сие являют и инии тропари и стихи того же святого Иоанна творение, поемии во всякий воскресный день чрез все лѣто. Яко лежит во Октоиху, глас 3, тропарь: «Да веселятся небесная» на утрен[и], на хвалит[ех] стихира Анатоли[ия]: 1 пѣснь утреннюю мироносицы, глас 4 на «Господи возвах» стихира Анатолиева «Господи, еже от Отца твое Рождество». Глас 6 на «Господи возвах» // стих. 2 «Днесь Христос смерть поправ». Стих. 3 «Тебе, Господи, Сущаго по всей твари». Глас 7 на утрени по второй кафисмѣ сед. 2 «На гроб течаху жены». Во всѣх сих и иных многих стисѣх славит святая Церковь Христа Бога, поющи «смертию смерть поправ». Во иных же стисѣх писа святой Иоанн мѣсто «поправ», иноглаголателнѣ: «смертию смерть разрушив», во иных: «смерть сокрушив», «упразднив», «испроверг», «разорив», «погубив» и конечное «умертвив смерть». «Наступи же смертию на смерть» нигдѣ обрѣтается. И Христа Бога самага проречение о разорении Иерусалима, глаголющее «Иерусалим, попираемый будет языки»,^{xxiv} а не «наступаемый», зане ино «наступление» и ино «попрание». Яко показывает псалом 90, глаголющ: «на аспида и василиска наступиши и попреша льва и драконта».^{xxv} Лучше глаголати «смертию смерть поправый», неже «наступивый», «попрание» бо глаголет, совершенное сокрушение являет. И о сем

л. 75 об.

довольно показание сие имущему здрав ум. // К сему повѣ-

дателно есть о послѣдующем тогожде тропара, еже «и сущим во гробѣх», а не «гробным» живот даровав. «Гробный» имя есть прилагательное, отименное от подлежащая вещи нарицаемое, сирѣчь «перстный», яко человек из персти созданный. «Древянный» — яко храм, от древия содѣланный. «Каменный» — яко из камня созданная палата. «Златый» — яко из злата сотворенный сосуд, и прочая. В храмѣ же древяном обитающии не именуются «древянии», но сущии в дому или в храмѣ. Подобнѣ и предумершии бяху человекѣи перстнии, но лежаху во гробѣх, им же Христос в Воскресении своем жизнь дарова. И нелѣпо глаголати о них «гробнии», но «сущии во гробѣх». Яко Христос Бог наш глагола, яко вышше речеся, или из нужди мѣсто причастия «сущии» рещи мѣстоимение множественнаго числа «иже во гробѣх», еже являет попросту котории во гробѣх, о них же Церковь святая поющи глаголет овогда «мертвыя во гробѣх спящыя», овогда же — «сущыя во адѣ», ово//гда же «живущыя» или «обитающыя» мѣсто «пребывающыя» во гробѣх. И явленно сие от того же святаго Иоанна Дамаскина, писано во Октоиху, глас 2, канон воскресен, пѣснь 5, стих. 2: «В ровѣ Христе преисподнѣм»; глас 3 на «Господи возвах» Анатолиа стих 2, глас 4, веч. «на стиховне», стихира 2: «Повѣшен на древѣ едине силне». На утрен. по 1 каф. сѣд. 1: «Возрѣвше на гробный вход» и сѣд. 2: «Волным твоим совѣтом» и во иных премногих. Яснше же показуется от пророка Исаиа, глаголюща: «Воскреснут мертвии и восстанут сущии во гробѣх»,^{xxvi} или «иже во гробѣх». И сей глас пророка святаго воспѣ тойждь святой Иоанн Дамаскин во ирмосѣ гласа 6-го, в пѣсни 5: «Богоявления твоего, Христе», к концу: «И встанут сущии во гробѣх и вси земнороднии возрадуются». Паче всѣх сих живый глас Христа Бога нашего свидѣлствует, глаголющ: «Грядет час, в нем же, вси сущии во гробѣх, услышат глас Сына Божия».^{xxvii} Се и Христос Бог глаголет не «гробнии услышат глас», // но «сущии во гробѣх». Без всякаго убо блазна и сомнѣния право и истинно написан тропарь сей в древних рукописных и в новоисправленных книгах, яко пояше святой Иоанн Дамаскин и яко святая восточная Церковь и до днесь поет неизмѣнно: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущым во гробѣх живот даровав» или «поправый» и «даровавый».^б Яко и

л. 76

л. 76 об.

^б во втором списке текст на этом заканчивается;

в книзѣ Жезлѣ глаголет: «Еже наступати едино токмо на топтание знаменовати видится, поправление же совершенное топтание или ногами сокрушение являет, яко поется в день святыя Пасхи: смертию смерть поправый, сирѣчь разоривый, умертвивый и побѣдивый, лучше убо есть глаголати — смертию смерть поправый». Доздѣ Жезл.^{в.ххviii}

ГИМ, Синодальное собр., № 396, л. 68–76 об.

Комментарии

ⁱ Здесь автор использует слово Григория Богослова «На великаго Афанасиа, архиепископа Александрийскаго». Ср.: Сборник переводов Епифания Славинецкого. М., 1665. Л. 117 об.

ⁱⁱ Цитата из слова Григория Богослова «На Кесария своего брата нагробное, присущим еще родителем». Ср.: Сборник переводов Епифания Славинецкого. Л. 51 об.

ⁱⁱⁱ Евфимий цитирует здесь слово «О радостотворном плаче» из Лествицы Иоанна Лествичника (М., 1647. Л. 113 об.).

^{iv} Ис. 38:3.

^v Цитируется слово Григория Богослова «На Иулиана царя обличительное, первое» Ср.: Сборник переводов Епифания Славинецкого. Л. 18 об.

^{vi} Автор цитирует «Слово к пастырю» из Лествицы Иоанна Лествичника. Л. 287 об.

^{vii} Цитата из Лествицы, слово 12 «О лжи». См.: Лествица. Л. 139.

^{viii} Ис. 59:5.

^{ix} Цитата из Лествицы, слово 12 «О лжи». См.: Лествица. Л. 139;

^x Образное выражение заимствовано автором из слова Григория Богослова «На Василия, епископа Кесарии Каппадокийския, надгробное». Ср.: Сборник переводов Епифания Славинецкого. Л. 105.

^{xi} Ср.: Пс. 34:3.

^{xii} Пс. 44:2.

^{xiii} Пс. 78:6.

^{xiv} Ср.: Пс. 72:2.

^{xv} См.: Пс. 29:12.

^{xvi} 1Цар. 2:4.

^{xvii} Пс. 49:19.

^{xviii} Сир. 27:24.

^{xix} Ср.: Ис. 44:23.

^{xx} Автор обращается к гомилиям Григория Паламы и Иоанна Дамаскина на праздник Успения пресвятой Богородицы, содержащих

^в на поле против текста тем же почерком: лист 123.

толкование Пс. 44:10, 15 («Дочери царей между почетными у Тебя; стала царица одесную Тебя в Офирском золоте...»).

^{xxi} От греч. ποικιλία — пестрота, ποικίμα — узор, украшение, ткань с узорами; ποικίλλω (ποικίλοϛ) — делать пестрым, испещрять, разукрашивать, украшать, разрисовывать, вышивать, искусно изображать что-либо.

^{xxii} Иногда автор сочинения при транслитерации греческого текста смешивает буквы славянского и греческого алфавита, что является одной из особенностей письма Евфимия Чудовского.

^{xxiii} Мф. 12:3.

^{xxiv} Лк. 21:24.

^{xxv} Пс. 90:13.

^{xxvi} Ис. 26:19.

^{xxvii} Ин. 5:25.

^{xxviii} Выписка из 33-го «возобличения» второй части Жезла правления Симеона Полоцкого, в котором опровергаются претензии священника Лазаря, одного из деятелей раннего старообрядчества, к «новым» книгам. В частности, речь идет о правке отдельных слов в тропаре «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ...». Лазарь настаивает на прежней форме фразы: «смертию на смерть наступи» (по его словам, «Сия речь во веки вечныя»). См.: *Симеон Полоцкий. Жезл правления*. М., 1667. Л. 123.

Список литературы

Андреев А. А. Книжная справа Ирмология в Москве в XVII веке. Диссертация ... канд. теологии. СПб., 2019. 361 с.

Буланин Д. М. История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. СПб., 1995. 315 с.

Викторов А. Е. Описание библиотеки иеромонаха Евфимия // *Летописи русской литературы и древности* / Изд. Н. С. Тихонравовым. Т. 5. Отд. 3. М., 1863. С. 50–56.

Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2: Писания святых отцов. Ч. 3: Разные богословские сочинения. [2], VIII, 844 с.

Исаченко Т. А. Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в.: Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015. 383 с.

Исаченко Т. А. Переводная московская книжность: Митрополичий и патриарший скрипторий XV–XVII вв. М., 2009. 334 с.

Крылов Г., протоиерей. Книжная справа XVII века: Богослужебные Минеи. М., 2009. 493 с.

- Матхаузерова С.* Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. 145 с.
- Матхаузерова С.* «Слагати» или «ткати»? (Спор о поэзии в XVII в.) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 195–200.
- Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. 203 с.
- Сиромеха В. Г., Успенский Б. А.* Кавычные книги 50-х годов XVII века // АЕ за 1986 г. М., 1987. С. 75–84.
- Страхова О. Б.* К вопросу о греческой филологической традиции в восточнославянской книжной среде: Страничка из истории церковнославянского языка конца XVII–начала XVIII века // Советское славяноведение. 1986. № 4. С. 66–75.
- Тарковский Р. Б.* О системе пословного перевода в России XVII в. // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 243–256.
- Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. 294 с.

А. С. ЗУЕВ

Новосибирский государственный университет

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ К БИОГРАФИИ ГАНТИМУРА

В статье дается обзор аутентичных документальных источников и имеющейся в них информации о Гантимуре, возглавлявшем одну из субэтнических групп Восточного Забайкалья и сыгравшем значимую роль в русско-маньчжурских отношениях и в укреплении русской власти в означенном регионе во второй половине XVII в. К статье прилагаются публикации ряда документов, содержащих ценные сведения о взаимоотношении Гантимура с русской властью.

Ключевые слова: Гантимур, нерчинские тунгусы, нелюды, история Забайкалья.

Гантимур принадлежит к числу тех представителей властной элиты сибирских народов эпохи присоединения Сибири к России, которые удостоились повышенного внимания со стороны историков, этнографов, краеведов и просто любителей истории. О нем и его потомках (князьях Гантимуровых) к настоящему времени написаны десятки книг, статей и разного рода заметок. Гантимуровы неизменно упоминаются в многочисленных исследованиях, посвященных истории народов Восточного Забайкалья и Западного Приамурья и их инкорпорации в состав России, а также истории российско-китайских отношений во второй половине XVII в. 5 апреля 2023 г. в г. Чите прошли «Первые международные научные Гантимуровские чтения».¹

Можно уверенно утверждать, что к настоящему времени Гантимур представляет собой яркий пример конструирования исторической памяти на региональном (забайкальском) уровне. Но при этом его фигура в научных, научно-популярных и околонаучных публикациях обросла многочисленными мифами и фантазиями. Показателем этого являются, в частности, попытки представить Гантимура влиятельным вождем, которому подчинялись многие роды забайкальских тунгусов и приамурских дауров,² потомком либо представителя

¹ <https://zabunb.ru/news/i-mezhdunarodnye-nauchnye-gantimurovskie-chteniya>.

² Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958. С. 18–19, 28–30, 35–36; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 349; Степанов Н. Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири: Период феодализма. М., 1973. С. 112; Туголуков В. А. Конные тунгусы: Этническая история и этногенез // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 92, 96, 98; Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. С. 21; Артемьев А. Р. России верное служение (Род князей Гантимуровых) // Забытые имена. Вып. 1. Владивосток, 1995. С. 47–48; Дамдинов Д. Г. О предках Гантимуровых (титоловых князей и дворян по московскому списку). Улан-Удэ, 1996. С. 10.

одной из младших ветвей киданьской императорской династии Ляо,³ либо одновременно трех великих азиатских завоевателей — Чингисхана, Тамерлана и Бабура,⁴ либо одного только Чингисхана,⁵ а также ближайшим родственником маньчжуро-китайского богдыхана⁶ (видимо, первого правителя Китая из династии Цин — Фулиня), его видным сановником⁷ или человеком, занимавшим высокие воинские должности в маньчжурской армии.⁸

Подобные «изыскания» являются следствием того, что их авторы весьма поверхностно знакомы с сохранившимися источниками и некритически воспринимали имеющиеся в них сведения. К тому же круг источников, содержащих информацию о Гантимуре, весьма ограничен, а сама информация, как правило, скупа и отрывочна. По этой причине о реальном Гантимуре мы знаем очень мало.

³ Соломин А. В. Происхождение тунгусского князя Гантимура по данным ономастики // Генеалогический вестник. 2011. № 45. С. 47–52.

⁴ Серебренников И. И. Князь Гантимур: Исторический очерк. Shanghai, [б. г.]. С. 5–6; Аинчина Т. М. Древний эвенкийский род Гантимуровых // Забайкальское казачество на службе Отечеству: История и современность. Улан-Удэ, 2006. С. 92–93.

⁵ Соломин А. В. Князя Гантимуровы. М., 2016. С. 23.

⁶ Русская родословная книга. СПб., 1873. С. 50; Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885. С. 152; Гантимуровы // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. Т. 8. СПб., 1892. С. 96; Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Т. 1. СПб., 1895. С. 127; Соломин А. В. Князя Гантимуровы. С. 24–25.

⁷ См., например: Спасский Г. С. Исторические сведения о сибирских тунгусах вообще и о забайкальских в особенности // Сибирский вестник. 1822. Ч. 18. С. 343; Паршин В. П. Поездка в Забайкальский край. Ч. 2. М., 1844. С. 134; Русская родословная книга. С. 50; Шумахер П. В. Наши сношения с Китаем (с 1567 по 1805) // Русский архив. 1879. № 6. С. 173–174; Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. С. 152; Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. С. 127; Любимов С. В. Титулованные роды Российской империи. Т. 2. СПб., 1910. С. 48; Серебренников И. И. Князь Гантимур... С. 3; Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах... С. 86; Дамдинов Д. Г. О предках Гантимуровых... С. 15–18; Элерт А. Х. Новые материалы к биографии тунгусского князя Гантимура // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 419, 420. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 20); Уварова Т. Б. Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. М., 2004. С. 48; Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge (Mass.); L., 2005. P. 165; Аинчина Т. М. Древний эвенкийский род Гантимуровых. С. 94; Иванчик С. Н., Кононенко Н. И. Князь Е. И. Гантимуров: Тайны происхождения рода. Новосибирск, 2016. С. 10.

⁸ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974. С. 67; Артемьев А. Р. России верное служение... С. 48; Хартанович М. Ф., Хартанович М. В. Тунгусские князя Гантимуровы // Наука из первых рук. 2011. № 3. С. 74; Соломин А. В. Князя Гантимуровы. С. 25–26; Мазуров И. В., Пастухов А. М. Очерки истории Российского Дальнего Востока. Кн. 1. Хабаровск, 2009. С. 194. Этой же версии, следуя историографической традиции, придерживался ранее и автор данной статьи (Зуев А. С. Гантимуровы // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. С. 368).

Самые первые известия о нем, насколько нам удалось установить, относятся к 1650/51 г. Они содержатся в расспросных речах (показаниях) дауров Араула, Мазеги и Тыгичея, зафиксированных в отписках (донесениях) Е. П. Хабарова (после 1 марта и 29 мая 1651 г.),⁹ в отписке якутского воеводы Д. А. Францбекова (после 29 мая 1651 г.),¹⁰ в челобитной (прошении) казачьего есаула С. В. Полякова «со товарищи» (6 сентября 1653 г.)¹¹ и очень кратко в наказе (инструкции) Сибирского приказа А. Ф. Пашкову, назначенному на воеводство в Даурскую землю (1655 г.).¹² В том же 1650/51 г., если верить челобитной сына боярского В. И. Колесникова (апрель 1653 г.), с Гантимура и «ево улусных людей» был взят первый ясак.¹³ Имеется, правда, еще одна челобитная — представителя семейства сибирских служилых людей Перфильевых, составленная после 1711 г. В ней содержится краткий пересказ какого-то документа (вероятно, отписки или челобитной), написанного казачьим пятидесятником И. М. Перфильевым и содержащего информацию о Гантимуре. Согласно этой информации, «князца Гантимура с родом» «призвал в ясашной плаже и взял с них ясаку» в 1652/53 г. упомянутый И. М. Перфильев.¹⁴

Применительно к последующему времени — 1652–1656 гг. — исследователями выявлены следующие документы с упоминанием Гантимура: расспросные речи даурских служилых людей Ф. Самсонова, С. Андреева (17 декабря 1652 г.)¹⁵ и подьячего И. П. Посохова

⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 2 (отрывок из черновой копии документа); РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 27–30; Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова на Амуре в 1649–1651 гг. // Сын Отечества. 1840. Т. 1. С. 112–114; Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова на Амуре в 1649–1651 гг. // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1840. Т. 27. С. 81–84; *Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 2008. С. 270–272.*

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 20–21; Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова... // Сын Отечества. С. 117, 118; Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова... // Журнал для чтения... С. 87; Акты исторические. СПб., 1842. Т. 4. С. 75; *Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. С. 268.*

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 460. Л. 5; *Полевой Б. П. Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. Т. 2. Владивосток, 1995. С. 33–34; Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. С. 263.*

¹² Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле, данный из Сибирского приказа в 1655-м году // Русская историческая библиотека. Т. 15. СПб., 1894. Раздел 5. С. 2.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 343. Л. 95.

¹⁴ ГПНТБ СО РАН. Собр. М. Н. Тихомирова. ДП XXXVI, 8. Л. 1; *Бродников А. А. Енисейский острог. Енисейск в XVII веке: Очерки из истории города и уезда. Красноярск, 1994. С. 139.*

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 427. Л. 464–465; *Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. С. 366.*

(декабрь 1652 г.),¹⁶ книга о сборе ясака с ряда восточно-забайкальских тунгусских родов, составленная в ноябре 1653 — феврале 1654 г. сыном боярским П. И. Бекетовым,¹⁷ отписки П. И. Бекетова (конец 1653 г.,¹⁸ после 20 января 1654 г.¹⁹), даурского воеводы А. Ф. Пашкова (после 25 июня 1654 г.,²⁰ после 30 августа 1654 г.,²¹ после 4 июня 1657 г.²²) и казачьего десятника К. И. Полтинина (после 18 декабря 1656 г.).²³

В перечисленных документах, повествующих о действиях русских в Восточном Забайкалье и их взаимоотношении с местным населением, Гантимур «титлуется» князем / князцом и уланом, фигурирует как глава нелюдов («нелютцких / нелюдских людей», Нелюдского рода), а также шародувов и почегов (расспросные речи дауров) или дуларов и киптягиров (ясачная книга П. И. Бекетова). В них же упоминаются родственные связи Гантимура с даурами и тунгусами и указывается местообитание Гантимура и нелюдов — в верховьях р. Шилки между устьями рек Нерчи и Куенги, а также повествуется о сборе ясака с Гантимура и его Нелюдского рода и в целом мирном взаимодействии с ними русских землепроходцев, которое продолжалось до 1656 г. В сентябре же этого года, согласно отписки К. И. Полтинина, «воровские» казаки Ф. Полетай «с товарищи» «ниж Нерчи усть Куенги реки... ясачных нелюдских Гантимуровых людей погромили и скот и ясырь поимали». После этого Гантимур и нелюды покинули свои «породные земли» и информация о них на время исчезает из документов, исходивших от русской стороны.²⁴

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 460. Л. 55; *Красноштанов Г. Б.* Ерофей Павлович Хабаров. С. 267.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 27. Л. 324–328.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 329 об.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 329 об.–330; *Багрин Е. А., Трухин В. И.* Походу Петра Бекетова в Забайкалье 370 лет: Новые штрихи к известным событиям // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2023. Т. 9. № 1. С. 144–145.

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 286; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 344. Л. 574; Сборник документов по истории Бурятии: XVII век. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960. С. 203 (в данном издании документ неверно датирован 31 января 1655 г., данная дата — это дата получения отписки в Сибирском приказе).

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 300, 301.

²² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 338.

²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 341, 342.

²⁴ См. также: *Зуев А. С.* Гантимур и русские землепроходцы: Из истории русско-тунгусских отношений в Забайкалье в середине XVII в. // *Сибирь в империи — империя в Сибири: Имперские процессы на окраинах России в XVII — начале XX в.* Иркутск, 2013. С. 134–152.

Вновь она появляется в отписках приказчика Нерчинского острога Д. Д. Аршинского (после 26 апреля 1670 г.), который сообщил тобольскому воеводе П. И. Годунову и в Сибирский приказ о том, что в 1666/67 г. «из Богдойской земли» вернулся на р. Нерчу «князец, родом тунгус Нелюдцково роду, Гантимур з детьми и з братьями и с улусными своими людьми, 40 человек». Все они были обложены ясаком.²⁵

В последующее время Гантимур, его род и улусные люди более часто, чем ранее, упоминаются в разного рода документах, появившихся в 1670-х — первой половине 1680-х гг. и выявленных к настоящему времени исследователями, в том числе автором этих строк.²⁶ К этим документам относятся память (распоряжение) нерчинского приказчика Д. Д. Аршинского приказчику Албазинского острога Ф. Евсевьеву (январь 1676 г.²⁷), отписки российского посла Н. Г. Спафария, ездившего в маньчжурский Китай (19 июля и 19 декабря 1675 г., между 15 и 17 апреля 1676 г.²⁸), албазинского приказчика Ф. Евсевьева (не ранее 8 апреля 1676 г.²⁹), приказчика Аргунского острога В. Милованова (после июля 1683 г.³⁰), нерчинского воеводы Ф. Д. Воейкова (после 20 декабря 1681 г.³¹ и после 6 февраля 1683 г.³²), нерчинского же воеводы И. О. Власова (конец июня 1684 г.³³), ени-

²⁵ Донесение П. И. Годунову: СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 11. Л. 289; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 482. Д. 10. Л. 289; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 6. СПб., 1857. С. 41; донесение в Сибирский приказ: НИА СПбИИ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; Акты исторические. С. 455; Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. Т. 1: 1608–1683. М., 1969. С. 275.

²⁶ Заметим, что не все выявленные документы являются оригиналами, часть из них представлена лишь копиями, сделанными в более позднее время.

²⁷ НИА СПбИИ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.

²⁸ Русско-китайские отношения... С. 475–476, 485, 497–498, 504–506, 510, 511, 516. См. также: [Спафарий Н. Г.] Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году: Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева. СПб., 1882. С. 175.

²⁹ Паршин В. В. Поездка в Забайкальский край... С. 158; Русско-китайские отношения... С. 492.

³⁰ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

³¹ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 20. Л. 29.

³² РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 482. Ч. 2. Д. 7. Л. 201; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 10. СПб., 1867. С. 233.

³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 63–65; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 28 об.–29; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 482. Ч. 2. Д. 7. Л. 270–270 об.; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 482. Ч. 2. Д. 11. Л. 33–33 об.; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 33–33 об.

сейского воеводы К. О. Щербатого (после 10 августа 1684 г.,³⁴ 22 сентября 1684 г.,³⁵ сентябрь 1684 г.³⁶), статейный список посольства Н. Г. Спафария 1675–1676 гг. в Китай³⁷ и иные дипломатические материалы, зафиксировавшие споры русской и маньжурской сторон по поводу подданства Гантимура,³⁸ царские грамоты нерчинскому воеводе И. О. Власову (после 5 марта 1685 г.)³⁹ и енисейскому воеводе С. А. Сабакину (16 марта 1685 г.),⁴⁰ окладные ясачные книги 1676/77, 1677/78 гг. Нерчинского острога,⁴¹ расспросные речи в Сибирском приказе нерчинского казака Ф. Усольца и албазинского казачьего атамана И. Коркина (19 января 1681 г.),⁴² нерчинских сына боярского И. М. Милованова и казака С. Г. Молодого (23 февраля 1685 г.),⁴³ челобитные самого Гантимура и его сына Катаная (июнь 1684 г.),⁴⁴

³⁴ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 4–5.

³⁵ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 34. Л. 27.

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 59–62.

³⁷ Русско-китайские отношения... С. 380–382, 385, 411, 414, 416, 433, 434, 441–443, 446, 448, 449, 454–457. См. также: [Спафарий Н. Г.] Путевой дневник от Нерчинского острога до Пекина русского посланника в Китай Николая Гавриловича Спафария 1676 года // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 9. Оренбург, 1896. С. 16.

³⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп.3. Стб. 973. Л. 103; Журнал, веденный в Пекине, по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария, отправленного по высочайшему Его Царского Величества указу в 1676 году, царствования китайского Хуандия Канся в 15 лето / Пер. с маньж. // Сибирский вестник. 1823. Ч. 3. С. 38, 43, 44, 52, 53, 55, 58–62; Дополнения к актам историческим. Т. 6. С. 42, 44; Дополнения к актам историческим. Т. 10. С. 239; Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной коллегии Иностранных дел, в 1792–1803 году Николаем Бантыш-Каменским. Казань, 1882. С. 37; Ивановский А. Посольство Спафария (Маньчжурский текст) // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 2: Перевод маньчжурских документов о посольстве Спафария. СПб., 1888. С. 200, 202, 205–207, 211–215, 220; Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII-м веке // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 21. Вып. 2–3. СПб., 1912. С. 84–87; О посольстве в Китай Николая Спафария с дворянами, подьячими, гречанами и иноземцами // Вестник Европы. 1827. Ч. 157. № 23–24. С. 166; Русско-китайские отношения... С. 271, 272, 275; Успенский В. Л. Из истории русско-китайских отношений в XVII в.: По новым документам на монгольском языке // Новый исторический вестник. 2012. № 33. С. 14.

³⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 82–83.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 72–74.

⁴¹ Паршин В. П. Поездка в Забайкальский край. С. 207.

⁴² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 720. Л. 22–23; Зуев А. С. Описание Забайкалья и Приамурия 1681 года // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 1: История. С. 126.

⁴³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 112–138.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 66–66 об.

расспросные речи Гантимура перед енисейским воеводой К. О. Щербатым (сентябрь 1684 г.).⁴⁵ Краткое упоминание о Гантимуре содержится и в Сибирском летописном своде (Книге записной).⁴⁶

Во всех этих источниках Гантимур идентифицируется русской стороной как тунгус, а маньчжурской — как тунгус или солон.⁴⁷ Из них мы узнаем, что Гантимур родился в районе р. Нерчи, где обитали и его «прародители», что «владел де он многими даурскими пашенными людьми», что с приходом русских он, его дети и весь его род были обложены ясаком, но затем ушли в маньчжурские пределы и обитали в окрестностях р. Наун.⁴⁸ После ухода от маньчжуров и возвращения на «породные» земли они поселились вблизи Нерчинского острога, признали свое подданство русскому монарху и вновь начали платить ясак, хотя лично сам Гантимур после 1677/78 г. был освобожден от ясачного обложения. При этом из документов исчезает упоминание о Нелюдском роде,⁴⁹ а Гантимур, будучи уже в преклонных годах, фигурирует как князец и глава тунгусского рода, который называется поначалу Гантимуровым, а затем Дуликагирским. Приводятся также сведения о составе семьи Гантимура и численности подвластных ему улусных людей, о крещении Гантимура и его сына Катаная в православную веру в июне 1684 г., об их поездке (вместе с сыном Катаная Чекулаем) из Нерчинского острога в Москву и, наконец, о смерти Гантимура во время этой поездки в Нарымском остроге в октябре 1684 г. Катанай же и Чекулай в сопровождении сына боярского И. М. Милованова и казака С. Г. Молодого прибыли в Москву в Сибирский приказ в феврале 1685 г.

Все эти сведения (в основном краткие и отрывочные) дают некоторое представление о Гантимуре после его возвращения в «родные пенаты». Но его жизнь на р. Наун и взаимоотношения с маньчжурами в них совершенно не освещаются. Правда, четверть века спустя после смерти Гантимура, в 1710 г. его внуки Ларион и Лазарь (сыновья Катаная) подали челобитную, в которой поведали, что дед их, пребывая под властью маньчжуров, «служил богдойскому царю (маньчжурско-

⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 60–61.

⁴⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 175.

⁴⁷ Солоны — это те же тунгусы (эвенки), но уже в XVII в. сильно монголизированные в языковом и культурном отношении. Они проживали в бассейне р. Наун, на верхнем Амуре и в южной части бассейна р. Зеи. Маньчжуры называли солонами не только собственно солонцов, но также дауров и тунгусов Приамурья.

⁴⁸ Река Наун, она же Нонни, ныне — р. Нэньцзян, приток р. Сунгари.

⁴⁹ Последнее известное упоминание этого рода присутствует в отписке 1673 г. Д. Д. Аршинского енисейскому воеводе К. А. Яковлеву (Русско-китайские отношения... С. 309).

му правителю Китая. — А. З.) четвертным боярином и был владетель и имел под собою воины», но когда его «богдойский царь» послал «на службу красным воеводою особым полком под Комарской острог на русских людей с войною», он не захотел воевать с русскими и со всем своим родом «из державы богдойского царства отошел и пришел в Нерчинской и со всем родом поклонился великому государю». После этого, по утверждению Лариона и Лазаря, Гантимур «со всем родом служил великому государю со всякою верностию», вместе с русскими ходил в походы на «мунгальских и тунгуских людей», призывая их «под руку великого государя», и не поддавался на уговоры маньчжуров вернуться на службу «богдойскому царю». ⁵⁰ Эта информация, однако, в части, касающейся «службы» Гантимура «богдойскому царю», не заслуживает никакого доверия и является результатом «творчества» Лариона и Лазаря, которые, апеллируя к «высокому статусу» своего деда в маньчжурской иерархии, стремились повысить свою значимость в глазах российской власти. ⁵¹

Все последующие нормативно-распорядительные документы, разного рода справки и ведомости, составленные в местных (зabayкальских) и центральных органах власти, челобитные потомков Гантимура, дневниковые записи Г. Ф. Миллера (общавшегося во время пребывания в Нерчинском уезде с этими потомками), топографические, географо-статистические и этнографические описания, записки путешественников, исторические и этнографические исследования, в которых упоминался Гантимур, в большей или меньшей степени пересказывали содержание перечисленных нами выше источников. А из всех этих источников наиболее информативные сведения о Гантимуре содержатся в донесениях Н. Г. Спафария между

⁵⁰ Указанная челобитная известна по ее пересказу в царской грамоте нерчинскому воеводе Ф. Р. Качанову от 30 декабря 1710 г. Оригинал грамоты, равно как и челобитной, обнаружить не удалось. Но с грамоты неоднократно делались копии, которые сохранились в разных архивах: СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 37–39 об.; РНБ. Ф. 532. Оп. 3. Ед. хр. 84. Л. 2–4; НА РГО. Р. 55. Оп. 1. Д. 13. Л. 258–261; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 482. Ч. 2. Д. 11. Л. 37–37 об.; ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 165. Л. 26–28 об., 35–36 об.; ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 48. Л. 127–128 об. (данная копия опубли.: *Жамсаранова Р. Г.* Тунгусы князя Гантимура. Ч. 1. Чита, 2018. С. 49–50). Еще одна копия из ГАЗК опубликована в: *Материалы для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области комиссии под председательством статс-секретаря Куломзина.* Вып. 5: Исторические сведения. СПб., 1898. Приложения. С. 20–22. Вызвать фонд и дело, в котором имеется данная копия, пока не удалось. Отрывок из грамоты с копии, сохранившейся, видимо, в Московском архиве Коллегии иностранных дел, опубликовал Н. Н. Бантыш-Каменский (*Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами...* С. 14–15). Копии с грамоты хранились также и в семейном архиве Гантимуровых (*Дамдинов Д. Г.* О предках Гантимуровых... С. 17–18).

⁵¹ См. подробнее: *Зуев А. С.* Богдойский боярин Гантимур: Рождение и развенчание мифа // *Вестник НГУ. Серия: История, филология.* 2020. Т. 19. № 8: История. С. 9–34.

15 и 17 апреля 1676 г. и нерчинского воеводы И. О. Власова июня 1684 г., челобитной Гантимура и Катаная июня 1684 г., расспросных речах Гантимура сентября 1684 г., И. М. Милованова и С. Г. Молодого 23 февраля 1685 г., челобитной Лазаря и Лариона 1710 г. Донесение Н. Г. Спафария и челобитная Лазаря и Лариона (в пересказе в царской грамоте) давно опубликованы. Прочие же документы, хотя и введены в научный оборот,⁵² в полном объеме до сих не известны исследователям и всем тем, кто интересуется личностью Гантимура. Поэтому мы сочли необходимым опубликовать их в качестве приложения к данной статье.

Публикуемые документы отложились в столбце 1355 из фонда 214 (Сибирский приказ) РГАДА. Кроме них в этом столбце содержатся материалы (резолюции Сибирского приказа, царские указы и грамоты марта — июня 1685 г.) о поездке Гантимура, Катаная и Чекулая в Москву, встрече двух последних с царями Иваном и Петром, награждении их подарками, присвоении Катаная княжеского титула и чина дворянина по московскому списку с ежегодным денежным, хлебным и соляным окладом жалованья, его возвращении в Нерчинск, выдаче подарков его братьям и детям. Чекулай же был оставлен в Москве, где «воспринял православную христианскую веру», за что также был пожалован княжеским титулом и ежегодным жалованьем.⁵³

Приложения

1684 г., до июня 29¹

Челобитная Гантимура и Катаная

л. 66

Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всеа великия и малья и белья Росии самодержцем бьют челом холопи ваши даурских острогов тунгуские князцы Гантимурка с сныишком своим Катанайкам. В прошлых, государи, годех, ища вашей великих государей милости, вышел я з детишками своими с восьмью сынышками, и с родишками, и с улусными людишками своими под вашу великих государей самодержавную высокую руку в вечное холопство ис-под Китайского государства с Науна реки, и платил вам, великим государем, ясак и с сныишком своим Катанайкам лет з дватцать в Даурской земле в Нерчинской острог, и для совершенной

⁵² Насколько нам удалось выяснить, впервые они упоминаются в исследовании П. Т. Яковлевой (*Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор... С. 33–37*).

⁵³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 67–111. Из этих документов был опубликован царский указ от 16 марта 1685 г. (Материалы для исследования землевладения и землепользования... Приложения. С. 13–15).

старости нашей от ясаку свобожены лет з десять, а родишка и улусные наши людишка плотят вам, великим государем, ясак по вся годы в Нерчинском ж. И ныне мы, холопи ваши, обещались креститца в православную христианскую веру. Милосердные государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцы, пожалуйте нас, холопей своих, велите, государи, нас в Нерчинском крестить в православную христианскую веру, чтоб нам, холопом вашим, в поганой вере не умереть. И окрестя, велите, государи, стольнику и воеводе Ивану Остафьевичюⁱⁱ нас, холопей ваших, к вам, великим государем, к Москве отпустить. Цари государи, смилуйтесь. //

л. 66 об.

К сей челобитной тунгуской князец Гантимурка знамя [изображение двух луков] свое приложил, а по ево велен[н]ью нерчинской казак Васька Казанцов описал.

К сей челобитной тунгуской князец Катанайка знамя свое [изображение лука со стрелой]ⁱⁱⁱ приложил, а по ево веленью нерчинской казак Васька Казанцов описал.

У сей челобитной толмачил нерчинской толмач Гришка К[у]чин, по его Гришкину веленью Лучка Тимофеев Мезенец руку приложил.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 66–66 об. Оригинал

1684 г., между июня 29 и июля 1^{iv}

Отписка нерчинского воеводы И. О. Власова
в Сибирский приказ

л. 63

Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцем холоп ваш Ивашко Власов челом бьет. По указу брата вашего великих государей блаженные памяти великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца велено мне призывать иноземцов в православную христианскую веру, и будет похотят которые креститца, и тем новокрещеным за крещенье давать ваше великих государей жалованье по три рубли денег да по сукну и верстать их в службу, смотря по людем. И в нынешнем во 192-м^v году июня в...^{vi} день били челом вам, великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцем, а в Нерчинском в приказной избе подали мне, холопу

л. 64

вашему, даурских острогов тунгусские княжцы Гантимур с сыном своим Катанаем за своими знамяны челобитную. А в челобитной их написано: в прошлых де годах, ища они вашей великих государей милости, вышел де он, Гантимур, з детьми своими с восьмью сыновьями, и с родом своим, и с улусными своими людьми под вашу великих государей самодержавную высокую руку [в] вечное холопство ис под Китайского государства с Науна реки, // и платил де вам, великим государем, он, Гантимур, и с сыном своим Катанаем ясак лет з дватцать в Даурской земле в Нерчинском остроге, и для совершенной их старости от ясаку они освобождены лет з десять, а род де их и улусные люди платят вам, великим государем, ясак по вся годы в Нерчинском ж; и ныне де он, Гантимур, и сын ево Катана обещались креститца в православную христианскую веру, и чтоб вы, великие государи, пожаловали, велели в Нерчинском их крестить в православную христианскую веру, и, крестя, отпустить бы к вам, великим государем, к Москве.

л. 65

И по вашему великих государей указу по их челобитью велел я, холоп ваш, ево, Гантимура, и сына ево Катана крестить в православную христианскую веру греческого закона. А послух был при святой купели истинному их обещанию в святом крещении и богомерской веры их отрицанию ему, Гантимуру, я, холоп ваш, а сыну ево Катане сынишко мой Петрушка. А имена, государи, им во святом крещении Гантимуру — Петр, а сыну ево Катане — Павел июня в 29-го числа. И ту, государи, их челобитную за их знамянами и за толмаческою рукою, которую они подали мне, холопу вашему, о крещении и об отпуске к вам, великим государем, к Москве послал я, холоп ваш, с сею отпискою, и их отпустил из Нерчинского к вам, великим // государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всеа великия и малыя и белыя России самодержцем к Москве з даурским сыном боярским с Ыгнатъем Миловановым да с казаком с Сенькою Гавриловым,^{vii} которые посланы за вашею великих государей ясашною и десятинною нерчинских острогов соболиною казною. А отписку, государи, и челобитную велел подать и их объявить в Сибирском приказе боярину князю Ивану Борисовичю Репнину с товарищи. А [о]б отпуске, государи, из Енисейска к вам, великим государем, к Москве велел я, холоп ваш, бить челом им в Енисейску боярину и воеводе князю Костянтину Осипови-

чу Щербатово. А за крещенье им жалованье в Нерчинском из вашей великих государей казны ничего не дано.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 63–65. Оригинал

1684 г., сентябрь^{viii}

Отписка енисейского воеводы К. О. Щербатово
в Сибирский приказ с изложением
расспросных речей Гантимура

л. 60 И^{ix} они, Петр и сын ево Павел, в Енисейску в приказной избе перед нами, холопи вашими, явились, да с ними ж приехал в Енисейск Петров внук, а Павлов сын некрещеной именем Чекулай. И мы, холопи ваши, ево, Петра, в приказной избе перед собою расспрашивали, хто ево, Гантимура, з детьми и со внучаты и со всем ево родом и с улусными людьми под вашу великих государей самодержавную высокую руку в вечное холопство призвал и сколь давно, и ясак он с родники своими и с улусными людьми по вся ль годы вам, великим государем, платил и ныне платят ли, и преж ясачного вам, великим государем, платежа где он жил и в чем подданстве. А в роспросе он, Петр, сказал:

л. 61 – В прошлых де годех тому ныне // лет с тритцать и больши призвал де ево, Петра, под вашу великих государей самодержавную высокую руку в вечное холопство и в ясачной платеж енисейской десятник казачей Козьма Федоров; и в тех де прошлых годех платил он, Петр, з детьми своими и со всем своим родом ваш великих государей ясак в Баргузинском и в Нерчинском острогах по вся годы; и в прошлых же де годех, как приехал на воеводство в Нерчинской острог Ларион Толбузин и ясак де с него для ево старости сложил, и после де того и по нынешней по 193-й^x год ясаку вам, великим государем, он не плачивал, а платят де вам, великим государем, ясак дети ево и внучата и все ево улусные люди в Нерчинском остроге по вся годы; а прежде ясачного вам, великим государем, платежа в подданстве он, Петр, и в ясачном платежу ни под кем не бывал и ясаку де он никому не плачивал; а жил де он, Гантимур, преж сего в Даурской земле по великой реке Шилке, а владел де он многими даурскими пашенными людьми, а ясак де платили и пашню пахали те даурские люди на него, Гантимура: и за малолюдством де ево, Гантимура, тех ево пашенных людей овладел китайской богдокан.^{xi}

Да им же дано в Енисейску вашего великих государей жалованья кормовых денег на 192-й^{xii} год августа з 10-го числа, да по нынешней по 193-й^{xiii} год сентября по 1 число Петру и сыну ево Павлу по десяти денег, внуку ево Чекулаю по алтыну, да в дорогу до Тобольска им же дано, счетчи сентября с 1-го числа да ноября по 1 число на шестьдесят на один день, Петру и Павлу по десяти ж денег, Чекулаю по алтыну на день. Итого, государи, всего им дано десять рублей дватцать два алтына. Да им же дано по шубе заячье под китайками,^{xiv} да Петру ж дана для зимнего времени шуба ж непокрытая, да на всякую дорожную мелочь аршин с четью сукна лядчины,^{xv} унты оленьи. И те даурские князцы Петр и Павел и сын ево Павлов Чекулай из Енисейска к вам, // великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцем к Москве отпущены с тем ж нерчинским сыном боярским с Ыгнатьем Миловановым с товарищи с вашею великих государей соболиною казною вместе. А на Москве велели мы, холопи ваши, им, князцом Петру и сыну ево Павлу и внуку ево Чекулаю явитца в Сибирском приказе боярину князю Ивану Борисовичю Репнину с товарищи.

л. 62

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 60–62. Оригинал

1685 г., февраля 23^{xvi}

Распросные речи в Сибирском приказе
нерчинских сына боярского И. М. Милованова
и казака С. Г. Молодого

л. 112

193-го^{xvii} февраля в 23 день объявились в Сибирском приказе сибиреня даурские Нерчинского острогу сын боярской Игнатей Милованов да казак Сенька Гаврилов. А в роспросе сказали:

— В прошлом де во 192-м^{xviii} году июля в 1 день послал их из Нерчинского воевода Иван Власов к великим государем с отписки и с ясачною соболиною казною. Да с ними ж де послал новокрещеных даурских князцов Петра, что бывал Гантимур, да сына ево Павла, что бывал Катан, да сына ево Павлова, а Гантимурова внука некрещеного Чекулая, да серебряной руды 31 пуд и ис той руды опыт пол 12 фунта, а в том опыту серебро ль или иное что, того не ведают.^{xix} //

- л. 132 Да сын боярской же Игнатей Милованов и казак Сенька Гаврилов про даурского князца Гантимура и про сына ево Катаная, которой крестился в православную христианскую веру и прислан ныне к Москве, в роспросе сказали: //
- л. 133 — В прошлых де годах из давних лет, как даурские остроги за великими государи и не были, и в то де время з Байкала из Баргузинского острогу ходили в Даурскую землю на Нерчу реку служилые люди в улусы к нему, князцу Гантимуру, для збору ясачные соболиные казны. И он де, Гантимур, тем служилым людям давал с себя и с роду своего и со всех своих улусных людей в Байкаловской Баргузинской острог волею своею без аманатов соболиной ясачной казны по 5 и по 3 и по 2 и по соболю с человека. А роду де ево и улусных ево людей будет с 500 человек. // А как де по указу великих государей посылан был из Енисейска в Даурскую землю воевода Афонасей Пашков, а с ним посыла-но было из городов верстаных ратных людей 300 человек, да новоприборных охочих 200 человек. А государева жалованья дано было тем ратным людям, которы[e] были из городов 300 человеком на два года по 10 рублей человеку и хлебные оклады сполна. А охочим служилым людям давал он, Афонасей, на подъем деньги и хлебные запасы свои против того ж, почему дано городовым служилым людям. А как де он, Афонасей, с теми ратными людьми пришол в Даурскую землю на Нерчу реку и на той реке острог // поставил. И ис того острогу на иноземцов, которые жили своими землицами, а ясаку великим государем не платили, в походы ходили и тех иноземцов под государеву самодержавную высокую руку в ясак призвали и аманатов и ясак с тех иноземцов в государеву казну взяли.
- л. 134 А князец де Гантимур в то время со всеми своими улусными людьми против государевых ратных людей ни в каком // упорстве не был и учинился у великих государей в подданстве и ясак учал платить волею своею. И с того де времени и по се число ясак платил по вся годы сполна безо всякие шатости.^{xx} // И в прошлом де во 192-м^{xxi} году бил челом великим государем тот князец Гантимур с сыном своим Катаноем, что они пожелали восприять православную христианскую веру волею своею и чтоб великие государи пожаловали, велели их принять и крестить. И воевода де Иван Власов крестил ево Гантимура и сына ево Катону в православную христианскую веру. А во крещении имена
- л. 135
- л. 136
- л. 137

им наречены: Гантимуру — Петр, а сыну ево — Павел. А в ево де Гантимурове улусе осталось детей ево некрещеных 12 сынов, а приказал де он, Гантимур, тех своих улусных людей вместо себя ведать сыну своему большому Андагану. //

- л. 138 И в прошлом же де во 192-м^{xxii} году по указу великих государей и по их челобитью воевода Иван Власов отпустил их из Нерчинского к Москве с ним, Игнатъем, и с казаком Сенькою. И тот Гантимур, не доехав до Москвы, в Нарыме умре. А сын ево новокрещен Павел да с ним сын ево некрещеной Чекулай, а ево Гантимуров внук, приехали к Москве для того, чтоб им видять // их государские пресветлые очи и бить челом им, великим государем, о своих нуждах и чтоб их от неприятельских от китайских и от мугальских^{xxiii} людей оборонить, потому что де их китайские и мугальские люди разоряют и животы грабят, и скот отгоняют, и ясаку на себя просят, и их к себе подзывают, и от того де их разоренья жить им стало невозможно. А отец де ево Павлов, Гантимур, с родом своим и со всеми своими улусными людьми до сего времени служили и ясак платили // им, великим государем, многие годы, а ни у кого в подданстве не бывали и впредь ни за кем быть не хотят, а хотят быть в подданстве у них, великих государей, по прежнему в вечном холопстве.^{xxiv}
- л. 139
- л. 140

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355.

Л. 112–113, 132–140. Оригинал

На обороте листов 112–140 скрепа: К сим допросным речам вместо даурских нерчинских служилых людей сына боярского Игнатъя Милованов да казака Сеньки Гаврилова по их велению Троицкой площади подъячей Ивашко Павлов руку приложил.

Комментарии

ⁱ Датируется по дате крещения Гантимура и Катаная, упомянутой в отписке И. О. Власова в Сибирский приказ.

ⁱⁱ И. О. Власов.

ⁱⁱⁱ «Знамена»-тамги Гантимура и Катаная опубли.: Зуев А. С. Хан Тимур, булат или стрелок из лука: К этимологии имени тунгусского князя Гантимура // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 5: Археология и этнография. С. 246.

^{iv} Датируется по последней дате, упомянутой в отписке, и дате отправки Гантимура и Катаная из Нерчинска (см. расспросные речи И. М. Милованова и С. Г. Молодого).

- v 1683/84 год.
- vi Дата в тексте не указана.
- vii Семен Гаврилович Молодой.
- viii Датируется по датам, упомянутым в отписке.
- ix На листах 59–60 излагаются отписки нерчинского воеводы И. О. Власова и челобитная Гантимура и Катаная.
- x 1684/85 год.
- xi Гантимур по каким-то причинам не упомянул свой уход в маньчжурские пределы и возвращение оттуда на р. Нерчу.
- xii 1684 год.
- xiii 1684 год.
- xiv Китайка — вид ткани, производившейся в Китае.
- xv Лядчина (летчина) — вид сукна.
- xvi Датируется по дате распроса И. М. Милованова и С. Г. Молодого в Сибирском приказе.
- xvii 1685 год.
- xviii 1684 год.
- xix На л. 113–132 следует рассказ о поиске серебряной руды на р. Аргунь, поездке из Нерчинска в Енисейск и далее через Нарым, Сургут и Тобольск до Москвы, военно-политической ситуации в Восточном Забайкалье и Приамурье, численности служилых людей и состоянии хлебопашества в этих регионах.
- xx Не упомянуто пребывание Гантимура и его рода в маньчжурских владениях.
- xxi 1684 год.
- xxii 1684 год.
- xxiii Мугальские — монгольские, монголы.
- xxiv Далее дается короткая информация о поездке Гантимура и прочих из Енисейска до Москвы.

Список литературы

- Аинчина Т. М.* Древний эвенкийский род Гантимуровых // Забайкальское казачество на службе Отечеству: История и современность. Улан-Удэ, 2006. С. 92–96.
- Акты исторические. СПб., 1842. Т. 4. III, 565, 8, 15 с.
- Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. 272 с.
- Артемьев А. Р.* России верное служение: Род князей Гантмиуровых // Забытые имена. Вып. 1. Владивосток, 1995. С. 47–59.
- Багрин Е. А., Трухин В. И.* Походу Петра Бекетова в Забайкалье 370 лет: Новые штрихи к известным событиям // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2023. Т. 9. № 1. С. 118–151.

- Бродников А. А.* Енисейский острог. Енисейск в XVII веке: Очерки из истории города и уезда. Красноярск, 1994. 142 с.
- Гантимуровы // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. Т. 8. СПб., 1892. С. 96–97.
- Дамдинов Д. Г.* О предках Гантимуровых (титуловых князей и дворян по московскому списку). Улан-Удэ, 1996. 92 с.
- Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной коллегии Иностранных дел, в 1792–1803 году Николаем Бантыш-Каменским. Казань, 1882. XII, 565 с.
- Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. 621 с.
- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 6. СПб., 1857. VIII, 477, 15, 8 с.
- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 10. СПб., 1867. VIII, 504 с.
- Жамсаранова Р. Г.* Тунгусы князя Гантимура. Ч. 1. Чита, 2018. 252 с.
- Журнал, веденный в Пекине, по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария, отправленного по высочайшему Его Царского Величества указу в 1676 году, царствования китайского Хуандия Кансия в 15 лето / Пер. с маньчж. // Сибирский вестник. 1823. Ч. 3. С. 29–100.
- Зуев А. С.* Богдойский боярин Гантимур: Рождение и развенчание мифа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 8: История. С. 9–34.
- Зуев А. С.* Гантимур и русские землепроходцы: Из истории русско-тунгусских отношений в Забайкалье в середине XVII в. // Сибирь в империи – империя в Сибири: Имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в. Иркутск, 2013. С. 134–152.
- Зуев А. С.* Гантимуровы // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. С. 368–369.
- Зуев А. С.* Описание Забайкалья и Приамурья 1681 года // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 1: История. С. 122–132.
- Зуев А. С.* Хан Тимур, булат или стрелок из лука: К этимологии имени тунгусского князя Гантимура // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 5: Археология и этнография. С. 242–254.
- Ивановский А.* Посольство Спафария (Маньчжурский текст) // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 2: Перевод маньчжурских документов о посольстве Спафария. СПб., 1888. С. 81–124, 195–220.

- Иванчик С. Н., Кононенко Н. И.* Князь Е. И. Гантимуров: Тайны происхождения рода. Новосибирск, 2016. 99 с.
- Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова на Амуре в 1649–1651 гг. // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1840. Т. 27. № 105. С. 45–94.
- Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова на Амуре в 1649–1651 гг. // Сын Отечества. 1840. Т. 1. С. 85–126.
- Карнович Е. П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885. 2, VI, 330 с.
- Красноштанов Г. Б.* Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 2008. 752 с.
- Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. Т. 1. СПб., 1895. 476 с.
- Любимов С. В.* Титулованные роды Российской империи. Т. 2. СПб., 1910. VII, 88 с.
- Мазуров И. В., Пастухов А. М.* Очерки истории Российского Дальнего Востока. Кн. 1. Хабаровск, 2009. 383 с.
- Материалы для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области комиссии под председательством статс-секретаря Куломзина. Вып. 5: Исторические сведения. СПб., 1898. 325 с.
- Мелихов Г. В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974. 246 с.
- Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле, данный из Сибирского приказа в 1655-м году // Русская историческая библиотека. Т. 15. СПб., 1894. Раздел 5. С. 1–35.
- Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII-м веке // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 21. Вып. 2–3. СПб., 1912. С. 66–92.
- О посольстве в Китай Николая Спафария с дворянами, подъячими, гречанами и иноземцами // Вестник Европы. 1827. Ч. 157. № 23–24. С. 162–196.
- Паршин В. П.* Поездка в Забайкальский край. Ч. 2. М., 1844. 208 с.
- Полевой Б. П.* Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. Т. 2. Владивосток, 1995. С. 7–54.
- Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. 382 с.
- Русская родословная книга. Т. 1. СПб., 1873. 435 с.
- Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. Т. 1: 1608–1683. М., 1969. 614 с.

- Сборник документов по истории Бурятии: XVII век. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960. 493 с.
- Серебренников И. И.* Князь Гантимур: Исторический очерк. Shanghai, [б. г.]. 20 с.
- Соломин А. В.* Князья Гантимуровы. М., 2016. 276, XVI с.
- Соломин А. В.* Происхождение тунгусского князя Гантимура по данным ономастики // Генеалогический вестник. 2011. № 45. С. 47–52.
- Спасский Г. С.* Исторические сведения о сибирских тунгусах вообще и о забайкальских в особенности // Сибирский вестник. 1822. Ч. 18. С. 339–348.
- [*Спафарий Н. Г.*] Путевой дневник от Нерчинского острога до Пекина русского посланника в Китай Николая Гавриловича Спафария 1676 года // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 9. Оренбург, 1896. С. 3–71.
- [*Спафарий Н. Г.*] Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году: Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева. СПб., 1882. 215 с.
- Степанов Н. Н.* Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири: Период феодализма. М., 1973. С. 106–124.
- Туголуков В. А.* Конные тунгусы: Этническая история и этногенез // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 78–110.
- Уварова Т. Б.* Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. М., 2004. 164 с.
- Успенский В. Л.* Из истории русско-китайских отношений в XVII в.: По новым документам на монгольском языке // Новый исторический вестник. 2012. № 33. С. 10–17.
- Хартанович М. Ф., Хартанович М. В.* Тунгусские князья Гантимуровы // Наука из первых рук. 2011. № 3. С. 70–83.
- Шумахер П. В.* Наши сношения с Китаем (с 1567 по 1805) // Русский архив. 1879. № 6. С. 145–183.
- Элерт А. Х.* Новые материалы к биографии тунгусского князя Гантимура // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 416–421. (Археология и источниковедение Сибири. Вып. 20).
- Яковлева П. Т.* Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958. 236 с.
- Perdue P. C.* China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge (Mass.); London, 2005. 725 p.

Т. И. КОВАЛЕВА

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**«Сказание о явлении и чудесах
Абалацкой иконы Богородицы»:
Ранний томский список
(ТЕКСТ И КОММЕНТАРИИ)**

Публикуется наиболее ранний из известных в настоящее время списков «Сказания о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы» — произведения начального этапа сибирской литературы XVII в., созданного в Тобольском архиерейском доме. Данный список отражает переходный этап сюжетосложения памятника: от документа к сказанию о чудотворной иконе. Оформившиеся в нем необходимые структурные элементы и идеи получают развитие в дальнейшей истории сочинения, посвященного первой и самой почитаемой святыни Сибири.

Ключевые слова: русская литература Сибири, Тобольский архиерейский дом, сказания об иконах, Абалацкая икона Знамения Богородицы, рукописная традиция.

«Сказание о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы» — один из памятников ранней сибирской литературы, созданный в Тобольском архиерейском доме, где при митрополичьей кафедре сложился литературный центр.¹ Сочинение связано с происхождением Абалацкой иконы Богородицы, ставшей первой и самой почитаемой сибирской святыней, оно сыграло важнейшую роль в формировании ее культа. Основой сюжета Сказания послужил рассказ из следственного дела, записанный также в Тобольском архиерейском доме в 1636 г.² Он включает сведения о четырех явлениях иконы Зна-

¹ Корпус памятников, относящихся к Тобольскому архиерейскому дому см. в издании: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. / Изд. подгот. Е. К. Ромодановская, О. Д. Журавель. Новосибирск, 2001. Одно из редких сочинений ранней сибирской литературы (начало XVIII в.), написанное не в Тобольске, а в провинции, городе Томске — «Сказание о явлении Николая Миликеевского чудотворца томскому гражданину Григорию». Анализ и публикация памятника осуществлены О. Д. Журавель, см: *Журавель О. Д.* «Сказание о явлении Николая Мирликийского Чюдотворца томскому горожанину Григорию» — памятник сибирской литературы начала XVIII века. Статья 1 // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 157–165. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36); *Журавель О. Д.* «Сказание о явлении Николая Мирликийского Чюдотворца томскому горожанину Григорию» — памятник сибирской литературы начала XVIII века. Статья 2 // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 251–264. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 37).

² Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. С. 342–344.

мения Богородицы крестьянской вдове Марии и чудо об исцелении крестьянина Евфимия Коки, происшедшее после написания иконы изографом Матвеем Мартыновым по его заказу. Как пишет Е. К. Ромодановская, «текст документа перерабатывается автором Повести в духе книжной риторики».³

Е. К. Ромодановской выявлено и рассмотрено восемь списков Сказания XVII–XIX вв. В качестве основного, как наиболее полный и исправный, принят список РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 400, полуустав первой половины XVIII в., 250 л. (У). Установлена близость к нему еще шести списков и дана их краткая характеристика. Основные отличия между ними — число вступлений (одно или два) и число чудес (варьируется от 1 до 126).⁴ Научное издание, сопровождаемое кратким комментарием, осуществлено в 2001 г.⁵ Самый ранний список — Е, определенный Е. К. Ромодановской как особая, краткая редакция Сказания,⁶ — в издание не вошел, вероятно, из-за того, что был известен ей не по рукописи, а по публикации священника А. Юрьевского в «Тобольских епархиальных ведомостях» 1902 г.⁷ А. Юрьевский относил открытый им в Тобольском церковном древлехранилище текст, опираясь на дату вкладной записи, к 1648 г. Временем первоначального этапа истории Сказания об Абалацкой иконе Богородицы он считал 1647 г. Его рассуждения выстраиваются следующим образом: «В 7156, т. е. в 1648 г. данный сборник уже существовал. По словам же прот. Сулоцкого и рукописи XVIII в. (№ 326), первоначальное сказание об Абалацкой иконе было составлено в 1647 году. Очевидно, что открытый нами список сказания был сделан в первый же год по составлении самого сказания. Это древнейшее, первоначальное сказание об Абалацкой святыне по своему содержанию значительно отличается от того сказания, которое помещено в рукописи XVIII в., так и от того, которым пользовался прот. А. Сулоцкий».⁸ Даты, названные А. Юрьевским, вызывают сомнения, так как его наблюдения не предполагают существования текстов, которые могли бы скорректировать выводы об этапах создания сочинения.

³ Ромодановская Е. К. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 161.

⁴ Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. С. 158.

⁵ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. С. 5–184.

⁶ Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. С. 158.

⁷ Юрьевский А. Редкий памятник сибирской духовной письменности первой половины XVII века // Тобольские епархиальные ведомости. 1902. № 24. Отд. неоф. С. 453–464.

⁸ Юрьевский А. Редкий памятник сибирской духовной письменности... С. 451.

Кроме того, публикатор списка Е коснулся и вопроса атрибуции Сказания. Считая невозможным «решить вопрос об этом старинном сибирском писателе», он определяет автора как выходца из Европейской части России на основании того, что на момент написания Сказания в Сибири еще не было сформировано литературных школ, а также, опираясь на «внутренние данные самого текста»: «Так, например, говоря об исцелении слепой девицы Евдокии Полуяновых (чудо 4-е), автор замечает, что она не различала дня от ночи и “от каменного претыкания нозе ея отерпоша”. Между тем в окрестностях Тобольска нет и не было никаких камней».⁹ Как нам видится, выводы А. Юрьевского говорят о непрофессиональном филологическом подходе, тем не менее, публикация текста выполнена им без существенных ошибок.

В настоящее время список Е выявлен нами в сборнике, хранящемся в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, описанном В. А. Есиповой: ОРКП НБ ТГУ. В-760.¹⁰ Это сборник житийного характера второй четверти XVII в., писан несколькими почерками. В описании, видимо, опечатка, указано, что на л. 243–282 об., в диапазон которых входит и Сказание об Абалацкой иконе Богородицы, «скоропись XIX в.». De visu установлено, что это скоропись XVII в.¹¹ Сказание об Абалацкой иконе находится на л. 243–264 об. Владельческая запись сделана полууставом: «Лета 7156-го, марта 13 день / по благословению великаго / господина, преосвященнаго Герасима, / архиепископа Сибирского / и Тобольского, и по изустной / памяти Богоявленскаго / и Пречистенскаго церковнаго / дьячка Екима Савина / ся книга — Соборник отдана Богоявлению Господню и ко / церкви Пречистыя Богородицы / Владимирския по ево / Якимове душе и по ево родителех. / Подписал подъяк Якунка / Никифоров».¹² Год вкладной записи — 7156 (1648 г.) — указывает на ранний этап бытования Сказания. Первоначально книга хранилась в Тобольском церковном древлехранилище, на что указывает ярлык места хранения с инвентарным номером 271 на корешке рукописи, его же находим на л. 243. В библиотеку ТГУ рукопись поступила в 1954 г. из музея истории ма-

⁹ Юрьевский А. Редкий памятник сибирской духовной письменности... С. 452.

¹⁰ Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог / Сост. В. А. Есипова. Вып. 1: XV–XVII вв. Томск, 2007. С. 139–146. Анализ данного списка см.: Ковалева Т. И. Ранний томский список «Сказания о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы в Тобольске» в истории сюжета сочинения // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2022. № 3. С. 193–203.

¹¹ Славяно-русские рукописи... С. 140.

¹² Славяно-русские рукописи... С. 139–140.

териальной культуры при ТГУ, в музей — в 1920-е гг. из Тобольского церковного древлехранилища.¹³

Е. К. Ромодановская отмечает близость Е к «документу по манере изложения событий, хотя здесь уже проведена некоторая работа по абстрагированию: отсутствуют имеющиеся в росписи конкретные сведения о Марии, ее отце духовном, Евфимии Коке».¹⁴ Она считает этот список результатом первоначальной литературной обработки документа и полагает также, что «одновременно с созданием Сказания о явлении иконы были записаны и первые чудеса ее, о чем свидетельствует список Е (1640-е годы), включающий 13 чудес».¹⁵ Исследовательница выделяет следующие этапы создания сочинения: «После “явления иконы” в 1636 г.¹⁶ в 1641 г. было написано Сказание об иконе; 1641 указан в заглавии Повести в списках У, З; списки О и Р указывают на 1647 г., но сохраняют дополнение “в шестое лето по явлении пресвятыя Богородицы”».¹⁷ В заглавии Е нет указаний на дату.

Вопрос атрибуции сочинения остается открытым. Однако Е. К. Ромодановская, учитывая одновременность работы над летописью (1636 г.) ее несомненного автора, Саввы Есипова (приехавшего в Тобольск в свите архиепископа Макария), и явления иконы (1636 г., июль — первое явление) предполагает, что Есипов мог быть автором Сказания,¹⁸ во всяком случае, части, написанной к 1641 г., текстологически близкой к Есиповской летописи основной редакции.¹⁹

Анализ списка Е показывает, что в нем к документальной основе рассказа из следственного дела добавляются структурные элементы (краткое предисловие, риторическое отступление между первым и вторым явлениями и вступление к четвертому явлению); оформляется идея распространения христианства в Сибири по Высшей воле, в том числе благодаря явлениям Богородицы вдове Марии. Отмеченные новые черты получают развитие в дальнейшей истории сочинения. Список Е отражает ранний, переходный этап сюжетосложения памятника: от документа к сказанию о чудотворной иконе.

Текст публикуется в соответствии с правилами ТОДРЛ. Фрагменты, написанные киноварью, выделены полужирным шрифтом.

¹³ Славяно-русские рукописи... С. 140.

¹⁴ Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. С. 165.

¹⁵ Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. С. 166.

¹⁶ Дата зафиксирована в документальном рассказе вдовы Марии. — Т. К.

¹⁷ Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. С. 166.

¹⁸ Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. С. 164.

¹⁹ Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. С. 73, 166.

**Сказание известно о чудеси и о явлении
Пресвятыя владычица наша Богородица
и приснодевы Мариа в Сибирстем
в царствующем граде Тобольске^а**

- Всемогий Бог милости ради Своего человеколюбия, весма промышляя о Своем создании, и Своя божественная хотения яве творит притчами и чудесы различными человеческому естеству, свобождая от дияволя порабощения, но привлачая к Своему триипостасному Божеству. Искони бо Троица, Бог наш — Отец, и Сын, и Святыи Дух, о нашем спасении всяко промышляя, яко же сотвори первозданнаго человека Адама, к сему же и мы вси припряхомся плотию
- л. 243 об. во // едино подобие. И сотвори нас Бог с ним быти в раи, пища еже нас ради насади во Едеме на востоце.ⁱ Сей же первозданныи и мы с ним вси купно отпадохом от божественныя рая пища, и смерти и тли подпадохом по дияволю искушению, и преступницы быхом Божиих заповедей. Всемиловитый же Бог наш множества ради Своего человеколюбия посла Сына Своего едиnorodнаго спасти рода человека, и в пречистое девическое ложечно вселися и плоть содушну, словесну же и умну приим изволением. И изыде Бог воплощен, родився неизреченно и девство сохранил нетленно. И приим рабий // зрак истинною, а не мечтанием, но всячески нам подобен был разве греха.ⁱⁱ Волею трудися, волею пострада, волею умре безгрешный нашего ради спасения. И воскресе тридневен, исления же не виде, и человеческий род без исления свободи, и на небеса вознесеся.ⁱⁱⁱ Но никакко же от нас не отлучаяся, но вопия любящим Его: «Аз есмь с вами, и никто же на вы».^{iv} О новый Израилю! Слышите Божие милосердие и смотрения к нам человеком, како печется о нашем спасении, яко же обещася нам: Аз есмь, рече, с вами, сиречь не отступлю от вас, и не дам в попроание врагом вашим, и избавлю от сети вражия.^v //
- л. 244 об. Но убо збытсся нам реченное пред очию нашею во дни и роды наша, еже очи наша видеша и ушеса наша слышаша,^{vi} яко содеяся в новопросвященном месте, идеже древле оладневшая сердца неверием помрачашеся и кумирслужения, и бесобоязния исполнено бе.

Оле^б Божие милосердие и строение спасительное! Древле убо Сибирская земля тмоу безверия помрачашеся, ныне

^а В ркп. на правом поле доб. киноварью: ѿи (68); ^б в ркп. на левом поле доб.: то да рече Богови;

- л. 245 же благоверием сия и божественными чудеса прославляема. Тогда осквернилась земля кровопролитием ко идолом богомерских жрецов, ныне же освятится и очистится приноси//мыми безкровными дары Господеви Богу нашему. Тогда нечестие, ныне же благочестие. Тогда человецы, яко во тме, в безверии быша, ныне же во свете непорочныя веры пребывающе присно. Тогда оляденевшая сердца неверием помрачашеся, ныне же божественное семя всеяся в них, и евангельски духовно породишася, и из неверия быша верни. Тогда действия и мечтания бесовская, ныне же божественная чудеса и явления Божия Матери содеяся.^{vii} Еже ныне, упова на Бога, хошу предложити повести сия всем во услышание, понеже обретох писание, глаголющее
- л. 245 об. сие: «Тайну цареву // лепо крыти, дела же божественная проповедати честно есть»,^{viii} инде же глаголет: «Добро и души утешно».

В лета 7144-е, месяца июля в день 12, при державе благочестиваго государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца, святых же и великия соборныя и апостольския церкви в царствующем граде Тоболске кормило правящу тогда пресвященному Нектарию архиепиюкопу. В первое же лето святительства его прииде в соборную церковь Софеи Премудрости Божии из веси, нарицаемая Абалак, вдова именем Мария и поведа // Нектарию архиепископу предо всем собором, паче же и предо всем народом, не обинуяся, сие глаголя.

л. 246

Первое явление Пресвятыя Богородица^в

Спящу ми, рече, на ложи своем, и явился мне во сне Пресвятая Богородица со святым чудотворцем Николаю и с преподобною Мариєю Египетскою. Аз же исполнихся трепета и ужаси. Глагола же ми Пресвятая Богородица во сне том: «Се заповедаю ти, да возвестиши во всем мире явление мое к тебе и да речеши им мое заповедание. Се же им заповеди моя, да созиждут церковь нову на Абалаке во имя мое

л. 246 об. Знамения, // иже в Великом Новеграде, в предградии же оба полы во имя Николы Мирскаго архиерея и Марии Египетския, одесную страну ветхия церкви Преображения Господня». Тако яви ми ся дважды, сия же глаголы возвещающую ми. Аз же сему не ях веры, яко истинна суть, но мнех сон зрети, и ни во что же вмених бывшее, и никому

^в в ркп. на правом поле доб. киноварью: ѣ (1);

сего явления не новедах, но слогах в сердцы своем, дондеже паки яви ми ся.

Благодарение Богови

Слышите, людие Божии, яко снабдит Господь страну сию. Благодарим содеятеля Бога, яко, наставляя нас на спасительныя вещи, и ради // истинного свидетельства предпоставляет пренепорочней Своей Матери чудеса творити, с нею же и угодники Своя посылая, яко да послужат Царицы и не будет уединена.

Второе явление

Таже вдова Мария поведает, глаголя:^г того же лета месяца июля в 26 день, шедшу ми, рече, из клети своя, держах в руце своей хлеб, и абие прииде на мя яко мрак, и умом смятохся, и падох на землю яко мертв. И озрехся видех икону Пресвятыя Богородица, вторую же икону Марии Египетския и очивесь святого Николу, яко жива суца, во святительстей одежди стояща. Аз же от видения сего наипаче бояхся // и вниде трепет в кости моя. Рече же ми святыи Николае: «Востани, не бойся, но иди на погост Абалацкой и рцы во всем мире, идеже кого обрящещи, да глаголеши им, не обинуяся. По прежреченному ти глаголю, яко да созиждут церковь нову во имя Пресвятыя Богородица. Лес же на ту новозиждемую церковь, да повелиши людем, своими труды посети и приплавити водою, и положиши его, идеже повелесе прежде создатися церкви. Аще ли презрят сие повеление и твое извещение ни во что вменяют, то явити имат Господь казнь Свою на них и сами узрят бу//душая им в последних озлоблениях. Аще ли исполнят по глаголу моему, то Господь Бог умилосердится им и исполнятся гумна их жита довольно и во всем мире мир и здравие подаст». Аз же, яко от сна возбудихся, никого же видех и сего паки никому же поведях бывшего ми явления.

Третье явление

Еще же сия Мария поведает нам.^а По вторем же, рече, явлении, седяшу ми в дому своем едина, и внезапно исполнися храмина моя дыма благоуханна, яко фимияна. Аз же ужасохся и яко вне ума своего бых, и видех две иконы на воздусе стоящи. Едина икона Пресвятыя Богородица, //

^г в ркп. на правом поле доб. киноварью: ѿ (2); ^а в ркп. на правом поле доб. киноварью: ѿ (3);

- л. 248 об. вторая же Марии Египетския. Святый же Николае паки очивесть яви ми ся в ризах светлых. И глагола ми святыи Николае: «Мария! Почто явления Пресвятыя Богородицы не поведаети в мире? Не веси ли, яко озлобление ти есть за твое неверие?»². И абие обратишася руце мои опако, и болезнено ми бысть, и падох на помост яко мертва. Слышах же сладкий глас ото иконы Пресвятыя Богородица, глаголющ: «Тягость есть и невозможно ей тако терпети». И абие обратишася руце мои, яко же бе и первие. Аз же от страха того много болезновах и недоумевахся, что ми напоследу // док. По немнозех же дней мало от болезни утрабихся и идох ко отцу моему духовному и возвестих ему вся подробну прежняя и сия явления, яже видех и яже слышах от Пресвятыя Богородицы, и молих его, дабы поведал в мире, яже исповедах ему. Сему же умолчавшу и никому же поведующу сих.

Четвертое явление^е

- Божий промысл не закосневает, но паче на успех бывает, яко же прежде Божие мановение коснуса нас, хотящее спасения нашего. Не хоцет бо смерти грешным без покаяния, но ожидает благий казатель путь спасения нашего.^{ix} //
- л. 249 об. Многия знамения и явления, и чудеса угодники своими являет на пользу нам. Аще ли же не возбудимся яко от сна и не вонмем благая в сердца своя, тогда обрящемся в послед[н]их озлоблениих, глаголюще сице: «Не сердце ли бе горя бе в наю, егда глагола нам жена она повеления Пресвятыя Богородица,^x яко снабдит Господь страну нашу, и повеления Божия не содеяхом, и одебелеша сердцы своими тяжко». Сего убо ради, ища нашего спасения, Господь и дондеже не приидет на ны казнь Божия за неверие наше, будущая нам озлобления яве творит, да быхом // познали и разумели, яко^{*} судьбы Божия неиспытанны.^{xi} Яко же вдова она Мария поведа нам сице: «Идушу ми, рече, во граде Тобольске подгорием и бых яко во мраце и видех, яко облачен столп до небеси досязаем. В том же столпе явися мне святыи Николае тако ж, яко же и прежде в светле одеянии. И паки видех две иконе: едину Пресвятыя Богородица и едину Марии Египетския на воздухе стоящи. Аз же стоях на долг час и возмятохся умом и бых яко мертва. Рече же ми³

^е в ркп. на правом поле доб. киноварью: ѿ (4); * в ркп. вставлено над строкой; ³ в ркп. написано над строкой;

- святый Николае с яростию: «Аще прежняго и днешняго явления не возвестиши миру, будеши разслаблена!» //
- л. 250 об. Аще ли же поведаети народом, они же ни во что вменят и по прежнему явлению не воздвигнут церкви Пресвятей Богородицы, идеже повеленно прежде, то казнь Божия имат быти на все народное множество, яко не вероваша!». Аз же убоаяся наипаче и не могушу ми двигнутися с места того, идеже стоях, и на мног час тако трудихся и едва изыдох от места того, и абие явльшаяся мне невидима бысть. И паки идох ко отцу моему и возвестих сия, и начах в мире поведати вся подробну, еже видех и яже слышах и дерзностне начах // поведати вся.
- л. 251

Чюдо 1. О разслабленем

- По сему же явлению вси христоименитии людие града Тобольска, по совещанию всего христианства, обещахася воздвигнути церковь на Абалаке во имя Пресвятыя Богородица честнаго ея Знамения, иже в Великом Новеграде, в пределех же Николы Чудотворца и Мари Египетския, и испросивше благословение у пресвященнаго Нектария архиепископа, еже и воздвигнуша. Некий же человек именем Ейфимий, прозвище Кока, в разслаблении всем телом своим, яко ни единым удом телесным владети можаше и тако
- л. 251 об. многи дни в том // недуже проводи. Уведав же от ближних своих, яко по явлению вси православнии людие начаша соизидати церковь на Абалаке во имя Пречистыя Богородица, и помолися Богу и Пречистей Его Богоматери и обещахася написати образ местной Пречистыя Богородица Знамения, иже в великом Новеграде, иже во святых отца нашего Николы Мир Ликийских чудотворца и преподобныя Марии Египетския. И якоже обещахася, и абие, еще сущи молитве во устех его, бысть облегчение болезни его и мало укрепися удесы своими. Видев же себе облегчение, наипаче возгорехся ревностию же//лания своего, яко да исполнит обещание свое и безо всякого закоснения повеле иконописцу сия святыя иконы написати. По мале же времени иконописец иконы Пречистыя Богородица и святаго Николы и преподобныя Марии Египетския написа на единой дске елико подобаше. Егда же совершена бысть причистая икона, и абие человек он бысть весь здрав и востав прииде во град и взят у иконописца святую икону и, своими руками любезно
- л. 252

¹¹ в ркп. слоги -лена написаны под строккой;

л. 252 об. подъем, принесе во святую соборную церковь Софеи Премудрости Божии. Поведано же бысть о бывшем пре//славнем чуде си, яко разслабленный прежде бывый человек он принесе пресвятую икону во святую соборную церковь своими руками. И возгорется духом благодарственныя молитвы со всеосвященным соборным, Богови и Пречистой Богородицы воздаша, пеша молебная согласная пения, и поставиша пречистую икону в соборной церкви, и отоидоша в дома своя, радуяся духовне о Бозе.

Чюдо 2-е. О слепой девице

л. 253 Божественный пророк Иезекеиль яко от лица Божия к пастырем глаголет: «Сыне человекъ, стража дах ты дому Израилева, слыши от мене слово и запретиши им, и аще засвидетельствуеши им // и не отстанут от беззаконий своих, во гресех своих умрут, ты же чист пребудеши; аще ли же не засвидетельствуеши им, кровь их от руки твоя взыщу». ^{xii} Ино же писание глаголет: «Подобает паствующим всегда о стаде своем попечение имети и неослабно и тща-тельно о сих прилежати». ^{xiii} Сему же последующе, пресвященный Нектарей архиепископ, попечение имея о порученней ему от Бога пастве о многочисленном христианством народе, паче же о сих прилежне подражая, о божественем орудии, еже о Святем Дусе порученный ему чада града Тобольска, — христоиме//нити людие обещашася волю и хотение Божия Матери содеяти, еже создание храма на Абалаке по явлению, иже прежде рекохом, — повеле сий архиепископ прежереченную святую чудотворную икону нести на Абалак, идеже созидашася святыи храм ея, священником же и дьяконом воследовати ей повеле. Егда же понесоша сию пресвятую целебную икону, народи мнози воследующи иноцы и инокиня, мужи и жены, старии и млади и всяк возраст приключшимся быти тогда, не просто бо идуще, но свеща иму//ще, священником же и дьяконом молебная пения возсылающим и тако двадесять поприщ идуще, толико отстоит Абалацкая весь от града Тобольска. Егда же соша сию святую икону и отоидоша от града пять поприщ и доидоша веси Шанталык именуема. Близ же тоя веси живяше человек именем Василей, архиепископль крестьянин. Узрев сию чудотворную икону и пад, со слезами моляся — бе бо дщи ему девица слепа, не виде солнечнаго сияния два лета, — дабы милость получила от Пречистыя

л. 253 об.

л. 254

л. 254 об. Богородица, яко да прозрит, и обещася приложити к той // чудотворней иконе, приложити серги тоя дщери своая, иже ношаше. Пришедшу же ему в дом свой, и абие дщи его прозре и здрава бысть, и ирославиша Бога и Пречистую Его Матерь за бывшее чудо Пресвятыя Богородица.

Чюдо 3. О некоем мужи^к

Господь гордым противится, смиренным же и подобо-
страстным, и сердце имущим сокрушено, и вся Божественая
дела подражающим, о своем же спасении промышляющим
дает благодать свою.^{xiv} Горделивым же и превозносящимся,
и о всяком Божественном орудии нерадящим, томления и
казни различными // прилоги наводими бывают. Но не
до конца дает погибнути, паки милосердие свое дарует и
паки промысление бывает, да не порабощено будет дияволу
человеческое естество, но приидет в покаяние и приимет
милость, якоже в чюдеси сем известно будет, яко етеру
мужу ключися в сия страсти впасти и последи покаянием
милость получи. По совещанию убо всего христианскаго
народа, иже попечение имеющей о Божественном орудии,
послан муж етер именем Антоней с пречестным образом
Пресвятыя Богородица во область сибирскаго царствия //
л. 255 об. во грады же и веси собирати на церковное здание и укра-
шение новозидемя церкви, иже есть на Абалаке. При-
иде же сей прежреченный муж во град, нарицаемый Вер-
хотурье. ПравOVERннии же людие чудотворней иконе велию
честь и коленопреклоние, и целование воздаша, слышаще
от нея пеизреченную милость. Овии Пречистой Богороди-
цы пеша молебна, овии же чудотворней иконе ея приклады
приложиша, и вси туне милость получиша. Пришедшу же
сему мужу со Пречистою иконою в дом етера мужа именем
л. 256 Об. Ондрей, рекомый Перхуров, и испро//си у него, да воздаст
елико на здание и на украшение церкви оная. Он же слы-
шав, яко со пречистою иконою приидоша в дом его, и ие
изыде во сретение сея чудотворныя иконы и поклонения и
целования не дасть, но вражиим научением неистовые гла-
голы от сердца своего испусти. Многия, рече, собиратели
на церкви собирают, и беду, а не собратели нарицаше, и по-
сла мужу оному четыре денги, сам же не изыде, отверже от
себе сицевая, яко честь образа к первообразному существу
л. 256 об. восходит. И сего ради абие и отомщение приим, // Пре-

^к в ркп. слог -жи написан над строкой;

святая же Богородица прославися о чудеси своем. Прержереченный же муж с пречистою иконою отоиде от дому сего в монастырь тоя же верхотурския области, рекомый Нейвинская пустыня, преславных бо чудес ея ради повсюду желаше ходити с тем пресвятым и чудоцелебным образом, понеже мнози слышаша таковая превеликая чудеса, тщахуся видения сподобитися чудотворней сей иконе и милость восприяти желажу. Егда же отоиде муж он от дому Андреева, и абие в той час впаде в недуг зело лют, огнем жгом бысть // и всем телом разслабе и язык его отъяся и пены точка с кровию. И воспомяну грех свой, еже согреших пред святою Богородицею, и вскоре посла по прержереченнаго мужа, оного Антония, да бы возвратился з Богородичною иконою в дом его. И егда же приспе неистошима она радость и незамедленная скорая помощница в дом Андреев, жена же и дети ево со многими слезами ведоша ево на стретение чудотворного оного образа. Он же воспомянув грех свой и воздохнув со слезами пред чудотворным образом Пресвятыя Богородицы, и призва в дом свой священники и клиросники и нача молебная пения и воду святити. И по совершении молебнаго пения и по освящении воды приведоша его к чудотворному образу Пресвятей Богородицы, он же едва // поклонение сотворив. Помогоса ему людие и приложиша его ко святей иконе и пеленою отре очи и главу, и устне его и водою священною покропивше. И абие незамедленная она скорая помощница вскоре милость свою дарова, и изцеление получи Андрей. И упокоив прержереченного мужа оного Антония в дому своем, и от имени своего Пресвятей Богородицы и святителю Николе и Марии Египетской на соружение пресвятого их храма подаст десять златник, серебряных же числом три рубли, московскую, да хлеба полчетверти ржи и проводи из дому своего пресвятую икону честне с поклонянием и со многими слезами, хвалу и славу воздая Пресвятей Богородицы и угодником ея. //

л. 257

л. 257 об.

л. 258

Чудо 4. О слепой девице

Якоже весне приспевшей, источницы исполняются текущих вод, наипаче день от дне прибывающа вода, и яко шипок мало процветший процветает днесь, тако заутра же благообразнейш и краснейш, и дебелоцветен является, также и чудеса Пресвятыя Богородица, простирающеса

присно. Всегда бо призываема предваряет на помощь нашу, якоже исповем дела божественная. Преславно бо слышание во ушию вашу водрузитися имат мысленне. Воистину велие чюдо Божия Матери паки содеяся в лето 7146 году месяца июля в 17 день. Приведоша к сей чюдотворней //

л. 258 об. иконе некую девицу именем Евдокею Полуяновых, четырнадцать лет не виде очима своими солнечнаго облистания и всего благообразнейшаго и благолепнаго небеснаго красованя, но яко во тме пребываюшу, не разуме дни и ноши, но едино име день и ночь, и от каменнаго претыкания нозе ея отерпоша. Егда же введоша ея во церковь Пресвятыя Богородица, она же со слезами милости просяще у Пречистыя Богородицы, стенание и въздыхание от сердца испущающе. Пев же молебен, отведоша ея в дом свой. Егда же прииде в дом свой, и абие нача видети солнечное блистание, // она же наипаче молящися день и ночь, исхождаше бо молитва ко Пречистой Богородицы изо уст ея день и ночь. Приложи же ко образу Пречистыя Богородицы в приклад чепь сребряну и крест сребрен, еже сама ношаше о выи своей. И помысли попоститися и милости просити у Пречистой Богородицы, и постися. Приведоша же ю паки южыки ея и ближняя ея ко пречистому чюдотворному образу Пречистыя Богородицы. Она же увиде чюдотворную икону и венец на главе ея, и всех людей во церкви узре, и нача видети очима своими, славя Бога и Пречистую Богородицу. И пев молебна отыде в дом свой радуяся. //

л. 259 об.

Чюдо 5. О кузнеце

В лето 7146 году февраля в 3 день прииде на Абалак некий человек имянем Иван Матфеев сын кузнец з женою своею и поведа приключшееся быти ему: «Спящу ми, — рече, — на ложи своем и видех во сне, яко некий человек прииде ко мне и удари мене во главу и рече ми: “Почто обещания своего не исполниши, еже обещася итти на Абалак пети молебна Пресвятей Богородицы и Николе Чюдотворцу и Марии Египетцкой?” Воставшу же ми, глава же моя боляше. Но аз се видение ни во что вмених, но в сонное видение премених. Прежде же сего видения обе//щавшумися итти на Абалак Пречистой Богородицы и Николе Чюдотворцу и Марии Египетцкой пети молебна и не идох, поне не твердо веру имуще и закоснех за орудием своим, яко всегда непраздна себе помышлях. В четвертый же день по виде-

л. 260

нии сем видех во сне паки, прииде ко мне той же человек и рече ми: “Окаяние! Почто обещания своего не исполниши? Узриши в будущих ти и да разумеши тогда, яко преступившу ти обещание свое!” И воставшу же ми от ложа своего, и умы лице свое и помолися Богу, и по молитве идох в кузницу свою паки на свое орудие. ^{л. 260 об.} “Се же видение // паки видение^л ни во что вмених, и взял железо, разже и ударих млатом, и абие оторжеса ото женнаго железа часть и лете, и удари мене во главу. Аз же падох, яко мертв, и бых без памяти. Предстоящая же ту же приключшаяся пояша мя и внесоша в дом мой, аз же тако лежах без памяти до утрия. И абие яко от сна возбудихся, очи же мои бе ослепления, и яко не могущу ми ни возвести очию, ни векома. Аз же воспомяну грех свой, яко согрешившу ми, обещание свое преступих и видения ни во что же вмених. И помолихся святей Богородицы и отпущения своему // согрешению испросих. И паки обещахся исполнити обет свой. В четвертый же день милость получих от Пречистыя Богородицы и бысть оною болезнию здрав, яко николи же поболе». Пе же молебна человек сей Иван Пречистей Богородицы и Николе Чюдотворцу и Марии Египетцкой, возвратися в дом свой, радуясь и славя Бога и Пречистую Его Богоматерь и угодника их великаго святителя и чудотворца Николу.

Чудо 6. О некотором поселянине^м

Ино чудо поведана нам некто от простых поселян града Тобольска именем Григорей Семенов. Прииде на Абалак ко Пресвятей Богородицы по обещанию своему помолитися, ^{л. 261 об.} и по совершении молебнаго пения сам о себе поведана, «был-де яз в немощи полугодищное время, огнем жгом бысть, и утроба моя окаменела,^н ничтоже во уста моя вниде, ястия или пития, и свои ближнии мои обращаху мя, а сам от таковыя зелныя болезни не возмогах обратитися никамо. И егда же обещахся итти на Абалак ко Пресвятей Богородице помолитися, и в той час и здравие получи».

Чудо седмое

В то же время того же града Тобольска из веси, глаголемая Кугаев Погост, приде человек имянем Иван, прозваннем же Смирной, и поведана, «был-де сын мой болен, очми не видя, из очей у него кровь истекала безпрестанно. И егда

^{л-л} так в ркп.; ^м в ркп. слог -не написан над строкой; ^н испр., в ркп. окаменнела;

л. 262

же обещались Пресвятей Богородицы на Абалаке молебен пети, и в той час и изцеление получи, // и очи у него, якоже и прежде, здравие стяжа». И пев молебная, и отъиде в дом свой, слава Бога, Пречистую Его Матерь и угодников их великого святителя Николу и преподобную Марию Египетскую.

Чюдо 8

Многа же и неизреченная чюдеса от образа Пресвятыя Богородицы и изцеления многа бывах не токмо во граде Тобольске и во окрестных весех, но и во всех сибирских градах. Елико же слышаху, инии же сами видеше и друг другу поведаху. Некоторый человек града Тюмени именем Стефан Гаврилов сын поведа о себе, «был-де аз болен очми, не видел годищное время, ближнии мои провождаху. И обещахся итти на Абалак ко Пречистой Богородице и к ея угодником помолитися, и абие милость свою излия на мне Пресвятая Богородица, подала здравие, // очми свет видети даровала, якоже и первие». И пев молебная, и возвратися в дом свой.

л. 262 об.

Чюдо девятое

Якоже от неизчерпаемаго кладязя вода, такоже и от образа Богоматери бываху. Приде некий человек, именем Фома Никифоров от веси, глаголемая Киргинская слобода, вверх реки Невьи, близ града Верхотурья и поведа о себе, «был-де он от трясавицы одержим недель з двенатцать и отчаявся живота своего. И егда же обратихся и призвах на помощь Пресвятую Богородицу, она же милость свою вскоре дарова, и изцелене получих и доньне здрав». И пев молебная Пресвятей Богородицы и угодником ея, и возвратихся в дом свой радуяся.

Чюдо 10

Приде на Абалак ко Пречистой Бородице помолитися чудотворному ея образу // и угодником ея человек некий града Тобольска, именем Лука Афонасьев сын, прозванием же Кызылов, и поведа о себе, «был-де яз болен полугодищное время нутряною болезнию и сердцем, и обещахся итти на Абалак помолитися Пресвятей Богородицы и в той час здравие очютих утробю и сердцем, якоже и преже. И пев молебная пения, и возвратихся в дом свой, слава Бога и Пречистую Богородицу и ея угодников.

л. 263

Чюдо 11

И иное чюдо. Приехав на Абалак, поведа некто поселянин того же града Тобольска из веси, глаголема Шондина, именем Василей Иванов, прозванием же Шондин, и сказа, «сын-де мой болен был, томим от беса, рекомым черным недугом одержим, да сестра-де моя, девица Соломония, л. 263 об. четырех//надесяти лет очми не видела четыре года, и яз-де обет положил, что на Абалак ехав Пречистой Богородице помолитися. И по моему обещанию сыну моему и сестре моей от тех недуг исцеление Богородица даровала». И пев молебная пения, и приложася к чудотворным образом ко Пречистей Богородицы и ко святителю Николе, и преподобной Марии Египетской, и пеленами отре, и приклад по силе своей, елико возможно, приложиша. И поехав в дом свой, и конечное многое здравие стяжа и получи.

Чюдо 12. О глухом

От тогда же и доньне неизреченная и безчисленная^о чудеса содеваются от чудотворнаго образа Пресвятыя Богородица и от ея угодников. Человек некий града Тюмени имя//нем Денис Стефанов прииде на Абалак з сыном своим Фаддеем и поведа нам о себе, «был-де яз глух ушима, не слышал звону и человеческая речения, а сын-де мой Фаддей лежал болен, от трясавицы мучим, недель оба по десяти и больше. И обещалися ехати на Абалак помолитися Пресвятей Богородицы, и в той час исцеление прияли оба и доньне». И певше молебная пения, и отъидоша в дом свой радуяся.

Чюдо 13. Одержимем нечистым духом

Еще же поведаю вам, еже содеяшася от образа Пресвятыя Богородица чюдо. Ин некто града Тюмени поселянин именем Иустин, прозванием же Ошкоков, по обещанию своему молебна пети, и сказал, «был-де сын болен, черным л. 264 об. недугом одержим, томим // от неприязни лукаваго диявола. И слышах неизреченная чудеса от Пресвятей Богородицы, еже содеваются на Абалаке и исцеления многа бывают. Аз же обещахся ехати и помолитися тому чудотворному святому ея образу, и в той час и здравие сын мой получи». И пев молебная пения, и отъиде в дом свой радуяся, славя

^о *испр., в ркп. безчисленная.*

Бога и Пречистую Богородицу и великого святителя и чудотворца Николу и преподобную Марию Египетскую.

ОРКП НБ ТГУ. В-760. Л. 243–264 об.

Комментарии

ⁱ «Яко же сотвори первозданнаго человека Адама, к сему же и мы вси припрягохомся плотию во едино подобие. И сотвори нас Бог с ним быти в раи, пища еже нас ради насади во Едеме на востоце» — ср.: Быт. 2:7–8.

ⁱⁱ И прием рабий зрак истинною, а не мечтанием, но всячески нам подобен был разве греха — ср.: Флп. 2:7.

ⁱⁱⁱ Волею трудися, волею пострада, волею умре безгрешный нашего ради спасения. И воскресе тридневен, истления же не виде, и человеческий род без истления свободы, и на небеса вознесся — текст имеет сходство с текстом «Повести временных лет», ср: «Волею родися, волею бо взалка, волею вжада, волею трудися... смерти вкуси безгрѣшный и въскресь въ своей плоти, и, не вѣдѣвши истлѣния, на небеса възыиде и седе одесную Отца» (Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 78).

^{iv} Но никако же от нас не отлучаяся, но вопия любящим Его: «Аз есмь с вами, и никто же на вы» — ср.: Мф. 28:20, Рим. 8:31; фраза почти дословно совпадает с фразой Кондака на Вознесение Господне: «Никакоже отлучаяся, но пребывая неотступный, и вопия любящим Тя: Аз есмь с вами, и никтоже на вы» (Кондаки и икосы св. Романа Сладкопевца на некоторые дни святым, некоторые дни недели, некоторые недели, на двенадесятые праздники и на каждый день страстной седмицы и стихиры его же на препразднственные и попразднственные дни пред рождеством Христовым и по рождестве Христове. М., 1881. С. 148).

^v И избавлю от сети вражия — ср.: Пс. 90:3.

^{vi} Еже очи наша видеша и ушеса наша слышаша — ср.: Мф. 11:15; 13:16; 25:30.

^{vii} Древле убо Сибирская земля тмою безверия помрачашеся, ныне же благоверием сияя и божественными чудесы прославляема. Тогда осквернися земля кровопролитием ко идолом богомерских жрецов, ныне же освятися и очистися приносимыми безкровными дары Господеви Богу нашему. Тогда нечестие, ныне же благочестие. Тогда человецы, яко во тме, в безверии быша, ныне же во свете непорочныя веры пребывающе присно. Тогда оляденевшая сердца неверием помрачашеся, ныне же божественное семя всеяся в них, и евангельски духовно породияшеся, и из неверия быша верни. Тогда действия и меч-

тания бесовская, ныне же божественная чудеса и явления Божия Матери содеяся — текст близок тексту Есиповской летописи, ср.: «Аще древле Сибирская земля идоложертвием помрачися, ныне же благочестием сияя»; «И мнози невернии, уведевше христианскую веру, крестишая... и от неверия бысть верни» (см.: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. С. 32–33, 65).

^{viii} «Тайну цареву лепо крыти, дела же божественная проповедати честно есть» — Тов. 12:7; фраза почти дословно совпадает с фразой «Жития Марии Египетской»: «Тайну цареву добро есть хранити, а дѣла Божия проповѣдати преславно есть» (Житие Марии Египетской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2: XI–XII века. СПб., 1999. С. 190).

^{ix} Божий промысл не закосневает, но паче на успех бывает, яко же прежде Божие мановение коснуся нас, хотящее спасения нашего. Не хошет бо смерти грешным без покаяния, но ожидает благий казатель путь спасения нашего — ср.: Иез. 33:11; Мф. 9:12; Мк. 2:17; окончание текста («Не хошет бо смерти грешным без покаяния... путь спасения нашего») имеет сходство с фразой «Жития Марии Египетской»: «Но мню, яко покаания моего искаше Бог, не хошет бо смерти грѣшьником, но ожидает долготръпѣниемъ обращения моего» (Житие Марии Египетской... С. 200).

^x ...Глаголюще сице: «Не сердце ли бе горя бе в наю, егда глагола нам жена она повеления Пресвятыя Богородица...» — ср.: Лк. 24:32.

^{xi} ...Познали и разумели, яко судьбы Божия неиспытанны — ср.: Рим. 11:33.

^{xii} «Сыне человекъ, стража дах тя дому Израилева, слыши от мене слово и запретиши им, и аще засвидетельствуеши им и не отстанут от беззаконий своих, во гресех своих умрут, ты же чист пребудеши; аще ли же не засвидетельствуеши им, кровь их от руки твоя взыщу» — ср.: Иез. 3:1, 4, 7, 20.

^{xiii} «Подобает паствующим всегда о стаде своем попечение имети и неослабно и тщательно о сих прилежати» — ср.: 1Пет. 5:2.

^{xiv} Господь гордым противится, смиренным же и подобострастным, и сердце имущим сокрушено, и вся Божественная дела подражающим, о своем же спасении промышляющим дает благодать свою — ср.: Пс. 33:19, 22; Притч. 3:33; Ис. 57:15; Иак. 4:6; 1Пет. 5:5.

Список литературы

Житие Марии Египетской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2: XI–XII века. СПб., 1999. С. 190–215.

Журавель О. Д. «Сказание о явлении Николая Мирликийского Чюдотворца томскому горожанину Григорию» — памятник сибирской

- литературы начала XVIII века. Статья 1 // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 157–165. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36).
- Журавель О. Д.* «Сказание о явлении Николая Мирликийского Чюдотворца томскому горожанину Григорию» — памятник сибирской литературы начала XVIII века. Статья 2 // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 251–264. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 37).
- Ковалева Т. И.* Ранний томский список «Сказания о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы в Тобольске» в истории сюжета сочинения // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2022. № 3. С. 193–203.
- Кондак на Вознесение Господне // Кондаки и икосы св. Романа Сладкопевца на некоторые дни святым, некоторые дни недели, некоторые недели, на двенадесятые праздники и на каждый день страстной седмицы и стихиры его же на препразднственные и попрезднственные дни пред рождеством Христовым и по рождестве Христове. М., 1881. С. 148–154.
- Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. / Изд. подгот. Е. К. Ромодановская, О. Д. Журавель. Новосибирск, 2001. 439 с.
- Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. 404 с.
- Ромодановская Е. К.* Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. 391 с.
- Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог / Сост. В. А. Есипова. Вып. 1: XV–XVII вв. Томск, 2007. 424 с.
- Юрьевский А.* Редкий памятник сибирской духовной письменности первой половины XVII века // Тобольские епархиальные ведомости. 1902. № 24. Отд. неоф. С. 447–464.

О. Д. ЖУРАВЕЛЬ

Новосибирский государственный университет

**О МАСТЕРСТВЕ ОРАТОРСКОГО СЛОВА
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.:
СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ «СЛОВО К НОВОЖЕНУ»
(ТЕКСТ И КОММЕНТАРИИ)***

Публикуется старообрядческое сочинение «Слово к новожену», созданное неизвестным книжником Выговской литературной школы. Сочинение, отразившее актуальную для беспоповских старообрядческих согласий проблему брака, является образцом искусной проповеди, выдержанной в рамках эстетики барокко. В основе его структуры лежит развернутая аллегория, построенная на интерпретации известного символа церкви-матери. В статье сделан вывод о том, что старообрядческое литературное творчество находилось в русле общерусских культурных тенденций первой четверти XVIII века.

Ключевые слова: старообрядческая литература, Выг, проблема брака, проповедь, риторика, барокко.

«Сотове медовни, словеса добра, сласть же их — исцеление души», — восклицал Андрей Денисов в одной из своих проповедей, обращаясь к мудрости Соломона.¹ В начале XVIII века на Русском Севере старообрядцами Выга создавалась литературная школа, где древнерусские и ранневизантийские традиции были не только сохранены, но и продолжены в русле новых культурных тенденций.

Старообрядческие писатели второго поколения, отделяя веру от культуры,² оказались в том же литературном потоке, что и их идейные противники — представители официальной Церкви. Более того, первые лидеры Выга учились у своих оппонентов. Андрей Денисов много ездил, собирая книги, бывал в Москве, Петербурге, и, как утверждает легенда, в Киеве, где слушал лекции в Киево-Могиланской академии. О том, что арест в 1712 году и последующее затем многолетнее заключение в Новгороде Симеона Денисова обернулись для него не только страданиями, но и возможностью сблизиться с литературной средой,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-01617 «Противостояние “кромешному миру” в творчестве проповедников конца XVII — начала XVIII века: Авторская аксиология, механизмы воздействия».

¹ Опубликовано: Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в.: Темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012. С. 359–366.

² Понырко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 111–112.

© Журавель О. Д., 2023

писала Н. В. Поньрко.³ И митрополит Иов, который пытался обратиться Симеона в ортодоксальное православие, и Иоанникий Лихуд, и Карион Истомин, находившийся в Новгороде в том же 1712 году, принадлежали к известному писательскому кругу рубежа XVII–XVIII вв. Барочная риторика Софрония Лихуда окажется одной из самых почитаемых на Выге, ее самый ранний выговский список датируется тем же 1712 годом,⁴ а разделы из нее войдут в Выговскую Риторику-свод конца 1720-х гг. Туда же будут включены части из «Руки риторической» Стефана Яворского, будущего местоблюстителя патриаршего престола, получившего в свое время схоластическое образование в католических центрах и, как и многие другие деятели русской культуры того времени, обогатившего российскую словесность достижениями Киевской ученой традиции. Учились выговцы и на «Риторике» другого выдающегося деятеля Петровской эпохи — Феофана Прокоповича. Особую роль в искусстве проповеди сыграло учение знаменитого еретика и поэта барокко Андрея (Яна) Белобоцкого, к которому проявлял самый горячий интерес Андрей Денисов.

И старообрядцы Выга, и писатели официальной Церкви сохраняли преемственность высокой культуры слова, представленной прежде всего проповедями.⁵ Как отмечал А. М. Панченко, в начале XVIII века «проповедь — не только господствующий жанр, это и главенствующий эстетический принцип. Строитель культуры должен быть прежде всего проповедником, ибо с помощью слова он может обратить грешников».⁶ Основным стилем словесности становится стиль позднего барокко, искусству барочной проповеди учили риторики. В то время, когда древнерусская литература уходила в «низы», а новая европейская система жанров еще не сформировалась, именно проповедническое слово оказывается своеобразным звеном, сохраняющим преемственность национальной традиции.

³ Поньрко Н. В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 276.

⁴ ГИМ. Собр. Уварова. № 318. Подробнее см.: Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев... С. 23.

⁵ Известно, что на Выге знали и умели писать вирши. «Силлабическая поэзия была в Выгореции делом привычным и свободно входила в литературный обиход» (Поньрко Н. В. Выговское силлабическое стихотворство. С. 280). Опубликовано несколько стихотворных образцов. Однако, как справедливо отметил А. М. Панченко, в начале XVIII века вирши все же были анахронизмом, и выговское силлабическое стихотворство представляло собой всего лишь «провинциальный отголосок киевской, московской и петербургской ученой поэзии» (История русской литературы: В 4 т. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980. С. 416). Вирши нередко служили своеобразным декоративным дополнением к ораторской прозе, представлявшей в своей массе высочайшие образцы словесного искусства.

⁶ История русской литературы. С. 411. См. также: Зубов В. П. Русские проповедники: Очерки по истории русской проповеди. М., 2001. 232 с.

Публикуемое нами анонимное сочинение «Слово к новожену», известное в единственном списке РГБ, ф. 17 (собр. Барсова), № 225.2, л. 1–6 об., 1720-е — начало 1730-х гг.,⁷ относится к образцам проповеди, написанной в форме послания. Оно интересно прежде всего тем, что изысканность барочной риторики сочетается в нем с оригинальной интерпретацией образа матери-церкви. Этот образ был одним из самых популярных в литературе Выга, он известен по Духовному завещанию Петра Прокопьева и по многим сочинениям Андрея Денисова.⁸ «Слово к новожену» строится на развернутой аллегорезе. Экклезиологическая символика раскрывается через апелляцию к бытовой теме горя родителей, оплакивающих разлуку с детьми, которые оказались в плену на чужой земле. «Родителие естественно обыкоша болѣзновати о чадах своих», — начинает свое послание автор и далее усиливает эмоциональный накал анафорами и глагольными рифмами, создающими ритмическую гармонию:

яже болѣзнено носивше, родиша,
иже попечательно питавше, вскормиша,
яже возрастивше, возмужиша,
егда оныя отторгаемы от нѣдр своих видят,
егда плѣнников обычаем связуемы,
егда с бесчестием в варварскую отводими землю,
каковыми тогда стѣсняются печальми!
Каковыми острѣишими прободаются копии!
Каковыми лютебишими сострѣляются стрѣлами! (л. 1)

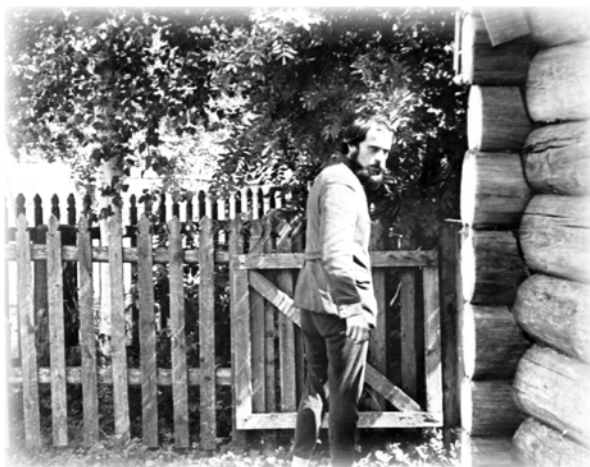
Горе родителей соотносится со скорбью «духовно порождающей» церкви, плачущей о своих чадах, «кия болѣзнѣно во чревѣ носи, кия страдательне со трудом породы, кия с печалию и подвигом воздои...» Подобно земным родителям, она, «егда видит сих отлучившихся от нѣдр своих, ...тогда преболезными жалы стрѣцаема, тогда нестерпимыми поражаема болѣзнями, плищует зѣлнѣ, вопиет горцѣ, рыдает неутешно, плачет непрестанно» (л. 1 об.–2).

Анонимный адресат, судя по содержанию послания, покинул пустыню, нарушив обет безбрачия. Возможно, данное сочинение было задумано как типовой образец послания на случаи уходов из общины и нарушения практики безбрачия. Устав Выговского общежителства практически соответствовал монастырскому, требование безбрачия обуславливалось невозможностью заключать законные браки, поскольку «по грехом нашим в таковая времена достигохом, в няже православнаго священства вѣконец по благочестию лишились».⁹

⁷ Список отмечен: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература: В 2 т. Т. 2. М., 2002. С.136. № 527.

⁸ Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев... С. 202–214.

⁹ Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. 042 (приложение, № 343).



Во дворе родного дома. Новоникольск, 1980 г.

Однако уже в 1720-е гг. возникла проблема «новоженов», когда молодые члены общины пытались противостоять аскетическим требованиям Выговского руководства. В дальнейшем проблема брака на фоне эсхатологических теорий станет одной из труднейших в старообрядческой догматике.¹⁰

В то же время, наряду с догматическими запретами, в словесной культуре Выга утверждается «девство» как особая добродетель. Персонифицированный, выдержанный в пышной стилистике барочной риторики образ девства воспет в одном из лучших слов Андрея Денисова, помещенных в качестве примера панегирика в Риторике-своде.¹¹ В дальнейшем это сочинение войдет в типовые выговские сборники, в Антологию сочинений Андрея Денисова и вызовет к жизни традицию слов, продолжающих тему безбрачия, разработанную еще у неплатоников и в патристике.¹²

В «Слове к новожену» нарушение «девства» трактуется как частный случай греха, а значит, рисуется перспектива духовного возрождения. В качестве назидательных примеров приводятся и блудный сын, и Мария Магдалина («евангельская блудница»). Библейские примеры грешников, обратившихся через раскаяние к новой жизни и обретающих спасение души, доказывают мысль о том, что любое преступление можно исправить покаянием. Не случайно вслед за

¹⁰ Мальцев А. И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в.: Проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006. С. 31–39, 317–338.

¹¹ Опубликовано: Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев... С. 377–387.

¹² Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев... С. 218–227, 237–239.

этим сочинением в рукописи помещено «Слово о покаянии» Андрея Денисова.¹³ Аргументация дополняется многочисленными цитатами из библейских текстов, а также приемом контраста, эмоциональным противопоставлением тех ценностей, которые потерял ушедший из пустыни, «скареднѣишему вертепу гнусотимѣния», «зловоннѣишему гною злосмрадия». Автор не скупится на уничижительные характеристики обретенного бытия вне пустыни. Сокрушаясь об участи отступника, автор вместе с тем выражает восхищение тем, каким тот был прежде: «Был еси, что свѣтлое и многозарное благочестия, зарья и свѣтом добротворении блистающее!» (л. 2 об.).

Наряду с началом, сильным местом проповеди была концовка. Заключительный фрагмент содержит ободряющий призыв обратиться «на путь гладкий и утлаченный», очистить «ржавь души... огнѣм божественнаго желания», омыть «грязь совѣсти водами чистѣишаго умиления» и водрузить твердый залог веры, «яко камень в стѣну церковныя нерушимыя твердости, в стѣну духовнаго нетлѣннаго богоздания, в стѣну Небеснаго превысочайшаго Града». Проповедник призывает к обновлению (обычная в средневековой литературе метафора покаяния): «Да яко орѣлу, и твоя юность обновится, и угасшии свѣтилник сердца твоего возсияет немерцающим сиянием Божественнаго свѣтолития, и будеши чадо свѣта, чадо благодати, и сын дне, сын и наслѣдник Царствия Небеснаго» (л. 6).

Искусство барочной проповеди, которым в совершенстве владели книжники Выга, было призвано силой слова способствовать утверждению религиозно-нравственных основ Выговского общежительства как уникального утопического проекта.

Сочинение публикуется по единственному известному списку РГБ, ф. 17 (собр. Барсова), № 225.2, л. 1–6 об., 1720–1730-е гг. Рукопись написана рукой обладателя так называемого «второго анонимного почерка»,¹⁴ по предположению Г. В. Маркелова, исполнявшего обязанности «кого-то вроде секретаря-делопроизводителя при Выговском соборе».¹⁵ Этот почерк известен по нескольким рукописям 1720–1730-х гг., им выполнен, в частности, ряд сочинений Андрея и Симеона Денисовых.

¹³ РГБ. Ф. 17 (собр. Барсова), № 225.2. Л. 7–10 об.

¹⁴ *Поньрко Н. В., Бударягин В. П.* Автографы выговских писателей // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 181, 185. См. также: *Маркелов Г. В.* Писания выговцев: Каталог-инципитарий. Тексты. По материалам Пушкинского Дома. СПб., 2004. С. 364, 369; *Выгорецкий Чиновник* / Подгот. Г. В. Маркелов. Т. 1: Факсимильное воспроизведение. СПб., 2008. Л. 19–23, 105–108, 113–114, 123–126 об., 130–133 об., 192–193 об., 251–252.

¹⁵ *Выгорецкий Чиновник* / Подгот. Г. В. Маркелов. Т. 2: Тексты и исследования. СПб., 2008. С. 21.

Слово к новожену

л. 1 Родителие естествоно обыкоша болѣзновати о чадех своих, яже болѣзнено носивше, родиша, иже попечательно питавше, вскормиша, яже возрастивше, возмужиша; егда оныя отторгаемы от нѣдр своих видят, егда плѣнников обычаем связуемы, егда с бесчестьем в варварскую отводими землю, каковыми тогда стѣсняются печальми! Каковыми острѣишими прободаются копии! Каковыми лютеишими сострѣляются стрѣлами! От сердец испущают горчайшая въздыхания, стонания и гласы, от очес теплыя слезы, умноженная рыдания, учащенные плачи и сгущенная хлипания, и все жития время в скорби и сѣтовании препровождают. //

л. 1 об. Плачет и духовнѣ порождающая святая мати (соборная, глаголю, и апостольския церковь) о любезных своих чадѣх, кия болѣзнѣно во чревѣ носи, кия страдательне со трудом пороуди, кия с печалию и подвигом воздои, воспита и в мужы совершена возраста приведе, егда видит сих отлучившихся от нѣдр своих и прегорчайших пленѣнием грѣха пленѣнных и в чюждую землю, увы, богонеосияния заведенных, каждой страстей, каждому грѣхов, каждой сквернѣ бесчестнѣ подлежащих, смѣх и руганием врагом, плачь же и рыдание ближним и другом соделавшимся. Тогда, тогда преболезными жалы стрѣцаема, тогда нестерпимыми поражаема болѣзными, плищует зѣлнѣ, вопиет горцѣ, рыдает неутешно, плачет // непрестанно, пророческими взывающы глаголы: «Како потемнѣ злато, измѣнися сребро доброе, разсыпашася камыцы святыни в начало всех исход»ⁱ и паки: «Сынове Сиони честнии, одѣянии первым златом, како намѣнишася в сосуды глиняны, дѣло рук скудѣльничю!»ⁱⁱ — сия убо повсемественнѣ и всѣх и о каждом свойственнѣ надлежащая плачевная прилѣпания въ тѣхжде страждущих случаех приносятся.

л. 2 об. Сия и мы к тебѣ, любезнейшии, от Церкви и с Церковию плачевнѣ вопиемъ: «Камень был еси святыни водруженный, в богозданѣнѣй стенѣ церковныя святѣишия твердости основанныи, на краеугольном камени Христовѣ! Помяни, откуда испал еси, гдѣ благочестия твердое и незыблемое стояние, гдѣ догматов крѣпость нерушительная, // гдѣ православия святѣишее и предпочтителнѣишее злато и сребро? Был еси, что свѣтлое и многозарное благочестия, зарями и свѣтом добротворении блистающее! Помяни, откуда испал

л. 3

еси, гдѣ благодать Духа просвѣщающая? Гдѣ цѣломудрия свѣтлость и чистоты блистание? Гдѣ добродѣтелей ясное и бѣлозрачное? Сынѣ Сион честнѣишии, чадо церковное многолюбезнѣишее был еси, помяни, откуда испал еси, гдѣ сосцы матерни, млеко учения воздоившыя тя, гдѣ брашно негиблющее, питавшее тя, свѣща на церковнѣм свѣтильницѣ был еси! Помяни, откуда испаль еси! Гдѣ наказании и учении просвѣщение, имже прочим свѣтил еси, гдѣ он, добрѣишия ревности, ею же о Христѣ ревновал еси, ею же к Богу распопался еси, ею же к вышнему // званию ретился еси! Разсмотри, возлюбленне, гдѣ был еси прежде и гдѣ нынѣ, откуда изъшел еси и во что вшел еси, от толикия благодатныя блажайшыя чести, от толикия вседобрѣишия высоты в коликое грѣха бесчестие, в колико преглубочайшую яму, в коликий смрад тимѣния ввалился! От свѣтлости благочестия в темноту мрачнѣишаго умнаго колебания, от нѣдр церковнаго отишия в скареднѣишии вертеп гнусотимѣния, от благоухания чистаго дѣвственнаго пребывания в зловоннѣишии гной злосмрадия, от святѣишия небесныя пици к прегорчайшему рожцев свиных брашну, от любве всесладчайшаго Бога к любви женскаго нечистаго блудорачения, от свободнаго небесопутешествия в тяжшия узы и вериги миропечалия, тяжчайшия ассириов работы! //

л. 3 об.

Чесо ради, о добрыи мужю и разумныи, таковыми нечаяния мрежами увязаешися, чесо ради держишися горших? Настоящаго ли ради жития чюдимыя славы? Но всяка слава челоувѣча, яко цвѣт травный, преходит. Сладости ли ради многожелаемыя пици? Но скоро согнивши, воскалится. Красоты ли ради женския и люборачения? Но абие увядши, яко гной, возсмердится. Вскую предпочитаеши временная вѣчных, вскую прилѣжиши земным наднебесная, въскую возлюбил еси плоть на душу, тѣло на дух, любовь жены над любовь Божию, почто пал, лежиши, а не встаеши, уязвився, ко врачу не притекаеши, заблудив, ко отцу не возвращаешися?!»

л. 4

И аще убо тѣло брненное и смертное, уязвившее, досадим, егда возболится лютѣишими // болѣзными, егда возсмердит текущими гнои, требуем врачевницы, требуем былия, осыпания, струпообязания, вредоврачевания, во еже от таковыя болѣзни в первое здравие измѣнишися, колико паче душу нетлѣнную и безсмертную уязвивше жалом грѣха, возгноивше вредами страстей, просмрадивше сквер-

нами злобы, должинствуем искати врачевания, должинъствуем искати врачевницы, осыпания, обязания, и прочих ко врачеванию потребных, во еже в началнѣишее безстрастия здравия оную привести и яко злато обетшавшее, яко серебро обржавѣвшее, яко ризу оскверненую, тако душу нашу очистити, просвѣтити и украсити долженствуем.

л. 4 об.

Образ нам покаяния // блудный сын, иже по толиких отцепрогнѣваниях, по толиких непокорениях и имѣния иждивениих, по толиких грѣхах, сквернах и злобах и всякой конечно наготѣ добрых не отчаявся, не обленився, не усрамився, но обратився, прииде ко отцу, смирився, покаявся и умолив отца, первый сан, тоежде богатство, тоежде благородие получи. Образ еуангельския блудница, яже толикими злыми дѣлы, толикими смрадными грѣхи, толикими сквѣрными беззаконии осквернивши душу, тѣло и ум, притекши к небесному врачу Христу, абие всѣх страстей, скверн и грѣхов прощение получив, очистися. Образ во Еуангелии блудницы и мытарие, их же похваляет // Владыка Христос паче книжник и фарисеи за предвосхищения Небеснаго Царствия, вси сии, послѣдняго жития блаженным исправлением первыя злобы и грѣхи загладивше, в Небесное востекоша Царствие, призывают и нас на покаяние.

л. 5

Святии пророцы глаголюще: «Еда падает, не восстает, и заблуждаяся, не обращается»,ⁱⁱⁱ и паки: «Обратитесь ко Господу Богу вашему и очистит грѣхи ваша».^{iv} Призывают святии апостоли, вопиюще: «Очистите ветхий квас, да будете ново вмѣшение»,^v и паки: «Изыдите от среды их и отлучитесь», — глаголет Господь, — и нечистотѣ не прикасайтесь».^{vi} Призывает псаломник, глаголя: «Исповѣдайтесь Господеву, яко благ, яко в вѣк милость его».^{vii} // Призывает

л. 5 об.

Сам всемилостивый Господь, глаголя: «Приидѣте ко Мнѣ, вси труждающиися и обременении, и Аз попою вы».^{viii} И послушающим убо обѣщает грѣхов отпущение, обѣщает упокоение святых, наслаждение благих, наслѣдие Небеснаго Царствия, чрез пророки глаголя: «Аще будут грѣси ваши яко очернѣни, яко снѣг убѣлю, аще ли яко очервлени, яко волну убѣлю. И аще хочете, послушаете мене, благая земли снѣсте»,^{ix} и индѣ: «Аще послушаете мене, насытитися во благих душа ваша».^x Не послушающим же претит гнѣвом, претит смертию, претит мучением вѣчным, страшным и ужасным, чрез апостола: «По жестокому же твоему и непокаянному сердцу щадиши себѣ гнѣв въ день гнѣва и

л. 6

откровѣнии праведнаго // Суда Божия»^{xi} и во откровении боязливым же и невѣрным, и грѣшным, мерзостным убийцам и блудникам и прочая, часть их в езерѣ, горящем огнем и жупелом.

Темже, возлюбленнии наш друже и господине, божѣ-ственною спасения ревностию боголюбным теплейшим рачением препоясався, отверзи, молим тя, душеубийственныи отчаяния тяжчайший нрав и душепагубную нерадѣния лѣность, отложи величайшее грѣха бремя, желѣзное злобы иго от плещу твоею, обратися на путь гладкий и утлаченный, на стези свѣтлости еуангельския, чистоты законов, очисти ржавь души твоя огнѣм божественнаго желания, омыи грязь совѣсти водами чистѣишаго умиления, водрузи вѣры твердыя залог, яко камень в стѣну церковныя нерушимыя твердости, в стѣну духовнаго нетлѣннаго богоздания, в стѣну Небеснаго превысочайшаго Града, Града, его же созда Бог, а не человек, // обнови себѣ, обнови бодрим обновлением спасеннаго покаяния, возновляющим ветхое внутреняго человека, да яко орѣлу, и твоя юность обновится, и угасшии свѣтилник сердца твоего возсияет немерцающим сиянием Божественнаго свѣтолития, и будещи чадо свѣта, чадо благодати, и сын дне, сын и наслѣдник Царствия Небеснаго, Его же да сподобимся вси благодатным милосердием и щедротами благого Бога нашего, Ему же хвала и слава во вся вѣки. Аминь.

л. 6 об.

*РГБ, ф. 17 (собр. Барсова), № 225.2,
л. 1–6 об., 1720–1730-е гг.*

Комментарии

ⁱ «Како потемнѣнъ злато, измѣнися сребро доброе, разсыпашася камыцы святыни в начало всех исход» — Иер. 4:1.

ⁱⁱ «Сынове Сиони честнии, одѣянии первым златом, како намѣнишася в сосуды глиняны, дѣло рук скудѣльничю!» — Иер. 4:2.

ⁱⁱⁱ «Еда падает, не восстает, и заблуждаяися, не обрацается» — Ср.: Пс 36:24.

^{iv} «Обратитесь ко Господу Богу вашему и очистит грѣхи ваша» — Иоиль 2:13.

^v «Очистите ветхий кѣвас, да будете ново вмѣшение» — 1 Кор. 5:7.

^{vi} «Изыдите от среды их и отлучитесь, — глаголет Господь, — и нечистотѣ не прикасайтесь» — 2Кор. 6:17.

^{vii} «Исповѣдайтесь Господеву, яко благ, яко в вѣк милость его» — Пс. 135:1.

^{viii} «Приидѣте ко Мѣнѣ, вси труждающиися и обременени, и Аз попою вы» — Мф. 11:28.

^{ix} «Аще будут грѣси ваши яко очернѣни, яко снѣг убѣлю, аще ли яко очервлени, яко волну убѣлю. И аще хотите, послушаете мене, благая земли снѣсте» — Ис. 1:18–19.

^x «Аще послушаете мене, насытитися во благих душа ваша» — Ис. 55:3.

^{xi} «По жестокому же твоему и непокаянному сердцу щадиши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровѣнии праведнаго Суда Божия» — Рим. 2:5.

Список литературы

Выгорецкий Чиновник: В 2 т. / Изд. подгот. Г. В. Маркелов. Т. 1: Выгорецкий Чиновник: Факсимильное воспроизведение. СПб., 2008. 508 с.; Т. 2: Выгорецкий Чиновник: Тексты и исследования. СПб., 2008. 556 с.

Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в.: Темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012. 442 с.

Зубов В. П. Русские проповедники: Очерки по истории русской проповеди. М., 2001. 232 с.

История русской литературы: В 4 т. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980. 813 с.

Мальцев А. И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в.: Проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006. 572 с.

Маркелов Г. В. Писания выговцев: Каталог-инципитарий. Тексты. По материалам Пушкинского Дома. СПб., 2004. 420 с.

Поньрко Н. В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 274–290.

Поньрко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 104–112.

Поньрко Н. В., Бударагин В. П. Автографы выговских писателей // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 174–200.

Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. 504 с.

Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. Т. 2. М., 2002. 480 с.

Д. В. Долгушин
Институт истории СО РАН, Новосибирск

**«НЕ УДИВЛЯЙТЕСЬ, ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО, ЧТО Я
ОБРЕМЕНЯЮ ВАС ТАКИМИ ДЛИННЫМИ ПИСЬМАМИ...»:
ПИСЬМА П. А. ПЛЕТНЕВА НАСЛЕДНИКУ ПРЕСТОЛА
СТАТЬЯ ВТОРАЯ***

В статье публикуются письма П. А. Плетнева наследнику престола 1837–1847 гг. Они представляют интерес для изучения как биографии Плетнева, так и традиций придворной педагогики, заложенных В. А. Жуковским, а также быта придворной среды. Одной из постоянных тем переписки Плетнева с наследником престола является описание общественных коммемораций, а именно юбилейных торжеств. Плетнев выступает как горячий сторонник распространения в России подобных коммеморативных практик. Своего рода образцом в этом отношении для него стал юбилей Александровского (Гельсингфорского) университета, которому он посвятил несколько писем. Кроме того, в письмах Плетнева встречаются описания юбилея директора кадетских корпусов К. Ф. Клингенберга, праздника лейб-гвардии Финского стрелкового батальона в честь дня рождения шефа этого батальона — великого князя Александра Александровича. Заручившись поддержкой наследника престола, Плетнев в 1847 г. и сам принимается за организацию юбилея, посвященного пятидесятилетию литературной деятельности В. А. Жуковского.

Ключевые слова: П. А. Плетнев, великий князь Александр Николаевич, императорский двор, коммеморации, юбилей, Александровский (Гельсингфорский) университет, Я. К. Грот, В. А. Жуковский.

А. Х. Эллерт внес большой вклад в изучение истории становления академического сообщества и академических институций в России XVIII века. Публикуемые ниже материалы также в значительной мере связаны с этой темой. Они продолжают публикацию переписки П. А. Плетнева с великим князем Александром Николаевичем, начатую в предшествующем выпуске серии «Археография и источниковедение Сибири»,¹ и представляют собой письма Плетнева наследнику престола 1837–1847 гг.

* Статья выполнена по теме госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: Актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005). См.: Долгушин Д. В. «Не удивляйтесь, Ваше Высочество, что я обременяю Вас такими длинными письмами...»: Письма П. А. Плетнева наследнику престола. Статья первая // Литература и история в контексте археографии. Новосибирск, 2022. С. 452–457. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 41).

¹ Долгушин Д. В. «Не удивляйтесь, Ваше Высочество...».

Наиболее ранние из них написаны во время пребывания великого князя за границей в 1837–1838 гг. и дают представление о том типе отношений, который сложился между П. А. Плетневым и его царственным учеником к моменту завершения обучения. Искренний монархизм и придворная осторожность, периодически прорывающаяся в речи Плетнева официальная риторика сочетаются в них с главным — стремлением сохранить верность сентиментально-романтической модели эпистолярной коммуникации, продолжить традиции придворной педагогики В. А. Жуковского и самого Плетнева, старавшихся создать со своими учениками и ученицами единомысленный и сочувственный круг «поэзии сердца».

В начале 1840 г. Плетнев был избран и утвержден ректором Санкт-Петербургского университета. С этого момента в его письмах появляется «финляндская тема». Контакты с Финляндией, увлечение скандинавской литературой вошли в жизнь Плетнева благодаря его другу и постоянному корреспонденту Я. К. Гроту, с 1840 г. поселившемуся в Гельсингфорсе (Грот занимал должность сначала чиновника особых поручений при статс-секретариате по делам Великого княжества Финляндского, а затем профессора русского языка и литературы Александровского университета). Летом 1840 г. Плетнев и сам посетил Гельсингфорс для участия в праздновании юбилея Гельсингфорсского университета и провел здесь более месяца.

Университетский юбилей и древние, восходящие к средневековью, традиции академической жизни, с которыми Плетнев познакомился в столице Финляндии, произвели на него неизгладимое впечатление. Плетнев стал своего рода энтузиастом коммеморативных ритуалов, которые все больше входили и в русскую общественную жизнь в 1830-х гг. — во многом благодаря самому Плетневу (он был одним из ключевых организаторов крыловского юбилея 1838 г.).

Увлечение коммеморативными практиками в полной мере отразилось в его письмах наследнику престола и даже стало в них магистральной темой: Плетнев подробно описывает наследнику престола юбилей директора кадетских корпусов К. Ф. Клингенберга (письмо № 3), юбилей Александровского университета (письма № 7, 8, 9, 10), праздник Финского стрелкового батальона (№ 11). Несомненно, описывая их, Плетнев не только хотел поделиться впечатлением, но и стремился заручиться поддержкой наследника престола и шире распространить подобные практики в университетской и общественной жизни. В этой связи характерна попытка Плетнева при поддержке наследника престола организовать юбилей литературной деятельности В. А. Жуковского в 1847 г. (письмо № 12).

Деятельность Плетнева в качестве организатора и пропагандиста различных форм коммеморации уже привлекала внимание исследователей,² но требует дальнейшего исследования. Письма Плетнева наследнику престола предоставляют для этого дополнительный и важный материал.

Тексты публикуются по новой орфографии по автографам Плетнева (ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831). При этом сохраняется авторское написание некоторых слов (например, «Новый-Год», «среда», «Санктпетербург» и т. п.). Пунктуация и использование заглавных букв приведены к современной норме (при упоминании лиц императорской фамилии заглавные буквы сохранены только в сочетаниях «Его Высочество», «Ее Императорское Величество» и т. п.) за некоторыми исключениями, отражающими авторский стиль.

№ 1

[Письмо П. А. Плетнева
великому князю Александру Николаевичу,
начало октября 1837, Санкт-Петербург]

- л. 17 Три месяца прошло с того времени, как в последний раз я имел счастье писать к Вашему Императорскому Высочеству.ⁱ Вы изволили быть в таких местах и в таком обществе, где, конечно, некогда было заниматься Вам дневником моим.ⁱⁱ Признаюсь чистосердечно: никогда не находила на меня такая грусть, как в это время. Мысленно я следовал за Вами в Вашем пути. Я живо чувствовал //
- л. 17 об. это счастье, которым насаждались спутники Вашего Высочества.ⁱⁱⁱ Быть с Вами, делить впечатления в очаровательном краю, тогда, как здесь у нас все начинало хмуриться... о, я этого не мог представлять без тоски и уныния. Я даже принужден был прекратить свой дневник: так показался он мне однообразным и утомительным. Я весь заперся в самого себя и ничего не мог делать. Возвращение в город еще усилило хандру мою. //

² Долгушин Д. В. Литературный юбилей как явление русской культуры конца 1830-х — начала 1860-х гг.: И. А. Крылов, В. А. Жуковский, Н. И. Греч, П. А. Вяземский // Класика и канон в руската литература: Юбилеят. София, 2015. С. 192–199; Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Крыловский юбилей 1838 г. как культурный и идеологический феномен // Транснациональное в русской культуре: Сборник статей [на основе докладов пятнадцатой совместной конференции Тартусского и Хельсинкского университетов, август 2015 г.]. М., 2018. С. 6–83; Зиновьева А. П., Жуковская Т. Н. Переписка П. А. Плетнева и Я. К. Грота как источник по истории университетов и университетских связей первой половины XIX века // Труды Кольского научного центра РАН. 2021. № 1 (20). С. 103–123.

л. 18

Наконец, на прошедшей неделе я оживлен был неожиданно письмом в[еликой] к[няжны] Марии Николаевны, которое пробудило меня к деятельности. Ее Высочество столь живое изъявили участие в издании Современника,^{iv} что я принимаюсь за него с каким-то вдохновением.

Если бы Вашему Высочеству угодно было изъявить желание, чтобы кто-нибудь из сопутствовавших Вам особ уделил мне в журнал несколько записок путевых, как бы они украсили мое издание! //

л. 18 об.

Может ли что из всего современного^v занимательнее быть событий во время этой прогулки Вашей по пространству России? Из этих записок предопределено составиться самой увлекательной, самой цветущей главе в будущей истории Вашей жизни. Ужели современники недостойны насладиться тем, что с умилением читать будет потомство?

Е[го] С[иятельство] принца Ольденбургского я не имел чести видеть около двух месяцев по причине болезни его супруги.^{vi}

Вашего Императорского Высочества всепокорнейший слуга

П. Плетнев

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 17–18 об. Автограф

№ 2

[Письмо П. А. Плетнева
великому князю Александру Николаевичу,
8 мая 1838, Санкт-Петербург]

8 мая, 1838

Санктпетербург

л. 19

Ваше Императорское Высочество позволили мне писать к Вам и за границу.^{vii} В полной мере ценю эту милость и пользуюсь Вашим позволением. Мои письма, как и прежде, будут дневником того, что, по моему мнению, может занимать Ваше Величество.

29 апреля, в пятницу, я простился с Вами. Никогда не изглядятся из памяти моей эти минуты прощания, когда я чувствовал столько к себе благоволения в Ваших разговорах, в Вашем обращении со мною, в Вашем последнем поцелуе. С тех пор я уже не был в Аничковском дворце.^{viii} //

л. 19 об.

1 мая нельзя было назвать праздником весны. День был холодной и пасмурный. В Екатерингофе, как я слышал, мало было на гулянье.^{ix} Это, впрочем, и естественно.

В этот день Петербург осиротел. Надобно здесь быть, чтобы видеть, какая холодная чувствуется безжизненность в городе, когда уезжает отсюда императорская фамилия.^x

2 мая. Утром приехал ко мне проститься наш граф Виельгорский.^{xi} Он был со мною очень мил. Много мне говорил о будущих своих исторических занятиях. Мы условились вместе прочитывать, что ему удастся написать.^{xii} Он пробыл у меня более часу. Мы на прощанье вместе завтракали. Вечером я получил // записку от Паткуля.^{xiii} На случай, если бы не удалось ему увидеться со мной прежде его отъезда, он прощался письменно.

л. 20

3 мая, вторник. В Царское Село приехал я утром в половине 10-го часа и отправился в Александровской дворец. До 12 часов оставался у в[еликой] к[няжны] Ольги Николаевны.^{xiv} В это время наверху у в[еликой] к[няжны] Марии Николаевны находилась в[еликая] к[нягиня] Елена Павловна,^{xv} а внизу у завтрака дожидался Их Высочеств кн[язь] А. Н. Голицын.^{xvi} За мной прислали, чтобы я пришел наверх. Через пять минут, которые провел я в комнате м-те Барановой,^{xvii} вошла туда в[еликая] к[няжна] Марья Николаевна с в[еликой] к[нягиней] Еленой Павловной. Последняя спросила меня о своих детях,^{xviii} которые в городе и которых я видел накануне. //

л. 20 об.

Мои занятия с Ее Высочеством Мариєю Николаевной отложены ко второму часу. После завтрака великие княжны с своими дамами (гоф[мейстериней] Бар[ановой] и фр[ейлиной] Ок[уловой]^{xix}) изволили сесть в собственную прелестную коляску. Е[е] В[ысочества] Марии Николаевны четверка сереньких и пара таких же под жокеями помчались; граф Матвей Виельгорский^{xx} и я, проводив глазами уехавших, должны были через полчаса опять явиться во дворец. Так как день был соблазнительно-теплый, а времени до другой прогулки верхом оставалось мало; то Их Высочества, когда мы пришли опять с графом во дворец, предложили нам кататься в лодке около Детского острова.^{xxi}

л. 21

М-те Баранова оставалась на острове; в[еликая] к[няжна] Марья Николаевна изволила грести; посредине // лодки сидела фр[ейлина] Окулова, у руля гр[аф] Виельгорский, а я на носу. В другой лодке была одна в[еликая] к[няжна] Ольга Николаевна. Разговор обращался большею частию к прошедшему. Все припоминали разные обстоятельства, сопровождавшие построение прелестного на острове двор-

ца.^{xxii} В 2 часа я откланялся Их Высочествам и возвратился к себе.

л. 21 об. В 6-м часу, в тот же день, приехавши в город, я нашел у себя еще записку от Паткуля, которою он извещал о желании Вашего Высочества получить несколько для дороги русских новых книг. В ту же минуту отправился я к Смирдину.^{xxiii} На дороге встретился мне уже в дорожном экипаже в шесть лошадей В. А. Жуковский с Толстым.^{xxiv} // Они ехали в свой путь прямо с обеда, который в тот день дан был у графа Михаила Виельгорского^{xxv} для всех сопутников Вашего Высочества. На минуту останюясь, В[асилий] А[ндреевич] простился со мной, и мы расстались надолго. Книги, отобранные мною, содержат: путешествия, повести и несколько стихотворений. Я приказал их отнести в Аничковской дворец к Паткулю, как он сам назначил.

л. 22 6-го мая, пятница. Едва проснулся я, как объявляют, что меня дожидается кантонист^{xxvi} из дворца. Не понимая, что его привело, приказываю, чтобы поскорее ввели его ко мне. Он объявил, что доставленные мною книги остались в комнатах Вашего Высочества и что чиновник, приставленный для отправления // разных вещей к Вашему Высочеству, ни от кого не получив приказания об отсылке такой поклажи, каковы книги, не может на то решиться без особого приказания. Я должен был согласиться на то, чтобы эти книги сохранялись в Ваших комнатах до тех пор, пока я, написавши к Вам об этом, не получу письменного повеления Вашего Высочества, что делать с этими книгами. Не могу понять, отчего Паткуль не взял их с собою, или по крайней мере не объявил во дворце, что на отсылку книг была воля Вашего Высочества.

л. 22 об. Бюллетеней о путешествии Вашем еще не печаталось. Один был из Дерпта о пребывании там государыни императрицы // с Ее Высочеством.^{xxvii} В[еликая] к[няжна] Александра Николаевна изволила всходить на Домскую гору^{xxviii} и обсерваторию,^{xxix} где осмотрела тамошний прекрасный рефрактор.^{xxx} К ужину Ее Величества удостоились быть приглашенными: попечитель Дерптского учебного округа Крафштрем, ректор университета Нёйе и профессор Струве.^{xxxi}

В ожидании повелений Вашего Высочества, молю Бога, чтобы Он хранил здоровье Ваше и чтобы погода Вам неизменно благоприятствовала.

Осмеливаюсь просить Вас иногда освежать в памяти о существовании моем Александра Александровича, Василия Андреевича и Семена Алексеевича.^{xxxii}

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший
П. Плетнев

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 19–22 об. Автограф

№ 3

[Письмо П. А. Плетнева
великому князю Александру Николаевичу,
18 октября 1838, Царское Село]

Вторник. 18 октября
1838. Царское С[ело]

л. 23 Пишу Вашему Императорскому Высочеству в комнате своей под коллонадою,^{xxxiii} возвратясь сию минуту от в[еликой] к[няжны] Ольги Николаевны. Ее Высочество объявила мне, что сегодня отправлен будет фельдъегерь к Вашему Высочеству — и я почел за грех не воспользоваться столь благоприятным случаем. В[еликая] к[няжна] Ольга Николаевна снабдила меня бумагою, пером, облатками^{xxxiv} и даже вызвалась в собственное письмо вложить мое.

л. 23 об. Я так давно не имел счастья говорить с Вашим Высочеством, что не знаю, с чего начать. У меня, как и у каждого из нас, русских, более всего лежит на сердце неизвестность о состоянии Вашего здоровья. Я почту себя несказанно несчастливенным, если Ваше Высочество поручит Паткулю или кому-нибудь из // находящихся при особе Вашей сообщить мне обстоятельно о всем, что касается до Вашего здоровья, каково оно было до прибытия Вашего в Италию, каково теперь, и чего медики ожидают зимою. О путешествии Вашего Высочества за границу так мало и то в самых общих фразах у нас печатают, что я ровно ничего не знаю, как для Вас прошли эти шесть месяцев. Напрасно я усиливаюсь следовать за Вами воображением своим: я не умею представить — где Вы, в каком расположении духа, что Вас занимает, кто в обществе Вашем чаще разделяет Ваши досуги и чем преимущественно заняты Ваши мысли. Ваше Высочество, конечно, не оскорбитесь, что я смею так далеко простираť свое любопытство. Но если бы я и не имел счастья принять столько залогов Вашего ко мне расположения, я все не мог бы любить и обожать Вас менее, // в про-

должение стольких лет, быв так часто и так близко к особе Вашей. Если бы даже потребовали от меня, я не в силах уже отделиться душою от того, кто десять лет наполнял все мое нравственное существование. Поэтому Вы можете представить, что значит — полгода, которые должны пройти, оставаться мне в каком-то моральном заточении, в моральной темноте, так, что Вы как будто, существуя для других, для меня не существуете. Слишком дерзко бы с моей стороны было, если бы я безотвяз[о]чно беспокоил Вас и преследовал своими письмами; но я не в силах затаиться, умоляю Вас, и не перестану этого ожидать, чтобы Вы выбрали кого-нибудь из добрых приближенных к Вам и поручили бы ему периодически доставлять мне сведения о том, что с Вами происходит: иначе я буду // чувствовать себя несчастнейшим человеком, как тот, кто все имел в свете, и вдруг всего лишился. Тем более я почту себя отверженным от единственного моего счастья, что предлагаемое мною средство возможно и даже легко.

л. 24 об.

О том, что происходит здесь, Вы, конечно, знаете во всей подробности. Следовательно, мне нет надобности повторять. Сегодня я имел счастье видеть Императрицу и в[еликую] к[няжну] Марию Николаевну в первый раз после их возвращения.^{xxxv} Они проходили через комнату в[еликой] к[няжны] Ольги Николаевны.

На днях, именно 12 окт[ября], дан был праздник генералу Клингенбергу, по случаю пятидесятилетия его службы.^{xxxvi} Приношения собраны со всех его воспитанников, начиная от фельдмаршала Паскевича^{xxxvii} до нынешних кадет. Обедали все в 2 корпусе, где он воспитывался. На обеде место хозяев занимали старшие его воспитанники Копцевич^{xxxviii} и Храповицкий.^{xxxix} Между прочими обедали: гр[аф] Чернышев^{xl} и В. Ф. Адлерберг.^{xli} Жаль, что не было здесь Александра Александровича.^{xlii} // Перед столом, за коим находилось нас 350 человек, стояли на возвышении бюсты государей, при которых служил Клингенберг: Екатерины II, Павла I, Александра I и ныне царствующего Николая Павловича. Поднесена была Клингенбергу золотая ваза на золотом пьедестале. Государь пожаловал ему и орден Белого Орла^{xliii} и все нынешнее содержание в пенсион, а государыня прекрасную табакерку с своим портретом, осыпанную бриллиантами. Михаил Павлович,^{xliv} который желал сам обедать, но не мог по болезни, прислал ему соб-

л. 25

л. 25 об. ственноручное трогательное письмо. Через два дня такой же обед дали Клингенбергу его павловские кадеты.^{xlv} Я и там обедал. Михаил Павлович сделал сюрприз, лично приехав // на этот обед в ту минуту, когда мы садились. Я всему этому очень рад; потому что Клингенберг человек искренно честный и прямо добрый. К сожалению, за несколько недель он лишился жены.

Верно, В. А. Жуковский пожалеет, что умер его старый приятель в Москве Ф. Ф. Кокошкин.^{xlvi}

Особо ничего не имею и не считаю нужным донести Вашему Высочеству. Современник продолжается. Скоро выйдет четвертая его книжка. Желал бы что-нибудь получить от В. А. Жуковского; но не надеюсь, разве только красноречие Вашего Высочества над ним подействует.

Осмеливаюсь поручить Вашему Высочеству оживить меня в памяти всех спутников Ваших.

П. Плетнев

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 23–25 об. Автограф

Адрес на л. 26: Его Императорскому Высочеству государю цесаревичу наследнику великому князю Александру Николаевичу.

№ 4

[Письмо П. А. Плетнева
великому князю Александру Николаевичу,
29 ноября 1838, Санкт-Петербург]

29 ноября, 1838.

Санктпетербург

л. 27 Никогда не жалел я столько, что Вашего Высочества нет в Петербурге, как теперь. Вы бы вполне наслаждались счастьем великой княжны Вашей сестрицы.^{xlvii} Одно приближение к ней на всякого действует каким-то очарованием. Нет нужды рассказывать Вашему Высочеству, как она и прежде умела одушевлять все, что вокруг нее находится. Теперь она проникнута чистою, высокою любовью, которая светится в ее глазах, блещет в ее разговоре и восхищает в ее улыбке. Нельзя не чувствовать, что совершаются милейшие желания ее сердца: она не покидает этой России,^{xlviii} о которой никогда не могла и говорить и думать без энтузиазма. Ожидают, что в будущее воскресенье (4 дек[абря]) совершится формальное обручение Ее Величества. 7 числа герцог предполагает отправиться к Вам.^{xlix} //

л. 27 об. Как бы все мы были счастливы, если бы эта семейственная радость ускорила совершенное выздоровление Вашего Высочества и возвращение Ваше в Отечество! Но Ваши слова совершенно справедливы: лучше теперь совсем укрепиться, нежели думать об этом после. Я молю Бога, чтобы Он помог Вам спокойно насладиться пребыванием в прекрасной Италии и тем довершить Ваше выздоровление.¹ Конечно, для Вас трудная, почти невозможная вещь: наше частное спокойствие. Но сколько бы оно принесло блага для всей Вашей будущей жизни! Укре[пи]вши физические силы и обогатившись столькими воспоминаниями, Вы могли бы запасти на будущее время истинно драгоценные сокровища. Да поможет Вам Бог! // В. И. Назимова^{li} еще не видал я здесь и даже не знаю, возвратился ли он из своей деревни,^{lii} где по болезни принужден был оставаться, не доехав до Петербурга. Без него я не знаю, какими книгами могу служить Вашему Высочеству? Мне все представляется, что Вы совсем не найдете свободных минут для чтения. Поэтому я не осмеливаюсь даже пересылать Вам и свой Современник, хотя, признаюсь, ничто для меня столько не было бы лестно, как отзыв о нем Вашего Высочества.

л. 28 об. Я все не умею догадаться, как попала к Вам книжка, в которой Вы изволили прочесть повесть Марусю?^{liiii} Эта повесть, действительно, создание изумительно-совершенное. Наша // новая литература ничего не произвела лучше. Ее сочинитель, старик Квитка, малороссиянин и живет близ Харькова в деревне.^{liv}

Не нахожу слов, чтобы довольно отблагодарить Ваше Высочество за подробности о состоянии Вашего здоровья и за распоряжения насчет доставления мне известий о Вас на будущее время. Это будет истинным утешением в моей затворнической жизни. Я продолжаю ревностно трудиться над моим Современником, хотя и чувствую, что трудно оживить его человеку, который мало знаком со светом.

С глубочайшим почтением и искреннейшею преданностью имею счастье быть Вашего Императорского Высочества всепокорнейшим слугою

П. Плетнев

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 27–28 об. Автограф

[Письмо П. А. Плетнева
 великому князю Александру Николаевичу,
 30 декабря 1838, Санкт-Петербург]

30 декабря

Санктпетербург

- л. 29 Через день и у нас в России наступит Новый-Год, который в Риме Ваше Императорское Высочество давно уже встретили.^{lv} Оно так и должно быть. Солнце, друг Юга, не вдруг доберется до нашего Севера. Если бы мы, подражая западным европейцам, приняли новый стиль, то пришлось бы нам не только весну, самое лето встречать иногда в сопровождении снега, который в мае, как Вы изволите помнить, небольшая редкость в Петербурге. И-так, все к лучшему. Да здравствует наш запоздалый Новый-Год. Он приходит вовремя. Дай Бог, чтобы оба Новые-Годы, и римский, и русский равно возвеселили сердце Вашего //
- л. 29 об. Императорского Высочества, как меня возвеселил приезд В. И. Назимова. Он во всей подробности рассказал мне о том, как Вы изволили при нем проводить время и как несомненно восстановилось теперь Ваше здоровье. Описание прогулок Ваших и Вашего костюма (в партикулярном сюртуке) меня привело в особенную зависть. Бог знает, чего бы не пожалел я, чтобы посмотреть на Вас, когда Вы являетесь в этом платье. У меня поселилась в голове мысль, дерзкая — но я не могу выгнать ее. Она меня беспрестанно преследует и даже в эту минуту (простите ли Вы меня?) просится на бумагу. Что если бы из Рима, из Неаполя, или
- л. 30 из другого какого-нибудь // города Италии, в письме, писанном чьею-нибудь рукою, положим хоть рукою Паткуля, я удостоился получить карандашом или акварелью слегка набросанный портрет Вашего Императорского Высочества в этом костюме, которого мне иначе не увидеть в здешней жизни,^{lvi} портрет, внизу которого драгоценною для меня рукою, сжимавшею столько раз счастливицу мою руку, было подписано: Александр.^{lvii} Боже мой! Боюсь только, чтобы я не умер тогда от радости. Нет! уверен, что от такой радости я непременно проживу вдвое против того, на сколько лет теперь призван к жизни. Вообразите, Ваше Высочество, что в состоянии Вы сотворить — дать лишнюю жизнь человеку,
- л. 30 об. который только // и желает ту и другую безраздельно посвятить Вашему Императорскому Высочеству! А Вам это

стóит одного сеансу не длиннее часа с четвертью! Но что я осмелился сказать? Будто час, потерянный Вами, не дороже обеих моих жизней? Нет, я увлекся и обеспамятел. И-так, позвольте мне возвратиться к В. И. Назимову. Он получил от меня для отсылки к Вашему Высочеству все номера Современника, без Вас вышедшие, и еще несколько книг. Без его рассказов я не умел вообразить, что у Вас остается время для чтения даже наших журналов, и потому не смел до сих пор отправить к Вам ни одного номера. Ваш отзыв о Марусе меня восхитил. Как бы я желал получить от Вас еще несколько замечаний!

Примите на себя труд, Ваше Высочество, засвидетельствовать мое почтение Александру Александровичу.^{lviii}

Вашего Императорского Высочества всепокорнейший и всепреданнейший слуга

П. Плетнев

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 29–30 об. Автограф

№ 6

[Письмо П. А. Плетнева
великому князю Александру Николаевичу,
11 апреля 1840, Санкт-Петербург]

л. 31

Пишу к Вашему Императорскому Высочеству в четверг на Страстной. Очень желаю, чтобы письмо мое прибыло к Вам в среду на Святой (все дни и праздники именуя по-нашему, как разложены они на святой Руси).^{lix} Воображаю, что мое желание исполнилось: и так примите, Ваше Высочество, поздравление мое с днем Вашего рождения!^{lx} Желаю искренно, желаю от полноты души, чтобы на Вас до конца жизни осталось благословение Божие, под которым Вы до сих пор цвели и радовали все окружающее Вас. Как я сожалею, что в этот день, когда исполнилось Вам двадцать два года, не почувствую на моей руке того неоцененного пожатия богатырской руки Вашей, которого Ваше Высочество всегда удостоивали меня при свиданиях наших! Но виноват: слово сожаления есть слово эгоизма. Не должен ли я радоваться, и не радуюсь ли я, что // Вы счастливы, что Вы прибыли к цели Вашего путешествия? Вот что прочитали мы в Journal de St. Pétersbourg: Nouvelle du jour.

л. 31 об.

Darmstadt, 12 avril. S. A. I. M-gr le Césarévitch grand-Duc Héritier de Russie est arrivé aujourd'hui en parfaite santé dans cette résidence, et descendu au palais^{lxi} grand-Ducal.^{lxii}

По-нашему, это было 31 марта, в воскресенье. Какое предзнаменование! Воскресенье! Вас ожидают новые, самые сладостные ощущения; перед Вами поднимается завеса новой, восхитительной жизни; Вы стоите на пороге в то святилище, в котором Провидение заключило высшее земное благо, называемое семейственным счастьем, и к залогу всего этого судьба привела Вас в воскресенье...^{lxxiii} О, да воскреснут же в душе Вашей^{lxxiv} все радости будущего!

Если бы Ваше Высочество могли видеть, какое участие, какая любовь к Вам выражается здесь! //

л. 32

На Невском проспекте, в лавках, где продаются эстампы, выставлен литографированный портрет принцессы Дармштадской.^{lxxv} Ни один из прогуливающихся не может пройти мимо, чтобы не остановиться. Все смотрят — и в глазах каждого можно читать это святое чувство любви и восхищения. Продавцы едва успевают готовить экземпляры. Они разнообразят их, иллюминируя платье то розовой краской, то зеленой, то голубой.

Примите, Ваше Высочество, еще поздравления с почетным титулом дяди, который пожаловала Вам в[еликая] к[нягиня] Мария Николаевна.^{lxxvi} Я еще не имел счастья видеть Ее Высочество после этого радостного события, но по слуху знаю, что здоровье великой княгини и Ее Высочества великой княжны Александры Максимилиановны, слава Богу, хорошо. Государыня императрица с в[еликой] к[няжной] Ольгой Николаевной сегодня изволила кататься в карете. Пишу // об этом к Вашему Высочеству для того, чтобы и насчет здоровья Ее Величества Вы имели известие. На прогулке же я встретил в[еликую] к[няжну] Александру Николаевну и всех троих великих князей.^{lxxvii} Следственно, можно прибавить: все у нас обстоит благополучно.

л. 32 об.

Из городских новостей две любопытны: девица Кикина помолвлена за князя Дмитрия Волконского,^{lxxviii} а дочь генерала Скобелева (коменданта крепости здешней) за сына Ф. П. Опочинина.^{lxxix}

В литературном мире, как и прежде, побраниваются. Сегодня один из издателей Север[ной] Пчелы (Булгарин)^{lxxx} объявил войну нашему барону Розену,^{lxxxi} за то, что в берлинском Фигаро кто-то, хваля Розена трагедию: Дочь Иоанна III, отозвался с пренебрежением о Булгарине и как писателе, и как человеке.^{lxxxi}

Современник буду иметь счастье на днях препроводить к Вам.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший и всенижайший слуга

П. Плетнев

11 апреля, 1840

Санктпетербург

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 31–32 об. Автограф

№ 7

[Письмо П. А. Плетнева

великому князю Александру Николаевичу,

22 мая 1840, Санкт-Петербург]

22 мая, 1840

Санктпетербург

л. 33 По приказанию Вашего Императорского Высочества, изображенному в письме к С. А. Юрьевичу, я радостно принимаюсь преследовать Вас своими письмами. Но о чем теперь писать? Петербург осиротел, а я и более. Нет для меня дороги ни в Зимний, ни в Михайловский. Все разъехались.^{lxxiii} Никого не вижу и ничего не слышу. Я даже не знаю наверное о местопребывании Их Высочеств Марии Николаевны и Александры Николаевны. Должность не позволяет мне жить за городом. Князь Дондуков-Корсаков^{lxxiv} уволен до октября за границу. Князь Григ[орий] Волконский^{lxxv} послан на несколько времени в Вильну. //

л. 33 об. Таким образом, и должность попечителя перешла на ректора университета, т. е. на меня.^{lxxvi}

л. 34 Недавно университет С[анкт]п[етер]бургский получил от Александровского (Гельсигфорского) университета приглашение присутствовать на празднике двухсотлетнего юбилея, который будет там 3 июля по стар[ому] ст[илию]. Наш университет избрал меня депутатом на этот единственный в Отечестве нашем, да и во всей Европе редкий праздник.^{lxxvii} Если министр просвещения согласится утвердить выбор университета, я непременно отправлюсь в Гельсингфорс на пароходе 27 июня. Думаю взять с собою и малютку мою.^{lxxviii} Пусть она полюбуется на море, и // буде успеет, пусть покупается в нем. Кн[язь] Гр[игорий] Волконский в это время будет в Фале.^{lxxix} Он меня уже пригласил туда с тем, чтобы я с ним и с граф[ом] Михайлом

Вьельгорским отправился из Ревеля на одном пароходе в Гельсингфорс. Стечение там будет необыкновенное. Праздники, т. е. акты, промоции,^{lxxx} обеды, балы продолжатся несколько дней. Граф Ребиндер^{lxxxi} уже уехал отсюда в Финляндию.

л. 34 об. Я принимаю смелость умолять Ваше Высочество очастливить Александровский университет несколькими строчками, в которых бы Вы, как канцлер его,^{lxxxii} изобразили, как Вы радуетесь, что университету Бог сподобил дожить до такой // маститой старости. Финляндцы народ добрый, честный и признательный. Ваше письмо приведет в восторг и умиление всю страну.

Первое мое письмо отправлено было к Вам еще до объявления о Вашем обручении. И так теперь я приношу Вашему Высочеству поздравление и искреннее желание счастья. У Семена Алексеевича^{lxxxiii} мы (т. е. все имевшие счастье находится при воспитании Вашем) обедали в день Вашего рождения. Там был и кн[язь] Барятинский, Ваш адъютант.^{lxxxiv} Семен Алексеевич нам показывал портрет принцессы Марии. Он совсем другой, нежели тот, о котором я писал, — гораздо лучше. Дай Бог, чтобы этот ангел осуществил наши ожидания и надежды.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший
П. Плетнев

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 33–34 об. Автограф

№ 8

[Письмо П. А. Плетнева
великому князю Александру Николаевичу,
23 июля 1840, Санкт-Петербург]

л. 35 Воскресенье. 23 июля, 1840. С[анкт]п[етер]б[ург]
Никогда еще не был я столь счастлив, как в нынешний день. Утром отправился я с моею дочерью, по предложению принца Ольденбургского, в Петергоф, где и провел все время до вечера у Его Светлости, в его семействе посреди родичей и детей. Как они наслаждаются мирным своим блаженством! До обеда все катались в линейке.^{lxxxv} Мы объехали Александрию,^{lxxxvi} Зверинец^{lxxxvii} и кругом кадетского лагеря.^{lxxxviii} Потом спустились мимо бумажной фабрики^{lxxxix} в парк принца. Обед приготовлен был на его ферме.^{xc} После обеда Его Светлость изволил сам кататься со мною и

л. 35 об.

правил английскою чудесною парою в маленькой коляске. Наконец, когда в 7 часов нам надобно было отправиться, принц поехал на встречу кадет, вступающих в лагерь. Мы ездили в Петергоф на пароходе, чтобы хоть немного познакомиться с качкою, к которой вполне приготавливаемся во время переезда в Гельсингфорс. Возвратившись домой, я нахожу письмо от Вашего Императорского Высочества и другое — от в[еликой] к[няжны] Ольги Николаевны. Сколько сладостных ощущений испытал я при чтении этих писем. Великая княжна описывает свое знакомство с принцессою Мариєю.^{xcі} Ах, как я желаю скорее // дожждаться возвращения Вашего Высочества, чтобы показать Вам эти строки, дышущие нежною любовью, удивлением и сладостнейшими надеждами!.. Здесь излилась вся небесная душа великой княжны. Мог ли ожидать я когда-нибудь, что удостоюсь быть одним из первых поверенных, перед кем раскроется это чистое, неземное сердце, полное первой дружбы и преданности? Наконец, Ваше Высочество избираете меня быть органом Вашего благоволения к ученому сословию Финляндии. Выражу ли я Ваши чувства? Но я готов на все и принимаю смелость повергнуть эти строки на благоусмотрение Ваше.^{xcіі} Меня беспокоит одно обстоятельство. Теперь, когда я пишу, фельдъегерь уже должен уехать — и мой ответ пролежит до середины. В Гельсингфорсе Ваше письмо получают Ваше письмо на другой день юбилея. Но это не должно Вас остановить. Я знаю, что празднование продолжится три дня. Тем живее будет общая там радость, когда все собравшиеся поражены будут этим неожиданным от Вас приветствием. Итак, не отложите благого намерения.

Простите великодушно за несвязность моих строк. Я пишу в истинном упоении сердца, которое чем сильнее чувствует, тем нескладнее изъясняется.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший
П. Плетнев //

л. 36

Проект предложения Консистории Александровского университета от канцлера его

Принимая живое участие во всем, что касается до университета, вверенного моему попечению, я сердечно радуюсь, что он, по милости Божией, готовится ныне праздновать ныне двухсотлетний юбилей своего существования.

л. 36 об. Да будет сие торжество умилительною жертвою благодарности перед Всевышним за те блага, которые столько лет изливались на Финляндию из ее верховного святилища наук! // Да будет оно и теплою молитвою о неизменности чистых нравственных в нем начал на все будущее время!

Отсутственный, я, в этот незабвенный день, мысленно буду находиться посреди вас, любезных моих сочленов по университету — и с каждым благим желанием Вашим соединюсь с душою.

Поручая Вам доставить мне для воспоминания описание праздника сего, пребываю с полным благорасположением и всегдашнею готовностью к услугам

канцлер Александровского университета

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 35–36 об. Автограф

№ 9

[Письмо П. А. Плетнева

великому князю Александру Николаевичу,

25 августа 1840, Санкт-Петербург]

л. 37 Ректор Александровского университета, накануне отъезда моего из Гельсингфорса, уведомил меня, что университет имел счастье получить рескрипт Вашего Императорского Высочества.^{xciii} Это событие произвело всеобщий восторг не только в Гельсингфорсе, но и во всей Финляндии, где нет ни одного порядочного человека, который бы не был обязан своим образованием университету. Прожив более месяца в Гельсингфорсе и находясь непрерывно между главнейшими лицами то по ученой части, то по гражданской, то по военной, я имел возможность наблюдать дух края и смело могу сказать, что Ваше Высочество обратили ласковое Ваше слово — к достойным его. //

л. 37 об. В Финляндии удивительная простота во всем: в образе жизни, в обращении, в самых нравах. Жители отличаются необыкновенною честностию и доверчивостию. Но они по большей (sic. — Д. Д.) части образованы прекрасно. Всего замечательнее, что там во всех сословиях, между порядочными людьми, заметно какое-то единство. Это происходит от того, что у них никто, без университетского образования, не вступает в должность. Ваше Высочество, конечно, изволили слышать, что указ о производстве в коллежские асессоры без университетского аттестата получил свое

начало во время путешествия императора Александра по Финляндии.^{xciii}

л. 38 Праздники происходили со всею пышностию средних веков.^{xciv} В процессиях участвовали, кроме университета, Сенат, все военные и гражданские чины, дамы всех сословий и граждане. // В этих торжественных случаях ректор университета облакаем был в бархатную мантию красного цвета; два герольда несли перед ним серебряные жезлы, и ассистентами его были граф Ребиндер (заступавший место канцлера)^{xcv} и генерал Теслев (вице-канцлер).^{xcvi} Но лучше всего для меня показалось, что ученые их праздники всегда оканчивались богослужением и назидательною проповедью. Я помню, что в последнюю промоцию, когда сверх докторов философии сделано было человек 90 магистрами, священник так трогательно и сильно говорил в церкви, что все это цветущее и радостное юношество обливалось слезами умиления.

л. 38 об. Состояние университета, благодаря щедротам Его Императорского Величества, в самом завидном положении. Тамошнее здание университета, дома для библиотеки, астрономической обсерватории, // ботанический сад, дом для наблюдений магнитно-гальванических — все это, как дворцы в городе.^{xcvii} Профессоры многие пользуются уже европейскою известностию. В молодом поколении я с изумлением встретил столько знающих русский язык, что едва верил, что земля, только 30 лет принадлежащая России, столько слилась с нею. Это меня тем более изумило, что, быв в Ревеле, я не встретил такой себе практики для русского языка.

О красотах самого края, который в нынешнюю поездку на возвратном пути я осмотрел довольно, не нахожу нужным говорить Вам, потому что дикие прелести Финляндии везде вошли в пословицу.

Вашего Императорского Высочества преданнейший и всепокорнейший слуга

П. Плетнев

25 авг[уста]

1840

С[анкт] П[етер]бург

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 37–38 об. Автограф

[Письмо П. А. Плетнева
 великому князю Александру Николаевичу,
 28 августа 1840, Санкт-Петербург]

- л. 39 В прошедшее воскресенье я имел счастье писать к Вашему Императорскому Высочеству, чтобы сообщить несколько замечаний о Гельсингфорсе и Финляндии, где нынешним летом удалось мне прожить более месяца. В Гельсингфорской газете: *Finlands Allmänna Tidning*, я видел уже напечатанный рескрипт Вашего Высочества университету, в № 196, августа 13/25.^{xcviii} Рядом с оригиналом помещен перевод на шведской язык. Замечательно, что у шведов в языке нет слова: сочлен, вместо него поставили: которые вместе со мною работаете для той же цели. В следующем за сим № той же газеты напечатаны прекрасные стихи Вашему Императорскому Высочеству.^{xcix}
- л. 39 об. Сочинитель, по скромности, // скрыл в печати свое имя. Но я его знаю; он называется Цигнеус.^c Отец его был в С[анкт]-п[етер]бурге пробстом или епископом.^{ci} Этот молодой человек, с отличным дарованием, служит при Александровском университете и заведывает (*sic.* — Д. Д.) одним училищем в Гельсингфорсе.^{cii} Я надеюсь перевод этих стихов, хотя в прозе, напечатать в Современнике.^{ciii} Мой журнал, с нынешнего времени, еще более будет заключать статей о Финляндии. Туда перешел в службу чиновник, находившийся до сих пор у барона Корфа^{civ} в канцелярии Государственного совета надворный советник Грот, воспитанник Царскосельского Лицея.^{cv} У него удивительная способность выучиваться языкам. Шведским он овладел в короткое время, как природным своим русским. Граф Ребиндер намерен определить его инспектором казенных училищ для спешествования (*sic.* — Д. Д.) успехам русского языка в Финляндии,^{cvi} хотя, по моему замечанию, особенно между // молодыми людьми он и теперь довольно распространен. Грот обещал доставлять в мой журнал статьи, касающиеся до истории, топографии, нравов и литературы тамошнего края.^{cvii}
- л. 40 Несколько уже лет сряду я так был счастлив, что лично мог являться к Вашему Императорскому Высочеству. Ныне, лишенный этого счастья, принимаю смелость письменно поздравить Ваше Высочество.^{cviii}

Моля Господа Бога о Вашем счастье, ныне я присоединяю новую молитву о счастье той, которую, по воле Провидения, нам суждено будет наконец увидеть как радость и уладу Вашего Императорского Высочества и всей России.^{cix} //

л. 40 об.

Мы все русские веруем, что наши общие молитвы услышаны будут Создателем, и со времени прибытия Ее Высочества новое благоденствие и новая слава озарят нашу Россию, ее новое отечество.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший и всенижайший слуга

П. Плетнев

28 августа, 1840,

С. Петербург.

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 39–40 об. Автограф

№ 11

[Письмо П. А. Плетнева

великому князю Александру Николаевичу,

1 марта 1846, Санкт-Петербург]

л. 41

Ваше Императорское Высочество!

Простите великодушно избытку моей, может быть неуместной, преданности, которая внушила мне смелость беспокоить этим письмом Ваше Высочество. Но я не в силах был радоваться без разделения при одном известии, которое получил сию минуту и которое так живо должно подействовать на Ваше сердце.^{cx}

л. 41 об.

В прошлый вторник, празднуя для всех нас радостный день рождения Его Императорского Высочества шефа своего, Финский стрелковый батальон^{cx} дал в Гельсингфорсе такой бал, какого не запомнит никто из тамошних жителей. Залою собрания служил известный и Вашему Высочеству Социэтетсгус.^{cxii} Стены убраны были деревьями, цветами, штыками и шомполами. Из шомполов же // образован был в прекрасном виде вензель А, с необыкновенным вкусом окруженный драпировкою. Целая комната занята была буфетом, где всякий мог требовать что хотел, даже сверх того, чем столы были уставлены. Особый нарочный за припасами ездил в Санктпетербург. Были два ужина, из которых первый для желавших не оставаться слишком поздно начался в 12 часов. При тостах за здоровье членом

императорской фамилии и особо августейшего виновника торжества произнесены были речи и пропеты на шведском языке стихи. Полковой оркестр поставлен был картинно как за решеткой, сделанной из ружей с орлами и из деревьев, что производило на присутствовавших удивительно-прелестный эффект. Почти все мужчины из бывших на бале явились в мундирах.

л. 42 И небольшие подробности эти, когда я перенесся мыслью туда, где имя Вашего Высочества с священным именем нашего государя произносится // всегда благоговейно и умирительно, так меня восхитили, что я осмелился сообщить их Вашему Высочеству.

С глубочайшим высокопочитанием и с сердечною неизменною преданностию имею часть быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейшим и всепокорнейшим слугою

П. Плетнев

1 марта,
1846 г.

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 41–42. Автограф

№ 12

[Записка П. А. Плетнева об организации юбилея В. А. Жуковского, адресованная великому князю Александру Николаевичу, и сопроводительное письмо к ней, 16 мая 1847]

л. 43

Ваше Императорское Высочество!

Поспешая исполнить приказание Вашего Высочества,^{cxiii} имею честь препроводить составленную мною Записку касательно предполагаемого юбилея по поводу совершившегося пятидесятилетия литературной жизни В. А. Жуковского.

С глубочайшим почтением имею честь быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший и всенижайший слуга

П. Плетнев

16 мая, 1847 //

л. 44

В 1838 г. празднован был пятидесятилетний юбилей литературной жизни Крылова.^{cxiv} В текущем 1847 г. исполнится пятидесятилетие с появления в печати первого сочинения Жуковского.^{cxv}

Оба поэта, каждый в своем роде, для России равно велики и останутся незабвенны. Крылов, совершеннейший образец в баснях, усвоил их нашей словесности и сделался истинно народным писателем. Он навсегда будет составлять нашу славу, а в его сочинениях сохранится прямо русский ум и лучший русский язык.

Жуковский, как поэт образованной части нации, разнообразнее и выше Крылова. Только с него началась в России поэзия в смысле изящного искусства. Он родоначальник и единственный учитель всех поэтов XIX столетия в нашем Отечестве. Без Жуковского не мог явиться Пушкин, как он был. Художественный язык и стих, живая и вдохновительная поэзия, сила ее, краски и музыка — все создано для нас Жуковским. Как религиозный и вообще нравственный писатель, он также стоит первым и по времени, и по влиянию на общество. В эпоху 1812 года к славе поэта-художника он имел счастье присоединить славу певца бессмертного монарха и великодушного его народа,^{cxvi} так, что имя Жуковского, наравне с именем Крылова, по крайней мере в высшей сфере нации, сделалось народным. //

л. 44 об.

Независимо от этих заслуг государству, Провидение Жуковскому указало поприще трудов, за которые как ныне, так и в будущем он должен слышать себе благословения всех русских: он был наставником Е[го] И[мператорского] В[ысочества] государя цесаревича Наследника.

Вся жизнь Жуковского, подобно поэзии его, есть образец нравственной чистоты и христианских добродетелей. После шестидесятилетней деятельности он приступил к совершению труда, который достойно заключит все прежние прекрасные его подвиги. Он уже кончил перевод первой половины Одиссеи Гомера,^{cxvii} а в непродолжительном времени и всю ее представит России как залог его любви к ней, неугасавшей в груди его и во время пребывания за границей.^{cxviii}

Нынешним летом Жуковский приедет в Петербург.^{cxix} Это будет прекрасный случай показать ему, что русские умеют достойно ценить людей, на прославление имени их ниспосылаемых Провидением.

Но если Жуковский, как писатель, был и есть представителем чистоты, образованности, вкуса и нравственной грации, то и в выражении общей ему признательности должно высказаться стремление наше связать с его именем

осуществление этих качеств навсегда в молодых поколениях. Шумные торжества и // сопровождающие их рукоплескания исчезают бесследно. Но кто из образованных людей в России не пожелает внести свою долю для составления капитала, которого процентами могли бы содержаться семеро молодых людей, по одному в словесном отделе философия факультета в каждом из университетов, находящихся в пределах Российской империи? Этим простым способом увековечена будет память великого писателя повсем[е]ственно, возбуждено будет юношество к самой благородной деятельности, а пример виновника счастья стольких лиц новым талантам укажет путь к истинному совершенствованию их дарований.

Жуковский, в продолжение жизни своей, по литературным занятиям и как частное лицо, постоянно связан был с истинными представителями гражданской и литературной у нас образованности. Между ними остаются в живых: граф Мих. Ю. Вьельгорский, граф Д. Н. Блудов, граф С. С. Уваров и князь П. А. Вяземский.^{схх} По всем правам они должны быть и распорядителями юбилея Жуковского.

П. Плетнев

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 43–45. Автограф

Комментарии

ⁱ Последнее письмо П. А. Плетнева великому князю Александру Николаевичу было отправлено 4 августа. См. его текст: *Долгушин Д. В.* «Не удивляйтесь, Ваше Высочество, что я обременяю Вас такими длинными письмами...». При публикации пропущена его нумерация (№ 4) и проставленная П. А. Плетневым датировка: «4 августа, 1837. С[анкт-]П[етер]бург».

ⁱⁱ В августе — октябре 1837 г. великий князь Александр Николаевич, завершая свое путешествие по России, выехал из Москвы, посетил Владимир, Нижний Новгород, Рязань, Тулу, Орел, Курск, Харьков, присутствовал на кавалерийских маневрах в Вознесенске, затем побывал в Николаеве, Одессе, Севастополе, Бахчисарае, Симферополе, Керчи, Екатеринославе, Кременчуге, Киеве, Харькове, Чугуеве, Мариуполе, Бердянске, Таганроге, Новочеркасске, Воронеже и вернулся в Москву (*Татищев С. С.* Император Александр II: Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 88–89). Плетнев называет свои письма к наследнику престола «дневником», т. к. они представляют собой почти подневный рассказ о его жизни.

ⁱⁱⁱ То есть сопровождавшие цесаревича В. А. Жуковский, А. А. Кавелин, С. А. Юревич.

^{iv} В 1837 г. после смерти А. С. Пушкина «Современник» издавался совместно П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, А. А. Краевским, В. Ф. Одоевским, П. А. Плетневым. С 1838 г. Плетнев взял издание «Современника» на себя. Великая княжна Мария Николаевна (1819–1876), сестра наследника престола, живо интересовалась литературой и даже пробовала собственные силы в литературном творчестве: из ее переписки с В. А. Жуковским видно, что в 1833 г. она сочиняла повесть (Переписка великой княгини Марии Николаевны с В. А. Жуковским // Русский архив. 1895. Т. 87. С. 427).

^v Игра слов: современные — «Современник».

^{vi} Принц Петр Георгиевич Ольденбургский (1812–1881), племянник Николая I, с 1830 г. находился на русской службе, на момент написания письма был генерал-лейтенантом, членом Государственного совета, основателем и попечителем Училища правоведения. Его супруга — дочь герцога Вильгельма Насаусского Терезия Вильгельмина (1815–1871).

^{vii} Великий князь Александр Николаевич провел в заграничном путешествии более года, с мая 1838 г. по июнь 1839 г.

^{viii} После пожара Зимнего дворца 17 декабря 1837 г. вся семья Николая I переехала в Аничков дворец и жила в нем до ноября 1839 г.

^{ix} Гуляния в Екатерингофском парке устраивались ежегодно 1 мая. Они собирали большое количество знатной публики, их часто посещала и императорская семья (см.: *Высочков Л. В.* Будни и праздники императорского двора. СПб., 2012. С. 304 — 307).

^x 28 апреля 1838 г. из Петербурга выехали императрица Александра Федоровна и великая княжна Александра Николаевна, чуть раньше, 26 апреля, столицу покинули великие князья Михаил и Николай в сопровождении своего воспитателя А. И. Философова (*Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999. С. 311). В начале мая 1838 г. из Петербурга уехали Николай I и великий князь Александр Николаевич. Все перечисленные лица направлялись в Берлин, куда императорское семейство, воссоединившись по дороге, и въехало торжественно 7 мая 1838 г.

^{xi} Иосиф Михайлович Виельгорский (1817–1839), товарищ великого князя Александра Николаевича по учебе и адъютант его свиты, должен был сопровождать цесаревича в поездке по Европе.

^{xii} И. М. Виельгорский отличался серьезным складом характера, тяготился светскими развлечениями и, по выражению А. О. Смирновой-Россет, «вечно рылся в книгах, жаждал науки» (*Смирнова-Рос-*

сет А. О. Дневник. Воспоминания. / Изд. подг. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 198). На протяжении долгого времени он увлекался изучением истории России, собирал книги по этой тематике и был намерен составить полную библиографию всех сочинений о России (см.: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф». С. 174–175).

^{xiii} Александр Васильевич Паткуль (1817–1877), товарищ великого князя Александра Николаевича по учебе и адъютант его свиты, сопровождал цесаревича в поездке по Европе.

^{xiv} Сестра наследника престола великая княжна Ольга Николаевна (1822–1892).

^{xv} Жена великого князя Михаила Павловича (дяди великих княжон Марии и Ольги) великая княгиня Елена Павловна (1806–1873)

^{xvi} Николай I не взял в Берлин своих старших дочерей, великих княжон Марию и Ольгу, чтобы там, по словам одной из них, «не выставлять нас напоказ как невест» (Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны (1825–1846) // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 250). Они остались в Царском Селе и Петергофе под присмотром давних друзей семьи – князя А. Н. Голицына (1773–1844) и графини С. В. Строгановой (1775–1845) (Сон юности. С. 251; см. письма-отчеты, которые Голицын отправлял Николаю I о его детях в мае – августе 1838 г.: *Голицын А. Н.* Донесения князя императору Николаю I / Публ. А. Н. Сидоровой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. [Т. 20]. М., 2011. С. 304–363).

^{xvii} Юлия Федоровна Баранова (урожд. Адлерберг; 1789–1864), наставница великих княжон Марии, Ольги и Александры, гофмейстера при великой княжне Марии Николаевне, пользовавшаяся большим доверием императора и императрицы.

^{xviii} Дети великой княгини Елены Павловны – великие княжны Мария (1825–1846), Елизавета (1826–1845), Екатерина (1827–1894).

^{xix} Анна Алексеевна Окулова (1795–1861), фрейлина, воспитательница великой княжны Ольги Николаевны.

^{xx} Граф Матвей Юрьевич Виельгорский (1794–1866), известный музыкант-любитель, дядя И. М. Виельгорского, в 1835 г. был назначен состоять при великой княжне Марии Николаевне в должности шталмейстера.

^{xxi} Имеется в виду Детский остров, подаренный Николаем I его детям в 1824 г. (см.: *Зимин И. В.* Территория детства // *A maximus ad minima.* Малые формы в историческом ландшафте: Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2017). Ср. воспоминания великой княгини Ольги Николаевны об их с сестрой обычном времяпровождении в Царском Селе летом

1838 г.: «Наша жизнь была довольно веселой; на лошадях ли, пароходом или верхом, мы выезжали почти каждый день после обеда» (Сон юности. С. 251).

^{xxii} Имеется в виду павильон Детский домик, построенный в 1830 г. по проекту архитектора В. М. Горностаева.

^{xxiii} Речь идет о книжной лавке А. Ф. Смирдина на Невском проспекте.

^{xxiv} Наставник наследника престола В. А. Жуковский (1783–1852) и камергер Иван Матвеевич Толстой (1806–1867) сопровождали наследника престола в заграничной поездке, они отправились в путь за границу прямо с прощального обеда у М. Ю. Виельгорского.

^{xxv} Граф Михаил Юрьевич Виельгорский (1788–1856) — шталмейстер, известный музыкант-любитель, отец Иосифа Виельгорского, брат Матвея Виельгорского.

^{xxvi} Очевидно, имеется в виду служивший при дворце выпускник школы кантонистов.

^{xxvii} Имеется в виду следующее сообщение: «По прибытии Ее Величества государыни императрицы и Ее Императорского Высочества великой княжны Александры Николаевны в Дерпт, 29 апреля, вечером, в осьмом часу, попечитель Дерптского учебного округа, генерал-лейтенант Крафстрем, удостоился счастья представить Ее Императорскому Величеству всеподданнейший рапорт об учебном округе, и имел честь поднести, чрез генерал-адъютанта графа А. Х. Бенкендорфа, речь, произнесенную профессором Фолькманом в торжественном собрании университета, которое происходило 21-го апреля, по случаю всерадостнейшего тезоименитства Ее Величества. Ее Императорскому Высочеству великой княжне Александре Николаевне угодно было посетить Домскую гору и обсерваторию, на которой Ее Высочество изволила осматривать рефрактор и другие астрономические инструменты; к сожалению, наблюдений нельзя было сделать по причине мрачности неба. Потом попечитель Дерптского учебного округа имел счастье представить государыне императрице ректора университета, профессора Нейе, и профессора астрономии, действительного статского советника Струве, которые и удостоены всемилостивейшего приглашения к ужину Ее Величества. На другой день, 30-го числа, попечитель Дерптского учебного округа, генерал-лейтенант Крафстрем, равно и ректор университета, профессор Нейе, и профессор Струве имели счастье откланиваться Ее Императорскому Величеству. Внимание, которым государыня императрица, приветливо и милостиво, осчастливила учебное начальство Дерптского университета и юношество, в нем образующееся, исполнили всех

чувствами сердечного умиления и благоговейной любви» (Северная пчела. 1838. № 100 (5 мая). С. 1).

^{xxviii} Домская гора — холм в Дерпте (Тарту), на котором находятся руины Домского собора. В 1804–1807 гг. они были частично перестроены в университетскую библиотеку.

^{xxix} Обсерватория была построена на Домской горке в 1810 г. на месте бывшего епископского замка.

^{xxx} В Дерптской обсерватории в 1824 г. был установлен 9-дюймовый рефрактор — самый крупный тогда ахроматический телескоп в мире с объективом диаметром 24 см, изготовленный немецким оптиком Йозефом Фраунгофером.

^{xxxi} Евстафий Борисович Крафстрем (1784–1854) — генерал-лейтенант, с 1836 г. попечитель Дерптского учебного округа. Фридрих Фридрихович Нейе (1797–1886) — профессор истории литературы, древнеклассической филологии и педагогики, в 1835–1838 и 1842–1850 гг. ректор Дерптского университета. Василий Яковлевич Струве (1793–1864) — выдающийся астроном, профессор Дерптского университета, директор Дерптской обсерватории, один из создателей и первый директор (с 1839 г.) Пулковской обсерватории.

^{xxxii} Речь идет об воспитателе наследника престола генерал-лейтенанте Александре Александровиче Кавелине (1793–1850), В. А. Жуковском и помощнике воспитателя флигель-адъютанте Семене Алексеевиче Юрьевиче (1798–1865), сопровождавших великого князя Александра Николаевича в путешествии за границу.

^{xxxiii} Колоннада украшает парадный вход в Александровский дворец. Комната, отведенная Плетневу, очевидно, находилась в подвале дворца, где имелось 110 помещений, использовавшихся не только как склады и кладовые, но и как комнаты прислуги, охраны и т. д. (см.: *Зимин И.* Детский мир императорских резиденций: Быт монархов и их окружение. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: СПб., 2010. С. 257–260).

^{xxxiv} Облатки — мучные, бумажные или клеевые кружочки, использовавшиеся для запечатывания писем.

^{xxxv} Из-за желания своего тестя, прусского короля Фридриха-Вильгельма III, повидать всех своих внучек, Николай I в августе 1838 г. вызвал в Берлин великих княжон Марию Николаевну и Ольгу Николаевну. Побывав в Берлине, они вместе с матерью отправились на воды в Зальцбрунн, Крейт и затем вернулись в Россию (см.: Сон юности. С. 251–253).

^{xxxvi} Карл Федорович Клингенберг (1772–1849) — генерал-лейтенант, главный директор кадетских корпусов. Описание празднования его юбилея см.: 12 октября 1838 года, юбилей пятидесятилетней

службы Карла Федоровича Клингенберга, генерал-лейтенанта и разных орденов кавалера, исправляющего должность главного директора Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка и директора Павловского кадетского корпуса. [СПб., 1838]. Плетнев посвятил юбилею Клингенберга статью: *Плетнев П. А.* 12 октября 1838 г. Юбилей Клингенберга // *Современник*. 1838. Т. 12. С. 23–33 (первой нумерации).

^{xxxvii} Граф Иван Федорович Паскевич (1782–1856) — светлейший князь Варшавский, наместник Царства Польского, генерал-фельдмаршал, один из наиболее приближенных к Николаю I государственных деятелей, выпускник Пажеского корпуса.

^{xxxviii} Петр Михайлович Копцевич (1772–1840) — генерал от артиллерии, командир Отдельного корпуса внутренней стражи, выпускник Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса (Второго кадетского корпуса).

^{xxxix} Матвей Евграфович Храповицкий (1784–1847) — генерал от инфантерии, член Военного совета Военного министерства, выпускник Сухопутного шляхетского корпуса (Первого кадетского корпуса).

^{xl} Граф Александр Иванович Чернышев (1785–1856) — генерал от кавалерии, военный министр.

^{xli} Граф Владимир Федорович Адлерберг (1791–1884) — генерал-лейтенант, начальник походной Его Императорского Величества канцелярии, близкий друг Николая I.

^{xlii} Речь идет об А. А. Кавелине.

^{xliii} Польский орден Белого орла был причислен к российским орденам в 1831 г., после подавления польского восстания. По старшинству он стал следовать за орденом Александра Невского, заняв, таким образом, высокое место среди орденов Российской империи. Им награждались лица в чине не ниже генерал-майора или статского советника.

^{xliv} Великий князь Михаил Павлович (1798–1849) — брат Николая I, главный начальник военно-учебных заведений.

^{xlv} Имеются в виду кадеты Павловского кадетского корпуса, директором которого в 1829–1843 гг. был К. Ф. Клингенберг.

^{xlvi} Федор Федорович Кокошкин (1773–1838), известный драматург и театральный деятель. Скончался 9 сентября 1838 г. в Москве.

^{xlvii} Речь идет о готовящемся браке великой княжны Марии Николаевны с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским (1817–1852). Знакомство между ними произошло во время пребывания герцога в России на Бородинских торжествах 1837 г., продолжилось на водах в Крейте в Баварских Альпах в 1838 г., где и была достигнута дого-

воренность о браке, после чего герцог приехал в Петербург (см.: Сонюности. С. 253–254).

^{xlvi} Несмотря на прочно установившийся обычай выдавать царских дочерей замуж за границу, великая княжна Мария Николаевна смогла настоять на осуществлении своего, казалось бы, несбыточного желания — остаться на родине, чем и объясняется выбор ей в женихи герцога Максимилиана Лейхтенбергского, взявшего обязательство поступить на русскую службу и переехать в Россию. На исключительность подобного отступления от правила указывает то, что к тому времени имелся единственный прецедент такого рода — брак великой княжны Екатерины Павловны и герцога Георга Ольденбургского (см.: Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия (1797–1917): Биобиблиографический справочник. СПб., 2011. С. 21).

^{xlix} Герцог Максимилиан Лейхтенбергский встречался с великим князем Александром Николаевичем во время его пребывания в Мюнхене 20–23 сентября 1838 г. (Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 121).

¹ Еще в самом начале своей заграничной поездки, во время пребывания в Дании 18–29 июня 1838 г., великий князь Александр Николаевич сильно заболел. Болезнь была настолько серьезна, что пришлось изменить маршрут путешествия: проведя по рекомендации врачей месяц на водах в Эмсе, цесаревич вместо предполагаемой поездки в Англию проследовал в Италию, где три недели лечился виноградом на озере Комо, затем переехал в Милан, потом — в Венецию, Флоренцию и 4 декабря 1838 г. прибыл в Рим (см.: Татищев С. С. Император Александр II. С. 96–100).

ⁱⁱ Владимир Иванович Назимов (1802–1874) — полковник лейб-гвардии Преображенского полка, в 1836 г. назначенный состоять при великом князе Александре Николаевиче, сопровождал наследника престола в заграничном путешествии. Из Милана был отправлен в Петербург к Николаю I в качестве курьера. Знакомство наследника престола с Назимовым переросло в дружбу, и в последующем Назимов стал одним из основных государственных деятелей александровского царствования.

ⁱⁱⁱ Вероятно, имеется в виду имение Назимовых Устье в Псковском уезде Псковской губернии.

ⁱⁱⁱⁱ Русский перевод повести Г. Ф. Квитка-Основьяненко «Маруся» был напечатан Плетневым в 9 томе «Современника» (Современник. 1938. Т. 9. С. 1–148 (третьей нумерации)). Украинский оригинал был издан в книге 1 «Малороссийских повестей, рассказываемых Грыць-

ком Основьяненком» в 1834 г., но наследник престола читал, конечно, русскую публикацию.

^{liv} Григорий Федорович Квитка (1778–1843), публиковавшийся под псевдонимом Грыцько Основьяненко, — украинский писатель и драматург. Его родовое имение, село Основа, находилось в окрестностях Харькова.

^{lv} Великий князь Александр Николаевич провел в Риме месяц с 5 декабря 1838 г. по 6 января 1839 г.

^{lvi} У Плетнева не было шансов увидеть великого князя Александра Николаевича в партикулярном платье на родине, т. к. начиная с семи лет великие князья вне дома носили исключительно военную форму (дома, правда, допускалась иная одежда, но тоже стилизованная под военную форму). Лишь за границей они могли одеться в гражданское. См.: *Зимин И.* Детский мир императорских резиденций. С. 9–27.

^{lvii} В рукописи Плетнев в этом месте воспроизводит внешний вид подписи наследника престола.

^{lviii} А. А. Кавелину.

^{lix} Речь идет о Страстной и Пасхальной седмице. Православная Пасха в 1840 г. праздновалась 14 апреля. Цесаревич в это время находился в заграничной поездке. 4 апреля 1840 г. в Дармштадте состоялась его помолвка с принцессой Гессенской Марией.

^{lx} Великий князь Александр Николаевич родился 17 апреля 1818 г.

^{lxi} Резиденция герцогов Гессен-Дармштадтских, построенная в XVI–XVIII вв.

^{lxii} Новость дня. Дармштадт, 12 апреля. Е[го] и [мператорское] В[ысочество] г[осударь] цесаревич великий князь наследник российского престола сегодня совершенно здоровым прибыл в этот город и остановился в великогерцогском дворце (*фр.*).

^{lxiii} Речь идет о браке с принцессой Марией Гессенской, в которую Александр Николаевич влюбился во время пребывания в Дармштадте.

^{lxiv} Вероятно, аллюзия на Пс. 67:2, многократно возглашающийся на пасхальном богослужении: Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его!

^{lxv} Невеста наследника престола принцесса Мария Гессенская (1824–1880), помолвка с которой состоялась 4 апреля 1840 г. в Дармштадте.

^{lxvi} Речь идет о рождении дочери великой княгини Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского Александры (1840–1843).

^{lxvii} То есть сыновей Николая I Николая (1831–1891) и Михаила (1832–1909) и его брата Михаила Павловича.

^{lxxviii} Дочь известного мецената, статс-секретаря Александра I П. А. Кикина Мария Петровна (1816–1854), фрейлина императрицы Александры Федоровны, в 1840 г. вышла замуж за князя Дмитрия Петровича Волконского (1805–1859)

^{lxxix} Дочь коменданта Петропавловской крепости генерала Ивана Никитича Скобелева (1778–1849), известного автора рассказов и повестей на военную тему, Вера Ивановна (1824–1897), фрейлина императрицы Александры Федоровны, вышла замуж за блиставшего тогда при дворе штаб-ротмистра Константина Федоровича Опочинина (1808–1848), сына обер-гофмейстера Высочайшего Двора Федора Петровича Опочинина (1779–1852).

^{lxxx} Вторым издателем «Северной пчелы» был Н. И. Греч.

^{lxxxi} Плетнев называет писателя и драматурга барона Егора Федоровича Розена (1800–1860) «нашим», т. к. тот на протяжении 1835–1840 гг. занимал должность секретаря наследника престола.

^{lxxxii} Статья, о которой говорит Плетнев, была опубликована в «Северной пчеле» в день написания письма: Журнальная мозаика // Северная пчела. 1840. № 82 (11 апреля). С. 1–2.

^{lxxxiii} Все императорское семейство в это время выехало в Берлин для прощания с умирающим королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III, отцом императрицы Александры Федоровны.

^{lxxxiv} Князь Михаил Александрович Дондуков-Корсаков (1794–1869), в 1834–1842 гг. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа.

^{lxxxv} Светлейший князь Григорий Петрович Волконский (1808–1882), в 1839–1842 гг. помощник попечителя Санкт-Петербургского учебного округа.

^{lxxxvi} В январе-феврале 1840 г. Плетнев был избран и утвержден в должности ректора Санкт-Петербургского университета (см.: *Зиновьева А. П., Жуковская Т. Н.* Переписка П. А. Плетнева и Я. К. Грота... С. 107).

^{lxxxvii} На празднование двухсотлетнего юбилея Гельсингфорского университета от Санкт-Петербургского университета была направлена делегация, состоявшая из ректора (П. А. Плетнева) и шести студентов (см.: *Зиновьева А. П., Жуковская Т. Н.* Переписка П. А. Плетнева и Я. К. Грота... С. 113). Гельсингфорский университет основан королевой Христиной в 1640 г. в Або под названием Королевская академия Або. В 1827 г. после постигшего ее пожара академия указом Николая I была переведена в Гельсингфорс, и на ее основе был создан университет.

^{lxxxviii} Дочь Плетнева Ольга (1830–1852).

^{lxxix} Знаменитое имение Фалль в 30 верстах от Ревеля принадлежало тестю Г. П. Волконского А. Х. Бенкендорфу.

^{lxxx} Промоции — торжественный академический ритуал возведения в ученую степень.

^{lxxxi} Граф Роберт Иванович Ребиндер (1777–1841) — министр-статс-секретарь по делам Великого княжества Финляндского, высшее должностное лицо по управлению Финляндией.

^{lxxxii} По уставу Императорского Александровского (Гельсингфорского) университета главой университета являлся назначаемый императором канцлер. Начиная с великого князя Николая Павловича, им традиционно становился наследник престола. В 1826–1855 гг. канцлером Гельсингфорского университета был великий князь Александр Николаевич.

^{lxxxiii} Речь идет о С. А. Юрьевиче.

^{lxxxiv} Князь Александр Иванович Барятинский (1815–1879), будущий фельдмаршал, победитель Шамиля, с 1836 г. состоял в свите наследника престола.

^{lxxxv} Ср. описание аналогичного экипажа для поездок по Павловскому парку в мемуарах великой княгини Ольги Николаевны: «Мы ездили в одной коляске, называвшейся “линейкой”, таких не видно больше теперь. Она походила на канapé “dos a dos” (спина к спине (*фр.*)) и имела восемь мест, которые были расположены так низко, что можно было легко, без посторонней помощи, влезать и слезать» (Сон юности. С. 193).

^{lxxxvi} Александрия — дворцово-парковый комплекс в Петергофе, собственная Его Императорского Величества дача. См. о ней в письме Плетнева наследнику престола от 23 июня 1837 г. (*Долгушин Д. В.* «Не удивляйтесь, Ваше Высочество...». С. 450–451).

^{lxxxvii} Речь идет либо о Козьем зверинце на северо-западе, либо о Заячьем ремизе на юге Английского парка в Петергофе.

^{lxxxviii} Речь идет о лагере, который устраивался под Петергофом для Санкт-петербургских кадетских корпусов.

^{lxxxix} Имеется в виду Петергофская гранильная фабрика, в одном из филиалов которой в 1814 г. было открыто бумажное производство.

^{xc} Здание фермы в парке П. Г. Ольденбургского, построенное по проекту В. П. Стасова, «сочетало в себе функции фермы и дворца». Жилые помещения в нем были расположены рядом с помещениями, в которых содержался скот (по рекомендации врачей, считавших, что запах навоза целителен для больных туберкулезом, — этой болезнью болела мать принца), чтобы попасть в столовую, нужно было пройти через коровник. «Ферма была окружена большим пейзажным парком, с чередующимися открытыми и тенистыми простран-

ствами, с двумя прудами и каналами». См. исследование о ферме и парке П. Г. Ольденбургского, проведенное по архивным материалам специалистом-архитектором, откуда и заимствованы приведенные выше цитаты: Ферма и парк принца П. Г. Ольденбургского // <https://www.citywalls.ru/house34222.html>.

^{xcі} Первое знакомство императорского семейства с невестой цесаревича произошло 4 июня 1840 г. во Франкфурте-на-Майне (см.: *Татищев С. С.* Император Александр II. С. 109).

^{xcіі} Речь идет о тексте рескрипта, проект которого Плетнев приводит ниже. В канцелярии наследника престола этот текст подвергся довольно значительной редактуре и затем был направлен в Гельсингфорсский университет (итоговый текст рескрипта см.: *Современник*. 1840. Т. 20. С. 22–23).

^{xcііі} Об обстоятельствах этого уведомления см. в письме Я. К. Грота Плетневу от 7 августа 1840 г. (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 1. СПб., 1896. С. 9).

^{xcііі} Речь идет об указе 6 августа 1809 г. об экзаменах на чин, изданном Александром I, действительно, вскоре после поездки в Финляндию в июле 1809 г.

^{xcіv} Описанию юбилейных торжеств в Гельсингфорсе 3 (15) июля 1840 г. Плетнев посвятил обширную статью в «Современнике»: [*Плетнев П. А.*] Двухсотлетний юбилей Александровского университета // *Современник*. 1840. Т. 20. С. 1–23 (первой нумерации). Рассказ о празднике в комментируемом письме текстуально близок этой статье.

^{xcv} Министр-статс-секретарь по делам Великого княжества Финляндского Р. И. Ребиндер в отсутствие канцлера Александровского (Гельсингфорсского) университета замещал его.

^{xcvi} Александр Петрович Теслев (1781–1847) — генерал-лейтенант, вице-канцлер Александровского (Гельсингфорсского) университета.

^{xcvii} Подробный рассказ о том, как выглядели университетские здания в Гельсингфорсе в 1840 г. см.: *Грот Я. К.* Воспоминания Александровского университета // *Труды Я. К. Грота*. Т. 1: Из скандинавского и финского мира. СПб., 1898. С. 229–231.

^{xcviii} Номер этой газеты был переслан Плетневу Я. К. Гротом через А. О. Ишимову. Наблюдения над переводом, которые Плетнев излагает ниже, также заимствованы им из письма Грота к Ишимовой; см.: *Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым*. Т. 1. С. 12.

^{xcix} Публикация была осуществлена при содействии Я. К. Грота, история ее изложена в письме Грота Плетневу 11–12 августа 1840 г. (*Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым*. Т. 1. С. 13–14).

^c Фредерик Сигнеус (1807–1881) — финский поэт, педагог, историк, деятель финского национального движения. Плетнев познакомился и подружился с ним во время пребывания на юбилее Александровского университета. Грот также высоко ценил Сигнеуса и дружил с ним.

^{ci} Отец Ф. Сигнеуса — Закариас Сигнеус (1763–1830), с 1820 г. лютеранский епископ Санкт-Петербурга.

^{cii} В то время Ф. Сигнеус был доцентом Александровского университета и ректором высшей элементарной школы в Гельсингфорсе (см.: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 1. С. 3). В письме от 20 августа 1840 г. Грот сообщал Плетневу, что Сигнеусу было очень приятно, что Плетнев рассказал о нем наследнику престола (см.: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 1. С. 25).

^{ciii} Прозаический перевод стихотворения на русский язык, сделанный Я. К. Гротом со шведского оригинала, был опубликован в статье Грота «Литературные новости в Финляндии» (Современник. 1840. Т. 20. С. 81–85).

^{civ} Модест Андреевич Корф (1800–1876) в 1839–1843 гг. занимал должность государственного секретаря и возглавлял государственную канцелярию, готовившую дела к рассмотрению в общем собрании Государственного совета.

^{cv} Яков Карлович Грот (1812–1893) — выдающийся филолог и историк, друг П. А. Плетнева и его постоянный корреспондент. Окончил Царскосельский Лицей в 1832 г.

^{cvi} В 1840–1841 гг. Грот состоял чиновником особых поручений при министре-статс-секретаре по делам Великого княжества Финляндского Р. И. Ребиндере. В апреле 1841 г. он был утвержден в должности инспектора финляндских школ по преподаванию русского языка и был назначен профессором кафедры русского языка и словесности Гельсингфорского университета (см.: *Зиновьева А. П., Жуковская Т. Н.* Переписка П. А. Плетнева и Я. К. Грота... С. 109).

^{cvi} Действительно, в 1840–1841 гг. в «Современнике» появились многочисленные материалы о Финляндии, подготовленные Я. К. Гротом (Литературные новости в Финляндии: Письмо из Гельсингфорса // Современник. 1840. Т. 20. С. 24–85 (первой нумерации); Стрелки оленей, поэма Руненберга // Современник. 1841. Т. 22. С. 1–67 (второй нумерации); Борго // Современник. 1841. Т. 22. С. 176–180 (третьей нумерации); Надежда, поэма Руненберга // Современник. 1841. Т. 24. С. 49–89 (первой нумерации)).

^{cviii} Имеется в виду поздравление с именинами, которые великий князь Александр Николаевич праздновал на день памяти св. Александра Невского, 30 сентября.

^{cix} Речь идет о приезде принцессы Марии Гессенской, невесты наследника престола.

^{cx} Подробности бала, о которых рассказывает Плетнев, он узнал из письма Я. К. Грота (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. СПб., 1896. С. 689), полученного им 1 марта 1846 г. 2 марта 1846 г. Плетнев писал Гроту: «Описание праздника в честь шефа Финского стрелкового батальона так сильно-радостно подействовало на меня, что я вчера же не удержался и написал об этом к его августейшему родителю. Не думаю, чтобы усердие принято было не с благоволением, даже будь оно неуместно» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. С. 693). И действительно, письмо Плетнева вызвало самую доброжелательную реакцию. Цесаревич пригласил его к себе 3 сентября, долго разговаривал с ним, вспоминал детство и был очень доволен описанием полкового праздника. В письме Гроту от 6 марта 1846 г. он писал: «Следствием письменного моего уведомления вашего канцлера о празднике, бывшем в честь августейшего шефа, было то, что когда вечером от Александры Осиповны возвратился я домой, то швейцар объявил мне, что завтра в 9 часов утра наследник просит меня к себе. <...> Великий князь чрезвычайно доволен был подробностями о вашем празднике и спрашивал, кто мне описал его. Когда я назвал тебя, то он сказал, что он так и думал» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. С. 696).

^{cxі} Шефом Лейб-гвардии Финского стрелкового полка был сын наследника престола великий князь Александр Александрович (будущий Александр III), которому во вторник 26 февраля 1846 г. исполнился один год.

^{cxіі} Шведским словом «социететсгус», Societätshus (букв. «дом общества») в Швеции и Финляндии называли заведения с помещениями для общественных мероприятий, балов, банкетов и т. п. В письме Плетнева речь идет о здании, построенном на Рыночной площади в Гельсингфорсе в 1833 г. Здесь имелись банкетные залы, способные вместить до 1600 человек.

^{cxііі} Об обстоятельствах, при которых было получено это поручение, Плетнев подробно рассказывает в письме Я. К. Гроту 17 мая 1847 г.: «Вчера утренний кофе пил у вашего канцлера (т. е. у наследника престола. — Д. Д.). Мне хотелось особенно переговорить с ним касательно Жуковского, от которого накануне я получил письмо. <...> Тебе известно, что в нынешнем году ровно 50 лет, как явилось в печати первое сочинение Жуковского. Мне хотелось сообщить это известие августейшему его воспитаннику, в предположении, не примет ли он участие в составлении литературного праздника. Великий князь охотно изъявил на то согласие свое и даже поручил мне на

бумаге изложить для него мои о том мысли. Мне и хотелось этого. Возвратясь домой, я написал записку и при письме отправил ее к цесаревичу» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 3. СПб., 1896. С. 76). Судя по всему, предложения Плетнева нашли поддержку у цесаревича. 4 августа 1847 г., рассказывая в письме Жуковскому концепцию задуманного им юбилейного торжества, Плетнев писал: «В[еликий] к[нязь] Наследник вполне одобрил мою мысль» (Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Т. 3. СПб., 1885. С. 589)

^{cxiv} Юбилей И. А. Крылова был отпразднован 2 февраля 1838 г. См. о нем: Долгушин Д. В. Литературный юбилей...; Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Крыловский юбилей 1838 г. как культурный и идеологический феномен.

^{cxv} Первые опубликованные произведения В. А. Жуковского — стихотворение «Майское утро» и прозаический отрывок «Мысли при гробнице», напечатанные в ч. 16 журнала «Приятное и полезное препровождение времени» в 1797 г.

^{cxvi} Речь идет о стихотворении Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812), получившем всенародное признание.

^{cxvii} Жуковский окончил перевод первых 12 песен «Одиссеи» в 1845 г.

^{cxviii} С 1841 г. Жуковский жил в Германии, куда он выехал для женитьбы на Елизавете фон Рейтерн.

^{cxix} Это намерение Жуковского не осуществилось, и в конечном итоге его юбилей был отпразднован в отсутствие юбиляра 29 января 1849 г. Описание его см. в письме Плетнева Гроту: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 3. С. 380–381.

^{cxx} Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864) и Петр Андреевич Вяземский (1792–1878) — близкие друзья Жуковского еще с ранней юности, Сергей Семенович Уваров (1786–1855) — товарищ по «Арзамасу».

Список литературы

- Высочков Л. В. Будни и праздники императорского двора. СПб., 2012. 496 с.
- Голицын А. Н. Донесения князя императору Николаю I / Публ. А. Н. Сидоровой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. [Т. 20]. М., 2011. С. 304–363.
- Грот Я. К. Воспоминания Александровского университета // Труды Я. К. Грота. Т. 1: Из скандинавского и финского мира. СПб., 1898. С. 185–247.

- 12 октября 1838 года, юбилей пятидесятилетней службы Карла Федоровича Клингенберга, генерал-лейтенанта и разных орденов кавалера, исправляющего должность главного директора Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка и директора Павловского кадетского корпуса. [СПб., 1838]. 30, [4] с.
- Долгушин Д. В.* Литературный юбилей как явление русской культуры конца 1830-х — начала 1860-х гг.: И. А. Крылов, В. А. Жуковский, Н. И. Греч, П. А. Вяземский // *Классика и канон в русской литературе: Юбилейт.* София, 2015. С. 192–199.
- Долгушин Д. В.* «Не удивляйтесь, Ваше Высочество, что я обременяю Вас такими длинными письмами...»: Письма П. А. Плетнева наследнику престола. Статья первая // *Литература и история в контексте археографии.* Новосибирск, 2022. С. 452–457. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 41).
- Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. 768 с.
- Журнальная мозаика // Северная пчела.* 1840. № 82 (11 апреля). С. 1–2.
- Зимин И.* Детский мир императорских резиденций: Быт монархов и их окружение. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.; СПб., 2010. 571 с.
- Зимин И. В.* Территория детства // *A maximus ad minima.* Малые формы в историческом ландшафте: Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2017. С. 203–205.
- Зиновьева А. П., Жуковская Т. Н.* Переписка П. А. Плетнева и Я. К. Грота как источник по истории университетов и университетских связей первой половины XIX века // *Труды Кольского научного центра РАН.* 2021. № 1 (20). С. 103–123.
- Кузьмин Ю. А.* Российская императорская фамилия (1797–1917): Биобиблиографический справочник. СПб., 2011. 440 с.
- Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999. 572 с.
- Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* Крыловский юбилей 1838 г. как культурный и идеологический феномен // *Транснациональное в русской культуре: Сборник статей [на основе докладов пятнадцатой совместной конференции Тартусского и Хельсинкского университетов, август 2015 г.]*. М., 2018. С. 6–83.
- Переписка великой княгини Марии Николаевны с В. А. Жуковским // Русский архив.* 1895. Т. 87. С. 421–444.

- Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 1. СПб., 1896. 704 с.; Т. 2. СПб., 1896. 968 с.; Т. 3. СПб., 1896. 854 с.
- Плетнев П. А.* 12 октября 1838 г. Юбилей Клингенберга // *Современник*. 1838. Т. 12. С. 23–33 (первой нумерации).
- [*Плетнев П. А.*] Двухсотлетний юбилей Александровского университета // *Современник*. 1840. Т. 20. С. 1–23 (первой нумерации).
- Плетнев П. А.* Сочинения и переписка. Т. 3. СПб., 1885. 746 с.
- Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. / Изд. подг. С. В. Житомирская. М., 1989. 789 с.
- Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны (1825–1846) // *Николай I: Муж. Отец. Император*. М., 2000. С. 174–329.
- Татищев С. С.* Император Александр II: Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. 538 с.

Е. В. КОМЛЕВА

Институт истории СО РАН, Новосибирск

**«ДА ПОМОЖЕТ ВАМ ГОСПОДЬ ПОДВИЗАТЬСЯ
НА ПОПРИЩЕ КОММЕРЦИИ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ»:
ПИСЬМА ПЕРВОГО ЕПИСКОПА ЕНИСЕЙСКОГО
И КРАСНОЯРСКОГО НИКОДИМА (КАЗАНЦЕВА)
КУПЦУ М. К. СИДОРОВУ
(1860 — НАЧАЛО 1870-х годов)***

Публикуются пять писем первого епископа Енисейского и Красноярского Никодима (Казанцева) купцу М. К. Сидорову, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук и датирующиеся 1860-ми — началом 1870-х гг. В совокупности с текстами из личного фонда М. К. Сидорова в Российском государственном историческом архиве данные источники формируют эпистолярный комплекс, свидетельствующий о духовной близости и общих интересах двух выдающихся современников — православного иерарха и крупного предпринимателя. В частности, в переписке нашло отражение единство их взглядов на ряд основополагающих вопросов, связанных с существованием и развитием России: обеспокоенность ходом освоения северных регионов, осознание необходимости вовлечения сибирских аборигенных этносов в единое социокультурное пространство империи, сопоставление нравственных качеств русского народа с западноевропейцами. Помимо этого, знакомство с сохранившимися письмами позволяет получить представление о повседневной жизни и заботах корреспондентов, круге их общения.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, епископ Красноярский и Енисейский Никодим (Казанцев), купечество, Михаил Константинович Сидоров, переписка, сотрудничество, мировоззрение, освоение Русского Севера.

Епископ Никодим (Казанцев; 1803–1874), первым возглавивший образованную в 1861 г. Енисейскую и Красноярскую епархию с центром в губернском городе Красноярске, оставил после себя богатое рукописное наследие, в том числе тексты личного характера: дневники, воспоминания, письма разным лицам. Частично вышедшие из-под его пера рукописи были опубликованы,¹ однако далеко не все.

* Исследование выполнено при поддержке РФФ в рамках проекта № 22-78-10135 «Возникновение и развитие автобиографической традиции в русской письменной культуре конца XVI — начала XX в. в контексте изучения изменений в сознании человека эпохи Нового времени».

¹ Обзор и анализ ряда этих публикаций представлены в следующих работах: *Антипов М. А.* Записки первого Енисейского епископа Никодима (Казанцева) как новые источники по истории российской иерархии XIX века // *Возрожденная епархия*. Вып. 1. Красноярск, 2005. С. 28–31; *Матханова Н. П.* Записки Никодима (Казанцева), епископа Енисейского и Красноярского // *Традиции и современность*. 2007. № 7. С. 84–96.

В центре нашего внимания отложившиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук обращения Владыки к известному купцу, исследователю Русского Севера Михаилу Константиновичу Сидорову (1823–1887).² Двух этих во многих отношениях выдающихся современников связывали искренняя приверженность идеалам Православия, деятельное участие в церковной жизни, горячая любовь к России, сопереживание о судьбе северных территорий империи. Все это хорошо видно при чтении оставленных ими взаимных посланий. Несколько ранее мы уже представили к печати два черновых письма М. К. Сидорова, адресованных епископу Никодиму и находящихся в фондах Российского государственного исторического архива.³ Знакомство как с ними, так и с предлагаемыми вниманию читателей в данной публикации текстами позволяет оценить весь сохранившийся эпистолярный комплекс в совокупности, с различных сторон раскрывая характер и мировоззрение корреспондентов, их интересы и повседневные заботы на протяжении 1860-х — начала 1870-х гг.

Всего выявлено пять писем епископа Никодима М. К. Сидорову, однако, как следует из ряда встречающихся в них упоминаний, помет, а также черновиков М. К. Сидорова (датируемых 31 марта 1864 г.⁴ и 12 декабря 1867 г.⁵), их переписка этим не ограничивалась. По преимуществу обмен корреспонденцией происходил во время деловых поездок Михаила Константиновича из Красноярска в Москву и Санкт-Петербург — именно к таким периодам относятся два первых текста (конец 1863 г.) и два последующих (1867 г.). Будучи в доверительных отношениях с М. К. Сидоровым, Владыка обращался к нему с различными касающимися епархии поручениями и личными просьбами (тексты от 1863 г. похожи скорее на краткие деловые записки, но и они в определенной мере раскрывают и общие интересы, и взаимную приязнь). Общение продолжилось и после отъезда архипастыря из Сибири: последнее из обнаруженных писем датируется 1871 г., когда он уже находился на покое в Николо-Перервинском монастыре под Москвой. Причем трогательное, неформальное обращение к адресату говорит о тех теплых чувствах, симпатии и сопереживании, которые возникли и окрепли на протяжении нескольких лет знакомства:

² СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 1248. Л. 1–8.

³ *Комлева Е. В.* «С глубочайшим почтением и совершеннейшею преданностью»: Из переписки купца М. К. Сидорова с первым епископом Енисейским и Красноярским Никодимом (Казанцевым) (1860-е годы) // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета (в печати).

⁴ РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 22. Л. 27–30.

⁵ РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2.

«Добрейший Михаил Константинович! Простите старику, болезненному и ленивому. Не оправдываюсь в долгом молчании: виноват».⁶ Надо сказать, что добрую память о первом главе епархии сохраняли и другие красноярцы — в 1871 г. Владыка отмечал: «Красноярские доселе не забывают меня перепискою».⁷

Среди затрагиваемых в рассматриваемых текстах сюжетов открытие школы для детей инородцев при Туруханском Троицком мужском монастыре; конфликт вокруг енисейской Христорожественской церкви, которую прихожане, включая влиятельных местных купцов, требовали вывести из ведения находившегося при ней женского монастыря (странный, не до конца понятный инцидент, кратко упоминаемый и в другом источнике⁸); покупка М. К. Сидоровым по просьбе Владыки Никодима — большого любителя путешествий и знакомств с новыми местами — подзорной трубы; съезд духовенства в Красноярске; воспоминания о жизни в Сибири (в частности, удивительно созвучны с нашим временем слова: «В мои восемь лет, которые я прожил в Красноярске, мы обычно тосковали летом о засухе, о бездожде... Я тосковал, дыша изгарью палов, коими с марта по ноябрь охватывается обычно Сибирь... Боюсь, что в близкое время Сибирь обратят в опаленную пустыню, и в ней нельзя будет жить»⁹).

Особенно сильно в переписке звучит северная тема, связанная с Туруханским краем, о судьбе которого переживали и епископ Никодим, и М. К. Сидоров. Вспоминая свое посещение этого далекого и сурового региона, Владыка писал: «Там дети ума и знания. Меня принимали как Ангела Божия. Дивились, что даю, а не граблю, обхожусь ласково, а не бью».¹⁰ В то же время он выражал и обеспокоенность: «Но, каж[ется], скоро делается совсем без людей Туруханский край... Лишаются возможности существования».¹¹

В одном из писем, обращаясь к М. К. Сидорову, Владыка пишет: «Да поможет Вам Господь подвизаться на поприще коммерции и гражданственности»,¹² в другом обозначает своего корреспондента как «гражданина красноярского».¹³ Эта отсылка к активной гражданской позиции М. К. Сидорова в сочетании с упоминанием основной

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 1248. Л. 1.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 1248. Л. 1.

⁸ *Кытманов А. И.* Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии: 1594–1893 год / Вступ. ст. Л. П. Бердникова. Красноярск, 2016. С. 425–426, 444–445.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 1248. Л. 1 об.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 1248. Л. 1 об.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 1248. Л. 1 об.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 1248. Л. 2.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 1248. Л. 4.



1979 г.

сферой его деятельности — торговли и предпринимательства, конечно, не была случайной. Уже во второй половине XVIII в. среди русского купечества сложились устойчивые представления о пользе купцов и купеческой коммерции для развития общества, и государства, что, как видим,

разделяли и многие представители других социальных слоев. Эти идеи сохранялись и продолжали развиваться на протяжении всего последующего столетия. Неслучайно епископ Никодим поддерживал инициативы М. К. Сидорова по поиску прохода по северным морям, видя в этом несомненную выгоду для страны. Будучи и сам, как предстоятель обширной сибирской епархии, заинтересован в утверждении и распространении православия на енисейском севере, Владыка, несомненно, ценил усилия своего корреспондента, видя в его лице деятельного помощника.

Показательна и оценка Владыкой простого народа, как «наших добрых, но простеньких русских»,¹⁴ которых корыстолюбцы могли легко обмануть, а России в целом — как «сияющей среди так называемых просвещенных народов чистотою нравов и благочестием».¹⁵ Эти утверждения перекликаются с мыслями участника первого русского кругосветного плавания приказчика Российско-Американской компании московского купца Ф. И. Шемелина, которые он еще в начале XIX в. изложил в своем путевом дневнике, в крайне негативном ключе рассматривая торговую деятельность находившихся в авангарде «просвещенных» народов англичан.¹⁶

В целом обозначенные в письмах интересы их автора, высказанные замечания, использованные эпитеты свидетельствуют о взглядах и повседневной жизни одного из известнейших и уважаемых иерар-

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 1248. Л. 1 об.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 1248. Л. 2.

¹⁶ РНБ. F.IV.59/1: Журнал 1803 года Российско-Американской компании, под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством пребывающей, приказчика Шемелина, со дня первоначального его вояжа по торговым отношениям оной Компании из Санкт-Петербурга в Японию и Китай, по снятии с якорей фрегатов Надежды и Невы с Кронштадтской рейды (1803–1804 гг.). Л. 33, 103; см. также: *Матханова Н. П., Комлева Е. В.* Купец Ф. И. Шемелин и его «Журнал» // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2018. № 52. С. 121–131.

хов Русской Православной Церкви XIX в., его тесных контактах с ярким представителем купеческой среды, их взаимосвязанной деятельностью, направленной на экономическое и духовное укрепление российского государства.

Все тексты представляют собой беловики, написанные на сложенных вдвое листах формата 21 × 17,5 см. Первые четыре письма написаны темно-коричневыми чернилами мелким, с наклоном вправо почерком на тонкой желтоватой бумаге; последнее — черными чернилами на плотной сероватой бумаге с цветным изображением Троице-Сергиевой лавры. Во всех случаях видны следы сгиба вчетверо для отправки. При публикации орфография и пунктуация приведены в соответствии с нормами современного русского языка. Сокращенные части слов восстановлены в квадратных скобках, опiski исправлены без оговорок, авторские подчеркивания и верхний регистр сохранены. Тексты расположены по хронологии, названия даны нами.

№ 1

Письмо епископа Енисейского и Красноярского
Никодима (Казанцева) М. К. Сидорову
от 28 декабря 1863 г. об устройстве училища
при Туруханском Троицком мужском монастыре

Ваше Благородие Михаил Константинович!
Милостивый Государь!

Честь имею препроводить к Вам для сведения Вашего копию с проводящегося в Енисейской дух[овной] консисторииⁱ дела о устройстве училища для инородцев Туруханского края на пожертвованную Вами сумму.ⁱⁱ

Призывая на Вас, на семейство Ваше и на все дела Ваши благословение Божие, есмь Вашего Благородия Богомолец и Слуга,

Никодим, Епископ Енисейский и Красноярский
28 декабря 1863 года

г. Красноярск

Михаилу Константиновичу Сидорову,
гражданину красноярскому

СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 1248. Л. 4

Пометы: сверху справа красным карандашом, крупно Къ 12му; основной текст слева выделен вертикальной чертой простым карандашом и цифрой 3; внизу слева над датой крупно написано № 2205.

№ 2

Письмо епископа Енисейского и Красноярского
Никодима (Казанцева) М. К. Сидорову
от 31 декабря 1863 г. об устройстве училища
при Туруханском Троицком мужском монастыре

Ваше Благородие Михаил Константинович!

Приняв с благодарностию тысячу рублей серебром, назначенные Вами для содержания и устройства училища для детей инородцев при Туруханском монастыре, я вчера же сдал их в Дух[овную] консисторию для употребления по назначению.

С совершенным почтением имею честь быть Вашего Благородия покорнейшим слугою,

Никодим, Епископ Енисейский и Красноярский
31 Декабря 1863 года
г. Красноярск

СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 1248. Л. 3

*Пометы: сверху слева простым карандашом крупно написано 5, по-
верх красным карандашом исправлено на Къ 12му; с правого края ос-
новной текст записки выделен нарисованной простым карандашом
вертикальной чертой и подписано 5; над датой написания письма
крупно написано № 2244.*

№ 3

Письмо епископа Енисейского и Красноярского Никодима
(Казанцева) М. К. Сидорову от 3 сентября 1867 г. с просьбой
о покупке подзорной трубы и событиях в епархии

Ваше Благородие Михаил Константинович!

Юноша ^аЕвстафий Корнер^б о котором я писал Вам в прошедшем письме (от 20 августа),ⁱⁱⁱ выехал из Петербурга. Между тем, я послал ему ^всто рублей.^г Чтобы не возвращать сии деньги ко мне, я просил здешнюю почтовую контору сообщить в С.-Петербургский почтамт, чтобы те сто рублей были выданы Вам, Михаил Константинович.

Прошу не погневаться за порученность.

Вместе с сим я прошу Вас, Михаил Константинович, сии сто руб-
лей употребить^д на покупку для меня хорошей ^еподзорной трубки.^ж
При моих разъездах по нашей великолепной видами епархии инте-
ресно полюбоваться рассматриванием в подзорную трубу.

^{а-б} подчеркнуто красным карандашом; ^{в-г} подчеркнуто красным карандашом; ^д на-
писано над строкой; ^{е-ж} подчеркнуто чернилами автором письма;

Если нужно будет и прибавить, до 50 рублей, я прошу меня сим одолжить. Я же с благодарностию возвращаю.

Желательно, чтобы труба соединяла два условия: а) хорошо и далеко предметы показывала бы,³ б) не была бы слишком грузна и огромна. Я имею трубу в аршин длиною и очень нелегкую, а между тем она показывает неясно даже и не очень далекие предметы.

Надобно, чтоб была подставка (штатив).

Пересылка по почте — мой счет. Я только прошу поручить укупорку знающему человеку.^{iv}

Я имею дело по Енисейску в Синоде. Прихожане Енисейского девичья монастыря — Христорождественского — усиливаются у монастыря отнять единственную церковь — Рождества Христова, стоящую среди монастыря.^v Уверяют в своем прошении Синод, [что] якобы монастырь к их церкви пристал неведомо как и недавно; просят либо упразднить монастырь, либо вывести его от их церкви и города. Я отвечал на сии мечты прихожан всеми документами, какие мне [удалось] собрать, утверждая, что монастырь современен самому городу.

Еще в ноябре 1865 года я отослал в Синод сие дело и мое представление, ответа не получил доселе. На вопрос мой г-на прокурора^{vi} о сем мне в начале сего года дан ответ: «Дело в производстве».

Недавно услышал я, будто беспокойные из енисейских послали в Петербург агента по сему делу с тем, чтоб убеждениями из кошелька достигнуть желаемого ими. Меня это удивило.

Сообщаю о сем для Вашего сведения с тем, что, если удобно Вам будет когда-либо, навестись о сем у Михаила Абрамовича Воскресенского,^{vii} ныне уже вице-директора канцелярии обер-прокурора Св[ятейшего] Синода (кланяюсь ему), и, если будет нужно, оказать благородную христианскую помощь — без всяких прибавлений.

Главный противник наш в Енисейске и сочинитель прошений — Василий Попов,^{viii} купец 2^й гильдии, прихожанин Христорождественской церкви. Недавно услышал, будто Алексей Софронович Баландин^{ix} — енисейский — принимает горячее участие в сем деле в пользу прихожан в Петербурге. Удивляюсь. Он и не прихожанин этой церкви.

Да хранит Вас Господь, Михаил Константинович!
Вашего Благородия богомолец и слуга,

Епископ Никодим

3 сентября 1867
Красноярск

У нас в Красноярске съезд: отцы духовные из епархии, до 30^{ти}, съехались, по новому уставу,^x на совещание и устройство духовного училища по новому уставу. Даже замышляют основать в Красноярске и семинарию. О если бы! Для епархии и для православия была бы выгода. Но, кажется, мы этого сделать не в силах по малолюдству нашему (у нас всего 170 приходов) и по ограниченным способам нашим. А впрочем — в деснице Божией будущее наше.

СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 1248. Л. 7–8. Подлинник

Пометы: на л. 8 об. с левого края сверху по вертикали неразборчиво карандашом почерком М. К. Сидорова написаны два слова.

№ 4

Письмо епископа Енисейского и Красноярского
Никодима (Казанцева) М. К. Сидорову
от 15 ноября 1867 г. о покупке подзорной трубы

Ваше Благородие Михаил Константинович,
Милостивый Государь!

Сто рублей, посланные мною в Петербург, за выбытием оттуда юноши Евстафия Корнер[а], на имя коего я их посылал, я просил Вас — Михаил Константинович — получить и затем просил на сии деньги купить мне подзорную трубу.

По распоряжениям С.-Петербургского почтамта, деньги сии я получил обратно.

Посему покорнейше прошу мою порученность Вам о покупке подзорной трубы, если уже она не куплена Вами, считать как бы не бывшую, потому что я для того и давал Вам сие поручение, что б куда-либо девать сто рублей, и не ожидая, чтобы они были мне возвращены.

Если же подзорная труба уже куплена и даже, может быть, и отослана ко мне, то покорнейше прошу известить меня о стоимости ее и о расходах на посылку.^{xi}

Да хранит Вас Господь милостию своею!

Вашего Благородия Богомолец и Слуга,

Никодим, Епископ Красноярский

15 ноября 1867 года

Красноярск

СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 1248. Л. 5

Письмо епископа Енисейского и Красноярского
 Никодима (Казанцева) М. К. Сидорову
 от 30 июня 1871 г. о жизни в Николо-Перервинском монастыре,
 Туруханском крае и Красноярске, нападках на М. К. Сидорова

Добрейший Михаил Константинович!

Простите старику, болезненному и ленивому. Не оправдываюсь в долгом молчании: виноват.

Уже год как я оставил мою Архиерейскую службу в Красноярске, за болезнями, не находя немалых^a сил служить обществу в сем великом сани.^{xii}

Живу в Перервинском монастыре, в 12^b верстах от Москвы.^{xiii} Владыка Московский^{xiv} приказал мне в этом монастыре дать приличное помещение. Я имею пять небольших комнат, в одной из них и домовую церковь: я покоен.

Живу воспоминанием прошедшего, чтением и молитвой, хотя хил и ленив есмь.

Благодарю Бога, что кончил мое служебное поприще тихо и без скорби. Красноярские доселе не забывают меня перепискою.

В сии дни, в которые пишу к Вам, преосвященный Красноярский Павел^{xv} плавает по Енисею и, может быть, в сии часы находится на самом крае Енисея, — у Толстого Носа^{xvi} (куда я не смел проникнуть^{xvii}). Полезное путешествие. Там дети ума и знания. Меня принимали как ангела Божия. Дивились, что даю, а не граблю, обхожусь ласково, а не бью.

Но каж[ется], скоро сделается совсем без людей Туруханский край... Лишаются возможности существования.

Я торопился, опасаясь быть застигнутым в Туруханске зимою (ложный страх: я был у них в конце июня). Преосвященный Павел мужественней меня.

В мои восемь лет, которые я прожил в Красноярске,^{xviii} мы обычно тосковали летом о засухе, о бездожжии: к прискорбию, и в Москве нынешнее лето тяжкая засуха. Нет дождей, все поникло.

В Красноярске я тосковал, дыша изгарью палов, коими с марта по ноябрь охватывается обычно Сибирь; здесь, слава Богу, нет палов. Леса зеленые густые, шелковистые. Боюсь, что в близкое время Сибирь обратят в опаленную пустыню, и в ней нельзя будет жить.

^a Неразб.; ^b неразб.

Не раз я читал в газетах о Вас, Михаил Константинович. Зная чистую душу Вашу, я скорбел, когда грозили Вам начетами или взысканием целого миллиона рублей: но видно, то была клевета, либо бесовское нападение на Ваши проекты, коими Вы грозили грабежу и обманам наших добрых, но простеньких русских.

Да поможет Вам Господь подвизаться на поприще коммерции и гражданственности, к пользе и счастью нашей дорогой России, сияющей среди так называемых просвещенных народов чистотою нравов и благочестием.

Мы же — смиренные Ваши молитвенники.

Да хранит Вас Господь!

Да будет благословение Божие над Вами, над супругою Вашою и над чадом Вашим.

Вашего Благородия Богомолец

Епископ Никодим,
бывший Красноярский

30 Июня 1871 г.

Перервинский Николаевский монастырь

1. Податель сего письма — студент С.-Петербургской дух[овной] академии Сергей Покровский — сын священника Енисейской епархии.

2. Адрес мне: «Епископу Никодиму в Перервинский монастырь, чрез Иверскую часовню в Москве».

СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 1248. Л. 1–2. Подлинник

Пометы: на первом листе сверху цветное изображение Троице-Сергиевой лавры; текст всего письма, кроме приветствия и прощания, выделен слева вертикальной чертой простым карандашом, на первом листе сверху справа карандашом рукой М. К. Сидорова написано: Отвечено 25 Июля, там же пометка: 8^б.

Комментарии

ⁱ Енисейская духовная консистория действовала с января 1862 г. (Малашин Г. В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск, 2011. С. 87).

ⁱⁱ Речь идет о пожертвовании М. К. Сидоровым тысячи рублей; училище просуществовало лишь до 1866 г. (по некоторым данным до 1867 г.) и закрылось из-за нехватки учителей и финансовых средств (Агафангел (Дайнеко), игумен. Свято-Троицкий Туруханский монастырь: 350 лет служения. М., 2010. С. 76–86).

ⁱⁱⁱ Сохранилось развернутое черновое письмо М. К. Сидорова от 12 декабря 1867 г. с выражением сожаления о том, что ему из-за за-

граничных поездок не удалось встретиться с Корнером (М. К. Сидоров пишет «Корнев») «и ему показать все, что бы он хотел» (РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 об.).

^{iv} В черновом письме М. К. Сидорова от 12 декабря 1867 г. сообщается, что он приобрел трубу с увеличением в 150 раз у О. Б. Рихтера — владельца оптико-механической мастерской в Петербурге (РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 11. Л. 1).

^v Енисейский Христорождественский женский монастырь основан в 1623 г.; после пожара 1869 г. отстроен заново, получив новое название — Иверский (по новой церкви в честь Иверской иконы Божией Матери).

^{vi} Обер-прокурором Святейшего Синода с июня 1865 г. был Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889).

^{vii} Михаил Абрамович Воскресенский († 1875) — с 1866 г. вице-директор канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода.

^{viii} Попов Василий Ефимович (род. 1805) — енисейский купец 3-й гильдии с 1855 г.

^{ix} Алексей Софронович Баландин (1823–1898) — один из крупнейших енисейских купцов второй половины XIX в., потомственный почетный гражданин, золотопромышленник и пароходовладелец.

^x Новый церковный устав — вероятно, имеется в виду произошедшее в 1867 г. упразднение деления епархий на епископства, архиепископства и митрополии и расширение самостоятельности епархиальных архиереев, в том числе надделение их правом «самостоятельно решать вопросы духовного образования в пределах своих епархий» (Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство: Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. С. 217).

^{xi} На л. 6 сохранился краткий карандашный набросок ответа, сделанный М. К. Сидоровым в декабре 1867 г., в котором сообщается об отправке в Красноярск подзорной трубы и семи книг.

^{xii} Владыка Никодим возглавлял Енисейскую и Красноярскую епархию с 18 сентября 1861 г. по 6 апреля 1870 г.

^{xiii} Николо-Перервинский мужской монастырь основан в конце XIV в. на берегу Москвы-реки, в месте, где она меняет свое русло, напротив с. Коломенского; в XIX в. при обители действовала духовная семинария, из стен которой вышли два московских митрополита, затем приходское и уездное училища, а с 1867 г. — Перервинское духовное училище. См.: Николо-Перервинская обитель: Краткий исторический обзор / Авт.-сост. С. А. Архипов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2018. С. 3, 9.

^{xiv} В 1871 г. митрополитом Московским и Коломенским был Иннокентий (Вениаминов; 1797–1879).

^{xv} Павел (Попов; 1813–1877) — епископ Енисейский и Красноярский в 1870–1873 гг.

^{xvi} Толстый Нос — самое северное селение в Туруханском крае, расположенное на Енисее, в 200 верстах (ок. 213 км) вниз по течению от Дудинки.

^{xvii} Владыка Никодим дважды объехал вверенную ему епархию. См.: *Малашин Г. В.* Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ. С. 7.

^{xviii} См. комментарий хii.

Список литературы

Агафангел (Дайнеко), игумен. Свято-Троицкий Туруханский монастырь: 350 лет служения. М., 2010. 208 с.

Антипов М. А. Записки первого Енисейского епископа Никодима (Казанцева) как новые источники по истории российской иерархии XIX века // Возрожденная епархия. Вып. 1. Красноярск, 2005. С. 28–31.

Комлева Е. В. «С глубочайшим почтением и совершеннейшею преданностью»: Из переписки купца М. К. Сидорова с первым епископом Енисейским и Красноярским Никодимом (Казанцевым) (1860-е годы) // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета (в печати).

Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии: 1594–1893 год / Вступ. ст. Л. П. Бердникова. Красноярск, 2016. 888 с.

Малашин Г. В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск, 2011. 480 с.

Матханова Н. П. Записки Никодима (Казанцева), епископа Енисейского и Красноярского // Традиции и современность. 2007. № 7. С. 84–96.

Матханова Н. П., Комлева Е. В. Купец Ф. И. Шемелин и его «Журнал» // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. С. 121–131.

Никола-Перервинская обитель: Краткий исторический обзор / Авт.-сост. С. А. Архипов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2018. 56 с.

Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство: Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. 480 с.

С. А. БЕЛОБОРОДОВ

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

**Малоизвестный источник по истории
ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ
БЕЛОКРИНИЦКОЙ ИЕРАРХИИ
1860-х — начала 1880-х гг.**

Статья посвящена событиям из ранней истории екатеринбургских старообрядцев, сторонников белокриницкой иерархии, нашедшим отражение в публикации анонимных заметок, изданных в 1881 г. в уральской газете. Показано, почему в наши дни эти заметки представляют значительную ценность как исторический источник. Установлено имя автора, приведено его краткое жизнеописание. Особое значение имеют комментарии к публикации, в которых раскрыты фамилии «действующих» персонажей, использованные в заметках в сокращенном виде. Во многих случаях реконструированы их краткие биографии.

Ключевые слова: Урал, старообрядцы белокриницкой иерархии, малоизвестный источник, Л. М. Ушков.

С Александром Христиановичем Элртом мои встречи были не очень частыми, но довольно регулярными (в основном на различных конференциях). Каждый раз я поражался его энциклопедичности, умению слушать и слышать собеседника. Не будучи специалистом по старообрядчеству, он не раз давал мне очень дельные советы, особенно когда речь шла об издании документов. Именно поэтому в сборник памяти А. Х. Элрта было принято решение подготовить публикацию источника, снабдив ее небольшим предисловием и комментариями.

* * *

В апреле 1881 г. в единственной на тот момент городской газете «Екатеринбургская неделя» была напечатана заметка анонимного автора «Памяти одного из старообрядцев».¹ Как нередко бывает с публикациями такого рода, через некоторое время о ней совершенно забыли. Она не была включена ни в какие библиографические списки и в наши дни оказалась практически неизвестной, в том числе и специалистам, занимающимся историей старообрядчества.

Вместе с тем заметка чрезвычайно любопытна, прежде всего обилием фактологического материала (в том числе с абсолютно новыми данными, касающимися некоторых ключевых фигур уральских

¹ Памяти одного из старообрядцев // Екатеринбургская неделя. 1881. № 13. С. 190–191.

«австрийцев»). Кроме того, в ней рассказывается об очень непростых событиях, происходивших в общине екатеринбургских старообрядцев, сторонников белокриницкой иерархии в 1860-е — начале 1880-х гг.² Особо отмечена роль, которую в этих изменениях сыграли «гуслики» — выходцы из Подмосквья. И наконец, в этом источнике содержатся замечательные сведения исторического (первые опубликованные биографии старообрядческих епископов) и этнографического характера (например, об обряде венчания у старообрядцев горнозаводского Урала).

Как удалось установить,³ автором заметки был старообрядец белокриницкого согласия Лев Михайлович Ушков (1849–1892).⁴ Он родился в Нижнем Тагиле, но вскоре его отец Михаил Клементьевич переселился в Екатеринбург и в 1857 г. основал Арамилскую суконную фабрику. Лев Михайлович не заканчивал учебных заведений, однако благодаря самообразованию стал очень грамотным человеком. В 1883 г. в Арамиле им была создана новая фирма «Товарищество Знаменской суконной фабрики братьев Ушковых», в которой Л. М. Ушков получил пост директора-распорядителя и одновременно записался в купцы 1-й гильдии. В 1885 г. он основал фабрику по производству ружейных пыжей, большая часть оборудования которой изобретена им самим.



Александр Христианович Элерт. 1985 г.

² О белокриницких в Екатеринбурге см.: *Белобородов С. А.* Австрийцы на Урале и Западной Сибири: Из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви — белокриницкого согласия // *Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий.* Екатеринбург, 2000. С. 136–172.

³ Формат статьи не позволяет подробно рассказать о процессе непростого научного поиска. Отметим лишь, что для установления имени автора использовался комплексный подход, основанный на текстологической и стилиметрической методике с привлечением библиографической истории.

⁴ *Микитюк В. П.* Наша гордость Л. М. Ушков // *Финансы и недвижимость.* 1996. № 11. С. 9; *Микитюк В. П.* Дельный охотник и «истинный любитель природы» Л. М. Ушков // *Туризм, спорт и бизнес.* 1996. № 4. С. 2–3; *Шилов А. В.* Из истории предпринимательства на Урале в XIX в.: Деятельность купцов и промышленников Ушковых // *Исследования по археологии и истории Урала.* Пермь, 1998. С. 102–111.

Л. М. Ушков участвовал в работе екатеринбургской городской Думы: гласный (1888–1891) и член городской управы (1891–1892). Принимал участие в разработке проекта Царского моста через Исеть. Страстный охотник, он был одним из учредителей «Екатеринбургского общества правильной охоты» (1887 г.). Автор многих статей в «Екатеринбургской неделе», «Охоте и природе», «Охотничьей газете».

В 1888 г. товарищество братьев Ушковых было объявлено несостоятельным, его имущество распродано с торгов. Находясь в состоянии депрессии, Л. М. Ушков покончил жизнь самоубийством.

Значительная часть событий, описанных в заметке, происходила на глазах Льва Михайловича, а в некоторых он принимал непосредственное участие, что делает публикуемый источник еще ценнее.

Памяти одного из старообрядцев

Во втором № «Екатеринбургской недели» была помещена статейка «Старообрядческие многострадальцы», где упоминается имя пресвященного Геннадия.ⁱ Это имя, как мне известно, тесно связано с развитием старообрядческого священства в Екатеринбурге, о чем я и намерен сказать ниже два-три слова.

В Екатеринбурге и его окрестностях старообрядческое священство существует сотни летⁱⁱ и, несмотря на строгое его преследование, как со стороны правительства, так и со стороны православного духовенства, ревностно поддерживалось Московским духовным советом и местными ревнителями старообрядчества. Но, несмотря на все это, в 1834 году оно пресёклось смертью священника Архиппа Нижнетагильского,ⁱⁱⁱ и для старообрядцев-поповцев настало время, так сказать, «междусвященства», и они до 1854 года, т. е. до прибытия в Екатеринбург священника Марка Московского,^{iv} оставались без священнодействия. За это время волей-неволей они сблизились со старообрядцами-беспоповцами, с которыми и составили одно нераздельное старообрядческое общество. Обряды богослужения вместо священника стали исполнять избранные старцы, а местами и старицы, и эти вновь испеченные попы стали именоваться «наставниками» и «наставницами», которых в короткое время расплодилось очень много повсюду. В обществе совместных старообрядцев появились раздор и несогласие; и оно скоро распалось на мелкие самостоятельные общества, потому что эти старцы и старицы между собой не поладили и стали преподавать свои учения, каждый согласуясь лишь с своими собственными взглядами и интересами. Каждому из них желательно было прибрать к своим рукам, т. е. присоединить к группе старообрядцев той общины, в которой сам он состоял настав-

ником, более богатые старообрядческие семейства, что им отчасти и удавалось. Но многие старообрядцы поняли вовремя цель их учений и не последовали их внушениям, а остались верными ревнителями: одни малой, а другие большой екатеринбургских старообрядческих часовен.

Обряды: исповедь, причастие Святых таин, венчание и крещение исполняли те же наставники и наставницы. Здесь нелишним считаю сказать о том обстоятельстве, что у старообрядцев-беспоповцев и поныне крещение младенцев состоит из одного погружения, т. е. без миропомазания. Для причастия Святые дары у них имеются с незапамятных времен; неистощимость их поддерживается ежегодным прибавлением в сосуд теплой воды, вина и просфоры, существование которой также вековое, хотя, говоря откровенно, и то и другое сомнительного происхождения. Наставники и наставницы уверяют, что их Святые дары и просфоры еще «архипповские», но эти уверения неправдоподобны, на том основании, что священник Архипп Нижнетагильский, как я выше сказал, умер еще в 1834 г. и не мог приготовить такое количество Святых даров, которое бы могло достать разным наставникам на такое долгое время, как с 1834 года по настоящий год.

Обряд венчания (вернее сказать, обряд сводного брака) скрепляется при богослужении. Сваты и свахи и весь свадебный персонал едут к избранному старцу, или в часовню, где и происходит церемония сводного брака, которая заключается в принесении теплой молитвы Богу, дабы он даровал молодой чете благоденствие в их жизни. С вечера пропоют всюнощную, утром обеденные часы, с приложением к ним 2–3 молебнов, а если свадьба побогаче, и чтобы сведение молодых было покрепче, так пропоют их 5 или 6; разумеется, и здесь наставником руководит то же корыстолюбие. По окончании молебнов на голову молодой наденут женскую повязку и поведут молодую чету к родителям под благословение хлебом и солью. Церемония эта происходит так: молодая чета по приходе к родителям преклоняет пред ними головы; мать или отец, благословив детище иконой, берет хлеб с солью, кладет на голову своего детища и говорит следующие слова: «От росы небесная, от влаги земная, буди на тебе рабе (имярек) благословение Божие и мое отчее (а мать говорит: “мое материнское”) всегда, и ныне, и присно, и во веки веков»; дети их говорят: «Аминь», кланяются родителям в ноги, и молодая чета готова к отведению их на брачное ложе. Старообрядцы-беспоповцы очень строги к нравственности своих детей, а потому они и стараются повенчать их на том возрасте, когда детище их по их усмотрению будет иметь возможность к исполнению супружеских обязанностей. В подобных браках зачастую новобрачные приходят в тупик при вопросе:

для чего они женились? Иногда живут девственниками два-три года, или до тех пор, пока природа не вступит в свои права.

Вот при такой-то обстановке старообрядчества, неожиданно для всех, в 1857 году и приехал в Екатеринбург преосвященный Геннадий с тем, чтобы восстановить священство в первобытном его состоянии. Понятно, что его миссии первыми воспротивились наставники и наставницы беспоповцев, видя, что с восстановлением священства их власть и доходная статья должны упраздниться. Благодаря их интригам, к учению Геннадия присоединялись очень тихо, но Геннадий не унывал: он верил в свою миссию как в правое дело, он надеялся на время, и надежды его вскоре оправдались на деле. Его учению последовал первым беспоповец В. Г-в,^v за ним старицы: Лариса,^{vi} Агафоклия^{vii} и Фаина^{viii} с своими братьями, затем С. Х-в,^{ix} П. К-в,^x а за ними уже многие «московские боголюбивые народы» (так называют переселившихся в Екатеринбург гуслицких жителей^{xi}) и за этими, после многих других, М. У-в,^{xii} так что чрез два-три года по прибытии Геннадия в Екатеринбург образовалось целое общество старообрядцев. Многие полагали, что миссия Геннадия окончена, но не так помышлял сам Геннадий; его план развития священства был широк: он намеревался развить его и в кругу именитых старообрядцев-беспоповцев Екатеринбурга. Но несмотря на тот ум, которым обладал Геннадий, его начитанность (Геннадий очень хорошо говорил по-гречески и даже переводил с этого языка), хладнокровие, быстрое и верное соображение и благочиние, он с именитыми беспоповцами поделаться ничего не мог, так они и по настоящее время остаются ими же. Какая причина этого — верно передать не могу: говорите, что будто бы беспоповцы оскорбились тем, что Геннадий не посетил их первыми, но это едва ли верно; скорее возможно предполагать, что это несогласие или нежелание последовать учению Геннадия, произошло благодаря интригам все тех же избранных старцев и стариц.

Несмотря на строгое преследование Геннадия предержавшими властями и православным духовенством, он неуныпно трудился о распространении священства в кругу беспоповцев, православного же верования он не касался. Он в короткое время основал несколько походных церквей и к ним рукоположил из своей братии священников. Благодаря своему уму, он без ропота со стороны ревнителей священства сумел упразднить беспоповские правила во время богослужения и заменить их установленными для того правилами семи вселенских соборов. Он любил правдивость, порицал и наказывал ложь и корыстолюбие и не подчинялся (как подчиняются в настоящее время некоторые старообрядческие священники) влиянию богатых старообрядцев: для него без исключения все были одинаково равны; вообще,

говоря откровенно, он был добрым и неподкупным пастырем своих овец, и при нем в старообрядчестве царили правдивость, тишина и спокойствие. Само собой разумеется, как бы энергичен ни был Геннадий, ему необходимо нужны были в его деле помощники; таковыми он имел священников Савватия^{xiii} и Константина,^{xiv} которые ныне оба имеют сан преосвященного, и прихожан М. У-ва и С. Х-ва.^{xv} Да, в то время старообрядцы-поповцы благоденствовали, но их благоденствие скоро нарушилось: 5 декабря 1862 г. Геннадий был арестован. Дальнейшая судьба его известна, а что стало после него в кругу старообрядцев — увидим ниже.

Странен факт преследования старообрядческого священства властями, но еще страннее преследование его православным духовенством, которому хорошо известно, что наш общий Учитель Иисус Христос проповедовал о вере правды не силой и властью, а духом кротости и словом правды.

Что же есть противного в веровании старообрядцев (я говорю о поповцах) — право, не знаю. Как мне известно, они первое слово молитвы произносят за государя императора, поминают его на проскомидии, ему поют многая лета, молятся о победе его над врагами и о благоденствии всего царствующего дома и непобедимого русского воинства. Неужели же это противно православному духовенству и за это следует преследовать? Положим, что православное духовенство обязано проповедовать о православии, но обязано проповедовать словом, а не силой данной им власти; оно обязано взять в руки, вместо жезла наказания, крест спасения. За все же их деяния скажем им словами нашего Учителя: «Отче, прости им! Они не знают, что делают».

Вскоре после ареста Геннадия в обществе старообрядцев произошла резкая перемена: не стало пастыря, а, следовательно, и высшей власти; священники, получив свободу и сделавшись самовластными, потянули каждый в свою сторону. Не стало и благочиния, место которого заняло корыстолюбие, и вышло то, что и священники, и наставники стали одного поля ягода; многие из них ослабели от излишнего употребления воды веселия, воды забвения и воды упокоения, и доводили себя до степени упокоения; таковыми оказались Евстигней^{xvi} и Карп^{xvii} Екатеринбургские и Комментарий Миасский.^{xviii} Первые два вскоре были отрешены от священнического сана, а последней и по сие время находится на исправлении у преосвященного Савватия Тульского^{xix} и Пермского.

Кто виновен в ослаблении вышепоименованных священников — они ли сами, или общество, которое само довело их до степени упокоения тем, что во время отправления празднеств, поминовений и

обедов просило их: «Пожалуйте, батюшка, выпейци рюмацку» (так говорят переселившиеся из Гуслиц — выпей рюмочку)? Само собой разумеется, и священник «человек бо есть» — как отказать от такого угощения! Ну и пили, сначала с пожалованием, а потом та же «рюмацка» пилась ими и без всякой просьбы.

Долгое время екатеринбургские поповцы не имели достойного пастыря, но судьба сжалилась над ними и послала к ним подобного в лице священноиерея Трифилия,^{xx} который совместно с прихожанами основал общий молитвенный дом, установил почти что повседневное в нем богослужение, подобрал певчих для обоих клиросов, так что, благодаря трудам его, в среде старообрядцев-поповцев снова водворились тишина и спокойствие, но, как и всегда, ненадолго.

Главные ревнители старообрядчества, как-то: М. У-в,^{xxi} С. и И. А-ны,^{xxii} отошли в вечность. Мир праху вашему и царство небесное, добрые и неподкупные ревнители старообрядчества! Их места заняли более слабые и самолюбивые попечители, в числе которых есть и попечители в юбках, какие-то Анны да Марфы. В обществе явилось несогласие, причину которого было то, что сельский священник Иоанн П.^{xxiii} возымел намерение быть священником городским, т. е. заступить место священноиерея Трифилия, и стал подыскивать к себе сторонников, каковыми оказались староста общественного дома М. Ч-в,^{xxiv} Р. К-в,^{xxv} С. Я-н^{xxvi} и иже с ними.

Общество разделилось на два лагеря: одни восстали против Трифилия, а другие — против Иоанна, и Бог знает, чем бы все это кончилось, если бы прошлым летом не приехал в Екатеринбург преосвященный Савватий, который и решил спорное дело так: священноиерея Трифилия, как черноризца, отстранил от отправления в общественном молитвенном доме и на место его определил священника Иоанна П-ва, так что благое дело, созданное трудами священноиерея Трифилия, перешло в ведение другого священника, который, как мы видим, достиг своей цели. Но выиграл ли что он от этого — не знаю, а потерял многое: на него стали смотреть многие старообрядцы не как на примерного пастыря, а как на завистника; и главное то, что этим решением владыки разногласие общества не упразднилось, а, напротив, увеличилось. Священноиерей Трифилий, как отрешенный от общественной деятельности, построил себе домик, на манер кельи, где и продолжает исполнять повседневное богослужение. Мир тебе, добрый пастырь, и «благоденствие дому твоему на многия лета!» Приверженцы его навещают его и совместно с ним приносят молитву Богу, так что современное общество старообрядцев-поповцев находится на степени распада. Для восстановления прежнего благоденствия нужен пастырь не поддающийся влиянию богатых

старообрядцев, пастырь подобный Геннадию, но, к сожалению, такого пастыря екатеринбургцы не имеют.

Что вам в имени моем.^{xxvii}

Комментарии

ⁱ Геннадий (Григорий Васильевич Беляев; 1825–1892) родился в семье старообрядцев-беглопоповцев Лысьвенского завода Пермской губ. Со второй половины 1840-х гг. жил в скитах часовенных близ р. Сылвы. В 1853 г. перешел в белокриницкое согласие. В 1857 г. хиротонисан во епископа Пермского. Архиерейский собор 3 октября 1862 г. запретил Геннадию управлять епархией, но он проигнорировал это решение. Арестован властями 7 декабря 1862 г. в Екатеринбурге. С 1863 г. содержался в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре. Освобожден в 1881 г. Скончался в старообрядческом Тисском монастыре (Румыния). В 2012 г. Собор Русской Православной Старообрядческой Церкви причислил Геннадия к лику святых.

ⁱⁱ Первые беглые попы появились на Урале, в том числе в окрестностях строящегося Екатеринбурга, в 1720-е гг. (в Шарташском селеении). В самом городе они на более или менее постоянной основе стали проживать лишь с 1780-х гг., т. е. за сто лет до написания статьи.

ⁱⁱⁱ Архип Семенович — беглый поп из с. Карабулак Вольского у. Саратовской губ. Хиротонисан во священника епископом Гаием (Токавым) 17 июля 1801 г. На Урал (в Нижний Тагил) приехал в 1823 г. Во второй половине 1820-х гг. о. Архип вынужден был один заботиться об удовлетворении духовных потребностей беглопоповцев 18 старообрядческих обществ, составлявших приход Нижнетагильской Троицкой часовни. Священнодействовал в Нижнем Тагиле и его округе вплоть до своей кончины 13 марта 1835 г. и был с почестями погребен на местном старообрядческом кладбище.

^{iv} Марк Московский — беглый поп, которого, по меткому выражению П. И. Мельникова-Печерского, можно причислить к категории «проезжающих священников» (*Мельников П. И. (Андрей Печерский)*. Собр. соч. в 8 т. Т. 7: Очерки поповщины. М., 1976. С. 386).

^v В. Г-в — неустановленный персонаж. Возможно, речь идет об одном из представителей династии Грачевых, которые в середине XIX в. числились торгующими крестьянами, а позже записались в купечество. Во второй половине XIX в. многие из Грачевых были деятельными сторонниками белокриницкой иерархии. Так, купец-мукомол Г. Н. Грачев на свои средства содержал в Екатеринбурге гектографировальную мастерскую, где тиражировались сочинения старообрядцев. Он же в 1900 г. софинансировал поездку в Константинополь для сбора сведений о митрополите Амвросии.

^{vi} Лариса (1816 г. р.; в миру Анна Гавриловна) — дочь беглого попа, служившего в Ревдинском заводе и умершего в 1832 г., воспитанница екатеринбургского мещанина М. Я. Сырейщикова.

^{vii} Агафоклия — вероятно, речь идет о родной сестре м. Ларисы (см. комментарий ^{vi}) Александре Гавриловне, 1818 г. р., проживавшей с ней в одном доме на ул. Нововознесенской в Екатеринбурге.

^{viii} Фаина (в миру Марфа Григорьевна Чувакова) родилась в семье мещан г. Шадринска. До 1840-х гг. жила в Шарташском Казанском скиту. После его разорения удалилась на заимку, находящуюся около с. Белоярского на берегу р. Пышмы (ныне это окрестности д. Ялуни-на), в 5 км от Белоярки; в 60 км от Екатеринбурга, где ее братьями была устроена мукомольная мельница.

^{ix} С. Х-в — Хребтиков Селиван, торгующий крестьянин, позже — екатеринбургский мещанин, владелец мукомольной мельницы на Исети. В его доме в Екатеринбурге в 1860-е гг. была оборудована походная церковь.

^x П. К-в — Коробков Полиевкт Иванович (1808 — ок. 1862), старообрядец, с 1826 г. екатеринбургский купец 3-й гильдии, позже казанский купец 2-й гильдии, с середины 1850-х гг. — мещанин. Занимался золотодобычей в Оренбургской губ. и в Сибири, но в 1854 г. объявил себя банкротом и признан несостоятельным должником. По делам его предприятий было учреждено Конкурсное управление.

^{xi} Гуслицы — Юго-Восточная часть образованного в 1782 г. Богородского у. Московской губ. с прилегающими районами Рязанской и Владимирской губ. (территория современного Орехово-Зуевского и Егорьевского районов Московской обл.), по речке Гуслице, притоке Нерской, впадающей в Москва-реку, издавна носила название «Гуслицы». Здесь уже в конце XVII — начале XVIII в. селились беглые староверы-поповцы. По официальным сведениям, в 1826 г. в Богородском у. насчитывалось более 50 часовен и молелен (преимущественно беглопоповских). С 1830-х гг. началось переселение значительного количества гусяков на восток страны (в том числе на Урал).

^{xii} М. У-в — Михаил Клементьевич Ушков (1813 — ок. 1874). Родился в Нижнем Тагиле в семье крепостных крестьян-старообрядцев. Первое время числился московским купеческим сыном, позднее стал екатеринбургским купцом 2-й гильдии. Получил в наследство 4 мукомольные мельницы в Екатеринбургском у. (позже построил еще одну). В 1857 г. основал в с. Арамильском Знаменскую суконную фабрику, затем — игольное и ситцевое производство, фабрику фаянсовой посуды.

^{xiii} Савватий (Степан Васильевич Лёвшин; 1825–1898) родился в семье старообрядцев-беглопоповцев Черноисточинского завода Пермской губ. В конце 1840-х гг. удалился в скиты. Около 1855 г. перешел в белокриницкое согласие. С 1856 г. инок. С 1862 г. старообрядческий епископ Тобольский и всея Сибири. С 1882 г. старообрядческий архиепископ Московский и всея Руси.

^{xiv} Константин (Козма Сергеевич Коровин; 1816–1881) родился в семье старообрядцев-беглопоповцев Верхнетагильского завода Пермской губ. В начале 1850-х гг. перешел в белокриницкое согласие. Ок. 1856 г. принял иноческий постриг. С 1862 г. старообрядческий епископ Оренбургский (и временно Пермский). Арестован в 1864 г. Освобожден (под поручительство) в 1866 г., после чего епархией фактически не управлял.

^{xv} См. комментарии xii и ix.

^{xvi} Евстигней — Евсигней Никитич Никитин. Из «временнообязанных» (т. е. получивших после 1861 г. свободу, но не выкупивших у помещика землю) крестьян д. Куровской Богородского у. Московской губ. В конце 1850-х гг. епископом Геннадием рукоположен во священника. Служил в Екатеринбурге, однако накануне ареста Геннадия в 1862 г. покинул город «для приискания новой должности».

^{xvii} Карп Никифорович Ловков — из крестьян Невьянского завода. Его отец был начетчиком в Невьянской часовне. В начале 1860-х гг. К. Ловков перешел в белокриницкое согласие и вскоре был рукоположен во священника. В 1868 г. был арестован в Екатеринбурге, но отдан на поруки местным купцам-старообрядцам. В середине 1870-х гг. вернулся в часовенное согласие.

^{xviii} Комментарий (Козма Гульбин) — уроженец Миасского завода Оренбургской губ. Старообрядческий инок монастыря на горе Таганай близ Златоуста. Иеродиакон белокриницкой иерархии (рукоположен епископом Геннадием в конце 1850-х гг.). Несколько раз был арестован, но всегда его отпускали на поруки. В 1870 г. ездил в Москву «для получения епископского звания», однако из-за негативного к нему отношения со стороны екатеринбургских старообрядцев хиротония не состоялась.

^{xix} Забавная описка: на самом деле Савватий был епископом Тобольским, но, когда его очередной раз арестовали, он предоставил документы на имя тульского купца Дмитриева.

^{xx} Трифилий (Бухалов) — старообрядческий священноинок. Прибыл в Екатеринбург во второй половине 1870-х гг. (из Москвы?). Один из инициаторов устройства и первый настоятель Свято-Троицкой старообрядческой церкви. С 1880 г. отстранен от служения в храме. Основал в Екатеринбурге скит.

^{xxi} См. комментарий *хii*.

^{xxii} С. и И. А-ны — Симон Панфилович (1810 — кон. 1870-х) и Иван Панфилович (1818 — не позднее 1881) Афонины. Уроженцы д. Костиной Богородского у. Московской губ. Уже в Гуслицах братья числились торговыми крестьянами. В 1840-е гг. переехали в Екатеринбург, и вскоре Симон записался в купечество. В 1849 г. он основал в городском выгоне гончарно-фаянсовый завод, на котором трудились и его братья. В 1870 г. Иван (купец с 1867 г.) открыл в городе пряничное и крендельное заведение, которое со временем превратилось в крупную кондитерскую и кондитерскую фабрику.

^{xxiii} Иоанн П. — Иван Семенович Попов. С 1873 г. старообрядческий священник белокриницкой иерархии («из екатеринбургских мещан»). С 1880 г. настоятель Троицкой старообрядческой церкви Екатеринбурга. Умер не ранее 1903 г.

^{xxiv} М. Ч-в — Чеканов Мартын Кириллович (1840 — не ранее 1912). Родился в д. Яковлевской Богородского у. Московской губ. В середине 1840-х гг. вместе с семьей попал в Екатеринбург. После смерти отца наследовал (вместе со старшим братом Александром) гончарное заведение. Екатеринбургский купец 2-й гильдии. В 1880-е гг. староста Свято-Троицкой церкви старообрядцев белокриницкой иерархии.

^{xxv} Р. К-в — скорее всего, речь идет об екатеринбургском купце Родионе Филипповиче Козлове (чьи предки были выходцами из Шарташа), который в 1870-е — начале 1880-х гг. стал сначала арендатором, а затем и владельцем нескольких хромо-железных и золотоносных рудников в Екатеринбургском у. Был тесно связан деловыми отношениями с семейством Ушковых.

^{xxvi} С. Я-н — Семен Васильевич Янин (1847–1928). Родился в семье крестьянина-старообрядца, выходца из д. Яковлевской Богородского у. Московской губ., переехавшего в Екатеринбург в 1850-е гг. Купец 2-й гильдии (фарфоровая, фаянсовая и хрустальная посуда, зеркала, мебель, бакалейные товары). С начала XIX в. попечитель Троицкой старообрядческой церкви, с 1904 г. староста храма.

^{xxvii} Парафраз строки из стихотворения А. С. Пушкина «Что в имени тебе моем...», написанного в 1829 или 1830 г. Истоки выражения — в библейском тексте: «Вопроси же Иаков и рече: повеждь ми имя твое. И рече: вскую сие вопрошаеши ты имене моего?» (Быт. 32:29).

Список литературы

- Белобородов С. А.* Австрийцы на Урале и Западной Сибири: Из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви — белокрыницкого согласия // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 136–172.
- Памяти одного из старообрядцев // Екатеринбургская неделя. 1881. № 13. С. 190–191.
- Мельников П. И. (Андрей Печерский)*. Собр. соч. в 8 т. Т. 7: Очерки поповщины. М., 1976. 559 с.
- Микитюк В. П.* Дельный охотник и «истинный любитель природы» Л. М. Ушков // Туризм, спорт и бизнес. 1996. № 4. С. 2–3.
- Микитюк В. П.* Наша гордость Л. М. Ушков // Финансы и недвижимость. 1996. № 11. С. 9.
- Шилов А. В.* Из истории предпринимательства на Урале в XIX в.: Деятельность купцов и промышленников Ушковых // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь, 1998. С. 102–111.

Н. А. СТАРУХИН

Институт истории СО РАН, Новосибирск

Письмо А. Х. Элерта З. Я. Бояршиновой в Государственном архиве Томской области*

Публикуется письмо доктора исторических наук главного научного сотрудника Института истории СО РАН А. Х. Элерта, написанное им во время обучения в аспирантуре профессору Томского государственного университета З. Я. Бояршиновой и отложившееся в ее личном фонде в ГАТомО. Установлены личности других историков, упоминающиеся на страницах письма, характер их отношений. Выявлены публикации, фигурирующие в источнике. Показана роль З. Я. Бояршиновой в выборе научного пути молодого ученого, заинтересованность историка-сибироведа в судьбе своих учеников.

Ключевые слова: А. Х. Элерт, эпистолярные источники, Томский государственный университет, Институт истории СО РАН, З. Я. Бояршинова, Г. Ф. Миллер.

С Александром Христиановичем Элертом, как и большинством сотрудников сектора археографии, я впервые познакомился заочно, по доступным мне в начале 1990-х гг. публикациям. Конечно, не ушло от моего внимания и указание в одной из работ Н. Н. Покровского, в которой академик, в «поле» уже не выезжавший, сообщал о совместной поездке Александра Христиановича и Наталии Дмитриевны Зольниковой в низовья Енисея и привезенным оттуда рукописям и сочинениям, принадлежавшим писателю-староверу Афанасию Герасимовичу Мурачеву. К слову, именно во время этой поездки археограф-полевик Элерт, дальновидно не стремившийся сообщать свое настоящее отчество ввиду пристрастных расспросов, учиненных одной из местных староверок, получил отчество более «подходящее»: вместо «Крестьяновича», каковым он себя обозначил, ученому, после основательного штудирования святцев, было предложено именоваться «Крискентовичем».

Более плотно мы стали общаться, когда научное руководство над мной взял Николай Николаевич Покровский и я стал чаще появляться в секторе. К этому времени Александр Христианович (или, как мы его звали для краткости, — «Христианович»), был уже фигурой известной и даже легендарной. Он сразу же расположил к себе внутренним спокойствием и основательностью, чувствующейся и во всех его работах. Скорее интуитивно, я сразу же признал его не просто как

* Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект 0261-2021-0001 «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: Актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики».

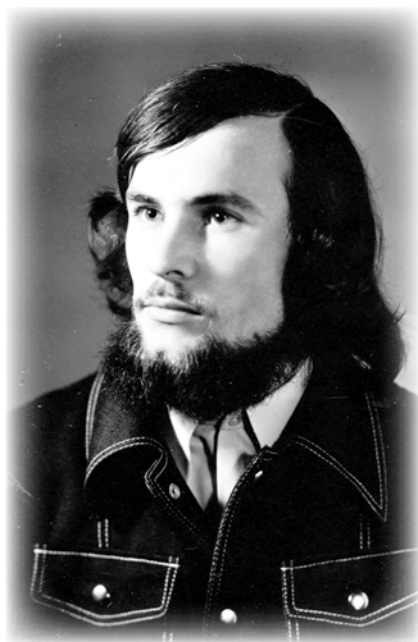
старшего по возрасту и званию коллегу, а скорее старшего товарища, даже брата, авторитет которого не обсуждается и которого не хотелось огорчать своими поступками. Уже потом я узнал, что место его рождения находится в близком соседстве и с местами бывшего недобровольного проживания части моих близких родственников, уцелевших в годы «великого перелома». Внимание невольно было обращено и на другие важные для меня, как человека с достаточно «пестрой» биографией, детали. Александр Христианович очень ловко, со знанием всех тонкостей, обращался с кедровыми шишками, знал, что такое «струганина». Увы, мечта вкусить ее вместе, равно как и «сходить» вниз по Оби, так и осталась мечтою... Он удивительно сочетал в себе и такие черты традиционного воспитания, как уважение к людям независимо от их возраста и пола, простоту и требовательность, внутреннее достоинство и порядочность, неоднократно отмечавшиеся всеми, кто его знал.

Важным для изучения научного наследия А. Х. Элрета представляется публикация максимально полного круга источников, которые помогли бы в полной мере воссоздать творческую лабораторию ученого, понять механизмы и пути вхождения его в большую науку. Одним из первых шагов в этом направлении видится обнаружение письма Александра Христиановича профессору Томского университета Зое Яковлевне Бояршиновой, сохранившееся в ее личном фонде. Набранное на печатной машинке письмо имеет сопроводительный характер — вместе с ним отправлялся перевод одного из дел знаменитых «портфелей Миллера», хранящихся в главном для «феодалов» архиве страны — РГАДА. Материалы, содержащиеся в данном «портфеле», на момент составления письма были использованы исследователем в трех статьях, полностью дело с небольшими разночтениями было опубликовано спустя три года.¹ В частности, публикатором было скорректировано название документа. Если в переводе 1985 г. он носит название «Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в современном его положении, в октябре 1734 г.», то при публикации 1988 г. слово «в современном» заменено на «нынешнем». В начале второго абзаца первого листа публикации «об истоках» заменено на «верховьях». Примеры эти можно продолжить, но, на наш взгляд, важнее указать другое: делавшему первые шаги в науке исследователю не просто удалось перевести и опубликовать сложный источник, он серьезно скорректировал, и, главное, убедительно обосновал дату составления «Описания», не согласившись

¹ Элрт А. Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 59–101.

с таким знатоком архива Миллера, как А. И. Андреев. Во втором абзаце письма к Бояршиновой и публикации Элрта 1988 г. имелись смысловые и буквальные текстовые совпадения.²

Письмо составлялось в новосибирском Академгородке, на квартире Фриды Христиановны и Андрея Марковича Сагалаевых, и датируется самим отправителем 9 ноября 1985 г. К этому времени прошло почти два полных года со дня знаменитой встречи «на чердаке» старого здания Института истории, филологии и философии СО АН СССР на Морском проспекте А. Х. Элрта, А. М. Сагалаева и И. Н. Гемужева, во многом определившей направление работы будущего ученого.³ Но в значи-



1975 г.

тельной степени сыграли свою роль в выборе темы и лекции З. Я. Бояршиновой, как позднее об этом вспоминал сам Элрт.⁴ К этому времени Александр Христианович без малого год и девять месяцев являлся аспирантом Н. Н. Покровского и имел уже серьезные успехи в работе над темой, которыми он частично и достаточно сдержанно делится с Зоей Яковлевной. С одной стороны, это радость молодого ученого, вышедшего на серьезные исследовательские проблемы, с другой — стремление отдать дань уважения своему учителю, оказавшему определяющую поддержку в выборе научного и жизненного пути.

² Элрт А. Х. Историко-географическое описание... С. 61.

³ Элрт А. Х. Волшебная бумага // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 733. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39).

⁴ Элрт А. Х. Волшебная бумага. С. 734.

Здравствуйте, глубокоуважаемая Зоя Яковлевна!

Еще раз прошу извинить меня за задержку с переводом.ⁱ Дело в том, что экзамен, по договоренности с Алексеем Александровичем,ⁱⁱ должен был состояться в начале ноября. К этому времени я и рассчитывал сделать перевод, чтобы самому привезти его в Томск. Но, поскольку экзамен состоялся гораздо раньше, я не успел завершить эту работу. Через несколько дней сюда на конференцию должна приехать Лариса Прокопьевна,ⁱⁱⁱ надеюсь, что она не откажется захватить рукопись с собой.

Перевод сделан по оригиналу, хранящемуся в ЦГАДА (копия имеется в ААН^{iv}). Рукопись содержит многочисленные исправления и дополнения, сделанные Г. Ф. Миллером как в ходе написания работы, так и в последующее время. Большая часть приписок на полях (где это важно) отмечена мной пунктиром под строкой. Последние листы перепутаны при переплете и поэтому архивная нумерация листов не соответствует фактическому расположению материала. Из-за этого считалось, что рукопись не имеет конца (А. И. Андреев,^v архивная опись ЦГАДА), что неверно. Лист 10-й не имеет оборота, т. к. он вставной. При прочтении некоторых фраз возможны варианты, разночтения несущественного характера. Это объясняется тем, что Миллер очень часто опускал окончания слов и их приходится домысливать. Возможны также разные варианты прочтения названий некоторых деревень, речек и т. п., т. к. одни и те же буквы могут передавать разные звуки (ш-ж, и-ы и т. п.).

Некоторые материалы из описания Томского уезда уже использованы мной при написании статей: «Г. Ф. Миллер о коренном населении Томского уезда»;^{vi} «Описания уездов Сибири Г. Ф. Миллера как исторический источник»;^{vii} «Материалы Г. Ф. Миллера по заселению Сибири в первой пол[овине] XVIII в.».^{viii} В последней статье используется, в основном, список населенных пунктов уезда, делаются сравнения с данными современной литературы (Н. Ф. Емельянов,^{ix} А. Д. Колесников^x). А отсюда наметился выход на проблему достоверности некоторых массовых источников XVIII в., в особенности, ревизских.^{xi}

Если у Вас возникнут вопросы по переводу, то я немедленно отвечу. Пользуясь случаем, хочу еще раз выразить Вам искреннюю благодарность за ту помощь, которую Вы мне оказали. Надеюсь, что оправдаю то доверие, которое Вы оказали мне, дав рекомендацию для поступления в аспирантуру к Николаю Николаевичу Покровско-

му.^{xii} Николай Николаевич просит передать поклон и добрые пожелания в письме к Вам.^{xiii}

До свидания, желаю Вам всего доброго.

ГАТО. ФР-1863. Оп. 1. Д. 283. Л. 2.
Машинопись. Подпись автограф

Комментарии

ⁱ Речь идет о переводе с немецкого языка на русский «Описания Томского уезда» Г. Ф. Миллера (РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г. Ф. Миллера). Портф. 526. Ч. 2. Д. 6. Л. 1–36). Машинописный набор перевода, сделанный за полгода до смерти З. Я. Бояршиновой, был приложен Александром Христиановичем к письму и хранится в этом же деле: ГАТомО. ФР-1863. Оп. 1. Д. 283. Л. 3–38. См. публикацию: *Элерт А. Х.* Историко-географическое описание...

ⁱⁱ Вероятнее всего, доктор исторических наук профессор Алексей Александрович Говорков, с 1958 г. работавший на разных должностях в Томском государственном университете и поддерживавший Александра Христиановича Элерта как во время работы над кандидатской диссертацией, так и в период ее защиты. См.: *Элерт А. Х.* Волшебная бумага. С. 737.

ⁱⁱⁱ Лариса Прокопьевна Белковец, доктор исторических наук, профессор. В разные годы работала в Новосибирском государственном педагогическом университете, Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, Томском государственном университете. Научные интересы Л. П. Белковец изначально были связаны с историей российско-германских научных контактов, историей российских немцев. Наряду с другими крупнейшими фигурами отечественной историографии, такими, как А. П. Окладников, М. М. Громыко, Н. Н. Покровский, Д. Я. Резун, А. Х. Элерт и другими, Белковец внесла серьезный вклад в изучение творческого наследия Г. Ф. Миллера, его историографических взглядов. См.: *Белковец Л. П.* К вопросу об оценке историографических взглядов Г. Ф. Миллера // История СССР. 1985. № 4. С. 154–166; *Батьянова Е. П., Вайнштейн С. И.* Из истории подготовки нового издания // *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. 1. М., 1999. С. 6; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. 2. М., 2000. С. 5–8. Научным руководителем Ларисы Прокопьевны во время учебы в ТГУ и защиты кандидатской диссертации являлась З. Я. Бояршинова. Одним из оппонентов во время защиты докторской диссертации в 1989 г. был Н. Н. Покровский.

^{iv} До 1991 г. — Архив АН СССР (Москва) с Ленинградским отделением (ЛО ААН). С 1992 г. — Архив РАН (Москва) с Санкт-Петербургским филиалом (СПбФ АРАН).

^v Александр Игнатъевич Андреев — доктор исторических наук профессор, известный археограф и источниковед, ученик А. С. Лаппо-Данилевского и А. Е. Преснякова. С 1916 г. начал заниматься публикацией научных работ по истории освоения Севера и Сибири. Наряду с С. В. Бахрушиным внес существенный вклад в изучение и популяризацию научного наследия Г. Ф. Миллера. По мнению А. Х. Элрета, высказанному позднее в одной из работ, наибольшей информативностью отличаются сведения Александра Игнатъевича, извлеченные из дел СПбФ АРАН. Занимаясь изучением рукописного наследия Миллера, сосредоточенного в РГАДА, находящийся в Ленинграде Андреев был вынужден учитывать публикации своих коллег, нередко содержащие неточности и ошибки (См.: *Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера*. Новосибирск, 1999. С. 10).

^{vi} *Элерт А. Х. Г. Ф. Миллер о коренном населении Томского уезда // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX — начала XX в.* Новосибирск, 1987. С. 171–178.

^{vii} *Элерт А. Х. Описания уездов Сибири Г. Ф. Миллера как исторический источник // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма.* Новосибирск, 1986. С. 97–104. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 10).

^{viii} *Элерт А. Х. Материалы Г. Ф. Миллера по заселению Сибири в первой половине XVIII в. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России.* Новосибирск, 1987. С. 128–141. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 11).

^{ix} Николай Филиппович Емельянов — доктор исторических наук, профессор. Выпускник Томского государственного университета, в котором работал доцентом до 1974 г. Специалист по истории Сибири XVII–XIX в.

^x Александр Дмитриевич Колесников — доктор исторических наук, профессор, выпускник УрГУ. Основная область научных интересов была связана с размещением и численным составом русского населения Западной Сибири в XVIII — начале XIX в.

^{xi} Позднее А. Х. Элерт указывал на это как на одно из основных своих научных открытий, позволивших, в частности, в значительной мере скорректировать количество крестьянских поселений в Сибири и показать реальные масштабы вольнонародной колонизации; см.: *Элерт А. Х. Волшебная бумага*. С. 736. В специальной статье, посвященной этой теме, А. Х. Элерт подверг критике позицию А. Д. Колесникова, преувеличивавшего достоверность официальной статистики и в связи с этим недооценивавшего масштабы вольнонародной колонизации (*Элерт А. Х. Сибирские экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера и проблема точности ревизской статистики // История СССР*. 1989. № 6. С. 22–35).

^{xii} В данном случае речь идет о письме, отправленном З. Я. Бояршиновой Н. Н. Покровскому накануне предварительной встречи А. Х. Элрета с ним в Новосибирске в конце 1983 г. Важную роль в выборе будущей темы исследования, судя по всему, сыграл И. Н. Гемуев (*Элрет А. Х. Волшебная бумага. С. 733*).

^{xiii} О деловых и достаточно близких дружественных отношениях между З. Я. Бояршиновой и Н. Н. Покровским см.: *Матханова Н. П., Старухин Н. А. З. Я. Бояршинова в письмах новосибирских историков (в печати)*.

Список литературы

- Батьянова Е. П., Вайнштейн С. И.* Из истории подготовки нового издания // Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. I. М., 1999. С. 5–13.
- Белковец Л. П.* К вопросу об оценке историографических взглядов Г. Ф. Миллера // История СССР. 1985. № 4. С. 154–166.
- Матханова Н. П., Старухин Н. А.* З. Я. Бояршинова в письмах новосибирских историков (в печати).
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. I. М., 1999. 630 с.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. 2. М., 2000. 796 с.
- Элрет А. Х.* Волшебная бумага // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 731–737. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39).
- Элрет А. Х. Г. Ф. Миллер о коренном населении Томского уезда // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX – начала XX в. Новосибирск, 1987. С. 171–178.*
- Элрет А. Х.* Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 59–101.
- Элрет А. Х.* Материалы Г. Ф. Миллера по заселению Сибири в первой половине XVIII в. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 128–141. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 11).
- Элрет А. Х.* Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. 240 с.
- Элрет А. Х.* Описания уездов Сибири Г. Ф. Миллера как исторический источник // Источники по истории русского общественно-го сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 97–104. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 10).
- Элрет А. Х.* Сибирские экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера и проблема точности ревизской статистики // История СССР. 1989. № 6. С. 22–35.

ВОСПОМИНАНИЯ



Александр Христианович не был человеком закрытым или замкнутым, но он особенным образом был сосредоточен на своем отношении к науке, к миру и к людям, его окружавшим. В каждом из нас живет ребенок, и в нем тоже жил мальчик, когда-то задумчиво заглядевшийся на просторы Оби. Это сосредоточение чувствовал каждый, кто с ним общался. Поэтому каждому он открывался по-своему, очередной и иной уникальной стороной или моментом. Воспоминания родных, коллег и друзей об А. Х. Элерте говорят об одном человеке — но по-разному и о разном, и в целом создают его многогранный образ.

Ф. Х. САГАЛАЕВА

ФАМИЛИЯ*

Наша малая родина — далекое село на севере Томской области, в 1025 километрах вниз по Оби от Новосибирска. Его расположение всегда ассоциировалось с чем-то сказочным, на ум приходит пушкинский остров Буян. Это в самом деле остров, но только во время половодья — с одной стороны Обь, с двух — заливные луга и протоки. С двух, а не с трех — потому что «остров», сужаясь, сходит на нет в противоположной Оби стороне. Саша говорил, что прежде это место называлось Пырчинскими юртами Лумпокольской волости Сургутского уезда.¹

До Новоникольска, расположенного на правом (высоком) берегу Оби, нет сухопутных дорог, добраться до него можно только по воде и по воздуху (зимой — по зимнику). В пору нашей юности и до середины 1980-х гг. по Оби ходили сначала пароходы (лопастные, или колесные) — «Омск», «Бийск», «Барнаул», «Новосибирск», потом красавцы-теплоходы венгерские, постройки 1964 г. — «Урал», «Михаил Калинин», «Мария Ульянова» и в этой компании почему-то «Патрис Лумумба». Перечислила их названия специально, так как эти речные лайнеры были частью нашего счастливого прошлого. Западно-Сибирское пароходство постепенно пришло в упадок после исчезновения страны, в которой мы родились и выросли, пароходы и теплоходы перестали ходить по Оби. Я даже послала заметку в томскую газету «Красное знамя» под названием «Ностальгия по пароходу», в которой выразила свое отношение к этому факту. Ее напечатали, а ниже большой начальник объяснил его главную причину — нет денег чистить и углублять фарватер. Затем по Оби курсировали скоростные суда «Ракета», «Восход» и «Метеор», но это была уже хлопотная поездка, с остановкой на ночевку в Колпашево или Каргаске (районные центры Томской области). Сейчас уже и этого нет, до Новоникольска можно добраться сложным путем: сначала по воздуху, затем по земле, и, наконец, по воде.

Наш дом стоит на самом краю села, с реки он виден издалека. Прямо за калиткой дорога уходит к реке, на луга и на наш любимый остров Березовый, куда мы в детстве всегда ходили за грибами, орехами или просто посидеть у костра (как говорил папа, «комаров покормить»). Наши дети потом тоже считали его «своим».

* От нем. Familie — «семья».

¹ См: *Элерт А. Х.* Никишкин чвор // Зеркала культур: Памяти А. М. Сагалаева. Новосибирск, 2019. С. 335.



Заготовка дров родителям на зиму.
1980-е гг.



Новоникольск, 1979 г.



Родительский дом в с. Новоникольское Томской области

Солнце в этих северных краях садится летом поздно, и мы с нашего знаменитого широкого крыльца наблюдали потрясающей красоты закаты. В июне вообще не темнело — стояли белые ночи, можно было всю ночь читать без света, еще во все времена эти ночи были для душевных разговоров про жизнь и любовь.

Дом построили папа и дедушка при активном участии местных умельцев и мастеров. Это было обычной практикой — помогать. В те годы наш дом был одним из самых больших и красивых в селе (в коридоре Института истории СО РАН на стенде, посвященном сибирской деревне, есть фотография и нашего дома).



Саша с сестрами: рядом Фрида, сзади Лиля, Лида, Эля. 1956 г.

То, о чем здесь будет сказано от первого лица, можно смело умножать на шесть. Под этим описанием нашего родового гнезда и семьи, думаю, подпишутся мои четыре сестры, а брат мог бы написать гораздо больше и точнее. Саша был хранителем многих фактов из нашей родословной, истории села, немцев Поволжья. При встрече мы с удивлением и интересом слушали его истории из детства и юности. Жаль, что они потерялись в лабиринтах нашей памяти. Мы с Сашей договорились, что, когда пойдем на пенсию (то есть не будем работать), займемся поиском фактического материала, пошлем запросы в архивы, поговорим с оставшимися в живых родственниками — и напишем книгу.

Мне кое-какие материалы к будущей книге прислала еще в 2017 г. моя приятельница, которая издала к тому времени две брошюры о своей родословной. Связь с ней, к сожалению, утеряна. А Саша, как настоящий ученый, непроверенную лично информацию не использовал в своей работе. Поэтому мы оставили все уточнения на «потом», которого не случилось...

Главой нашей семьи (смело можно сказать — патриархальной) был дедушка, Христиан Христианович (папин отец). Все основные хозяйственные, финансовые вопросы решались с его одобрения. С нами он был строг, мы слушались его беспрекословно. Исключением, пожалуй, был Саша. Когда в нашей семье после четырех девочек наконец родился мальчик, радость дедушки была безмерной (мама рассказывала, что таким своего свекра она не видела никогда). Родился наследник фамилии Элерт. Дед всюду брал Сашу с собой, с гордостью возил по селу, с трехлетнего возраста Саша ездил на коне верхом. А когда мужики спрашивали, чей он сынок, Саша отвечал: «Фадернок».² Нужно сказать, что в детстве, особенно раннем, мы с дедушкой и бабушкой говорили по-немецки, с родителями — по-русски. Только повзрослев, мы оценили так, как нужно, бережное отношение родителей и прежде всего бабушки и дедушки к первому родному языку, немецкому, традициям этого народа. Бабушка, например, делала вид, что не понимает нас, когда мы по-русски о чем-то с ней говорили, и просила повторить по-немецки. Генетически нам передалось это бережное, во многом болезненное ощущение принадлежности к этому трудолюбивому и законопослушному, по своей сути безобидному и многострадальному народу под наименованием «немцы Поволжья». У Саши было особенно обостренное отношение к этому вопросу, и он его открыто и смело выражал. В одной из своих статей он писал, что население села было на треть немецким,³ но так было уже в нашем сознательном возрасте. А в военное и послевоенное время, думаю, больше половины. Были там и репрессированные татары, эстонцы, латыши, раскулаченные — короче, «враги».

Особое удивление и восхищение вызывает тот факт, что при срочной депортации из Саратова в августе 1941 г. родители мамы и ее трех сестер среди самых необходимых вещей (при ограничении багажа) взяли стеклянные (!) елочные игрушки. Мы украшали ими наши рождественские елки. Рождество в моем самом раннем детстве отмечалось в семье 24–25 декабря, старшие сестры помнят это лучше. К нам приходили родственники и друзья бабушки и дедушки, а мы им под елочкой читали стишки, думаю, на немецком языке, и получали гостинцы. Позже этого не было, нас адаптировали к реальной жизни.

Дедушкины рассказы о службе в Конной армии в годы Гражданской войны, о жизни на Волге, о том, как он выжил во время эпидемии холеры благодаря своему богатырскому здоровью, жуткие истории сибирской ссылки казались нам чем-то мифическим, сказочным.

² Дедушку мы называли (на старонемецком) «фадер» (*нем.* Vater — «отец»), бабушку — «модер» (*нем.* Mutter — «мать»).

³ См: Элерт А. Х. Никишкин чвор. С. 338.



Семья Элерт. Слева направо: первый ряд: Фрида, Лиля;
второй ряд: дедушка Христиан Христианович, Саша, бабушка Доротея Андреевна;
третий ряд: мама Мария Александровна, Эля, Лида, папа Христиан Христианович.
1957 г.

Надо сказать, что рассказчик он был великолепный, а память его — отменной, он называл даты и имена командиров армии, сослуживцев, помнил события далеких времен.

Наша бабушка (папина мать) Доротея Андреевна — добрейший, кроткий, мудрый человек, всеобщая любимица. Саша как-то сказал, что если на земле могут быть святые, то это наша бабушка. Из одиннадцати родившихся детей у нее на момент приезда в Сибирь остались двое (папа и его сестра), две дочери умерли в пути. Мама много рассказывала о бедах и лишениях в военное время, особенно папиных родителей, но от бабушки мы ничего такого не слышали. Собственно, на бабушкиных руках выросли все шестеро детей, пока родители работали. Эти руки очень нежно расчесывали волосы и заплетали косы трем, а то и четырем девочкам-школьницам, пока они завтракали. Ловлю себя на том, что, вспоминая бабушку, я улыбаюсь — уж очень светлые чувства она пробуждает.

Папа, Христиан Христианович (младший), унаследовал не дедушкин характер — горячий, волевой, мужественный, характер лидера, а бабушкин. Среди всех его прекрасных качеств нужно выделить его добросердечность и деликатность, он был не особенно разговорчи-

вым, мудрым в тонких вопросах судеб своих детей. Свое здоровье папа подорвал еще в годы войны в трудармии, в шахте (ему было 17–18 лет). Когда мы спрашивали его о том времени, он мрачнел и молчал. Папа так и не получил специального образования, но это не умаляло его природных способностей. Как знать, где они могли бы реализоваться? На родине в с. Розенгейм Саратовской области папа учился в немецкой школе. Видимо, там были хорошие учителя, если он мог уже в пожилом возрасте неожиданно прочитать стихотворение Г. Гейне «Лорелея» на немецком языке.

У папы был каллиграфический почерк, очень красивый (интересно, откуда?). Родители много лет собирали и посылали своим детям-студентам посылки, адреса в основном писал папа — химическим карандашом (для молодых читателей, которые не знают, что это: ткань или бумага должны быть мокрыми, чтобы написанное проявилось в синем цвете).

Папа не был рыбаком, как и охотником, и в нашей семье никогда не было ни моторной лодки, ни мотоцикла, ни ружья. Но возвращавшиеся с промысла мимо нашего дома односельчане неизменно угощали родителей добычей в знак большого уважения.

Уже в конце жизни папы мне удалось устроить его на серьезное лечение в областную больницу. На мой вопрос о перспективах его лечения зав. отделением уточнила: «Это такой интеллигентный голубоглазый мужчина?» Это был папа, таким мы его и помним.



Мария Александровна и Христиан Христианович Элерт. 1947 г.

Мама, Мария Александровна, занимает особое место в сердцах каждого из ее детей. Хотя официально главой семьи был дедушка, все мы про себя знали, что главная — мама. О ней писать и легко, и сложно одновременно — в формате небольшой статьи очень многое останется «за кадром», что-то придется читать между строк.

У каждого из нас хранятся пачки писем мамы, больших, подробных, где каждый уголок дополнен чем-то важным, все поля исписаны поперек текста. У мамы был дар писать, и письма ее были интересными. И вообще все, за что бралась мама, делалось только хорошо, быстро, ловко. И непременно красиво. Она сама шила своим дочкам и сыну наряды, часто по ночам. У меня дома хранится мамина швейная машинка «Подольская» 1951 г. выпуска, я пообещала ее не выбрасывать. На черной лаковой поверхности мной когда-то в детстве иголкой были процарапаны имена членов нашей семьи, все десять. Помню, меня тогда поругали. И еще я помню, что часто повторяла этот перечень имен как молитву.

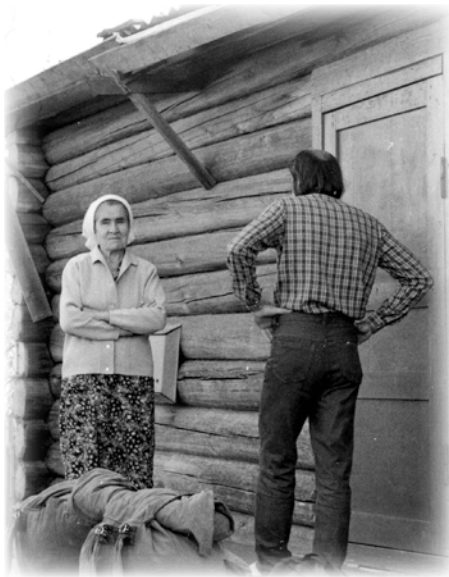
Теплые отношения детей друг к другу, на всю жизнь — от мамы. И любовь к природе и всему прекрасному передалась нам тоже от мамы. Она с удовольствием ходила с нами в лес, и, проводив детей и внуков в конце лета или осенью, непременно шла в лес, он помогал ей пережить эти расставания, лечил и успокаивал. Перед домом она всегда сажала много цветов, трудно было пройти мимо, не заглянув в наш двор. А на доме возле крыльца однажды появилась табличка «Лучшая усадьба». В районной газете была большая статья о маме с фотографией ее среди цветов, а администрация района подарила ей чайный сервиз.

Особое внимание уделяю маминому мастерству готовить и стряпать. Рецептуру ее сладких пирогов по старинному немецкому рецепту (Kuchen) мы так и не смогли освоить. Тесто она ставила с вечера, нянчила его всю ночь, а с раннего утра начиналась магия сотворения большого количества вкуснейших пирогов и пирожков. Частенько мама потом угощала ими лежащих в больнице стариков, которых некому было навестить.

Родители познакомились незадолго до окончания войны, 9 мая они уже вместе праздновали День Победы в семье папы. Уезжая в 1947 г. в Тульскую область всей семьей и оставляя маму одну в Сибири, ее родители дали маме мудрый совет не расставаться с папой. Оценка папы была наивысшей — «один из тысяч тысячей». Мама и папа прожили жизнь в настоящей любви, сумели создать большую дружную семью. Нас специально не воспитывали, только собственным примером. Все были включены в домашние дела, старшие забо-



Саша с родителями. Новоникольск, 1992 г.



Саша с мамой, 1992 и 2009 гг.



На берегу Обского моря с женой Ниной Алексеевной и внучкой Лизой. 2008 г.

тились о младших. Учились все хорошо, мы даже чаще всего играли дома в школу.

Хотя мама всегда говорила, что любит всех одинаково («Порежь любой палец — все больно»), мы знали, что к Саше отношение особое. И у нас, девочек, не было никаких обид или ревности. Мы это приняли как должное и поддерживали. Взрослая жизнь у нас началась рано, в 14 лет мы уезжали из дома. Две старшие сестры получили медицинское образование: Лида стала фармацевтом, Эля — фельдшером. Окончив среднюю школу в с. Александровском (нашем районном центре), Лиля, я и Саша поступили (последовательно) в Томский университет на историко-филологический факультет (к моменту Сашиного поступления он разделился на два — исторический и филологический). Когда я получила диплом историка, а Саша уже год проучился, на исторический факультет была зачислена наша младшая сестра Люся. Декан Б. Г. Могильницкий, увидев в списке в четвертый раз фамилию Элерт, спросил (думаю, с интересом и одобрением), сколько нас еще, и, получив ответ, что больше нет, поинтересовался, на кого она больше похожа — на сестру или на брата, а когда ей выда-



Взрослые дети в первый и в последний раз в полном составе собрались в родном доме. Новоникольск, 1981 г.



Саша веселит сестер рассказами из своей жизни. 8 марта 2016 г.



Две Марии Александровны Элерт — мать и дочь А. Х. Элерта. 2008 г.

вал диплом, констатировал: «Последняя из могокан». В нашу семью, кроме филолога и трех историков, влились мой муж — Андрей Сагалаев и Сашина жена Нина — тоже историки. Вот такой исторический коллектив получился.

В нашем доме летом было шумно и суетно, но главное — весело и интересно. Бывало, в нем собиралось больше десятка гостей — мы приезжали уже со своими семьями, чаще в полном составе, у детворы был тоже, как у нас когда-то, свой самодостаточный коллектив в четыре-пять человек и свои забавы. Особенно веселила нас игра «в войнушку», когда разгоряченные мальчишки с деревянными автоматами наперевес кричали: «Окружай немцев!» — и из малиновых зарослей тащили пленных на «казнь». Им было невдомек, что все они наполовину немцы...

Наши дети считали Новоникольск лучшим местом на свете. Мой сын Костя не был там только два лета. Плавая в маске и ластах в Черном море, он сетовал, что лучше бы поехал к бабушке. Саша, если не ошибаюсь, ничего даже не планировал в отпуск: только туда — Домой. Он по-хозяйски обходил усадьбу, намечал, даже записывал в блокнот, что он должен сделать, обсуждал с мамой, когда папы уже не было. К нашим походам в лес он подходил со всей ответственностью, все слушали его, «бывалого таежника» (такое звание он себе дал).

Когда мама уже жила у Саши в Бердске и наш дом стоял сиротливо с закрытыми ставнями, Саша первые годы не разрешал его продавать — надеялся приезжать туда на лето. Но жизнь приготовила другой расклад. Это были те самые девяностые, нужно было в них жить и выживать. Мы вскладчину купили домик с большим огоро-

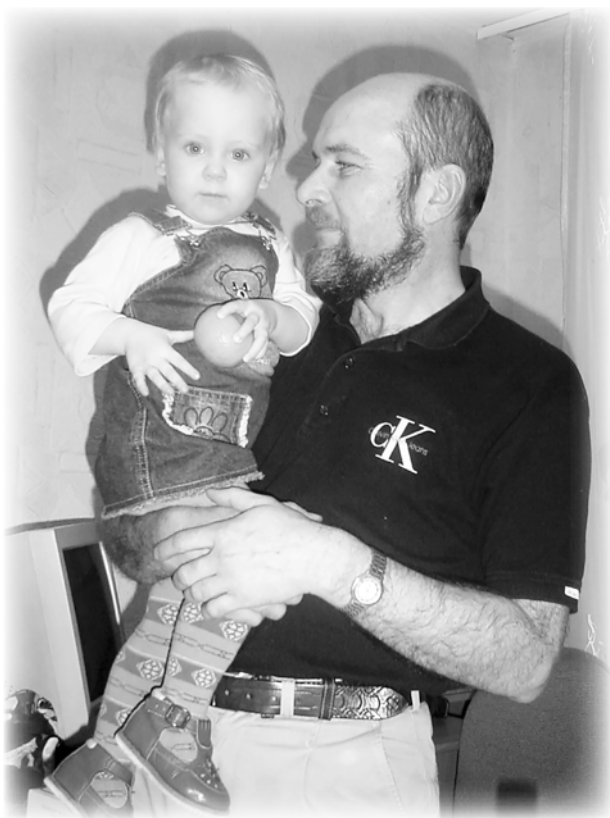


Замечательное дачное сообщество. Саша с сестрой Фридой.
Село Майское Черепановского района Новосибирской области, середина 1990-х гг.

дом в с. Майском (Черепановский район Новосибирской области, примерно в 100 км от Бердска) и за 10 лет превратили этот захлащенный участок в цветущий сад-огород с урожаем удивительных масштабов. В этом преобразении основную роль сыграли Саша и его жена Нина. Саша вдруг проявил себя как высококлассный строитель и мастеровой. Для начала он спилил огромные тополя на меже огорода, ошкурил их, а через год приступил к строительству. Все в одиночку! Помню, с каким удовольствием он рубил, тесал, строгал, замерял, придумывал тайники от воров (а их вокруг было немерено). Особенно ему нравилось работать рубанком, когда желтое кружево стружки шуршало под ногами и пахло деревом. Я ему предрекла будущее в случае потери работы в институте: будет тачать табуретки. Так из тополя и другого подручного материала у него получился чудо-домик на одну персону с печкой и полатями. Там он и любил отдыхать в свои приезды на дачу. Нина была главной по агрономической части, увлеченной огородницей, Саша тоже участвовал в этом процессе.

В Александровской средней школе и районном музее высоко оценили участие Саши в краеведческой работе и издании сборника, посвященного 75-летию образования района.⁴ В некрологе в районной

⁴ Элерт А. Х. Александровское Приобье первой половины XVIII века глазами академика Г. Ф. Миллера // Земля Александровская: Сборник научно-популярных очерков к 75-летию образования Александровского района. Томск, 1999. С. 263–272.



Саша с внучкой Лизой (Лизхен — так он ее звал). 2004 г.

газете «Северянка» его назвали «человек-легенда», «человек-феномен». В музее есть специальный отдел, где выставлены Сашины труды, биографические материалы.

Жизнь внесла коррективы в судьбы детей из семьи Элерт и их собственных детей. Сашина дочь Маша уже много лет живет в Норвегии. Когда они с дочерью Лизой уехали, девочке было семь лет, сейчас она уже учится в университете. Саша был очень привязан к внучке, скучал, писал для нее рассказы из своей жизни — видимо, не хотел потерять связь с ней. Там же, в Норвегии, родился Сашин внук Кеану. Сейчас ему двенадцать лет, и он очень похож на Сашу. Жаль, что они так и не встретились... Маша и Лиза носят фамилию отца и деда — Элерт. Сашина сестра Лиля живет в Гамбурге (Германия), она и ее дочь Алена тоже носят фамилию Элерт, а Лириногo внука назвали Кристиан в честь прадеда. Так что фамилия Элерт продолжает жить.

В. П. Бойко

Вспоминая однокурсника и друга А. Х. ЭлERTA...

С каждым годом все шире становится круг наших однокурсников, ушедших от нас в мир иной. Вот и нет с нами нашего Александра ЭлERTA. Его обаятельный образ навсегда врезался в нашу память, хотя прошло уже почти полвека с тех пор, как мы познакомились на первом курсе исторического факультета ТГУ в 1975 году.

К великому сожалению, я не смог участвовать тогда в традиционных осенних сельскохозяйственных отработках после поступления в университет, так как выпускники подготовительного отделения (рабфака) были оставлены в Томске — мы расчищали университетскую рощу, ремонтировали общежитие, занимались другими хозяйственными работами. Скучная история... А вот на сельхозработах жизнь протекала гораздо интенсивнее и интереснее: парни и девушки знакомились и начинали дружить, жили в деревенских домах с печным отоплением, роскошно питались в местной столовой, по-разному принимали непрошенных гостей (скупающих и ищущих приключений деревенских парней) и попутно работали в колхозе, который их якобы пригласил и обеспечил необременительной работой. Все это мне рассказывал Саша Элерт, с которым мы как-то неожиданно и довольно тесно подружились. Возможно, потому, что были на несколько лет старше основного потока студентов (я — на 6 лет, Саша — на 4), имели уже опыт учебы в других вузах (Саша — в политехе, я — в высшем военном училище), серьезно относились к жизни (у Саши дочь Маша была первым ребенком на нашем потоке, у меня сын Иван занял второе призовое место в этом благородном деле). Кстати, последующие их судьбы схожи: у обоих рано проявились художественные таланты и оба получили художественное образование, стали дизайнерами, и оба давно проживают за границей. Маша в Норвегии замужем за норвежцем, а Ваня плотно обосновался в Аргентине, где женился на местной красавице Дженифер.

В связи с этим вспоминается забавный случай, когда мы совершенно случайно оказались на лекции по научному коммунизму. Тема была бы интересной, если бы ее не читала молодая и неопытная, но строгая преподавательница, которую все между собой называли Томочкой. Увидев двух солидных возрастных мужчин с окладистыми бородами, как у классиков марксизма, она не могла скрыть удивления и спросила: «Кто вы?». Узнав, что мы ее студенты, которые имеют свои семьи и детей и постигают проблемы семьи и брака на практике, а не в теории, как она, Томочка отпустила нас с миром, хотя на госэкзамене по научному коммунизму мы получили по «четверке»,



На обласке по Оби. Новоникольск, 1980-е гг.

что лишило меня диплома с красными корочками. Нас это сильно не расстроило, так как жизнь перед нами ставила уже другие, более важные задачи.

Сближало нас с Александром Элертом и общее крестьянское происхождение. Косить траву на сено, рубить и колоть дрова, немного плотничать и столярничать, заниматься огородом — все это было нам знакомо не понаслышке, а реализовывалось на практике до учебы в Томском университете и после его окончания. Однажды он не без гордости рассказывал, что как-то он подплывал на обласке в селе Новоникольском на севере Томской области к берегу, где сидели местные жители, частью аборигены (ханты или, по-местному, остяки), частью местные жители из спецпереселенцев, т. е. сосланных в необжитые районы Сибири раскулаченных мужиков, которые оказались врагами советской власти и были ею репрессированы. Большой частью они уже в этих суровых краях адаптировались, перемешались с местным населением, переняли у них трудовые и житейские навыки. Так вот один из них заметил: «Ты, Сашка, однако, гребешь как настоящий остяк!» Это был неслабый в его устах комплимент, потому что грести одним веслом и удерживать равновесие в верткой и ут-



Новоникольск, 1979 г.

лой лодочке без навыка очень трудно. Обласок должен идти по воде ровно, бесшумно, весло должно выворачиваться при каждом гребке особым образом, чтобы его нос не вилял из стороны в сторону, а шел ровно к намеченному месту. Нужно еще учитывать и течение реки, силу и направление ветра и идти (по сухопутному — плыть), экономя силы гребца и время в пути.

У меня, коренного обского жителя, в жилах течет немало остяцкой крови, и грести в деревянной лодке или в выдолбленном из цельного дерева обласке было делом привычным с раннего детства. Поэтому немало наших с Сашей разговоров было посвящено этим житейским проблемам: как нужно выбирать дерево для обласка, как наметить толщину его бортов, просверлив в них дырки и забив в них шпунты (деревянные гвозди определенной длины), как выжигать сердцевину дерева небольшим костром, а затем выравнивать края долотом и скобелем, как распаривать его кипятком и делать его шире. Одним словом, остяцкие премудрости в этом деле были нам хорошо знакомы. Жаль, что не дошло до практики и дальних походов, это было бы здорово.

Хочется отметить, что Саша был замечательным, удивительно заботливым и преданным сыном, по возможности часто бывал дома в далеком селе Новоникольском, куда добираться по Оби вместе с ожиданием отправления и остановками для отдыха экипажа занимало два дня (ночью «ракеты» по реке не ходили). Однажды, как Саша рассказывал, привез он из Барнаула с большим трудом огромный спелый арбуз, за что получил, конечно, благодарность, но мама по-

том показала ему свою бахчу, где лежали десятки спелых, хотя и не таких больших, арбузов.

Позднее, когда мама оказалась одна, Саша перевез ее к себе в Бердск, где окружил заботой и уважением, обращаясь к ней почти-тельно на «Вы» и мгновенно выполняя ее немногие и нехитрые пожелания. Удивительно еще и то, что у него было, если не ошибаюсь, четыре сестры старше его, и одна младшенькая, которая училась тоже на истфаке, и со всеми он поддерживал тесные и теплые родственные отношения. Часто в Томске и Бердске я наблюдал такие сцены встреч и прощаний, которые для прошлого, да и для нынешнего века, не так уж часто встречаются.

Особая и счастливая глава в жизни Александра Элерта — это его семейная жизнь с нашей однокурсницей Ниной Посысаевой. Свой выбор Саша сделал еще на первом курсе осенью. Трудно было не заметить и не влюбиться в такую кудрявую брюнетку с огромными ярко-синими глазами. Любовь была сильной и взаимной. Семейная жизнь потребовала от Александра ответственного решения, и молодая семья поселилась в съемной квартире, кажется, на улице Лебедева. Это был частный сектор, и благоустройством он не отличался, особенно осенью и весной. Однажды, придя в университет с небольшим опозданием, Саша рассказал, что, выйдя за дверь их квартиры, он поскользнулся и упал в лужу. В таком виде идти на занятия было нельзя, и он вернулся домой. Каково же было его удивление, когда дома Нина уже приготовила для него смену чистого белья и одежды. Оказывается, она из окна видела, как ее муж опрокинулся в лужу, и постаралась сгладить этот конфуз. Саша остро переживал разлуку с любимой женой, когда она уехала в родной город Горняк с маленькой дочкой ухаживать за тяжело больной матерью. Как он сам сказал мне, уже сильно курящему парню после армии, морей и пожарки, когда он к нам, курящим, присоединился: «Тоска заела, а так, вроде, полегче становится». Напрасно я его убеждал, что начинать это дымное и вредное дело гораздо легче, чем бросить, он остался верен курению гораздо дольше, чем я. Бывая по разным академическим причинам в Барнауле и Новосибирске, я частенько заглядывал к Элертам сначала в их комнату в общежитии Алтайского политеха имени Ползунова, а затем и в их квартиру в Бердске, где с неизменным радушием и гостеприимством бывал принят. Помню нетерпеливое восклицание Нины Элерт: «Ну, когда же вы начнете квасить!» — потому что оторваться от наших разговоров с Сашей было очень трудно.

Наконец, о самом главном деле Александра Элерта, его научной деятельности. Темы его кандидатской и докторской диссертаций, многих его статей, монографий и сборников документов касались

работ одного из родоначальников отечественной исторической науки — Герарда Фридриха Миллера. В Архиве Российской Академии наук на Васильевском острове в Петербурге (хотя гораздо правильнее, красивее и по-русски назвать бы этот город Петроградом) хранятся так называемые портфели Миллера — рукописи ученого на старонемецком языке, с очень неразборчивым почерком: его многочисленные работы, путевые дневники, разного рода записи и прочие материалы. Чтобы разобрать и опубликовать хотя бы часть из них, от исследователя Александра Элрета потребовались титанические усилия, и этот подвиг наш Саша совершил. Честь и хвала ему за это, а от нас, его однокурсников, респект и низкий поклон.

Кандидатскую диссертацию «Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири» Саша приехал защищать в 1987 г. в Томск. К этому времени я уже свою диссертацию защитил и имел некоторый опыт, а главное, популярную тогда портативную пишущую машинку «УНИС» со стандартным шрифтом. Накануне защиты Саше порекомендовали внести существенные изменения в автореферат, и он в течение двух суток практически заново напечатал этот реферат, а это, извиняюсь, 19 страниц убогистого сложного текста через один интервал. На моих глазах Саша совершил один из многих, наверное, штурмов и, естественно, победил. Попутно он поправил с помощью любимого им Миллера таких известных в Сибири историков, как Д. Я. Резун, А. Ф. Быконя, Н. Ф. Емельянов и некоторых других. В 2000 году мы с Сашей защитили докторские диссертации и мне лестно его подпись на дарственном экземпляре автореферата: «Владимиру Бойко на память от однокашника. 13.04.2000 г.», а защищался он 19 мая в Новосибирске. Через много лет мы мимолетно и в последний раз встретились в Томске на защите очередной диссертации, где он блестяще выступил в роли оппонента.

Вся его работа в академических учреждениях Новосибирска будет, надеюсь, всесторонне освещена в работах его коллег, будут упомянуты его конкретные многочисленные работы и награды, медали и дипломы, но они только дополняют образ честного и талантливого, скромного и трудолюбивого человека — Александра Христиановича Элрета.

В. П. ЗИНОВЬЕВ

ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЭЛЕРТЕ

Об Александре Элерте я узнал во время работы на историческом факультете в Томском государственном университете. Друзьями мы не были, так как он учился на 9 лет позже — с 1980 г., просто я знал, что есть такой студент, земляк по северу Томской области, удивительно способный молодой исследователь, распределенный в Институт истории СО РАН к Н. Н. Покровскому. Встретились мы с ним в 1987 г., когда я как секретарь диссертационного совета принимал у него документы для защиты кандидатской диссертации по экспедиционным дневникам Г. Ф. Миллера. Защита без всяких скидок была блестящей, а застенчивый диссертант услышал от председательствующего на заседании совета профессора Б. Г. Могилицкого, что А. Х. Элерт заслуживает присуждения докторской степени за свой труд.



Александр Христианович в день своего 50-летия. 3 декабря 2004 г.

Потом я узнавал о научных успехах А. Х. Элрета через его статьи и монографии. Близко познакомиться и поговорить обстоятельно нам пришлось только во время работы в диссертационном совете Алтайского университета. Выяснилось, что у нас много общего. Оба из многодетных семей репрессированных спецпереселенцев, только я родился в Новиковской спецкомендатуре Парабельского района, а он — в Новоникольском поселке Александровского района. Это бывшие юрты Пырчины, дату основания которых — 1740 г. — установил А. Х. Элрт по материалам академика Миллера. С детства он много работал физически, мерз, не имея добротной одежды и прошел на первый взгляд простой путь: школа — Томский университет — Институт истории СО РАН с интересной работой и проблемами здоровья, напомним «золотого детства».

Саша всегда был рад возможности приехать в Томский университет, где его помнили и гордились, много раз был приглашен по разным случаям, но приезжал по нездоровью редко. Я часто представляю его среди разноплеменной детворы ссыльных поселков Томского Севера — русских, немцев, татар, украинцев, мокшан, латышей, хантов, селькупов. Мы не знали национальностей друг друга, не знали другого мира, другой жизни, не знали кем будем. Прямая дорога нашей жизни обозначена была желанием родителей — учись, а не то будешь волам хвосты крутить. Александр был из тех смысленных деревенских пацанов, которые усвоили эту простую истину и не растратили попусту полученные от родителей два бесценных дара — трудолюбие и божью искру творчества.

Жаль, что так рано угас яркий источник научных знаний, осветивший один из темных уголков российской истории.

К. А. САГАЛАЕВ

КЕДРОВЫЕ УРОКИ, ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ О НЕУШЕДШЕМ

Наиболее важная сторона свободы —
быть тем, кем являешься.

Джим Моррисон

Странно писать воспоминания, еще не привыкнув думать о человеке в прошедшем времени. Извлекать из памяти какие-то образы, события и факты безо всякой уверенности, что их смогут понять и прочувствовать другие знавшие его люди (что уж говорить о широком круге читателей). Тем более, когда этот человек занимал — от твоего рождения и до своего ухода — какое-то особенное место в твоей жизни.¹

Но мы все же попробуем.

Стук пишущей машинки в ночи. Мне он спать не мешал, наоборот, он был чем-то вроде треска дров в печи или стука капель дождя по подоконнику. Приглушенный свет самодельного светильника из бумаги также означал, что дядюшка работает. Какие-то таинственные портфели Миллера — мне они представлялись толстыми портфелями из свиной кожи, как у советских ответственных работников, положенные в стопку друг на друга до самого потолка. В каком-то смысле это так и было: научный потолок, заданный этими портфелями, остался недосыгаемым для большинства ломавших интеллектуальные копы и щиты исследователей. Но ведь должны же быть и исключения?

Учась в аспирантуре и разбирая по буквам сочинения Г. Ф. Миллера (живший в соседнем подъезде дядин коллега Д. Я. Резун в шутку называл его «миллероедом»), вручную переснятые с хранящихся в архиве микрофильмов, дядя Саша жил у нас. Воспитывал вместе с моими родителями меня и отчаянно скучал по своей семье, живущей в Барнауле. Находилось, впрочем, время и для поездок с отцом² на велосипедах за опятами, после которых все окна увешивались гиляндами сушащихся грибов, а на кухне всю ночь не смолкали их голоса и смех и любимая музыка (здесь их вкусы, естественно, совпадали).

Детские воспоминания обычно связаны с летом, каникулами, бабushками и дедушками. Так было и у меня: каждое лето (хотелось бы

¹ Александр Христианович Элерт приходился родным братом моей маме, отсюда и слово «дядя» в тексте моих воспоминаний.

² Андрей Маркович Сагалаев (1953–2002) — российский этнограф, антрополог, педагог, общественный деятель.



Проводы Саши. Слева Костя Сагалаев, Лидия Христиановна, справа — мама Мария Александровна. 2000 г.

сказать: все детство, но — нет) мы проводили в деревне.³ Парное молоко, невообразимо вкусная бабушкина стряпня, щучьи котлеты и стерлядка — значительная, но не главная часть всего этого. Главным были походы в лес — за кедровым орехом, грибами, ягодами, часто совмещавшиеся еще и с рыбалкой, а вишенкой на торте был костер, в котором пеклись только что сбитые с кедров шишки, картошка, или просто жарился на палочке взятый из дома хлеб.⁴

Брали туда не всех: наказанием за плохое поведение было то, что ты оставался дома. Как-то раз я выиграл «главный приз»: после обеда я просто уснул (что и предполагалось), а остальные внуки резвились вовсю, мешая отдыху прабабушки, бабушки и дедушки. В итоге в лес взяли только меня. Правда, до ближайшего острова⁵ было несколько километров в одну сторону по наезженной, или скорее разбитой, тракторами дороге (а если до этого прошел дождь, прогулка становилась еще более увлекательной). И пацану лет пяти-шести (речь обо

³ Село Новоникольское Александровского района Томской области.

⁴ Эти походы он и сам описал в воспоминаниях о моем отце. См: *Элерт А. Х. Нишкин чвор // Зеркала культур: Памяти А. М. Сагалаева. Новосибирск, 2019. С. 329–339.*

⁵ Так в тех местах называют отдельно стоящий лес, не затопляемый весной и окруженный лугами и озерами (подробнее об этом см. предыдущую сноску).



Когда ноша тянет, но ее содержимое приятно. Удачный поход за грибами. Новоникольск, начало 1980-х гг.



«Бывалый таежник» Александр Элерт — большой мастер по разведению костра. Новоникольск, начало 1990-х гг.



На привале. Новоникольск, конец 1970-х гг.

мне), особенно на обратном пути, это было поводом для капризов в стиле «я устал, я дальше не пойду». Остаток дороги, то есть почти все расстояние до села, я проделал на загривке у дядюшки, который, помимо племянника, нес еще и увесистый рюкзак с кедровым орехом. Моя оценка этому приключению в итоге свелась к одной фразе: «Дрянский лес»! Да и костра не было... Смеялись все, и несший меня весь обратный путь на закорках дядя Саша — едва ли не больше всех...

Кстати, о кедровых орехах. Дядя принадлежал к той немногочисленной (и уже почти вымершей) ветви Homo Sapiens, представители которой приходили в лес, на реку — и вообще на природу — как гости, стараясь ничего не испортить и не нарушить. Орех в кедровых местах заготавливается разными способами: можно дожидаться сильного ветра и с утра рвануть собирать падалицу, а можно прямо в тайге собрать «бот». Это жердь с прибитой к одному концу большой чуркой, в итоге получается что-то вроде молота. Им бьют по стволу, шишки сыплются прямо тебе на голову. Есть и другие, уже варварские способы...

Дядя делал иначе: он срезал шест и лез на кедр. Без «кошек», без страховки. Он не был единственным, но уже в то время так делали лишь единицы. Высота кедра (ботаники поправят: «Сосна сибирская кедровая») — 35–45 метров. Подобравшись к кроне, где и кроются эти самые шишки, нужно 1) топтать по веткам, чтобы шишки сыпались вниз; и 2) взятым с собой шестом сбивать те, что висят на конце ветвей и не упали от прежних сотрясений. При этом главной задачей остается не упасть вниз. Как-то мы с ним вдвоем пришли на место, где кормилось все село. И в тот раз орех там добывали очень «новаторским» способом: кто-то из односельчан подогнал к кедрачу трактор (дорога как раз была рядом) и решеткой радиатора бил в кедровые стволы. Сыпалось все: шишки, кора, ветки, чьи-то гнезда... После короткой паузы дядя буркнул: «Пошли отсюда...». И мы пошли — за «своим». И, кстати, набрали.

Будучи традиционно безлошадными, безмотоциклетными и безлодочными, а автомобилей в деревне в те годы и вовсе почти не было, в лес мы почти всегда ходили пешком. Соответственной этому была и технология обработки ореха: в то время как большинство односельчан в лесу только собирали или били шишки и потом везли их в мешках домой, где уже лушили их либо вручную, либо с помощью механических приспособлений, похожих на большую мясорубку (некоторые подключались к бензопиле «Дружба»), мы старались все сделать прямо на месте. Поэтому, добыв условный мешок шишек (что примерно равнялось условному ведру ореха), мы выбирали в лесу поляну и вручную шелушили шишки, чтобы нести домой на себе



На отдыхе с коллективом Института истории
на Обском море. Новосибирск, 2008 г.

уже чистый продукт. Естественно, находилось время и для разговоров, за которыми процесс обработки пролетал незаметно, как и обратная дорога до села.

Ходили мы с ним и за смородиной, собирать которую — на жаре, среди слепней, лесных клопов и паутины — было еще тем «удовольствием». Но я старался не отлынивать, зная, что будет что послушать и чему поучиться. И учиться было чему: чтобы ускорить процесс и заодно показать мне, что такое сила воли, дядя объявлял вслух: «Следующую сигарету выкурю, только когда наберу эту кружку!» Кружка была литровой, а курить ему очень хотелось. Поэтому наполнялась эта кружка гораздо быстрее, чем было бы без этого «самоистязания». В связи с этой историей вспоминается другая — из дядиной юности, не раз им рассказанная. Тогда деревенская молодежь — просто так, от скуки — разлила воду из большой пожарной бочки. Наказание за проступок было таким: старики велели им снова наполнить эту бочку... кружками, нося в них воду из реки. Такие уроки, как правило, запоминаются на всю жизнь, и выводы из них делаются самые правильные.

Как-то раз мы пошли вдвоем на редкой красоты озеро со звучным именем Байкал. Идти туда было около десяти километров, но зато там рос шиповник, когда был ветер — совсем не было комаров, а еще там были лебеди. Незадолго до того прошел дождь и в небе висела радуга, отражаясь в лужах, по которым нам предстояло идти. В одной из этих луж я нашел книгу. Это был сборник стихов поэтов народов СССР к столетнему юбилею В. И. Ленина. Многие мы узнали тогда из сочинений классиков... Например, что раньше Обь текла просто так, и песни ее были печальны, а теперь в каждом плеске ее волн — имя вождя: «Ленин! Ленин! Ленин! Ленин! — вторят птичьи голоса...».⁶ Помню, как мы шли среди всей этой красоты — слева Обь, справа заливные луга, в небе — радуга, читали по очереди вслух шедевры из словно с неба свалившейся книги и хохотали от души. Буду честен: отсмеявшись, мы аккуратно положили книгу на обочине для следующих читателей... «Искусство должно принадлежать народу».

Отдельной — возможно, несбыточной и в итоге несбывшейся — дядиной мечтой было путешествие на обласке от уже обжитого Новосибирска до родного Новоникольска. Будучи уже относительно взрослым (15 лет — шутка ли) я видел себя в роли его напарника: вот мы отплываем... ой, нет, отходим от Речного вокзала, недоуменные взгляды городских обывателей, а потом — пара недель чистого кайфа: свежий воздух, река, рыбалка... Уже через много лет после этого, когда я в силу своих рабочих обстоятельств столкнулся с тем, что такое на самом деле река (а тем более такая, как Обь) и каково матросу на ней, мои представления о подобном путешествии потеряли свою (мою) юношескую романтику. Но осталось и стойкое ощущение, что дядя бы — смог.

Я окончил школу, а потом и университет, вскоре начал работать в Институте филологии. Мы стали почти коллегами: Институт истории находится этажом выше в том же здании, все знают друг друга уже много лет. Стали видаться значительно чаще, что стало одним из важных «бонусов» моей работы в институте. Тогда же ушел из жизни отец — один из очень немногих по-настоящему близких людей в его жизни; это сильно выбило дядю из привычной колеи. С другой стороны, мы оба в какой-то степени заполнили образовавшуюся пустоту в жизни друг друга, о чем он как-то мне и сказал в откровенном разговоре. Я был свидетелем, пожалуй, одной из последних их встреч — на той самой кухне в нашем доме, где дядя Саша провел несколько лет своей жизни. Тогда совпало все: один приехал из Томска, только что вернувшись из Америки, второй просто зашел «на огонек». Дядя

⁶ Цитирую по памяти, времени прошло уже много, поэтому извиняюсь за возможную неточность.

рассказывал про фильм, недавно показанный по телевидению (времена стояли еще вполне «телевизионные»). Это была картина Джима Джармуша «Мертвец», так и оставшаяся в списке самых значимых для дяди Саши фильмов до конца его жизни. Врезалась в память чеканная характеристика: «И ты знаешь, все остальное после этого... Ну как “Арабески”⁷ после “Джетро Талл”».⁸ Хорошую музыку любили они оба, да и меня приучили к ней... Прошло больше четверти века, но ничего лучше этого сравнения придумать мне так и не удалось.

Сию, смотрю старые фотографии, пишу эти странные строки. Играет дядина любимая музыка (ансамбль, название которого в советской прессе переводили как «Жучки-ударники»⁹). И нет ощущения, что человека, кому посвящены все эти слова (умышленно не говорю: «памяти которого») нет в моем ближнем пространстве. Да, не дозвониться, не приехать в гости. Не обменяться новостями о кино и литературе, не поговорить, хотя бы и «между строк», о политике, не рассказать анекдот, не посоветоваться (естественно, мне) насчет готовящейся статьи в научный журнал. Зато можно сказать ему «спасибо» за многое. За нравственный камертон («что такое хорошо и что такое плохо»), за наглядные уроки, как оставаться собой, за кедрово-рыбное детство, за книги, фильмы и музыку. Что ж, будем и дальше читать, смотреть и слушать. А там... Как пелось когда-то давно в одной нами обоими любимой песне:¹⁰

Где мы будем, когда закончится лето?



Александр Христианович
в день пятидесятилетия,
3 декабря 2004 г.

⁷ «Арабески» (Arabesque) — западногерманская поп-группа, весьма популярная свое время на советских дискотеках.

⁸ «Джетро Талл» (Jethro Tull) — британская арт-рок группа, одна из наиболее значительных в своем жанре в 1970-е гг. В «хит-параде Сагалаева-Элерта» — неизменно среди самых любимых.

⁹ Группа The Beatles.

¹⁰ Песня «Summer's almost gone» группы Doors.

Н. П. МАТХАНОВА

РАЗГОВОРЫ С АЛЕКСАНДРОМ ЭЛЕРТОМ О ВАЖНОМ, ТЕКУЩЕМ И ПРОЧЕМ*

Александр Христианович Элерт, Саша, многие годы был мне настоящим другом. Мы советовались в разных, в том числе и сложных ситуациях, и об очень многом говорили. Беседы наши часто, а в последнее время преимущественно, велись по телефону. Во время этих разговоров Саша высказывал свое мнение на самые разные темы. Ради того, чтобы сохранить и передать его мысли, я и решила написать эти заметки. Но порой буду отступать от принятой линии и просто вспоминать.

О чем мы говорили? Конечно, об институте и положении в стране. Чаще всего мы оказывались единомышленниками, оценки обычно были одинаковыми или близкими. Хочу подчеркнуть один важный, как мне кажется, момент. Одобряя или осуждая чьи-то поступки и высказывания, примеривая их к себе, Александр неизменно повторял: у меня есть главный приоритет — интересы сектора. Это были не просто слова. Он неоднократно говорил, что заместителем директора института он стал прежде всего потому, что считал, что так ему легче будет защищать интересы сектора. Саша ценил в людях то, что он называл «умением держать удар», но порой он заставлял себя промолчать, понимая, что иначе может подвергнуть угрозе коллектив. Иногда рассказывал о столкновениях с начальством и коллегами, когда приходилось отстаивать интересы сектора и секторян. Последние не всегда знали об этом, а некоторые даже думали, что Элерт вовсе не занимается делами сектора.

Обсуждали научные проблемы. Широко известно, что А. Х. Элерт был крупнейшим не только в России, но и в мире специалистом по изучению наследия Г. Ф. Миллера и истории академических экспедиций XVIII в. в Сибирь. Очень много в этом направлении им сделано — и по публикации источников, и по их анализу. В то же время Александр не был узким специалистом, он обладал обширными и глубокими познаниями по самым разным темам. В публичных выступлениях и в частных беседах он аргументировано высказывался при обсуждениях таких, казалось бы, не близких ему сюжетов, как история армии и купечества, периодической печати и крестьянского самоуправления. Азарт исследователя сохранялся у Элерта до кон-

* Выполнено в рамках госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: Актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005).



Александр Христианович Элерт и Наталья Петровна Матханова. Конец 2010-х гг.

ца. В одном из последних разговоров Саша рассказывал о проблемах комментирования конкретного источника и еще раз повторил неоднократно сказанное: ведь это самое вкусное, я это занятие люблю.

Готовясь к участию в обсуждении Методических рекомендаций по изданию исторических источников на онлайн-заседании Археологической комиссии, я, конечно, консультировалась с Александром Христиановичем. Считаю важным привести его мнение по такому вопросу, как публикация иноязычных текстов и их переводов. Он считал обязательным использование современному источнику или максимально близких по времени переводов на русский язык. При этом, говорил он, следует учитывать и отмечать ошибки переводчиков, для чего целесообразно использовать последние и более совершенные научные переводы.

Довольно часто мы обсуждали подготовку «Истории Сибири», за половину «дореволюционного» тома которой отвечал Элерт. Александр был очень ответственным человеком, еще и поэтому неурядицы и неопределенность, возникавшие во время работы, так его раздражали и даже мучили. Менялись требования к объему, оформлению, определению целевой аудитории и характера издания — пер-

воначально его задумывали как научно-популярное, затем решили готовить научное, что радикально влияло на содержание, стиль, научно-справочный аппарат. В результате тексты, в том числе и чужие, приходилось переделывать по несколько раз. Саша жаловался, что все это отнимало массу времени, сил и нервов — в ущерб главному, любимому делу жизни. Приходилось откладывать запланированную и обещанную коллегам работу над трудами по истории Якутии, Урала и многое другое.

Элертом создано немало работ по истории российских немцев, он был заместителем ответственного редактора редколлегии альманаха «Немецкий этнос в Сибири», участвовал в коллективных трудах на эту тему — например, в книге, подготовленной под редакцией П. П. Вибей.¹ При этом часто вспоминал свою «малую родину», а однажды даже удивил меня, неожиданно заявив: мечтаю вернуться на родину. Оказалось, речь шла не о Германии, а об Обском севере. Кстати, и в воспоминаниях о Н. Н. Покровском, рассказывая о своей неудачной попытке остаться в ТГУ после окончания вуза, Элерт писал: «Я уже подумывал вернуться на свою родину и заняться преподаванием истории в сельской школе».² И в другом мемуарном тексте, посвященном А. М. Сагалаеву, он тоже называл своей родиной село Новоникольское в низовьях Оби.³ Порой мы даже шутливо называли Сашу «остяком», так красочны и эмоциональны были рассказы о природе, рыбалке, облаках и т. п., так гордился он приобретенными на реке умениями. Но, конечно, Элерт никогда не забывал о своем немецком происхождении, почитал предков, нередко вспоминал о деде и отце. Еще и поэтому так остро и даже болезненно он воспринял неожиданную для всех нас «переориентацию» коллеги, специалиста по истории российских немцев Л. П. Белковец.

Некогда разделявшая позиции тех историков, которые приравнивали депортацию российских немцев в Сибирь к репрессиям, Белковец в книге, изданной в 2003 г., вдруг высказалась совершенно иначе. Прочитав это, Элерт буквально рассвирепел. Он позвонил ей (я и еще несколько секторян были свидетелями этого телефонного разговора) и заявил: «Не подходите ко мне, я не смогу подать вам руку. Иначе мои предки в гробах перевернутся». Объективности ради замечу, что в книге Л. П. Белковец сохранены общие негативные и осуждающие

¹ Элерт А. Х. Немецкие ученые-путешественники и научное открытие Сибири // История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009. С. 13–28.

² Элерт А. Х. Волшебная бумага // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 732. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39).

³ Элерт А. Х. Никишкин чвор // Зеркала культур: Памяти А. М. Сагалаева. Новосибирск, 2019. С. 330.

оценки политики сталинизма, автор говорит о выселении немцев как о «серьезном нарушении прав человека и гражданина», «попрании идей гуманизма», о «жестоком и унижающем человеческое достоинство обращении» с ними.⁴ В то же время не могли не вызвать возмущения у сына и внука «спецпереселенцев» (и не только у него), на себе испытавшего «ограничения», как мягко называла их Белковец, такие, например, утверждения: «Немцы воспринимались на всех уровнях эвакуированными и переселенцами», рассказы «об ужасных условиях», «нечеловеческих страданиях», «большом количестве жертв» квалифицировались как преувеличенные,⁵ само же спецпоселение предлагалось квалифицировать как режим, «введенный... в целях установления... необходимого правового состояния российских немцев», «своеобразный способ использования трудовых ресурсов».⁶

Александр переживал эту тяжелую ситуацию тем болезненнее, что Лариса Прокопьевна была старшим коллегой, выпускницей родного Томского университета, ученицей глубоко почитаемой З. Я. Бояршиновой, оппонентом Элрета при защите им кандидатской и докторской диссертаций. Но вопрос был слишком принципиальным, чтобы промолчать.

А вообще Александра отличало умение выстраивать добрые отношения с коллегами — не в ущерб принципам, научным и человеческим. Он сам с уважением отзывался о многих известных историках. И они столь же ценили Элрета, понимали масштаб его как человека и ученого. Я тоже осознавала этот масштаб, часто повторяла, что занимать его административными обязанностями — это забивать гвозди микроскопом, поэтому по возможности старалась помогать, разгружать от текущих дел.

Александр не терпел неуважительного отношения к заслуженным людям. Может быть, потому, что в его родительской семье сохранялись черты хорошей патриархальности. Когда я позволяла себе в разговоре критически отзываться о ком-то, напоминал: он уже так много сделал, что может себе позволить ошибаться. Многих удивил неожиданный поступок по отношению к В. А. Ламину: когда того, переставшего быть директором института, попытались лишить вообще какого бы то ни было кабинета, оставившийся заместителем директора Элрет отдал ему свой. Саша не понимал, что же тут необычного, и

⁴ Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселениях 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003. С. 172, 173.

⁵ Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев... С. 52, 53.

⁶ Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев... С. 298, 301.

говорил: надо себя не уважать, чтобы допустить подобное отношение к человеку, который столько лет возглавлял наш институт.

Часто Саша вспоминал и рассказывал о Томском университете, однокурсниках, друзьях, педагогах, особенно о З. Я. Бояршиновой и Э. Л. Львовой — о них с благодарностью и уважением написано в воспоминаниях о Н. Н. Покровском.⁷ Элеонора Львовна была руководителем дипломной работы, а Зоя Яковлевна «приоткрыла» для него подлинного Г. Ф. Миллера — не того, каким он изображался в советской историографии, и рекомендовала ЭлERTA Н. Н. Покровскому. Саша всегда помнил о том, какую роль она сыграла в его жизни, не раз говорил об этом.

Порой вспоминал о детстве, с мальчишеским хвастовством говорил о детских драках, об интернатской закалке, после которой невозможно было трусить. В районном интернате, как писал сам Александр, пришлось учиться, потому что в селе была только восьмилетка.⁸

Терпеливо и с интересом выслушивал Саша и мои рассказы о родителях, студенчестве, работе в школе. Никогда не забуду его искреннее сочувствие и помощь при похоронах мамы. Тепло относился к моей сестре, старался порадовать и ее, и меня традиционной баночкой «элERTовских» фирменных огурчиков к Новому году или ко дню рождения.

Нередко мы говорили о коллегах по сектору и институту, и всегда главным при формировании мнения о конкретных лицах для Александра были научные заслуги и человеческая порядочность. Точнее, наоборот — человеческая порядочность и научные заслуги. Порой вспоминали ушедших, обсуждали, что можно сделать для сохранения памяти о них, особенно о Николае Николаевиче Покровском, к которому оба мы относились с благоговением, понимая его роль не только в науке, но и в жизни каждого из нас, наших коллег и сектора в целом. В великолепно написанных воспоминаниях ЭлERTA о Покровском ярко представлено его отношение к Учителю. Но и в разговорах о нем Саша подчеркивал широту научного кругозора, глубину мыслей Покровского, и утверждал, что нельзя сводить его вклад в науку к изучению старообрядчества (хотя и понимал, как велико значение этой темы и в творчестве ученого, и в жизни сектора), что этот вклад шире, значительнее и серьезнее.

Саша сразу поддержал проект публикации писем и воспоминаний Покровского, по возможности, уже больным, помогал с комментариями. Советовался он со мной и при подготовке книги, посвященной

⁷ ЭлERT А. Х. Волшебная бумага. С. 732, 734, 738.

⁸ ЭлERT А. Х. Волшебная бумага. С. 733.



Саша с сестрами Люсей и Фридой. Веселит всех Костя Сагалаев.
Новоникольск, 1979 г.

Андрею Сагалаеву, память о котором хранил. Всегда имел собственное мнение и оставался верен ему, так было и в этом случае — при обсуждении вопросов об отборе текстов, их комментировании, научно-справочном аппарате.

Конечно, регулярно, не раз и не десяток раз говорили мы об учениках — моих, Ирине Козловой (ныне Черновой) и Анастасии Старышкиной (ныне Кузьменко), и его — Илье Шипилове. Переживали и огорчались по поводу их неудач, неизбежных, особенно в начале пути, радовались успехам. В одном из последних разговоров на мой очередной вопрос о том, где посмотреть материалы для комментария по какому-то сюжету XVIII в., Саша с гордостью и удовлетворением сказал: «А ты спроси у Ильи. Он теперь лучше в этом разбирается».

Саша очень любил свою семью, гордился женой, дочерью и внуками, рассказывал об их успехах. Помню яркий, художественно исполненный рассказ о том, как семилетний внук заслонил собой мать и старшую сестру от показавшейся опасной и грозной большой собаки. Дед оценил этот поступок и завершил: «Настоящий Элерт». Нередко рассказывал о сестрах, с двумя из них — Люсей и Фридой — я была хорошо знакома. Вспоминал родителей и деда — ветерана Первой

мировой войны, выражал заботу и беспокойство о племяннике, Косте Сагалаеве, успехами которого гордился так же, как и Машинными и Лизинными.

Александра отличало замечательное чувство юмора. В сочетании с обширной эрудицией и великолепным знанием художественной литературы это приводило порой к постыдным для меня казусам. В разговоре он цитировал кого-либо из любимых — чаще всего Довлатова. Я, конечно, не узнавала (не отношусь к поклонницам этого писателя) и выслушивала снисходительное и насмешливое разъяснение. И сколько книг он прочитал! Как все помнил — сюжеты, героев, отдельные фразы и эпизоды! Перечитывая воспоминания Александра Элерта, я еще раз убедилась в том, что у него, кроме общепризнанного таланта исследователя, был и литературный дар.

Прошел почти год без Саши. С каждым днем все острее чувствую, как его не хватает — и как глубокого, широко образованного, эрудированного историка, выдающегося ученого, и как настоящего верно друга.

Д. А. РЕДИН

ПАМЯТИ А. Х. ЭЛЕРТА

Любопытно складываются дружеские связи в научном кругу. Знаком с иным человеком годами, а начнешь вспоминать — встречи-то редкие, потому что живет твой друг за тысячу-другую километров, и видишься с ним по преимуществу на конференциях или на диссертационных защитах (где же еще?), и то не каждый год. Ну переписываешься время от времени, ну перезваниваешься. Казалось бы, не очень-то прочные связывают нити. Но знаешь при этом: есть у меня в таком-то городе друг. Который не подведет. С которым встретишься через третий год на пятый, а как будто вчера расстались. Которого, если не станет, — как кусок души вырвет...

Саша Элерт вошел в мою жизнь, можно сказать, из легенды.

Почему сразу «Саша»? Потому что именно так именовал его старый друг по студенческим годам Толя Шашков, с неопикуемой теплотой, если не сказать — с восторгом и азартом рассказывавший и про ЭлERTA, и про годы учебы, и про Новосибирск, и про Академгородок. Для меня-то, понятно, Элерт тогда никаким «Сашей» еще не был, а «Александром Христиановичем» я его не называл — мы ведь не были знакомы, не общались, а про себя, мысленно, он был для меня просто Элерт.

Почему из легенды? А для нас, истфаковской молодежи Уральского госуниверситета 1980-х — 1990-х, по крайней мере тех, кто был связан с археографическими исследованиями, историей старообрядчества, русской культуры позднего средневековья — нового времени, вообще с историей России того периода, для юных «феодалов» (как тогда называли тех, кто занимался русской историей до XIX века), Новосибирск, круг Н. Н. Покровского, все, кто к нему относился, были живой легендой. Известно, какое большое влияние новосибирские историки и филологи оказали на развитие исторической русистики в Свердловске / Екатеринбурге — Александр Христианович, один из ближайших учеников и сотрудников Н. Н. Покровского, был, естественно, частью этой легенды. Как, кстати, и Толя Шашков — надежный связной между «материнской кафедрой» Новосибирска и ее уральским «диоцезом».

Первые наши встречи состоялись в начале 2000-х, едва ли раньше. Тогда на нашем истфаке, с 1991 г., активно работала научно-педагогическая лаборатория «Волот», организатором которой, ее душой и научным руководителем был А. Т. Шашков. Во многом следуя за его исследовательскими интересами, команда «Волота» занималась

различными проблемами истории Сибири, в соответствии со своим профилем, как сугубо научными, так и прикладными. Среди прочего по договорам с администрациями Ханты-Мансийского автономного округа, городов Сургута и Нягани, других городов мы занимались разработкой концепций музеев округа, комплектованием их постоянных экспозиций, организацией конференций на исторические темы. А где история Сибири, там, конечно и А. Х. Элерт — уникальный специалист по академическим исследованиям края в XVIII в., его этнографии, глубокий и тонкий знаток архивного наследия Великой Северной экспедиции и, в частности, Г. Ф. Миллера, чей ужасный почерк (готическая скоропись) мало кому удавалось разобрать. Самой грандиозной из этих конференций стал Международный Северный археологический конгресс в Ханты-Мансийске. Он прошел в сентябре 2002 г., и «Волот», представляя Уральский госуниверситет, был среди его организаторов. Последующие конгрессы (а традиция эта продолжается и поныне) стали гораздо более специализированные, археологические в максимально тесном смысле, а первый оказался очень широким по тематике, «археологическим» в старом, дореволюционном понимании, когда под археологией имелись в виду вообще любые «разыскания о древностях». Среди приглашенных и, надо сказать, почетных гостей этого собрания оказался и Александр Христианович, превратившись для меня из легенды в быль.

На «ты» мы перешли быстро, надо сказать, по инициативе демократичного Шашкова: «Мы же взрослые люди, чего церемониться». Саша не возражал, а я — тем более. Разница в 12 лет, когда тебе 36, а новому знакомому 48, критичной уже не выглядела, тем более, что Элерт сразу же располагал к себе. Крепко и ладно сложенный, с негромкой и сдержанной манерой речи и при этом с хитроватым или, скорее, ироничным взглядом, он оказался интересным собеседником и, одновременно, очень компанейским и доброжелательным человеком. Сдружились мы за дни конгресса по-настоящему, хотя Саша время от времени — тогда и позже — любил повторять: «Это я только кажусь белым и пушистым, но могу быть очень жестким». Так оно на поверку и оказалось: он умел, когда надо, очень твердо отстаивать позиции, если был убежден в их правоте, а всякого рода имитаторов и проходимцев от науки просто терпеть не мог. И еще в нем обнаружилось важное для нас качество, наверняка известное тем, кто знал его дольше и лучше: недюжинные организаторские способности и изобретательность в генерировании идей. Все это вскоре очень пригодилось, когда всем нам довелось реализовывать несколько крупных совместных мероприятий.



Международная конференция «Россия — Крым — Балканы: Диалог культур». Заседание секции по новой и новейшей истории в античном театре Херсонеса. Второй справа А. Х. Элерт, третий — А. Т. Шашков. Крым, Севастополь, национальный заповедник «Херсонес Таврический», сентябрь 2004 г.



Международная конференция «Россия — Крым — Балканы: Диалог культур». Заседание секции по новой и новейшей истории в античном театре Херсонеса. С докладом выступает В. И. Байдин. В первом ряду крайние справа А. Х. Элерт и А. Т. Шашков. Крым, Севастополь, национальный заповедник «Херсонес Таврический», сентябрь 2004 г.

Первое из них — международная конференция «Россия — Крым — Балканы: Диалог культур», организованное в сентябре 2004 г. Уральским госуниверситетом совместно с историко-архитектурным музеем-заповедником «Херсонес Таврический» (точнее, тогда он именовался национальным заповедником, находясь в ведении Минкульта Украины). А. Х. Элерт вошел в оргкомитет именно как специалист по истории академических экспедиций XVIII века, в том числе на территории Крымского полуострова и прилегающих областей. При его деятельном участии была организована секция «Россия, Крым, Балканы в новое и новейшее время». Для нас эта конференция стала незабываемой не только в силу своего масштаба и плотной научной повестки, но и из-за места проведения. Заседания проходили на территории древнего Херсонеса, наша секция работала под открытым небом, в античном театре. Никогда более, ни в России, ни за рубежом, мне не доводилось выступать с докладами и руководить дискуссией в более экзотических условиях. Для Саши эта поездка оказалась совершенно особенной: выяснилось, что он до этого никогда не бывал на море! Его восторгу не было предела, и было порой жутковато наблюдать, как он, в свободное время, самоотверженно нырял и плавал, невзирая на каменные глыбы, усеявшие совсем не пляжный берег западной части Карантинной бухты, у подножия юго-восточных крепостных стен Херсонеса или Северной базилики. Десять дней, проведенных в Севастополе и окрестностях (5 дней перед началом конференции, поскольку члены оргкомитета должны были осуществить множество подготовительных мероприятий, в том числе по обеспечению расселения участников, и 5 дней самой конференции), получились невероятно насыщенными по культурной программе. Экскурсии в Балаклаву, на руины генуэзской крепости Чембало, в пещерный Мангуп, по самому Севастополю в начале бархатного сезона создавали неповторимый фон и особенное настроение конференции.

Второе масштабное научное и культурно-просветительское событие, в котором наиболее полно проявились таланты ЭлERTA как ученого и организатора, состоялось ровно годом позже, когда при поддержке правительства Ханты-Мансийского автономного округа и непосредственно его первого губернатора А. В. Филипенко, состоялся Международный симпозиум под названием «Три столетия академических исследований Югры: От Миллера до Штейница». На 2005 год пришлось удивительное совпадение круглых дат, непосредственно связанных с историей академических исследований Сибири, и в частности, территорий, ныне входящих в Ханты-Мансийский автономный округ. Исполнялось 300 лет со дня рождения академи-



Д. А. Редин и А. Х. Элерт. По следам академика Миллера.
Обь, теплоход «Римский-Корсаков», сентябрь 2005 г.

ка Г. Ф. Миллера, 280 лет Первой Камчатской экспедиции и 265 лет путешествию Г. Ф. Миллера по территории Югры в составе Второй Камчатской экспедиции. Мимо такого события было трудно пройти. Вновь приглашенный в состав оргкомитета Международного симпозиума, Александр Христианович стал одним из главных разработчиков концепции этого мероприятия. Основной идеей симпозиума стала необычная форма его проведения. Вместо стандартной конференции была принята идея повторить маршрут академика Миллера по Северо-Западной Сибири: пройти водным путем вниз по Оби от Сургута до Березова, останавливаясь в приобских поселках, которые посещал Миллер (Октябрьское — бывш. Кондинское, Шеркалы, Малый Атлым, Карымкар), а оттуда вверх по Оби до Ханты-Мансийска, чья старейшая часть в XVIII в. представляла собой Самаровский ям. Арендованный для этого теплоход «Римский-Корсаков» вместил сотню участников: историков, этнографов, археологов, лингвистов, фольклористов, музейных работников крупнейших научных центров России, учебных и культурных учреждений округа, ученых из Германии и Нидерландов; перечень всех организаций, представленных на симпозиуме, занял бы страницу текста. Программные выступления прозвучали на двух пленарных заседаниях в Сургуте 8 сентября и в Ханты-Мансийске 14 сентября, а основная часть выступлений и дискуссии, презентации профильных изданий и тематические выставки развернулись на борту теплохода. По пути следования в местах остановок участники симпозиума знакомились с памятниками историко-культурного наследия округа, встречались с представителями администраций и общественности, читали научно-популярные



Защита докторской диссертации Д. А. Редина.
Выступление официального оппонента А. Х. Элрета. Екатеринбург, 15 мая 2007 г.

лекции учащимся и всем желающим. Разумеется, в эти дни Саша был везде и нарасхват. Обеспечив участие в составе симпозиума видных зарубежных специалистов по проблеме, он сам настолько неутомимо работал как докладчик и лектор, выдал такое количество информации по истории и этнографии края, истории его научного изучения, что в нашем кругу сложилось понятие: Элерт — Миллер наших дней, «реинкарнация академика». И это шутивное утверждение отражало сам дух симпозиума: фундаментальность содержания его программы и непринужденность, легкость формы общения, отсутствие той «звериной серьезности» (по определению Н. В. Тимофеева-Ресовского), которая часто маскирует псевдонаучность, а самой науке лишь вредит. И в полной мере такой дух был присущ А. Х. Элрту, во многом задававшему тон и настроение этому действу.

Большую помощь, поддержку и честь оказал мне А. Х. Элерт, выступив в мае 2007 г. официальным оппонентом на защите моей докторской диссертации. Уже после формальной части этой церемонии, с глаза на глаз, он отметил, что помимо тех достоинств работы, которые были озвучены в отзыве, для него оказалось ценным то, что я неукоснительно, даже в мелочах делал ссылки на цитируемых авторов. Для меня-то это было само собой, бесспорный рабочий момент, к которому меня приучили со студенчества, но Саша пояснил, что для него это важный показатель научной этики. Тогда-то я еще раз услы-



После защиты Д. А. Редина. С официальными оппонентами А. Х. Элбертом (Новосибирск), А. И. Комиссаренко (Москва), Ю. Н. Смирновым (Самара). Екатеринбург, 15 мая 2007 г.

шал про «белого и пушистого», которым он является только на первый взгляд: была бы работа слабая и бесчестная, то, — заметил он, — никакая дружба не заставила бы его согласиться на оппонирование.

В те годы, во всяком случае, еще до конца первого десятилетия 2000-х, может, несколько позже, Саша еще не раз бывал в Екатеринбурге. Но исподволь подкрадывались болезни. Стало тяжело и не безопасно летать самолетами, да и просто совершать дальние поездки. Разумеется, сила духа и оптимизм никогда его не покидали, во всяком случае, на публике он это не показывал; помимо большой научной работы, редактирования, нес тяжелую административную нагрузку и как заместитель директора Института истории СО РАН (2008–2016), и как руководитель сектора археографии и источниковедения (2013–2021). Последний раз мы виделись с ним в декабре 2018 г., когда я прилетал в Академгородок на оппонирование докторской диссертации А. В. Дмитриева. Саша держался крепко, хотя видно было, что здоровье уже далеко не то, что было, когда он штурмовал каменистые крымские тропы на пути к Мангуп-кале. На послезащитном банкете, когда я осторожно спросил его, не налить ли ему вина, он, со своей ироничной усмешкой ответил: «Обижаешь? Какое вино? Налей коньяк, это я приехать к вам не могу, а выпить-то еще способен!»

После мы уже только созванивались. В 2021 г. стартовал очередной крупный проект: Институт российской истории РАН по заданию правительства Ханты-Мансийского автономного округа начал работу над 8-томным изданием академической «Истории Югры». Мне предложили стать редактором 4-го тома, посвященного истории края в XVIII — первой трети XIX в. Предстояло разработать структуру тома, подобрать авторский коллектив. Не было ни малейших сомнений в том, что автором главы по истории научного изучения региона в указанный период должен быть только Элерт. Он охотно согласился, представил аннотацию и краткий историографический очерк. В дальнейшем, уже на следующий год, я узнал от Саши, что он ушел на пенсию и весьма этому рад. Рад избавиться от массы ненужной работы, от конвейерной рутины написания подотчетных статей в «высокорейтинговые журналы», что отнимало много времени и сил на всю эту мелочевку, не имеющую большого научного смысла. Рассказал, что собирается написать 3-томную историю Западной Сибири и встречно рассчитывает на некоторое мое участие в этом замысле. Часто очень тепло вспоминал екатеринбургские встречи: «Нигде я не чувствовал себя так уютно — как дома — кроме как приезжая к вам». Но вместе с тем, мимоходом, без трагических поз и надрыва, буднично, он досадовал, что со здоровьем совсем худо, что распухают ноги и трудно даже выйти из квартиры...

Мы еще много раз созванивались, обсуждая наш «югорский том». Извиняясь, что дело идет не очень быстро, Саша рассказывал о тех или иных фрагментах, которые в данный момент находятся у него в разработке. Так продолжалось до тех пор, пока в один совсем не прекрасный день на мой звонок ответил не Саша, а его супруга. Я понял все без объяснений...

Можно себе представить, как уходил этот замечательный, настроенный на жизнь и настоящую работу, не щадивший себя ради общего дела человек. По-настоящему это могут знать только самые близкие, те, кто находился рядом ежедневно и ежечасно. Что переживали те, кто был в эти месяцы и дни рядом с ним. Эти проклятые капельницы и катетеры, отвратительный и неистребимый запах бесполезных лекарств, постепенно выходящие из повиновения вещи (как в одном из рассказов Юрия Олеши). Но когда думаешь обо всем этом, на ум приходит другое:

Не больничным от вас ухожу я, друзья, коридором,
Ухожу я, товарищи, сказочным Млечным путем...

Мне, по крайней мере, такой мотив приходит на ум. По-моему, Саше была свойственна именно такая последняя дорога.

И. А. Шипилов

Историк историка видит издалека*

Важнейшей вехой в жизни каждого человека является период самоопределения, выбора профессии, иногда многократного. Я свой выбор сделал еще во время школьного обучения. В нем я только утвердился, получая образование на историческом факультете (сейчас – ИИГСО) Новосибирского государственного педагогического университета. Однако идея связать свою жизнь с исторической наукой длительное время витала в моем внутреннем мире и не была озвучена родным и близким, которые догадывались о моем увлечении, видя, как растет моя домашняя библиотека. Наконец, во время итоговой педагогической практики, результатом которой стали самые приятные впечатления, прекрасные воспоминания и приглашение на работу учителем, я озвучил свою мечту. Я был услышан руководителем моих дипломной работы и педпрактики, первоклассным исследователем и просто замечательным Человеком Зинаидой Петровной Горьковской. Она рассказала мне, что доктору исторических наук Александру Христиановичу Элрту, работающему в Институте истории СО РАН, нужен аспирант. Зинаида Петровна рекомендовала мне не упустить этот шанс и сообщила номер телефона Александра Христиановича. Я в тот же день позвонил. Это было судьбоносное действие, Божественное провидение.

По итогам нашего телефонного разговора, во время которого я рассказал о своем желании стать историком, научных интересах, связанных с Петровской эпохой (отчасти они сохраняются и сейчас), Александр Христианович пригласил меня к себе в гости для дальнейшей беседы. Побывав дома у своего будущего научного руководителя, я был под сильнейшим впечатлением от разговора с настоящим историком, интеллектуалом, рассказавшем мне о своих исследованиях, Г. Ф. Миллере, Второй Камчатской экспедиции. Я, как библиофил, был поражен книжным собранием Александра Христиановича, как количеством экземпляров, так и их редкостью. Он дал понять, что экспедиции в ближайшее время станут моим проблемным полем. При расставании Александр Христианович сказал, что окончательное решение он примет позже и сообщит о нем мне по телефону.

После нашей встречи я свой жизненный путь выбрал. Однако Александр Христианович долго не звонил. Я верил, что наша встре-

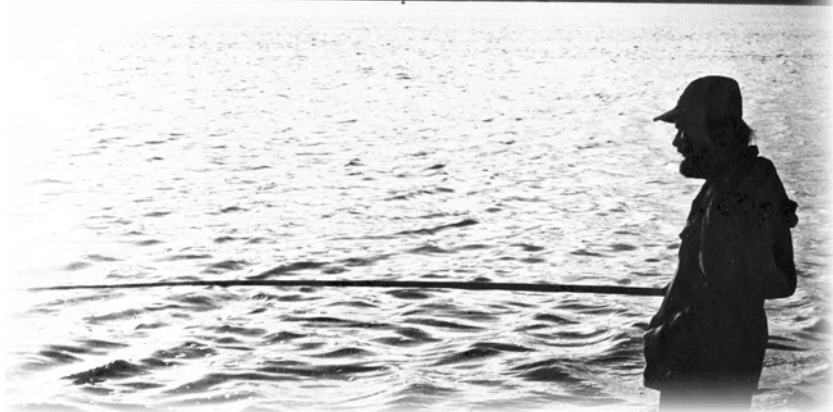
* Выполнено в рамках госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: Актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005).

ча была не случайна, терпеливо ждал, отказываясь от поступавших предложений по трудоустройству. Замечу, что вера — главное связующее звено между нами. Наконец прозвучал долгожданный звонок. Это был Александр Христианович, который сказал, что среди многочисленных кандидатов он выбрал меня. Также мой научный руководитель предложил, после сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру, совмещать учебу и подготовку диссертационного исследования с работой в секторе археографии и источниковедения ИИ СО РАН (далее — сектор), который возглавлял академик Николай Николаевич Покровский, а он являлся главным научным сотрудником. Еще одно Божественное провидение.

Я с радостью приступил к работе в секторе, сотрудники которого впоследствии стали для меня поистине родными. Невозможно описать словами бесконечную благодарность Александру Христиановичу за знакомство с этим прекрасным коллективом, настоящей научной школой с выдающимися самобытными исследователями во главе с академиком Н. Н. Покровским.

Вхождение в любой социум непросто, иногда индивид навсегда остается инородным телом в социальном организме. Мне в этом плане повезло, я стал неразрывной частью научного коллектива сектора, найдя общий язык с абсолютным большинством сотрудников. Труднее в этом плане было с Александром Христиановичем. Мы быстро, уже при первом знакомстве, распознали друг в друге историков — я увидел выдающегося миллероведа, на которого стал равняться в будущей научной практике и делаю это сейчас, он заметил во мне перспективы, неизменно верил, что эти «всходы» дадут «плоды». Мы с моего появления в секторе имели хорошие деловые (рабочие) отношения. При этом нам, двум интровертам, людям «в себе», «однаково заряженным частицам» Вселенной, которые по определению отталкиваются, было сложно вывести взаимоотношения на новый уровень. Этому поспособствовало не только совместное разрешение вопросов из истории изучения научного наследия сибирских академических экспедиций XVIII в., вспомогательным персоналом которых я по предложению А. Х. Элерта и Н. Н. Покровского стал заниматься, но в большей степени — общее увлечение рыбной ловлей. Мы, по описанным выше причинам, не сразу узнали о параллелях в хобби, которые однажды пересеклись.

Народная мудрость гласит: «Рыбак рыбака видит издалека». В этот фразеологический оборот, перифраз которого вынесен в заголовок данного текста, обычно вкладывают смысл, что люди с одними или близкими взглядами на жизнь, интересами, увлечениями, хобби, познакомившись, легко поймут друг друга, обязательно сформиру-



Нешуточные щучьи страсти на Никишкином чворе.
Новоникольск, начало 1980-х гг.

ют единый круг общения. Взаимоотношения между такими людьми становятся или стремятся к дружеским. Так произошло и с нашими с Александром Христиановичем взаимоотношениями. Когда я принес для угощения сотрудников сектора самолично выловленную и свежепосоленную нельму, то увидел искреннюю радость за меня Александра Христиановича. После того как я продемонстрировал фото с увесистым трофеем, Александр Христианович рассказал об огромных осетрах, муксунах, щуках и других рыбах, которых ловил или видел пойманными на Оби у себя на родине в Томской области. В дальнейшем наши беседы на эту тему пополнялись новыми сюжетами. Часть из них в 2019 г. опубликована Константином Андреевичем Сагалаевым, племянником Александра Христиановича, в сборнике «Зеркала культур: Памяти А. М. Сагалаева». Я обязан и очень благодарен своему научному руководителю знакомством с Костей Сагалаевым, с которым мы также друг друга «видим издалека».

Общее хобби стало объединяющим фактором в наших взаимоотношениях с Александром Христиановичем, которые с каждым годом становились все ближе к дружеским. Александр Христианович, по его словам, был счастлив, когда я защитил диссертацию. Наша совместная радость видна на общих фотографиях после этого долгожданного события.



А. Х. Элерт и И. А. Шипилов. 13 сентября 2021 г.

Мой научный руководитель разделил со мной радость, узнав, что моя монография будет опубликована и что я начал осваивать новый вид рыбной ловли с использованием моторной лодки. Наши последние беседы были в равной степени о моих и академических экспедициях.

Уход из жизни Александра Христиановича Элерта стал личной утратой для меня и моих родителей, которые познакомились с ним на защите. Я потерял Учителя, Наставника и Близкого Человека.

Сейчас, осознавая свою принадлежность к научной школе Александра Христиановича Элерта, я чувствую большие гордость и ответственность, которая обязывает меня в своих исследованиях стремиться к высочайшему научному уровню, заданному моим научным руководителем. Я буду стараться!

И. В. СИЛАНТЬЕВ

ОБЛАСОК

Александр Элерт родился и вырос в приобском селе Новоникольское Томской области, и образы детства, как у каждого из нас, прошли сквозь всю его жизнь. Об одном таком образе он вспоминал, рассказывал мне. Это про обласок, остяцкую узкую лодку-долбленку, управляемую одним веслом. Неопытному даже залезть в такую лодку непросто, а справиться с ней, чтобы шла она по воде ровно и подчинялась воле человека, под силу только тому, кто с юношества постигал этот навык. Александр увлеченно рассказывал и чувствовалось, что он гордится за паренька из сибирской деревни, подчинившего капризный обласок, за того паренька, который глядел на меня сквозь глаза зрелого ученого-историка чистым и честным взглядом.

В этом образе, как в капле воды, отразилась и стала мне понятна личность Александра ЭлERTA: это был человек кристальной честности и внутренней чистоты, а еще человек, предельно глубоко знающий свое дело, до совершенства. Обласок должен идти ровно.

Мы подружались в 2012 году во время совместной поездки на конференцию в Улан-Удэ. Это был юбилей Института монголоведе-



На берегу Лены. Международная научная конференция «Россия и Германия: Историко-культурные контакты. К 300-летию первого историка Сибири Г. Ф. Миллера». Якутск, 23–24 августа 2005 г.

ния, буддологии и тибетологии СО РАН, заседания шли в городе, а потом на Байкале. За городом все свободное время я проводил на берегу, вышагивая километры в поисках интересных фотосюжетов. Потом подарил Александру фотографию с байкальским видом. Это запало ему в душу, и он не раз принародно вспоминал мои хождения и подчеркивал, сколько труда нужно вложить, казалось бы, в простую вещь — фотоснимок природы. Я теперь понимаю, что в этом незначительном эпизоде он увидел себя, обозначил свою личную позицию — все делать честно и доводить до предела, до совершенства.

Однажды он спросил, нельзя ли подать статью в один из наших филологических журналов. «Конечно!» — немедленно ответил я, зная его подлинное отношение ко всему, а тем более к научному делу. Эта статья просто не могла быть какой-то неподходящей. Прошел месяц, другой и третий, а Элерт статью все не присылал. А на мой вопрос вдруг стал категорически отказываться, мол, изучил номера журнала и понял, что все-таки со своей тематикой он не вписывается, статья не отвечает профилю и т. д. Сколько я не убеждал его в обратном — нет и нет. Он не любил случайных движений. Обласок должен слушаться движения весла. Александр и своей жизнью управлял как обласком.



В низкой и плоской пойме левой стороны Оби течение незаметное и долгое, как сама жизнь. По краям промоин поросли осоки. Глухой стук. Это обласок уткнулся в берег.

НАШИ АВТОРЫ

ДЕНИС АНАТОЛЬЕВИЧ АНАНЬЕВ, доктор исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории второй половины XVI — начала XX в. Института истории СО РАН, г. Новосибирск

АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ АНИКИН, академик РАН, доктор филологических наук, заведующий сектором русского языка в Сибири Института филологии СО РАН, г. Новосибирск

СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БЕЛОБОРОДОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археографических исследований, доцент кафедры этнологии, археологии и специальных исторических дисциплин Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, г. Екатеринбург

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ БОЙКО, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории архитектуры Томского государственного архитектурно-строительного университета, г. Томск

ЛАРИСА ДМИТРИЕВНА БОНДАРЬ, кандидат исторических наук, заместитель директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Санкт-Петербург

АЛИСА ЮЛЬЕВНА БОРИСЕНКО, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

АЛЕКСАНДР АНАНЬЕВИЧ БРОДНИКОВ, доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ГУРЬЯНОВА, доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора археологии и источниковедения Института истории СО РАН, профессор кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск

ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ ДАМЕШЕК, доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра отечественной истории Байкальского государственного университета, г. Иркутск

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДМИТРИЕВ, доктор исторических наук, доцент, и. о. зав. кафедрой отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск

- Дмитрий Владимирович ДОЛГУШИН, протоиерей, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора археологии и источниковедения Института истории СО РАН, доцент кафедры истории и теории литературы и кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск
- Ольга Дмитриевна ЖУРАВЕЛЬ, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории журналистики Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск
- Василий Павлович ЗИНОВЬЕВ, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета, г. Томск
- Андрей Сергеевич ЗУЕВ, доктор исторических наук, директор Гуманитарного института и профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск
- Татьяна Генриховна КАЗАНЦЕВА, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, доцент кафедры истории музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки, г. Новосибирск
- Иван Павлович КАМЕНЕЦКИЙ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории второй половины XVI — начала XX в. Института истории СО РАН, г. Новосибирск
- Маргарита Николаевна КЛИМОВА, кандидат филологических наук, сотрудник Научной библиотеки Томского государственного университета, г. Томск
- Татьяна Ивановна КОВАЛЕВА, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН, г. Новосибирск
- Евгения Владиславовна КОМЛЕВА, доктор исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории второй половины XVI — начала XX в. Института истории СО РАН, г. Новосибирск
- Любовь Александровна КУРЫШЕВА, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН, г. Новосибирск

- НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА МАТХАНОВА, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, г. Новосибирск
- Вячеслав Иванович МОЛОДИН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, советник директора и заведующий отделом археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск
- Ольга Владимировна НОВОХАТКО, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН, Москва
- Татьяна Анатольевна ОПАРИНА, кандидат исторических наук, профессор, декан факультета искусствознания Российской Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва
- ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА ПАНИЧ, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, г. Новосибирск
- Станислав Геннадьевич ПЕТРОВ, кандидат исторических наук, заведующий сектором археографии и источниковедения Института истории СО РАН, г. Новосибирск
- Ирина Викторовна ПОЧИНСКАЯ, доктор исторических наук, заведующая Лабораторией археографических исследований, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета, г. Екатеринбург
- Дмитрий Алексеевич РЕДИН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра социальной истории Института истории и археологии УрО РАН, заведующий Лабораторией эдиционной археографии, профессор кафедры истории России исторического факультета Уральского федерального университета, г. Екатеринбург
- Вадим Маркович РЫНКОВ, доктор исторических наук, директор Института истории СО РАН, г. Новосибирск
- Константин Андреевич САГАЛАЕВ, младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, г. Новосибирск
- Фрида Христиановна САГАЛАЕВА, редактор издательства СО РАН

Игорь Витальевич СИЛАНТЬЕВ, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор и заведующий сектором литературоведения Института филологии СО РАН, член Союза писателей России, г. Новосибирск

Николай Алексеевич СТАРУХИН, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Любовь Васильевна ТИТОВА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Ирина Владимировна ТУНКИНА, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Санкт-Петербург

Доктор Виланд ХИНТЦШЕ (WIELAND HINTZSCHE), руководитель международного научного проекта по изданию источников по истории Сибири и Аляски, ответственный редактор научной издательской серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» («Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven»), г. Галле, Германия

Илья Александрович ШИПИЛОВ, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Елена Михайловна ЮХИМЕНКО, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея, Москва

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи (Москва)
- АЕ — Археографический ежегодник
- АН — Академия наук
- АССР — Автономная советская социалистическая республика
- БАН — Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург)
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
- ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия (Улан-Удэ)
- ГАЗК — Государственный архив Забайкальского края (Чита)
- ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)
- ГАТО — Государственный архив Тюменской области
- ГАТОмО — Государственный архив Томской области
- ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)
- ГМЗ — Государственный музей-заповедник
- ГПНТБ СО РАН — Государственная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск)
- ГПУ — Государственное политическое управление
- ДВ — Дальний Восток
- ЖЗЛ — Жизнь замечательных людей
- ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск)
- ИИ СО РАН — Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск)
- ИИГСО — Институт истории, гуманитарного и социального образования
- ИИФиФ — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (Новосибирск)

КПСС	— Коммунистическая партия Советского Союза
ЛАИ УрФУ	— Лаборатория археографических исследований Уральского федерального университета
МГУ	— Московский государственный университет
НА РГО	— Научный архив Русского географического общества (Санкт-Петербург)
НБ ТГУ	— Научная библиотека Томского государственного университета
НГУ	— Новосибирский государственный университет
НИА СПбИИ	— Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН
НИР	— научно-исследовательская работа
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел СССР
ОдиБ МАМЮ	— Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции
ОГПУ	— Объединенное государственное политическое управление
ОИФН РАН	— Отделение историко-филологических наук Российской Академии наук
ОР	— Отдел рукописей
ОРКП	— Отдел рукописей и книжных памятников
ПСЗРИ	— Полное собрание законов Российской империи с 1649 года
ПСТГУ	— Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)
РАН	— Российская Академия наук
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург)
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва)
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА	— Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РГО	— Русское географическое общество

РКП(б)	– Российская коммунистическая партия (больше- виков)
РНБ	– Российская национальная библиотека (Санкт- Петербург)
РНФ	– Российский научный фонд
РПЦ	– Русская Православная Церковь
РФ	– Российская Федерация
СО АН	– Сибирское отделение Академии наук
СО РАН	– Сибирское отделение Российской Академии наук
СПБИН РАН	– Санкт-Петербургский Институт истории Россий- ской Академии наук
СПбФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива Россий- ской Академии наук
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ТГУ	– Томский государственный университет
ТОДРЛ	– Труды Отдела древнерусской литературы
ТФ ГАТО	– Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
УрГУ	– Уральский государственный университет
УрО РАН	– Уральское отделение Российской Академии наук
УрФУ	– Уральский федеральный университет
ЦА ФСБ	– Центральный архив Федеральной службы безо- пасности России (Москва)
ЦГА Москвы	– Центральный государственный архив города Мо- сквы
ЦГАДА	– Центральный государственный архив древних актов; с 1992 г. Российский государственный ар- хив древних актов (Москва)
ЦК РКП(б)	– Центральный комитет Российской коммунисти- ческой партии (большевики)
DRB	– Deutsch-Russische Begegnungen

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
Александр Христианович Элерт 1954–2022.....	7
Список опубликованных работ Александра Христиановича Элерта	15

Статьи

<i>В. И. Молодин, А. Ю. Борисенко</i> Изучение научного наследия академика Г. Ф. Миллера в трудах А. Х. Элерта	30
<i>И. В. Тункина, Л. Д. Бондарь</i> Издательская серия «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» («Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven»): А. Х. Элерт как участник российско-немецкого научного проекта	41
<i>В. Хинтище</i> Встреча Даниэля Готлиба Мессершмидта с Хеленой Бёклер, его будущей супругой, и ее отцом Георгом Вильгельмом Бёклером	56
<i>А. Е. Аникин</i> Комментарии к двум пунктам этнографической программы Г. Ф. Миллера	65
<i>Н. С. Гурьянова</i> Описи копийных книг сибирских архивов, составленные под руководством Г. Ф. Миллера, как источник по истории России	76
<hr/>	
<i>О. В. Новохатко</i> К вопросу о челобитных и частной корреспонденции крестьян в России XVII в.	87
<i>Т. А. Опарина</i> «Греченин» Панфил Юрьев в Иноземском и Разрядном приказах	97

<i>А. А. Бродников</i>	Выборный судья Иркутска Иван Перфирьев: Проблемы управления городом и уездом в конце XVII в.	104
<i>И. П. Каменецкий</i>	«Государевы службы» воеводы Ивана Власова в Восточной Сибири в 1680-е гг.	113
<i>Л. А. Курьшева</i>	Русская кухня в отзывах иностранцев 1670–1720-х гг.	126
<i>А. В. Дмитриев</i>	Послужные списки офицеров сибирских армейских частей как источники для исследования проблем социальной истории XVIII века	136
<i>Л. М. Дамешек</i>	О периодизации этапов инкорпорации сибирских инородцев в административную систему империи XVIII — начала XX в.	145
<i>Е. М. Юхименко</i>	Древнейший памятник хантыйской письменности: Перевод Евангелия от Матфея 1819 г.	161
<i>Д. А. Ананьев</i>	Социокультурные процессы в дореволюционной Сибири в освещении современной немецкой историографии	176
<i>В. П. Зиновьев</i>	Межэтническое разделение труда в Амурской области по данным переписи 1897 г.	185
<i>М. Н. Климова</i>	К истории сюжета о Разине и княжне	195
<i>С. Г. Петров</i>	К истории создания воззвания Бийского епископа Томской епархии о помощи голодающим в 1922 году	206
<i>В. М. Рынков</i>	Опубликованные материалы о научных экспедициях на востоке России в период Гражданской войны: Проблемы выявления и анализа (1918–1922 гг.)	214

Обзоры

Т. Г. Казанцева

Хранитель традиций богослужебного пения
урало-сибирских старообрядцев Г. Ф. Рукавицын:
По материалам полевых дневников и аудиозаписей
из фондов Института истории СО РАН 227

И. В. Починская

Территориальные книжные коллекции государственных
книгохранилищ как комплексный источник
по региональной истории старообрядчества
(на примере Кировского собрания ЛАИ УрФУ) 247

Статьи-публикации

Т. В. Панич

Сочинения Евфимия Чудовского на тему перевода:
«О еже песни ткати» и «О тропаре, поемом
на святую Пасху» 255

А. С. Зувев

Обзор источников к биографии Гантимура 272

Т. И. Ковалева

«Сказание о явлении и чудесах Абалацкой иконы
Богородицы»: Ранний томский список
(текст и комментарии) 291

О. Д. Журавель

О мастерстве ораторского слова в первой трети XVIII в.:
Старообрядческое «Слово к новожену»
(текст и комментарии) 310

Д. В. Долгушин

«Не удивляйтесь, Ваше Высочество,
что я обременяю Вас такими длинными письмами...»:
Письма П. А. Плетнева наследнику престола
Статья вторая 320

Е. В. Комлева

«Да поможет Вам Господь подвизаться на поприще
коммерции и гражданственности»:
Письма первого епископа Енисейского и Красноярского
Никодима (Казанцева) купцу М. К. Сидорову
(1860 — начало 1870-х годов) 358

С. А. Белобородов
Малоизвестный источник по истории екатеринбургских старообрядцев белокриницкой иерархии
1860-х – начала 1880-х гг. 370

Н. А. Старухин
Письмо А. Х. Элерта З. Я. Бояршиновой
в Государственном архиве Томской области 382

Воспоминания

Ф. Х. Сагалаева
Фамилия 390

В. П. Бойко
Вспоминая однокурсника и друга А. Х. Элерта... 403

В. П. Зиновьев
Об Александре Элerte..... 408

К. А. Сагалаев
Кедровые уроки, или Воспоминания о неушедшем 410

Н. П. Матханова
Разговоры с Александром Элертом о важном,
текущем и прочем 417

Д. А. Редин
Памяти А. Х. Элерта 424

И. А. Шпилов
Историк историка видит издалека 432

И. В. Силантьев
Обласок 437

Наши авторы 439

Список сокращений 443

Научное издание

Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв.

Александр Христиановичу Элерту посвящается

Сборник научных трудов

Редактор *В.А. Ромодановская*

Подписано в печать 04.10.2023.

Формат 60×90/16. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 30,5. Усл. п. л. 28,25. Тираж 300 экз.

Институт истории СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Отпечатано в типографии «Апостроф»
630083, Новосибирск, ул. Большевикская, 177